

ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ: ДОХРИСТИАНСКОЙ И ХРИСТИАНСКОЙ

АНТИЧНАЯ ГРЕЦИЯ

*Протоиерей
Владислав Цыпин*

Протоиерей
Владислав Цыпин

ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ:
ДОХРИСТИАНСКОЙ
И ХРИСТИАНСКОЙ

*Протоиерей
Владислав Цыпин*

ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ: ДОХРИСТИАНСКОЙ И ХРИСТИАНСКОЙ

Издательство
Сретенского монастыря
Москва, 2011

*Протоиерей
Владислав Цыпин*

АНТИЧНАЯ ГРЕЦИЯ

Том II

Издательство
Сретенского монастыря
Москва, 2011

УДК 271.22(470+571)(091)

ББК 86.372г

Ц96

Протоиерей Владислав Цыпин

Ц96

История Европы: дохристианской и христианской: В 16 т. Т. 2.
Античная Греция / — М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2011. —
424 с.

ISBN 978-5-7533-0582-4 (т. 2)

ISBN 978-5-7533-0580-0

УДК 271.22(470+571)(091)

ББК 86.372г

ISBN 978-5-7533-0582-4 (т. 2)

ISBN 978-5-7533-0580-0

© Сретенский монастырь, 2011

Глава 1. Эпоха архаики

1. Культурное возрождение

Знаменитый Д. Грот началом достоверной истории Греции считал 776 г. до Р.Х., когда состоялись Олимпийские игры, ставшие исходной точкой летосчисления самих эллинов. Олимпиады происходили и раньше, но только от игр 776 г. остался список победителей. С известной долей условности эту дату можно принять как действительно значимую точку хронологического отсчета, но не с тем чтобы, вслед за Гротом, предшествовавшие этой Олимпиаде события, как совершенно легендарные, выводить за рамки доступного исследованию, а как начало нового этапа в истории греческого народа, как начало собственно античной цивилизации. Первую фазу истории этой цивилизации принято называть архаическим периодом; он продолжался три столетия: от начала VIII века до греко-персидской войны, победоносное завершение которой открывает эпоху классики.

В предшествовавший архаике IX век до Р.Х. возобновились торговые контакты между Элладой и Ближним Востоком. Маршруты этих контактов проходили через Кипр, Родос, Крит и острова Архипелага. Морские торговые пути были одновременно и проводниками культурного влияния Леванта на эллинский мир.

Самым грандиозным результатом этого влияния явилось возрождение письменности у греков. Происхождение этой новой письменности хорошо известно — она возникла из заимствования и трансформации финикийского алфавита, к которому были добавлены буквы для обозначения гласных звуков, а также х, ф, кс и пс. В середине IX столетия финикийский алфавит использовали на Крите, затем его заимствовали в других

странах эллинского мира. Во второй половине VIII столетия букву *хи* стали использовать в Аттике, потом были изобретены и другие дополнительные символы, которых не знал финикийский алфавит. В конце VIII века до Р.Х. появилось сразу несколько вариантов греческого письма в разных городах, каждый из них со своими знаками для передачи гласных и тех согласных, для которых не существовало финикийских эквивалентов. Унификация письменности продолжалась в течение нескольких столетий. Первоначально греки писали, как и финикийцы, справа налево, существовал и разнонаправленный способ письма, когда, завершив строку, следующую вели в обратном направлении — так экономились усилия, требующиеся для переноса пишущей руки на место начала новой строки. В конце концов сложилась классическая греческая письменность с ее 24 буквами и с письмом слева направо. Названия греческих букв восходят к финикийским словам, которые обозначали определенные понятия: альфа из финикийского алефа, что значит скот, бета — от бет — дом, гамма из гимеля, верблюда, и дельта от финикийского далета — двери. Свой окончательный вид это письмо впервые приобрело у ионийцев, в Афинах оно было официально принято в 403 г. до Р.Х., при архонте Эвклиде.

Большое влияние на развитие греческого искусства оказал ввоз восточных изделий из керамики, слоновой кости, импорт роскошных сирийских гобеленов. Подражая заморским мастерам, греческие горшечники стали расписывать керамические вазы в восточном стиле — на место линейного орнамента пришли многокрасочные изображения, из этого подражательного ремесла затем сложилась двухцветная краснофигурная или чернофигурная вазопись архаической эпохи. Искусство архаики процветало в дорических городах Крита и Пелопоннеса, распространившись оттуда в ионические полисы и в Аттику, но ионийцам принадлежало бесспорное первенство в поэтическом искусстве. С побережья Малой Азии до жителей Эгейских островов и до европейской Эллады донеслись звуки гомеровских поэм, которые напоминали эллинам о великих деяниях их отдаленных предков — ахейцев и о блистательной роскоши их быта, о великолепии погибшей культуры микенского мира, разрушенного дорийцами.

2. Великая колонизация

Архаика была эпохой колонизации — расселения греков по обширному пространству Средиземноморья, которое в последующие века воспринималось эллинами как вселенная, эйкумена, не потому, что они ничего не знали о странах и народах за ее пределами, а потому, что в их не чуждом высокомерия национальном самосознании этот запредельный мир не был культурно полноценным, являлся варварским в современном значении этого слова, которое переосмыслено было самими греками архаического периода, перестав обозначать всего лишь иноязычие. Первоначально эллины называли варварами иноязычных людей по той же причине, по какой славяне называли немцами, что значит немыми, германцев. «Вар-вар», вероятно, должно было имитировать воронье карканье, которому эллины уподобляли непонятную речь иноплеменников.

Главной причиной колонизации был демографический взрыв, который происходил в IX и VIII столетиях до Р.Х., когда численность населения Эллады вначале восстановила уровень, достигнутый в канун завоевания, а потом и превзошла его, составив не менее 4 миллионов; во всяком случае, по приблизительным подсчетам, в заморские колонии переселилось до 2 миллионов выходцев из европейской Эллады, с островов Архипелага и с Ионического побережья. Перенаселенность была особенно острой ввиду маломерности земельных участков, годных для пахоты. Авантюрный склад национального характера, память о былых переселениях, войны между полисами, политическая борьба внутри них, завершавшаяся поражением целых партий, внутрисемейные распри, обделенность младших сыновей наследством поставляли внушительный контингент добровольных или вынужденных эмигрантов. При колонизации преследовались также торговые цели. Так, колонии на южном побережье Черного моря устраивались в местах, близких к добыче руды, нужной металлургическому производству, колонии в северном Причерноморье обогащались хлебной торговлей. Часто выбирались для поселения места, где удобно было взимать торговые пошлины за транзит товаров. В иных случаях, выбирая место для колонии, не пренебрегали и возможностью пиратского промысла — выходцы из Мегар выбирали для поселения на Сицилии места, откуда можно было врасплох нападать на мореходов и затем надежно укрываться в прибрежных бухтах.

В ходе колонизации греки смогли расселиться по берегам Средиземного моря, там, где туземные народы уступали им в культурном отношении и были слабее в военном отношении; им, однако, не удалось овладеть ни сирийским, ни египетским побережьем, где они только сумели открыть своего рода торговые фактории под суверенной властью местных властителей — Навкратос в дельте Нила или Посейдион рядом с устьем левантйского Оронта.

Военным превосходством над варварами эллины обязаны были не только своему мужеству, вынесенному из эпохи дорийского завоевания, но и унаследованной отчасти у покоренных и ассимилированных ахейцев прекрасной амуниции: тяжелооруженные воины — гоплиты (от гоплон — щит) носили круглый щит, который прикреплялся металлической полосой к правому предплечью, шлем, латы и наголенники из бронзы, отчего в Египте, где их нанимали на воинскую службу, гоплитов называли бронзовыми людьми, мечи и копья длиной около двух метров с железными наконечниками. Легкая пехота искусно употребляла в сражении железные мечи, луки и пращи. Важным фактором превосходства греков над туземцами были их воинский строй, основу которого составляли слаженно действовавшие в бою глубоко эшелонированные шеренги, жесткая дисциплина, использование искусных тактических приемов и длительное профессиональное обучение воинов, чем особенно знамениты были спартанцы. Элитным родом войск являлась тяжелооруженная конница — кавалерия, но не боевые колесницы, которые по миновению микенской эпохи и героического века дорийского завоевания удалились с батального поприща на стадионы.

Могучим средством эллинской колонизации стал мощный военный флот. Торговые суда мало изменились в сравнении с микенской эпохой — это были устойчивые корабли, которые ходили и под парусами и движимые веслами гребцов, изящно изогнутые, с высоким носом и глубокой осадкой, но военный корабль был значительно усовершенствован. Его корпус стали делать прямым и низким, с удлиненным килем, который в бою действовал как таран. На боковых палубах размещались воины. Как и торговые суда, военные корабли приводились в движение гребцами, которые размещались в один ряд, но могли также ходить под парусом. Был и другой тип военных судов — с двумя

рядами гребцов по левому и правому борту, но уже без боковых палуб. В VI столетии до Р. Х. стали преобладать беспалубные корабли двух видов — триаконтеры с 30 веслами и пентеконтеры с 50 веслами, впервые появившиеся в Коринфе. Беспалубные корабли были быстроходней и обладали высокой маневренностью, в связи с этим изменилась и тактика морского боя — вместо abordжа стал в основном применяться таран. Греческий, в особенности ионийский флот со временем превзошел ранее более совершенный финикийский, и греки стали господствовать на Средиземном море.

При основании колонии властями полиса испрашивалась санкция оракула — для этого балканские греки обращались в Дельфы, к оракулу Аполлона, а ионийцы к оракулу Аполлона Дидимского. Ответ оракула содержал указание на место, куда должна была выселиться колония. Во главе колонистов ставился ойкист, который устанавливал границы колонии, место для храма и агоры, при необходимости также и крепостной стены. После кончины имя и деяния ойкиста окружено было ореолом почитания со стороны колонистов вплоть до его религиозного культа. В состав колонистов по возможности включались лица разных состояний и профессий: земледельцы, ремесленники, а также воины, в особенности когда со стороны туземных жителей ожидалось вооруженное сопротивление устройению колонии. Иногда круг выселявшихся из метрополии определялся жребием. Часто переселенцы переправлялись на новое место не одновременно, но несколькими морскими походами, постепенно расширяя колонию. Колонисты брали с собой в дорогу священный огонь из очага родного города. В колонии затем копировались культ, храмовая архитектура, политические институты, календарь, алфавит родины, так что колония по возможности представляла собой двойник полиса, из которого она была выведена. Связь колонии с метрополией выражалась обычно также в том, что представителей метрополии приглашали в качестве третейских судей в спорах между колониями, выселившимися из нее, часто граждане метрополии, проживавшие временно в колонии, обладали разными привилегиями, например освобождались от налогов в знак особого уважения к родному полису, но политически колония сразу или скоро становилась независимой от метрополии, обладала суверенитетом.

С местным населением у колонистов отношения складывались по-разному, иногда дружественно, так что туземцы даже выдавали замуж за колонистов, среди которых женщин всегда недоставало, своих девиц. Но в случае военного сопротивления варваров новый греческий полис обзаводился рабами. Часто греки вели с автохтонными племенами агрессивные войны, стремясь к расширению территории колонии, при этом однако они не удалялись от морского берега в глубь континента, и потому колонии всегда соседствовали с континентальной варварской периферией, даже на Сицилии только побережье населено было греками, а центр острова занимали автохтонные народы. В любом случае, раньше или позже, между колонистам и туземцами налаживался торговый обмен. Некоторые варвары по разным причинам поселялись в греческих колониях, часто в качестве периеков, но иногда они приобретали в них гражданские права. Соседство с эллинами способствовало развитию культуры варварского окружения, но, конечно, происходило и культурное взаимообогащение, при этом происходила эллинизация варваров, иногда также и варваризация греков, во всяком случае имела место антропологическая метисация, хотя культурное доминирование эллинского элемента было везде бесспорным, и потому эллинизация варваров была нормальным явлением и в самих колониях, и в их периферии, а обратный процесс представлял собой все-таки своего рода эксцесс.

Ближайшим объектом колонизации для греков было побережье Мраморного и Черного морей — Пропонтида и Понт. ПIONEРОМ колонизации стал ионийский город Милет, выходцами из которого уже в первой половине VIII века до Р.Х. были основаны на южном берегу Понта Синоп и Трапезунд. В середине столетия на азиатском берегу милетцы основали Кизик, в следующем веке переселенцами из того же Милета на азиатском берегу Дарданелл был устроен Абидос, который контролировал проход через пролив. Другие ионические полисы Парос и Эритры основали неподалеку от Кизика город Парий. На северном побережье Понта уже в VII веке переселенцами из Милета были устроены колонии в устьях больших рек: Истрий у дельты Дуная, Тирас на Днестровском лимане, Ольвия на Южном Буге, Борисфен у устья Днепра, позже Танаис на берегу Меотиды — Азовского моря, в устье Дона. В VI веке на западном берегу Черного моря милетцы основали колонии Одессос, Каллатис

и Тома, в Крыму ими были устроены Феодосия и Пантикапея, на кавказском берегу Керченского пролива ионийцы из Теоса около 540 г. до Р.Х. основали Фанагорию, южнее, на Кавказском побережье, возникли милетские колонии Диоскурия и Фасис. В 675 г. ионийцами из Самоса был основан Перинф на европейском берегу Пропонтиды, а выходцы с острова Парос обосновались еще в 710 г. на примыкающем к фракийскому побережью Эгейского моря острове Тасос. Ионийцы из эвбейского города Халкиды колонизовали полуостров с тремя протяженными выступами, на одном из которых возвышается гора Афон, ставшая впоследствии средоточием православного монашества. Этот полуостров, на котором выходцы из Халкиды устроили, по преданию, 32 колонии, был назван ими Халкидикой.

Самым серьезным конкурентом Милета в колонизации Пропонтиды и Понта были дорийские Мегары. В 676 г. до Р.Х. мегарцы основали на азиатском берегу Босфора Халкидон, знаменитый тем, что тысячу с малым лет спустя в нем состоялся IV Вселенский Собор, в 660 г. выходцами из Мегар был основан Византий, ставший потом ареной важнейших событий мировой истории. Эти две колонии совместно контролировали Босфорский пролив. Дорийскими колониями были Месемврия и Гераклея Понтийская, расположенные на западном побережье Черного моря. В свою очередь переселенцами из Гераклеи был основан на южном берегу Крыма Херсонес Таврический, но это произошло уже только в V веке до Р.Х., в классическую эпоху. Колонисты из Коринфа основали Потидею на Халкидике, превзошедшую своими размерами и значением соседние крошечные колонии эвбейцев.

Эолийцы решительно уступали ионийцам и дорийцам в освоении Средиземноморья, но все-таки на северном побережье Эгейского моря переселенцами с острова Лесбос были созданы колонии Энос и Сест.

У Иллирийского побережья на острове Керкира колонию основали выходцы из дорийской Эретреи, затем эретрейцы изгнаны были из Керкиры коринфянами, которые устроили там в 733 г. до Р.Х. свою колонию. Коринфянами устроены были также Аполлония Иллирийская и Амбракия. Затем уже сама Керкира основала на побережье Ионического моря дочернюю колонию Эпидамн. Создавая колонии в Иллирии, коринфяне приобрели контроль над морским экспортом серебра, строевого

материала и мяса из этой страны с ее роскошными пастбищами, лесами и рудниками.

В западном направлении главными объектами колонизации стали южная Италия и Сицилия. При этом первая колония в этом регионе появилась не на ближайшем к Греции восточном побережье Италии, а на крошечном острове в Тирренском море — Питекузе (Искье), расположенном поблизости от современного Неаполя. Интерес к этому острову обусловлен был его золотыми приисками. Основатели колонии прибыли из дорийской Эретреи и ионийских городов Халкиды и Ким. Позже, в 757 г. до Р.Х., выходцы из тех же городов основали вблизи этого острова, на берегу Тирренского моря, колонию Кумы, ставшую своего рода плацдармом для дальнейшего освоения западного побережья Италии. Выходцы из Кум в 531 г. основали Неаполь. Ионийцами из Халкиды была создана колония на южной оконечности Апеннин — Регий. Одной из первых колоний на восточном побережье Калабрии стал основанный в 720 г. до Р.Х. ахейцами знаменитый Сибарис. 20 лет спустя уже сами сибариты устроили в Кампании дочернюю колонию Посейдонию, или по-латыни, Пестум, храмы которого сохранились до наших дней. Колонисты из Спарты основали в 706 г. к северу от Сибариса Тарент с его исключительно удобной, прекрасной гаванью.

Первая колония на Сицилии, Наксия, была основана ионийцами из эвбейской Халкиды и с острова Наксоса в 734 г. Затем уже сами накийцы устроили колонии Катану и Леонтину. Ионийцы осваивали северо-восточное побережье Сицилии. На юго-востоке острова колонистами были в основном дорийцы. Переселенцы из Коринфа заложили там в 723 г. город Сиракузы, затем уже сами сиракузяне устроили новые колонии: Камарину, Акры и Касмены. На западе Сицилии возникла мегарская колония Селинунт. И это только малая часть греческих колоний в южной Италии и на Сицилии. Множество колоний, основанных здесь, значительное число их жителей, вероятно превосходившее количественно туземное население, во всяком случае на Сицилии, сообщили этой стране наименование Великой Греции.

На дальнем западе Средиземноморья ионийцы из азиатского города Фокеи основали в 600 г. до Р.Х. на юге Франции колонию Массилию. Затем уже сами массалийцы стали осваивать

восточное побережье Испании, основав там такие колонии, как Эмпорий, Таррако, Заканф и Гимероскопий. Около 560 г. фокейцы устроили колонию на Корсике Алалию, что вызвало энергичное противодействие со стороны финикийцев, которые ранее греков обосновались на Корсике, Сардинии и Балеарских островах. Действуя в союзе с этрусками, финикийцы в конце концов вытеснили своих соперников с Корсики и не позволили им закрепиться на Сардинии.

На южном побережье Средиземного моря греками основана была своего рода торговая фактория в Египте, находившаяся под властью фараонов — Навкратис, а также на ливийском берегу колония в собственном смысле слова — Кирена, созданная в 630 г. дорийцами, переселившимися с острова Фера. На ливийском берегу Кирена основала дочерние колонии — Барку и Эвспериды.

В результате столь интенсивной колонизации в канун греко-персидской войны несколько сот эллинских полисов опоясали берега Средиземного моря, ставшего родным и домашним для эллинов. По словам Платона, города расположились здесь, словно «лягушки вокруг лужи» (см.: Боннар, цит. изд., с. 36).

3. Религиозный культ и культура архаической Греции

Разбросанный на огромном пространстве Средиземноморья, освоив территории, далеко отстоявшие от его исторической родины, политически разделенный на многие сотни полисов, воевавших между собой, греческий народ однако не рассыпался на мелкие этносы, но неизменно сознавал свое единство. И это его единство держалось на языковой общности — дорийцы, ионийцы, эолийцы, ахейцы говорили на разных диалектах, но одного и того же эллинского языка и без затруднений понимали друг друга. Столь же тесными узами их связывало единство религии.

При существовании местных культов со своими особыми обрядами религиозные верования греков представляли собой единую систему, хотя она и переполнена была противоречиями в мифологических сюжетах и местными особенностями. Несмотря на самую широкую известность имен греческих богов и греческих мифов, ставших достоянием мировой культуры, вошедших в классическое школьное образование как его существенно необходимый элемент, религия древних греков

не открыла до конца свои тайны исследователям. Дело в том, что ее сакральные тексты — религиозные гимны, заклинания, оракулы — дошли до нас в скудном числе и часто в отрывках, а книг, подобных зороастрийской Авесте или буддийской Типитаке, она не имела вовсе — было бы ошибкой считать таковыми гомеровские поэмы и даже «Теогонию» Гесиода. Конечно, у Гомера и Гесиода можно почерпнуть много ценных сведений о религиозной мифологии эллинов, но судить по их поэтическим сочинениям о греческой религии — это, при всей уязвимости любых сравнений, все равно что изучать христианство, и в частности средневековый католицизм, по «Божественной комедии» Данте, не зная ни Библии, ни творений отцов, имея под рукой только отрывки молитв и расцветченные фантазией средневековых агиографов жития древних христианских мучеников. Важным подспорьем в реконструкции древнегреческого язычества служат археологические находки, имеющие отношение к культу, но не всегда они поддаются однозначной интерпретации.

В эпоху архаики верования греков сложились в систему, в которой синтезировано было религиозное наследие автохтонных народов Элады с элементами культа, принесенного выделившимися из индоевропейской общности греками, которые двумя волнами, ахейской и потом дорийской, переселились с севера на юг Балкан.

При этом и в архаический период сохранялись еще рудименты более древней поры: фетишистское поклонение священным камням — в Фарах, в Тегее, в Орхомене; на холме Ареса в Афинах лежали два камня: один высокомерия и другой бесстыдства, на которые ставились истец и ответчик во время суда; во многих местах существовал культ священных деревьев: оливе поклонялись на акрополе в Афинах, дубу в Додоне, пальме на острове Делосе. С почитанием священных деревьев связаны мифические нимфы: дриады, гамадриады и мелии, местом обитания которых считались кипарисы, дубы, ясени; их представляли смертными существами, гибнущими вместе со смертью священного дерева. Пантеистическая закваска греческой религии в подобных культах обнаруживается с особой очевидностью. Древняя дендролатрия ассоциировалась затем с почитанием Артемиды и Диониса: изображения Артемиды и Диониса часто вешали на древесных ветвях.

В верованиях архаической Эллады сохранялись от глубокой древности и следы зоолатрии и тотемизма. Характерными проявлениями тотемизма было особое отношение к змеям, в которых, по весьма распространенным верованиям, переселялись по преимуществу души героев. Культ священной змеи существовал в Олимпии, в Элевсине, в Афинах, где змею — хранителю города ежемесячно выдавалась медовая лепешка. К древней зоолатрии восходит и почитание некоторых олимпийских божеств в образах животных — Геры, с ее неперенным эпитетом в «Илиаде» «волоокая», в виде коровы. Статуи олимпийских богов представляют их часто вместе с их спутниками животными: Афину со змеей или с совой, Афродиту — с лебедем или голубем, Артемиду — с ланью. Жриц Артемиды в аттических городах называли медведицами. Спутники Диониса в праздники надевали на себя козлиные шкуры, и их называли козлами — трагами. Некоторых богов изображали в виде животных или с животными атрибутами: Диониса в виде быка либо только с бычьими рогами, Деметру с лошадиной гривой. Чрезвычайно характерен мифологический сюжет божественных метаморфоз: Зевс являлся своим возлюбленным как бык или лебедь, в одном сюжете даже в облики муравья. Аполлон в виде дельфина показывал критским морякам путь к Дельфам. Именование Аполлона «Ликийским» сообщало ему волчьи качества, которые высоко ценились греками.

Наследием древних, доахейских земледельцев Эллады был культ хтонических божеств, связанный с почитанием земли (хтонос). Бог подземного мира, в который нисходили души умерших, именовался Аидом и одновременно Плутоном, что значит податель богатства, изобилия, представление о котором связано с хорошим урожаем. Но Аид наделен и устрашающими атрибутами: вместе со своими друзьями циклопами он устраивает пиршество из останков умерших, пожирая их до самых костей, при этом бог смерти Фанатос выпивает кровь покойников. С представлением о подземном царстве мертвых связан пес Цербер с его устрашающей злобностью и хтонические духи — эриннии, мстящие преступникам неизбывными муками. К ним и к подземным богам должны были обращаться ищущие искупления за незаконно пролитую кровь. При этом кающийся преступник садился на землю, обвязав себе шею и руки

красной шерстью, символизирующей кровь, которой жаждут подземные боги.

Богиня земли Гея почиталась повелительницей растений, ей молились о хорошем урожае. Но в центре хтонического культа стояло почитание богини земледелия Деметры и ее дочери Персефоны, или Коры. Представление о посеянном в землю семени, которое вначале умирает, а потом возрождается в виде прозябшего растения, а также о связанной с земледельческим циклом смене времен года отразилось в мифе о Деметре и ее похищенной Аидом дочери Персефоне, которую по просьбе скорбящей матери Зевс повелел отпустить к ней, но с условием, чтобы на треть года она возвращалась от Деметры к своему подземному супругу; когда Персефона спускается к мрачному мужу, скорбит Деметра и на земле наступает осень и зима, но природа пробуждается весенним цветением, когда Персефона возвращается к матери на Олимп.

С древним хтоническим культом связано и почитание Диониса, или Вакха, бога виноделия. Как писал русский антиковед В. С. Сергеев, «еще недавно многие ученые считали, что культ этого божества был заимствован греками у фракийцев в VIII в. до н. э. Однако имя Диониса упоминается в “Илиаде”, и — главное — оно было обнаружено на одной из недавно расшифрованных микенских табличек., что заставляет признать Диониса древним, может быть, даже догреческим божеством, культ которого существовал на Балканском полуострове испокон веков» (В. С. Сергеев, *цит. изд.*, с. 194–195).

Характер его почитания носил экстатические черты: празднество в его честь, вакханалия, совершалась, по описанию знатока эллинской мифологии Э. Роде, «на высотах гор, темною ночью, при колеблющемся свете факелов. Раздавалась шумная музыка: дребезжащий звук медных бубнов, глухой гром и среди них приводящие в безумие звуки низкотонных флейт. Возбужденная этой музыкой толпа празднующих пляшет с шумным ликованием. По большей части это женщины, которые доходят до исступления в этой дикой пляске. Волосы дико развеваются, в руках они держат змей, посвященных сабадию, они размахивают вакхическими жезлами, в которых под плющом скрыты острия копий. Так неистовствуют они до крайнего возбуждения всех чувств, затем в священном экстазе они бросаются на животных, избранных для принесения в жертву, хватают

и растерзывают настигнутую добычу, отрывают зубами кровавое мясо и пожирают его сырым» (цит. по: Иллюстрированная история религий, т. 2. Изд. 2. М., 1992, с. 259–260). По одному из мифов сам Дионис был растерзан своими разъяренными почитательницами — менадами. В торжественных процессиях вакханки носили фаллические символы, и вакханалии заканчивались оргиями.

По религиозным представлениям греков, в свите Диониса присутствовали сатиры, силены и Пан — сын Гермеса и нимфы Дриопы, бог с козлиными ногами и рогами и с длинной бородой, покинувший светлый Олимп, чтобы жить в горах и лесных чащобах, пасти стада и играть на свирели. Услышав звук свирели, к нему стекаются нимфы и козлоногие сатиры. Этот веселый бог природы, особенно чтимый пастухами, в жаркий полдень становится гневливым и способен насыпать на человека тяжелый давящий сон. В эту пору он может насладиться безотчетный ужас, охваченный которым бежит, не разбирая дороги, через густой лес, по краю пропасти, рискуя в любую минуту погибнуть от не замечаемых им опасностей. Случалось, что такой панический ужас охватывал войска и те бежали прочь от неприятеля, даже если превосходили его числом и вооружением. Этот мифический бог вполне заслуживает библейское наименование «беса полуденного», а панический ужас, вселяемый им, так выразительно передает душевное состояние язычника, испытывавшего в окружении сонма природных божеств чувство безысходного одиночества в мире, который, в его представлениях, не содержится Промыслом единого всемогущего живого и личного Бога.

В отличие от хтонических божеств олимпийские боги, антропоморфный характер которых служил вдохновением и основой греческого искусства, высокой и совершенной греческой пластики, принесен был в Элладу ее завоевателями — ахейцами и потом дорийцами, и происхождением своим обязан почитанию, вплоть до последующего обожествления, родоначальников и племенных вождей, так что с должной мерой осторожности даже в именах этих божеств, в особенности Зевса, можно предполагать действительные имена древних василевсов.

Култ предков вообще составлял важный элемент народной религиозности греков. Каждая греческая семья поклонялась богине домашнего очага — Гестии. При этом отдельные

полисы также имели своих Гестий, и те некоторым образом отождествлялись с богами — основателями городов: так, в Спарте в этом качестве почитали Зевса, а в Афинах — Афину Палладу. Почитание предков, забота о престарелых родителях, по вере греков, обеспечивали защиту со стороны богов, в том числе и со стороны обоженных родоначальников; пренебрежение ими привлекало на головы неблагодарных потомков божественную месть.

Олимпийские боги, по верованиям эллинов, также составляли единую семью, соединенную узами тесного родства. Главую этой олимпийской семьи почитался Зевс. Его имя является словом, однокоренным с латинским «*deus*», санскритским «*дева*», иранским «*див*», которые переводятся на русский как «*бог*», а этимологически восходят к праиндоевропейскому слову «*деивос*», что значит «небо». Как заметил М. Элиаде, «многочисленные эпитеты Зевса предполагают в нем источник различных небесных явлений: *Ombrios* (Тучегонитель), *Hiettyos* (Дождящий), *Urios* (Посылающий попутные ветры), *Astapios* (Громовержец), *Bronton* (Высокогремющий)» (Элиаде, цит. изд., с. 308). Зевс сверг своего отца Кроноса, который уже по этимологическим основаниям сближался с временем — хроном. В свою очередь Кронос родился от брака Урана, что значит Неба (индуистская параллель этого божества — Варуна), который был коварно оскоплен своим сыном, и Земли — Геи. За время правления вселенной Крона и Зевса на земле, по Гесиоду, сменилось пять родов людей, и последний род, железный, обречен на нескончаемые труды и несчастья, пока он не будет в свое время уничтожен за преступления против законов Зевса.

Сестрой и женой Зевса является Гера, которая, предположительно, в более раннюю эпоху почиталась как богиня плодородия. Братья Зевса Плутон и Посейдон правили один подземным царством, а другой — морем. Дочерью Зевса, рожденной без матери, из головы отца, была Афина, покровительница ремесел, воинственная и целомудренная богиня, чье второе имя, Паллада, происходит от почитавшегося ранее в Афинах титана Палласа, которого она заменила в качестве покровительницы города, названного ее именем. М. Элиаде принимает гипотезу Нильссона о том, что первоначально она была «Хозяйкой Дворца, защитницей укрепленных дворцов микенских царей; она была домашней богиней, покровительницей мужских и женских

ремесел, но ее присутствие в крепости во время войн и набегов придавало ее образу свойства богини войны» (Элиаде, цит. изд., с. 346). От Геры родились сыновья Зевса — бог войны Арес и Гефест — бог кузнечного огня и искусный мастер оружейных дел, хромоногий после того, как Зевс сбросил его с Олимпа на остров Лемнос. Бог света Аполлон, предводитель муз, покровитель искусств и мантики — гаданий, и его сестра прекрасная и девственная охотница Артемида родились от Зевса и Латоны на острове Делосе. От Зевса и Майи произошел вестник богов и покровитель торговцев и мошенников, изобретательный и лукавый Гермес. Из морской пены — семени Урана около острова Киферы родилась богиня любви и красоты Афродита, власти которой покорны люди и боги, кроме Гестии, Артемиды и Афины Паллады.

Помимо 12 высших божеств, к числу которых в разных полисах причислялись не совсем одни и те же имена, греки населяли пространство также богами, личные имена которых не были известны, — мойрами, эринниями, музами, харитами, низшими богами — слугами олимпийцев вроде Ганимеда, сатирами, дриадами, титанами, и среди них Прометеем, который похитил огонь у олимпийских богов и передал его людям, за что прикован был, по повелению Зевса, к скале на Кавказе, где орел терзал его внутренности. Почитали греки и обожествленных героев, в особенности Геракла, культ которого был особенно популярен у дорийцев, при этом Геракл отождествлялся с финикийским божеством Мелькартом, почитание которого в более раннюю эпоху распространилось по всему Средиземноморью. Героями почитались и цари микенской эпохи: Ахилл, Агамемнон, Менелай, Лай, Эдип, Тесей, Ясон, Главк, Диомед. Характеризуя особенности культа героев, М. Элиаде писал: «Хотя герои и не бессмертны, как боги, но они отличаются от людей тем, что продолжают действовать после своей смерти. Останки героев обладают грозными магико-религиозными силами. Их гробницы, их мощи, даже их надгробные памятники (кенотафы) влияли на живущих людей веками. В каком-то смысле можно сказать, что герои достигают божественного состояния посредством своей смерти... Вразрез с обычаями останки героев хоронили в черте города, их даже помещали в святилища (Пелоп — в храм Зевса в Олимпии, Неоптолема — в храм Аполлона в Дельфах» (Элиаде, цит. изд., с. 354).

Все важные события в публичной и частной жизни греков: начало войны и заключение мира, народные собрания, рождение и смерть человека, бракосочетание — сопровождалось религиозными обрядами. Обряды совершались и на городских площадях, и в жилищах, но существовали также места, специально предназначенные для богослужения, — священные рощи и горы, алтари под открытым небом, а затем по преимуществу храмы, в которых помещали скульптурные изображения богов. К храмам греки испытывали особое благоговение, они воздвигались обычно на возвышенных местах — особенно часто на городском акрополе, строились из благородных материалов и лучшими архитекторами, содержались в чистоте, в том числе и ритуальной. Греки совершенно не знали храмовой проституции, столь обычной у народов Леванта и Месопотамии. В некоторые святилища вообще не допускались лица без надлежащего посвящения. В то же время храмы служили убежищем для преследуемых, иногда и явных преступников. В храмы стекались богатые пожертвования, в некоторые из них, в особенности к дельфийскому оракулу, — со всего эллинского мира. В храмах приносились только бескровные жертвы: возлияния маслом, вином или медом. В качестве пожертвований приносили военную добычу, драгоценные изделия из золота, серебра, бронзы, ювелирные украшения, а бедные люди — заношенную одежду и даже обреченные волосы.

Кровавые жертвоприношения хтоническим богам, иногда, во время праздников или народных бедствий, с заколением огромного числа жертвенных животных, совершались вне храмов, на специально отведенных для этого участках. После заклания в дар богу обыкновенно сжигался тук, а жертвенное мясо съедали участники священнодействия. В исключительно редких случаях совершались и человеческие жертвоприношения — закланию подвергались пленники или рабы, осужденные на смертную казнь, а также калеки или олигофрены. Обреченных на смерть сжигали, и пепел их развеивали над морем. Подобное действо совершалось в моменты особенно большой опасности для полиса: во времена голода или моровой язвы, с надеждой умиловить жертвой гневающихся богов. В Афинах и городах Ионии, в отдельных случаях, вместо убийства жертву изгоняли из города, дав обреченному в руки сыр, ячменную лепешку и сушеные винные ягоды.

Ритуальные акты, произнесение молитв, жертвенные возлияния и кровавые жертвоприношения могли совершать родовые старейшины, главы семейств, лица, облеченные властными полномочиями, но существовали также жрецы, иеревсы, и жрицы, для которых принесение жертв, чтение молитв и священных гимнов, уход за храмом, хранение и содержание храмового имущества составляли служебные обязанности. Иногда от жрецов, и чаще от жриц, требовалось временное или пожизненное целомудрие. Жрецы пользовались почетом в народе, жречество могло быть пожизненным и даже наследственным, но оно не составляло замкнутой касты, подобно египетскому жречеству. Будучи публичными чиновниками по характеру своей деятельности, жрецы отчитывались о ней перед народным собранием и другими органами полисной власти.

Семейные события также сопровождались культовыми актами: после рождения сына на дверном косяке помещали оливковый венок, при рождении дочери — кусок шерсти. На пятый день жизни ребенка обносили вокруг домашнего очага. Перед бракосочетанием молитвы и дары приносились Гере, Артемиде, Афродите, Урану, Гее, Зевсу Телейосу (Всемогущему), мойрам и нимфам. У дверей брачного чертога пелись священные гимны — эпиталями.

Греки верили в бессмертие души, но загробную жизнь в Аиде представляли мрачной. Греческое наименование царства мертвых — аид, гадес, от имени владыки этого царства Аида, послужило для христиан наименованием ада. В более древнюю эпоху, в героический век дорийского завоевания, покойников сжигали, в эпоху архаики кремацию стало вытеснять погребение останков в земле. Долг похоронить близкого почитался священным, и пренебрегшие им потомки или родственники навлекали на себя, по верованиям греков, проклятие. Но тело умершего считалось нечистым, и похоронить его надо было до рассвета, чтобы не оскорбить богов зрелищем трупа. На священном острове Делосе совершенно воспрещалось погребать умерших.

Погребальные обряды в разных полисах отличались друг от друга. В Афинах у дверей дома, где был покойник, ставили кружку с водой, останки тщательно обмывали и натирали благовонными мазями, облачали в белые одежды, в уста влагали обол, чтобы покойник уплатил его Харону, и клали тело

на носилки. Затем совершался плач по усопшему. На следующий день тело выносили на кладбище и там предавали земле или кремировали. Заканчивались погребальные обряды пиршественной тризной. В честь погибших в море или умерших в чужой стороне воздвигались кенотафы — пустые могилы. На 3-й, 9-й и 30-й день после погребения в память об усопшем совершались жертвенные приношения хтоническим божествам — возлияния молока и меда.

В Афинах и некоторых других полисах в конце февраля праздновались антестерии в честь Диониса. В этот день пробовали молодое вино. На третий день антестерий, праздника цветов, по верованиям афинян, «пробуждались мертвые, томимые голодом и жаждой... Незримые тени мертвых.. носились по улицам города... Жители покрепче запирались в домах, предварительно поставив у своего порога глиняный горшок., наполненный “походной” похлебкой, сваренной из разных зерен. Живые не смели к ней прикасаться. В этот день людям приходилось не только самим защищаться от мертвых, но ограждать от них и богов — сами они укрывались в своих домах, а бессмертных накрепко запирали в храмах. Святилище обвязывалось толстыми веревками, для того чтобы предохранить бессмертных от заразы — соприкосновения со смертью» (Боннар, цит. изд., с. 17). Эти верования и эти обряды восходят, очевидно, к доахейской древности, к религии автотонов Эллады.

Своеобразным проявлением религиозной жизни греческого народа были гадания, которые имели не только частный, но и публичный и даже общенациональный характер. Своими оракулами особенно знаменито было святилище Аполлона в Дельфах. Приходившие туда с вопрошанием о будущем получали оракул, ответ, обыкновенно туманный, часто двусмысленный, подлежащий толкованиям, чтобы его уразуметь. Оракулы в Дельфах изрекала жрица, пифия, названная так потому, что до того, как этим прекрасным местом завладел Аполлон, оно, по преданию, принадлежало убитому им дракону Пифону. «Мантическое вдохновение приходило к Пифии вследствие действия испарений, выходивших из трещины в земле» (Иллюстрированная история религий, с. 280). Э. Курциус считал, что «в течение трех столетий, предшествовавших персидским войнам, дельфийский оракул был главной духовной силой Греции,

основой греческого единства, он пробудил в греках сознание своей противоположности варварам... В зависимости от дельфийского оракула находилось очень многое: календари, постройка дорог, дорийская архитектура, правила житейской мудрости, в особенности же колонизация и законодательство» (см.: Иллюстрированная история религий, с. 280).

Для защиты Дельфийского святилища был заключен религиозный союз — амфикион, в который вошли 12 полисов. Этот амфикион оказывал значительное влияние не только на религиозную, но и на политическую жизнь греческой эйкумены. Представители городов, входивших в религиозный союз, устанавливали своего рода нормы международного права, относившегося, конечно, лишь к взаимоотношениям эллинских полисов, правила ведения войны, назначали третейские суды для разрешения межполисных споров, в случае осквернения святилища либо даже по причине ограбления паломников объявляли священную войну. Существовали и другие религиозные союзы вокруг разных святилищ. Целью некоторых из них было проведение совместных празднеств.

Греческие праздники и торжества бывали разными: одни общенародными, а другие лишь для особо посвященных лиц, тайные, хотя число посвященных — мистов могло при этом быть значительным, даже до нескольких тысяч. Такой характер носили знаменитые элевсинские мистерии, устраивавшиеся в маленьком городке, который вошел позже в состав Афинского полиса. Эти мистерии посвящены были Деметре и ее дочери Персефоне, ежегодно совершающей нисхождение в подземный аид. Главной темой мистерий, об обрядах которой ввиду как раз их мистерияльности, таинственности, нет ясных сведений, была загробная участь умерших, которая представлялась разной для посвященных и профанов. Сохранилось одно из изречений, связанных с элевсинскими мистериями: «Блажен среди земных людей тот, кто видит эти знаки, но тот, кто не прошел обряда посвящения и не участвует в священном ритуале, никогда не изведает подобной судьбы, хотя его тело и будет гнить в промозглой тьме» (см.: Хаммонд, цит. изд., с. 188,). В этих словах с достаточной ясностью выражена идея загробной радости для посвященных и избранных, посмертная участь которых сопрягается с образом семени, бросаемого в землю и произрастающего растением, и, символически, с судьбой Персефоны.

С особым почитанием Деметры и Персефоны — Кору, а также с экстатическим культом Диониса первоначально были связаны орфические мистерии, которые потом однако совершенно отделились от необузданных вакханалий. Орфики переиначивали древние мифы, стремясь вложить в них свои идеи, тяготеющие к своего рода пантеистическому единобожию. Кора, по их представлениям, была матерью почитавшегося ими бога Загрея, который был съеден титанами, но Зевс, чтобы спасти его сердце, съел его сам, после чего Семела зачала от Зевса Диониса, который произошел от сердца Загрея. Зевс поразил титанов молнией, и из их крови сотворил людей, которые нечисты из-за своего происхождения от титанов, но одновременно содержат в себе и дионисическое начало. Задача человека, которая исполняется чрез участие в орфических мистериях, — в освобождении дионисической души от тела, причастного титанической нечистоте. О божестве же орфики мыслили так: «Един Зевс, един Аид, един Гелиос, един Дионис, во всем единое божество» (см.: Иллюстрированная история религий, с. 298).

Вступавшие в тайные религиозные союзы, или гетерии, адепты принимали посвящение и затем проходили ряд ступеней. «Эти степени посвящения, — по словам знатока античных мистерий Е. Г. Рабинович, — являются универсальным признаком всех закрытых коллегий, и хотя число степеней варьируется, но различаются два главных состояния относительно таинства: предварительно посвященный обычно именуется мист (“тот, чьи уста запечатлены”, “молчун”), полностью посвященный — эпопт (“наблюдатель”, “созерцатель (таинства)”). Во всех степенях требовалось соблюдение разнообразных — порой сложных — правил, касающихся еды, одежды, общения с женщинами и т. д., но главным правилом оставалось соблюдение тайны. Тайна (мифологическая доктрина... союза) заключалась в приобщении к некоему сокровенному знанию, всегда имеющему отношение к загробному блаженству, которое... требовало приложения некоторых специальных усилий и получения некоторой специальной информации — вот этой-то информацией и располагал эпопт» (Е. Г. Рабинович. «Жизнь Аполлония Тианского» Флавия Филострата. — Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского. М., 1985, с. 246).

Несравненно популярнее мистерияльных культов были общенародные праздники в честь богов — истмийские, пифийские

в Дельфах в честь Аполлона, Панафиней в Афинах, но самыми знаменитыми из них были те, что устраивались в Олимпии на Пелопоннесе в честь Зевса Олимпийского. Эти празднества сопровождалось спортивными состязаниями, в которых первоначально участвовали дорийцы, а потом и гимнасты из всех эллинских полисов. Основателем Олимпиад почитали Геракла, родоначальника дорийских царей — гераклидов. Счет Олимпийских игр ведется с 776 г. до Р.Х., когда их стали проводить регулярно — раз в четыре года. Счет по Олимпиадам стал впоследствии основой общегреческого летосчисления. Олимпиады проходили летом, в течение 5 дней.

Самым древним состязанием был бег на расстояние одногоstadia — стадион, откуда потом пошло название самого ристалища — площадки для бега, а потом и специально отведенного места для других спортивных соревнований. Затем стали бегать и на более длинные дистанции. Большой популярностью пользовались позже вошедшие в программу празднеств кулачный бог и борьба, метание диска. Так сложилось классическое пятиборье — пентафлон, включавшее кулачный бой, метание диска, борьбу, бег и прыжки. Впоследствии к пятиборью присоединили и другие состязания: на колесницах, верхом на конях, бег в полном вооружении. Победителей увенчивали лавровыми венками, в их честь воздвигали статуи, писали стихи, их почитали как самых выдающихся людей. В олимпийских победителях эллины усматривали отблеск божества, и скульпторы, ваявшие богов, вдохновлялись телесным совершенством этих героев. На Олимпийские игры стекались люди со всей Эллады, граждане и метеки или перизки, но не рабы, которым присутствовать на этих празднествах воспрещалось. Олимпийские состязания окружены были столь благоговеиым уважением всего эллинского мира, что во время их проведения прекращались междоусобные войны.

Нравы греков в эпоху архаики стали цивилизованнее и мягче, чем в героический век. Вера в божественную справедливость, которая распространяется на весь мир, изменила отношение к выходцам из чужого полиса и даже к варварам. В них уже не видели врагов, по возможности подлежащих уничтожению, с ними поддерживали торговые отношения, соблюдали по отношению к ним справедливость, в военное время трупы врагов не подвергались надругательствам, подобным тем, что

воспеты в «Илиаде», их хоронили или выдавали родственникам для погребения. Свободных эллинов, взятых в плен, не убивали и не обращали в рабов, но возвращали за выкуп. Из народной жизни постепенно исчезает обычай кровной мести. Жизнь стала безопасней, и жители большинства эллинских городов уже не носили, как в героический век, оружия повседневно, его брали с собой отправляясь в путешествие или в иных обстоятельствах, но в основном уже только на войну. Между эллинскими полисами и даже с варварскими государствами заключаются договоры, и эти договоры соблюдаются, а нарушение их считается за нечестие, влекущее гнев богов.

Из религиозного культа эллинов выросла греческая культура, греческое искусство. Архитектура древних эллинов — это прежде всего храмостроительство. Самые ранние из сохранившихся храмов были воздвигнуты в VI столетии до Р.Х. В результате археологических раскопок известны храмовые сооружения, построенные в предшествующее столетие. Материалами для них служило дерево и сырцовый кирпич, к тому времени уже сложились классические типы периптера и диптера, так что с уверенностью можно предполагать, что начало их развития восходит к VIII веку. В VI столетии храмы строились из известняка или мрамора. Древнегреческий храм представлял собой вытянутый прямоугольник в плане — целлу, с двухскатной крышей, со всех сторон обнесенную колоннадой, — периптер либо двойной колоннадой — диптер. Архитектоника храма выдает его происхождение от деревянного зодчества дорийцев, живших прежде в горах Македонии и Эпира.

По своей конструкции и форме, в особенности что касается колонн и их капителей, храмы архаической эпохи принадлежали к одному из двух ордоров — дорическому, который доминировал на Пелопоннесе и в Великой Греции, или ионическому, типичному для малоазийского побережья. Колонна дорического ордера не имела базы. Ствол колонны сужался кверху, но неравномерно — в средней части он имел припухлость — энтазис, поверхность ствола покрывалась желобками — каннелюрами. Каннелюры усложняли игру света и тени на колонне. Капитель колонны состояла из круглой подушки — эхина и лежавшей на ней квадратной плиты — абаки. Антаблемент архаического ордера складывался из трех элементов — архитрава, фриза, состоявшего из чередующихся триглифов и метоп, и карниза.

Дорический ордер отличается тяжелой монументальностью, создавая впечатление мощи и нерушимого покоя. Для ионического ордера характерны изящество, стройность, иногда декоративная вычурность. Витрувий сравнивал дорический ордер с идеалом мужской красоты, а ионический — женской. База колонны ионического ордера состояла из чередующихся вогнутых (скоции) и выпуклых (валы) элементов. Ствол ионической колонны был пропорционально выше и не имел энтазиса, каннелюры вырезались глубже, и игра света на колоннах от этого получалась более динамичной. Характерной особенностью капители ионической колонны являются волюты, или завитки подушки, образующие по бокам капители два вала. Позже сложился третий из классических ордеров — коринфский.

Из сохранившихся сооружений VI столетия монументальным величием и суровой гармонией отличаются дорические храмы Аполлона в Коринфе, Геры в Олимпии, сокровищница афинян в святилище Аполлона в Дельфах. Поразительной красоты храм ионического ордера был воздвигнут близ Милета в Дидимах в честь Аполлона. Одно из знаменитых семи чудес света, храм Артемиды в Эфесе, не сохранился, но археологические раскопки позволяют составить представление об этом грандиозном сооружении. Родина периптера и диптера — на Пелопоннесе и в Ионии, но из эпохи архаики до нас дошло больше храмов, построенных в Великой Греции: в Селинунте и в Акраганте на Сицилии, в Посейдонии (Пестуме) на юге Апеннин, и самые величественные из них посвящены Гере.

В VII веке до Р.Х. родилась греческая пластика — скульптурные изображения богов, затем также героев, воинов и атлетов — победителей Олимпиад. Вначале эта скульптура была подчеркнута статической и иератической, обнаруживала на себе очевидное влияние Египта и Востока, в следующем столетии искусство ваяния приобретает характерные национальные черты, становится более динамичным, более точным в воспроизведении анатомических особенностей человеческого тела, которым, по антропоморфным религиозным представлениям греков, обладали олимпийские боги, сохраняя при этом религиозную возвышенность, монументальность и строгий лаконизм. Прекрасные образцы архаической пластики найдены в Дельфах, Афинах, на Делосе, в Беотии, на Крите, в Малой Азии и в Великой Греции.

Греческая скульптура VII века представляет два основных типа — обнаженного юношу — куроса и кору — девушку, одетую в плотно облегающий тело хитон. Их лица оживлены столь характерной для архаики сдержанной улыбкой. Как писал Н. Убальдо, «все... скульптуры были ярко раскрашены: розовая кожа, красные губы, черные волосы, разноцветная или позолоченная одежда, изобилие украшений, венки, лавровые листья.. В глаза статуй вставлялись сверкающие камни, чтобы имитировать интенсивность реального взгляда» (Убальдо Никола. Иллюстрированный философский словарь. М., 2006, с. 170). Но лишь немногие из найденных в раскопках изваяний сохранили следы окраски, так что существовавшее до недавних пор в искусствоведении представление о монохромности античной скульптуры представляло собой ошибку, оказавшую огромное влияние на новоевропейскую эстетику с ее культом превратно интерпретируемой античной пластики. Между тем скульптурные изображения божеств, по словам того же автора, «ежедневно подвергались типично человеческому туалету: их мыли, натирали благовониями, одевали в одежды и украшали гирляндами, на голову возлагался венок, в жаркую погоду их обрызгивали водой. Покормив статую водой, ее развлекали представлениями, выносили в торжественной процессии» (Убальдо, цит. изд., с. 170), иными словами, эти статуи предназначались не для эстетического созерцания, подобного тому, которому они удостоиваются в современных музеях, но предметом живого религиозного поклонения, принципиально тождественному с почитанием идолов у африканских племен, оставшихся вне орбиты христианства, ислама или современной цивилизации.

Помимо станковой скульптуры, создавались также монументальные композиции, в том числе и рельефные, помещавшиеся на фронтонах храмов и составлявшие часть их декоративного убранства.

Самым массовым видом искусства архаики была вазопись — искусство, отличавшееся многообразием сюжетов, по преимуществу мифологических, но также и жанровых, бытовых, динамизмом, легкостью и остротой рисунка. В VII столетии до Р.Х. сложилась чернофигурная техника вазописи — вазы расписывались черным лаком по светлому красноватому фону, в конце VI столетия возникла краснофигурная техника — на керамических сосудах, покрытых черным лаком, наносились изображения

фигур цвета глины разных оттенков — эта техника стала преобладать в классическую эпоху.

О древней музыке у нас самые смутные представления, известно однако, что культовые обряды, государственные церемонии, сражения, а также семейные праздники сопровождались песнями и игрой на музыкальных инструментах. Греческие музыканты играли на флейте и лире, или кифаре, изобретенной, согласно мифу, Аполлоном Кифаредом.

Гимны и песни — это не только музыка, но и поэзия, и слова древних песнопений разных жанров, а также стихи, предназначенные не для пения, а для декламации; до нас дошли, нам известны имена древних поэтов и написанные ими стихи.

В эпоху архаики был записан окончательно сложившийся к тому времени текст гомеровского эпоса, который ранее хранился в памяти рапсодов, подобных сказителям русских былин, так что в позднейший классический период он подвергся лишь редактированию. В VIII столетии до Р.Х. Гесиод гомеровским гекзаметром сочинил две знаменитые поэмы: «Теогонию», которая дает обильный материал для изучения религиозных верований античных греков, и «Труды и дни», воспроизводящую повседневный быт, праздники и сельский труд беотийского крестьянина. Поэма включает в себя многочисленные гномы — дидактические изречения, призванные научить читателя или слушателя поэмы житейской мудрости и благочестию.

Лучшие поэтические создания VII и VI веков — это лирические стихотворения, названные так потому, что они пелись или декламировались под аккомпанемент семиструнной лиры. В эпоху архаики сложились разные лирические жанры: элегии, ямбы, военные марши — эмбактерии, парфении, гименеи, эпиграммы. В эту эпоху появляется также басня. Предание приписывает изобретение этого жанра и авторство первых и самых знаменитых басен Эзопу, горбатому рабу самосского гражданина — достоверность этого предания сомнительна. Тексты басен до нас дошли не в их первоначальном виде, а в поздней, уже византийской переработке. Но сохранились в оригинальном виде воинственные эмбактерии спартанского поэта Тиртея, который, правда, писал не на дорийском диалекте своей родины, а на ионийском, ямбы Архилоха — поэта с острова Пароса, пристрастного, насмешливого, гневного, раздражительного и несчастного, сохранились легкомысленные и веселые

стихи жизнелюбца Анакреонта, посвященные чаще всего вину и красавицам. Сочинения его подражателей приписывали самому Анакреонту, отчего возникло потом название тематического жанра — анакреонтическая лирика.

В историю античной литературы вошли имена и других поэтов архаики, чьи стихотворения уцелели во фрагментах, — Терпандра Лесбосского, Ивика, Алкмана, Стесихора, Мимнерма, Коринны; время не истребило поэтические строки государственных деятелей Семонида, основателя колонии на острове Аморг, и великого афинянина Солона.

С наибольшей полнотой до нас дошло поэтическое наследие Феогнида из Мегар, жившего в VI столетии. Это был аристократ, который после захвата власти в родных Мегарах «подлыми» — демократами стал скитальцем на чужбине. Его элегии проникнуты горестью от потери родины и дышат гневом на низкую чернь, поднявшую руку на благородных. В одной из них он предается неудержимой мстительной ярости: «Твердой ногой наступи на грудь суемыслящей черни, бей ее медным бодцом, шею пригни под ярмо! Нет под всевидящим солнцем, нет в мире широком народа, чтоб добровольно терпел крепкие вожжи господ». Непокорность черни всерьез представляется ему несправедливостью и обидой для благородных, но озлобление поэта проистекает по преимуществу от сознания своего бессилия: «К гибели, к воронам все наше дело идет! Но перед нами, Кирн, из блаженных богов здесь не виновен никто. В бедствия нас из великого счастья повергли насилье, низкая жадность людей, гордость надменная их».

Вершину греческой лирики составляют стихи двух поэтов VII века с острова Лесбоса, писавших на эолийском диалекте, — Алкея и Сафо. Как и Феогнид, Алкей принадлежал к аристократии Митиленского полиса и вынужден был эмигрировать в результате демократического переворота в Митиленах в Египет, но после отставки вождя демократической партии Питтака Алкей вернулся на родину. В своих мастерски отточенных стихах он обращался к богам Аполлону, Гере, Афине, писал стихи о любви, о вине и застолье, о природе, но его главная тема и его главная боль — политическая борьба, которую он в нескольких своих стихотворениях уподобляет морской буре: «Пойми, кто может, буйную дурь ветров! Валы катятся — этот отсюда, тот оттуда... В их мятежной свалке носимся мы с кораблем

смоленным, едва противясь натиску злобных волн. Уж захлестнула палубу сплошь вода, уже просвечивает парус, весь продырявлен. Ослабли скрепы». Но опасности и тяготы противостояния губительному шторму не подавили воли поэта, готового сражаться до последнего, к чему он призывает и своих спутников: «Не посраим же трусостью предков прах, в земле под нами здесь упокоенных... но есть иные — люди, не властные в своих желаньях. Темным страстям служа, их опозоренные руки предали город рукам таким же».

Поэзия Алкея исполнена энергией несгибаемого мужества, а гименеи и эпиталамы его современницы Сафо, к которой он обращался с такими строками: «Сапфо, фиалкокудрая, чистая, с улыбкой нежной! Очень мне хочется сказать тебе кой-что тихонько, только не смею: мне стыд мешает», — стали на века воплощением женственности. Сафо ответила Алкею строго и наставительно: «Когда б твой тайный помысл невинен был, язык не прятал слова постыдного, — тогда бы прямо с уст свободных речь полилась о святом и правом». Принадлежа, как и Алкей, к митиленской аристократии, Сафо возглавляла музыкально-поэтическую школу, в которой получали воспитание девушки из благородных семей, и ряд ее песен посвящен ученицам. Как и Алкей, во время гражданской войны в Митиленах она оставила родной город и нашла прибежище в Сицилии, откуда потом вернулась на Лесбос. В стихах Сафо доминирует тема неразделенной, нечастной любви. Истерзанная душой, она обращается к Афродите, моля ее о помощи: «О, явись опять — по молитве тайной вызволить из новой напасти сердце! Стань, вооружась, в ратоборстве нежном мне на подмогу!»

По скрытой внутренней энергии чувства, выражаемого предельно лаконично, по удивительно точной передаче органического созвучия душевных и телесных движений Сафо осталась непревзойденной в мировой поэзии: «Богу равным кажется мне по счастью человек, который так близко-близко пред тобой сидит, твой звучащий нежно слушает голос и прелестный смех. У меня при этом перестало сразу бы сердце биться: лишь тебя увижу, уж я не в силах вымолвить слова. Но немеет тотчас язык, под кожей быстро легкий жар пробегает, смотрят, ничего не видя, глаза, в ушах же — звон непрерывный. Потом жарким я обливаюсь, дрожью члены все охвачены, зеленее становлюсь травы, и вот-вот как будто с жизнью прошусь я. Но терпи,

терпи: чересчур далеко все зашло...» Чувственная страсть передана здесь торжественным и строгим языком религиозного гимна, но ведь религия эллинов и была, как она виделась еще древним христианам, обожествлением страсти.

Хронологически последним великим лириком Эллады был Пиндар, живший на рубеже архаической и классической эпох. Он знаменит одами, в которых воспевал победителей в конных ристалищах на Олимпийских, Пифийских, Истмийских и Немейских играх, прославлял тиранов и возносил благодарную хвалу олимпийским богам. Его оды насыщены мифологическими реминисценциями. Пиндар как никто другой остро переживал и воспроизводил пламенным потоком слов, блещущих яркими и энергичными образами, божественную красоту природы, которую он созерцал не в покое и тишине, но в ее бурных проявлениях, захватывающих дух своим катастрофическим динамизмом и величием. Его поэзия простодушно и пламенно религиозна, причем, без какой бы то ни было философской сублимации национальных верований, это патриархальная народная религиозность, впрочем, обнаруживающая в себе несомненно пантеистическую закуску.

Великолепны его стихи из Первой Пифийской оды, посвященной колеснице сиракузского тирана Гиерона, в которых он с державинским простодушным и самозабвенным восторгом воспекает вулканическую Этну, расположенную во владениях Гиерона: «Этна — столп небосвода, снежно-бурная Этна, весь год ледников кормилица ярких. Там из самых недр ее неприступного пламени ключ бьет священной струей. И текут днем потоки рек, испуская огнистый дым, ночью же блеском багровым пышет огонь, глыбами скалы вниз он, вращая, мчит с грохотом, с грозным шумом в бездну пучины морской. Страшный ток Гефеста чудовищный этот зверь ввысь посылает. И дивное диво это для всех, кто увидит сам, диво для всех, кто об этом слышит рассказы». В огненной красоте живой и одухотворенной стихии Пиндар чувствует присутствие божества; природа в конечном счете для него и есть бог.

Из дифирамбов, певшихся на вакханалиях, участники которых, изображая спутников Диониса сатиров, надевали на себя козы шкуры и мазали себе лица виноградным суслом, неистово плясали, и потом приносили в жертву козла, выросла трагедия, что значит «козлиная песнь». В своего рода

священные драмы, которые разыгрывались при этом, стали включать и других богов и героев, и хотя впоследствии трагедия настолько утратила связь с религиозным торжеством, что в Афинах возникла ироническая поговорка «При чем тут Дионис», исконную связь с вакханалиями трагедия сохранила не только в своем названии, но и в том, что неперменной принадлежностью театрального реквизита оставался жертвенник, а главной темой трагедийного хора было величание богов; характерно и то, что в Афинах представления трагедий давались дважды в году — в зимние и весенние дионисии, календарные сроки празднования в честь Диониса. Первым трагическим поэтом, по преданию, был Феспид, живший в VI столетии до Р.Х., но сохранившиеся тексты трагедий написаны были уже в классическую эпоху.

Из сельских дионисий выросла и комедия. В праздник, календарно связанный со сбором винограда, устраивались шествия подвыпивших крестьян, плясавших и певших разнузданные песни фаллического содержания. Такие шествия назывались комосами. Отсюда и слово комедия, что значит песнь во время комоса. Первыми известными по именам комедиографами были Суссарион из Мегар и Эпихарм из Коса, но их комедии до нас не дошли.

В эпоху архаики из мифологической теогонии вырастают первые опыты философского осмысления начал мироздания. В начале VI века в ионийском Милете Фалес учил, что первооснову вселенной составляет единая субстанция, и это вода, которая несет в себе зачаток движения и жизни. Фалес заимствовал у вавилонян и египтян солидные астрономические знания и в 585 г. до Р.Х. предсказал согражданам солнечное затмение. Он явился также основоположником геометрии, доказав впервые несколько геометрических теорем. Еще один натурфилософ из Милета Анаксимен первопричиной вселенной называл другую стихию — воздух. Самым глубоким натурфилософом из ранних досократиков был также милетец — Анаксимандр, который основой мироздания считал «апейрон» — вечную и бесконечную субстанцию, не сводимую ни к одной из четырех стихий и пребывающую в вечном движении, в процессе которого из апейрона выделяются противоположные начала — тепла и холода, сухости и влажности. Традиция усваивает Анаксимандру начертание первой географической карты, представлявшей всю

известную поверхность земли, которая, по его представлениям, имела форму цилиндра, парящего в воздухе.

С орфическим культом связан был самый глубокий мыслитель архаической эпохи Пифагор, уроженец острова Самоса. Его учителями античные авторы называют древних мудрецов Фалеса, Бианта и Анаксимандра; а по Геродоту, он общался также с египетскими жрецами, от которых заимствовал учение о метемпсихозе. Пифагор много путешествовал; переселившись в зрелые годы в Великую Грецию, одно время он жил в городе Кротоне.

Пифагор началом всего сущего считал число. Все остальное в природе подвержено переменам, и только числа и математические законы остаются неизменными. Путь к познанию мира лежит через изучение математических закономерностей, которые этим миром управляют. В длящемся более двух с половиной тысячелетий споре пифагорейцев с их оппонентами, отрицающими сводимость качества к количеству, современная цифровая технология с ее поразительно совершенными результатами в воспроизведении звука и цвета взяла сторону Пифагора. Высшую цель человека Пифагор видел в занятиях философией и математикой. Сам он вошел в историю этой науки как автор теоремы о квадрате гипотенузы.

Последователи Пифагора объединялись в закрытые религиозно-мистические союзы — гетерии, которые, подобно гетериям орфиков, представляли собой тайные общества. По словам Е. Г. Рабинович, «чтобы быть туда принятым, будущий пифагореец должен был пройти тяжкое испытание, включающее в себя несколько лет молчания... За испытанием следовало неполное посвящение в эксотерики (“внешние”). Эксотерики именовались также акусматиками (“слушателями”), потому что могли присутствовать на пифагорейских собраниях, но только за занавесью, внимая таинству, а не созерцая его, как вполне посвященные. Эти последние именовались эсотериками (“внутренними”), или математиками (“учеными”), или себастиками (“священными”) — они могли видеть и слышать все. Мифологическим содержанием главного пифагорейского таинства было учение о переселении душ, но какой именно культ отправляли древние пифагорейцы и какое божество было в центре этого культа, доподлинно не известно» (Рабинович. — Филострат, цит. изд., с. 246).

Особенность пифагорейских гетерий, отличавших их от других мистерияльных обществ, заключалась в особом интересе к политике, так что они могут рассматриваться как один из прототипов позднейших масонских лож. Пифагорейцы участвовали в политической борьбе греческих городов южной Италии, в особенности влиятельны они были в Кротоне. Сторонники аристократических партий, они подвергались гонениям там, где к власти приходили демократы. Поражение аристократов в Кротоне привело к запрещению и разгрому местной пифагорейской гетерии и, возможно, к гибели самого Пифагора. Но и после того в течение веков пифагорейские союзы оставались заметным фактором политической жизни многих полисов.

4. Быт и хозяйство архаической Греции

Основную клетку греческого социума составляла семья, и это была патриархальная семья, власть в которой безраздельно принадлежала мужчине; отец распоряжался жизнью и смертью своих детей — во всех полисах, кроме Фив, а не только в Спарте, он, если хотел, мог избавиться от новорожденного ребенка: отвергнутых детей бросали со скал в ущелье, оставляли на обочинах дорог, давая им шанс на жизнь, иногда младенцев полагали на ступенях храмов. Везде, кроме Афин, родители могли продавать детей в рабство, и многие отцы, оказавшись в нужде, пользовались таким правом. Жены были в подчинении у мужей, но, в отличие от Леванта, брак у греков был моногамным; впрочем, в Спарте с ее особенно маскулинными нравами, существовал обычай полиандрии, когда несколько братьев сожительствовали с одной общей женой. Женским делом считалось вести домашнее хозяйство и выращивать детей. Посещение мужьями гетер — подруг, которые, развлекая их, пели, танцевали, играли на флейте и даже сочиняли стихи, не нужно было скрывать ни от общества, ни от жен. Протivoестественные связи, которые часто являлись оборотной стороной мужской дружбы, также не вызывали скандала — отношение к ним было вполне терпимым.

Жилищем семьи служил дом, который стоял посреди двора (ауле), во дворе размещались также хозяйственные постройки: скотный двор, амбар для зерна, в домах ремесленников или богатых усадьбах рабовладельцев устраивались мастерские, в состав усадьбы входили огород и фруктовый сад, обнесенные

оградой. Дома строились из дерева, сырца, кирпича и камня в зависимости от состояния семьи, у богатых людей на отделку дома употреблялся мрамор и иногда полудрагоценные минералы. Главное парадное помещение, мегарон, отделен был от двора сенями — продромосом, иногда также портиком. Дворы, со всех сторон окруженные портиками, — перистили, появляются позже, в классическую эпоху. В ионийских городах Малой Азии и на Кипре дворы мостили. Потолок мегарона поддерживали деревянные колонны, между которыми устраивался очаг, над ним располагалось защищенное от дождя отверстие для выхода дыма. Вдоль стен мегарона стояли лавки, покрытые коврами. Женская половина, в которой жили также и дети, в богатых домах устраивалась на втором этаже, иногда эти вторые этажи нависали над улицей. Внутри дома находились баня, кладовые помещения для съестных запасов.

Основу питания эллинов составлял хлеб — ржаные или ячменные лепешки. Ели маслины, лук и чеснок, питались орехами, медом и фруктами — яблоками, сливами, инжиром, а также коровьим, овечьим или козьим молоком, пресным и кислым, из молока выделявали мягкий сыр, похожий на творог или брынзу. В рацион непременно входило также оливковое масло, пили вино, разбавленное водой более чем наполовину. Это делалось по разным причинам, в том числе и потому, что при изготовлении вина употреблялась сера, вкус которой надо было отбить. К тому же вода, к которой добавлялось вино, дезинфицировалась вином, и взрослые мужчины часто употребляли разбавленное вино вместо воды.

Чтобы захмелеть, надо было пить много и долго — пьянству поэтому предавались за дружеским застольем — симпозиумом, совозлежанием: древние обыкновенно вкушали пищу и пили вино полулежа, располагаясь на низких сиденьях, апоклистрах, которые расставлялись «покоем», а посередине ставились маленькие столики — для еды и вина. Люди воздержанные выпивали не более трех чаш: первую, как говорили, для здоровья, вторую — для удовольствия, а третью — для сна. Но иногда симпозиумы превращались в разгульное пиршество. Вино, перед тем как его пригубить, отплескивали на пол, совершая жертвенное возлияние богам. В симпозиумах участвовал узкий круг друзей — считалось, что синтрофосов — сотрапезников должно быть не меньше числа харит и не больше

числа муз, то есть от трех до девяти человек, чтобы они легко и удобно могли поддерживать общую беседу. На симпозиумы приглашались гетеры, призванные развлекать сотрапезников пением, плясками, декламацией, а также менее скромными услугами. На симпозиумы помимо гетер приглашали также лиц бедных, но известных своим острословием, чтобы они потешали гостей. Образ жизни таких лиц, торговавших своим остроумием, порой весьма плоским, считался зазорным, называли их параситами, от «ситос» (хлеб), что можно перевести как нахлебник.

Греки не употребляли за трапезой ни ножей, ни вилок, ни ложек — пищу брали руками, объедки бросали на пол. Мясо домашних животных и дичи ели по праздникам, чаще на симпозиумах, чем у себя дома в семье, иногда это было жертвенное мясо, которое одно только и было доступно бедным. Даже богатые избегали употреблять его повседневно, что, конечно, отчасти объясняется жарким климатом — регулярно питавшихся мясом считали обжорами. Зато состоятельные люди ели много рыбы, морской и той, что вылавливали в горных речках, а также мидии. Рыбная пища была повседневной и у рыбаков. Стол малоимущих земледельцев и горожан состоял в основном из ячменного хлеба, маслин, чеснока и лука, пастухи питались хлебом, пресным и кислым молоком и сыром. Бедные и вино пили по праздникам, в основном в зимнее время. Рабов кормили ячменными лепешками, чесноком, фигами и вином из виноградных выжимок. Спартанцы питались крайне непритязательно — хлебом, похлебкой, вареной свининой и вином, в праздники в сисситиях угощали печеньем.

Главным производственным занятием архаической эпохи оставались земледелие и скотоводство, но роль земледелия в хозяйстве постоянно росла, при этом все больше переходили от выращивания хлеба, который в значительном количестве импортировался из Северного Причерноморья, Италии и Египта, к более выгодному разведению оливковых плантаций, виноградников и фруктовых садов, продукция которых экспортировалась. Самой богатой житницей Эллады была плодородная Фессалийская равнина. Земледельцы употребляли плуг, борону, мотыги, заступы. В засушливых землях, которые преобладали, насущной необходимостью было рытье оросительных каналов — ирригационная система требовала постоянного ухода

за ней. В большинстве хозяйств домашний скот играл подсобную, второстепенную роль, но в малонаселенных горных местах, в особенности в Аркадии и в Эпире, пасли стада овец и коз. Повсеместно разводили коров, причем не только ради молока, — волы, а не лошади использовались по преимуществу в качестве рабочего скота в земледелии и как тягловая сила. Быков употребляли при молотье зерна, гоняя их на току по кругу. Лошадей держали лишь состоятельные люди, они нужны были для кавалерии, для скачек, но также для езды, менее всего для полевых работ.

Поэма беотийского крестьянина Гесиода «Труды и дни» содержит подробные наставления земледельцу. Эта поэма — гимн труду, который, как убежден Гесиод, способен сделать человека угодным богам: «Голод, тебе говорю я, всегдашний товарищ ленивца. Боги и люди по праву на тех негодуют, кто праздно жизнь проживает, подобно безжалостному трутню, который, сам не трудясь, работой питается пчел хлопотливых. Так полюби же дела свои вовремя делать и с рвением. Будут ломиться тогда у тебя от запасов амбары. Труд человеку стада добывает и всякий достаток. Если трудиться ты любишь, то будешь гораздо милее вечным богам, как и людям: бездельники всякому мерзки».

Крестьяне обрабатывали наделы — клеры, которые им принадлежали в большинстве полисов по праву частной собственности, но в некоторых полисах собственником земли было само государство, распределявшее ее между гражданами. Число крупных землевладельцев было невелико, и их латифундии не составляли значительной части обрабатываемой земли. Земледельцами были в основном свободные крестьяне — граждане либо даже неполноправные метеки. В крупном землевладении использовался рабский труд, а также труд зависимых крестьян вроде илотов либо наемных работников — батраков. Рабов иногда держали и небогатые крестьяне. Но количество свободных крестьян в эпоху архаики многократно превышало число рабов, занятых в сельском хозяйстве.

В индустрии также преобладал труд свободных ремесленников — демиургов, но существовали и крупные мастерские, владельцы которых держали рабов, а также использовали наемный труд. В особенности широко применялся труд невольников в рудниках.

В VII столетии до Р.Х. уроженец Хиоса Главк сделал одно из важнейших изобретений в истории технологии — нашел способ паять железо, что способствовало росту железной индустрии. Масштабное изготовление оружия из стали привело к глубокому преобразованию в военном деле — тяжеловооруженная пехота умалила значение аристократической конницы. Железо не вытеснило производства медных и бронзовых изделий. В бронзовой индустрии также сделаны были тогда важные усовершенствования: «Мастера Ройк и Феодор с острова Самос освоили новые виды литья бронзы, которые позволили отливать статуи по восковой модели, получать прочные и тонкие листы бронзы, широко использовавшиеся для изготовления ряда предметов вооружения (панцири, шлемы, щиты), парадной посуды..., бронзовые листы для обшивки бортов и изготовления многих металлических деталей судов» (История Древней Греции. М., 2001, с. 88–89).

Потребности в одежде удовлетворяло ткацкое, швейное и красильное производство. В эпоху архаики в одежде на смену древних хлена и пеплоса — шерстяного плата, который оборачивался вокруг тела и прихватывался на плечах заколками, приходит хитон — рубаха, которую мужчины носили не подпоясывая, а женщины подпоясывали высоко над талией, так что она свисала поверх пояса, образуя своего рода накидку. Поверх хитона мужчины носили на левом плече гиматий, женщины же гиматием покрывали голову. Юноши (эфебы) надевали для верховой езды хламиду, короткий плащ с застежкой — аграфом. В зимнее время голову покрывали плоской войлочной шляпой с широкими полями. На ногах носили сандалии.

Повседневным нуждам людей служил труд гончаров, изготавливавших прекрасную керамику. Помимо сосудов, гончары делали светильники, трубы для водопроводов, черепицу для крыш, плитки для отделки зданий. Ремесленники, наравне с людьми интеллигентных профессий вроде врачей объединялись в своего рода профессиональные гильдии, подобные средневековым цехам, которые взаимно поддерживали друг друга, назначали согласованные цены на свою продукцию, подавляя конкуренцию. Крупными центрами ремесел были Мегары, Афины, Коринф и крупнейший малоазийский город — Милет, где процветали металлургия и ткацкое производство, в особенности изготовление шерстяных тканей. В Халкиде

на острове Эвбее добывали медь, которая употреблялась в металлургической индустрии не только Эллады, но и за пределами эллинского мира.

Эллинский мир связан был нервной системой торговых путей. Но торговля являлась необходимым средством поддержания жизнедеятельности и внутри полисов. В то же время греки вели торговый обмен и с варварами, жившими по периферии эллинского мира. Изделия, изготовленные греками, вывозились даже в пределы Западной и Северной Европы; такие находки были сделаны в Бургундии, где выкопали бронзовый кратер, и в окрестностях Берлина, где в скифской могиле нашли золотую рыбу, служившую украшением панциря. Главным транспортным средством обменных операций служил торговый флот, которым обладали все приморские полисы в метрополии и колонии. Помимо пентеконтер с 50 гребцами строились триеры, на которых размещалось по 180 гребцов, размещенных в три ряда. Такие суда обладали высокой грузоподъемностью, пассажирские перевозки по морю были не дороги и доступны людям скромного достатка, что значительно повышало мобильность эллинского мира. Морские пути пересекали Средиземное море в разных направлениях. Из Коринфа в города Сицилии и Италии в керамических сосудах везли вино, масло, благовония, а также бронзовые мечи, из Милета и Мегар вывозили шерстяную ткань. Торговый путь проходил также через Босфор и Дарданеллы, связывая бассейн Эгейского моря с колониями в южном и северном Причерноморье.

Первоначально торговля велась примитивным бартером, но в эпоху архаики в употребление входят деньги. Ранее эллины использовали в качестве денег короткие и тонкие железные прутья — оболы. Пригорошня из шести оболов составляла драхму, и хотя впоследствии денежная система изменилась, прежние названия денег удержались. Но в VII веке эллинские полисы заимствовали из Лидии чеканную монету фиксированного веса.

Путь к изобретению монет прошел несколько этапов. Вначале вошло в обиходование на металлическом слитке произвольного веса прутом наносить отметины, чтобы показать однородность металла. Затем на оборотной стороне слитка в виде бляшки стали прочерчивать желобки, по которым можно было судить о ее износе. Наконец, стали употреблять круглые бляшки фиксированного веса, на которые наносились символы,

удостоверяющие их стоимость. Это изобретение сделано было, как о том пишет Геродот, в Лидии. В этой стране, расположенной к востоку от малоазийских эллинских колоний и населенной народом, язык которого не известен, но по имеющимся ономастическим и топонимическим данным можно считать с определенностью, что он принадлежал к анатолийской семье и был родственным хеттскому и лувийскому языкам, находились богатые месторождения электрона — природного сплава золота и серебра.

Лидийский царь Гиг, правивший с 687 по 652 г. до Р.Х., велел стандартизировать образцы электрона по их оттенкам и, значит, по весовой доле в нем золота, и символами изображать вес и стоимость электронной бляшки — монеты, по-гречески — номисма, что значит «узаконенное». Каждой такой монете соответствовал слиток чистого золота определенного веса. Первая чеканная монета получила название «статер»; при использовании монет иного веса и достоинства статер стал единицей измерения стоимости монет. На крупных монетах чеканилась львиная голова, на мелких — львиная лапа. Лидийский царь Крез (561–541 гг. до Р.Х.) чеканил уже монеты из чистого золота и чистого серебра. Золотые статеры Креза послужили образцом для персидских золотых монет и серебряных шекелей. Но уже в VII столетии изобретение монет было заимствовано ионическими полисами Милетом и Эфесом, интенсивно торговавшими с Лидией. На монеты из электрона в этих городах наносили чеканное изображение льва, повернувшего голову, пчелы или оленя.

На Элладском полуострове не было залежей электрона, однако в Аттике добывалось серебро. Начало употребления серебряных монет в самой Греции предание связывает с именем Фидона, царя пелопоннеского Аргоса, правившего в VII веке. Для наименования новых серебряных монет Фидон использовал древние названия железных прутьев: драхмы и оболы. Центром чеканки серебряных монет стал остров Эгина, где на монеты наносили изображение черепахи. Эти монеты получили широкое распространение в городах Пелопоннеса и в Аттике. Употреблявшиеся в Элладе лидийские и эгинские монеты основаны на разных системах весовых соотношений.

Во второй половине VII века на острове Самосе и в Коринфе появился новый весовой стандарт монет, который получил название эвбейского. Эвбейские монеты широко использовались

затем на западе — в Великой Греции; в 590 г. с эгинской на эвбейскую денежную систему перешли Афины. Основу обеих систем составляла такая единица, как талант, который одинаково делился на 6000 драхм, но вес этого таланта был разным: эгинский весил 37 кг, а эвбейский — 26. Драхмы чеканились из серебра, а оболы, в 6 раз более мелкая по достоинству монета, — из меди или бронзы. В ионических городах Малой Азии в основном продолжали употреблять лидийский стандарт. Таким образом, в большинстве греческих полисах применяли монеты трех систем, которые чеканились в Милете и Эфесе, в Эгине, а также в Коринфе и Самосе — главных центрах чеканки эвбейских монет. С середины VI века стали чеканить монеты и в других полисах: в Гимере, Керкире, Тасосе, Потидее, Таренте, Сиракузах.

5. Греческий полис

Основой государственного устройства эллинского мира в эпоху архаики оставался полис, сложившийся еще в героический век, — город и одновременно государство, что прекрасно иллюстрирует прозрачная этимология слова «политика». Полисы были, по современным представлениям, исключительно мелкими, карликовыми государствами вроде современных Монако или Лихтенштейна, и потому число их было весьма велико. Далеко не все они известны по названиям, но наименования многих сотен полисов до нас дошли. Существовали полисы, территория которых не превышала 30 квадратных километров, а население — нескольких сотен человек, например фокейский полис Панопей. Размеры крупнейших полисов приближались к 10 тысячам км. Так, площадь Лакедемона, или Спарты, составляла 8400 квадратных километров с населением до 150 тысяч человек, примерно такое же население было и в Афинском полисе, при том что его территориальные размеры были в 3 с лишним раза меньше. Крупными, по античным меркам, полисами были также Коринф, Милет, Тарент, Сиракузы.

В среднем полис занимал территорию от 100 до 200 км и в нем проживало от 5 до 10 тысяч человек — полноправных граждан, женщин, детей, метеоков и рабов, так что граждане обыкновенно знали друг друга. Опираясь на фактическое положение вещей, Аристотель сформулировал рекомендации относительно оптимальных размеров полиса: «Подобно тому как

население государства.., — писал он, — должно быть легкообозримо, так легко обозрима должна быть и территория, “легкообозрима” значит, что ее легко можно защищать» (Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т. 4. М., 1984, с. 599). Аристотель находил, что «сообщение города и всей территории государства с морем дает большое преимущество и для обеспечения безопасности государства, и для обильного снабжения его всем необходимым» (Аристотель, цит. изд., с. 600). В большинстве случаев так оно и было в действительности. Почти все полисы имели выход к морю, и чаще всего город либо стоял на берегу, либо, если он был удален от него более чем на 20 стадий — примерно на 3 км, — то на морском берегу находилась гавань, которая соединяла полис с эйкуменой.

Несмотря на то что слово «полис» переводится обычно как «город», большую часть его населения составляли люди, занимавшиеся крестьянским трудом и жившие в сельских поселениях: комах или демах, но эти деревни считались своего рода придатком к центральному поселению, городу, которое называлось одинаково с целым государством полисом, причем в нормальном случае в государстве был один город и его название служило одновременно и наименованием государства. Горожане обыкновенно имели участки земли вне города, часто на этих участках они строили дома и проводили в них часть года, в зависимости от достатка занимаясь крестьянским трудом или имея рабов и живя там по-помещичьи. По своему происхождению полис представлял собой племя, состоявшее из родов, каждый из которых первоначально составлял один дем и занимал одну кому, или, в случае синойкизма, союз племен, или фил.

Город был политическим и религиозным центром своего государства. Эту мысль по-гречески почти невозможно выразить ввиду того, что полисом называлось и то и другое, и это не случай полисемии, а это одно и то же тождественное понятие, которое мы разводим на два разных, отталкиваясь от принципиально иного политического устройства современного мира.

Центром города был акрополь — цитадель на вершине холма или на уступе горы, возвышающаяся над жилыми кварталами, на акрополе воздвигался главный храм полиса, посвященный богу-покровителю, а также храмы в честь других богов. Но храмы строились и в других местах города, внизу. Впрочем, богам посвящались не только храмы, но и другие сооружения:

театры — Дионису, портики и дороги — Гермесу. В храме на акрополе не только стояла статуя бога для поклонения, в нем хранилась и государственная казна. Акрополь не лишен был в силу своего расположения и оборонительного значения — в эпоху завоевания и ранее, в микенский период, на месте акрополя часто располагались резиденции василевсов. Но защищен был акрополь в основном своим рельефом, часть его периметра могла примыкать к отвесной крутизне. В некоторых полисах вокруг акрополя сохранялись руины крепостных стен, унаследованные у ахейской цивилизации. Сооружение новых фортификаций вокруг акрополя или всего города относится лишь к концу архаического периода или уже к последующей эпохе.

Центром нижнего города была агора, рыночная площадь и одновременно место для проведения народного собрания — первоначально слово «агора» как раз и обозначало само собрание полноправных граждан. По периметру агоры строились стои — длинные портики, образующие своего рода галереи, предназначенные для деловых встреч. На агоре свободные и состоятельные греки, не вынужденные добывать средства существования ежедневным трудом, проводили едва ли не большую часть дня. На агоре либо возле нее сооружался булевтерий — здание, в котором заседал городской совет, или буле. К числу общественных сооружений относились также пританеи, где поддерживался священный огонь полиса, симпозионы, где проходили общественные трапезы, палестры, окруженные стоями места для гимнастических упражнений. Театры и стадионы существовали уже в эпоху архаики, но они не сохранились как археологические памятники, потому что подмостки строились тогда из дерева, а все остальное, включая места для зрителей, представляло собой незастроенный участок города с удобным для этих целей рельефом, представлявшим ровную площадку, к которой примыкал склон холма, на котором и располагались зрители.

Жилые дома обыкновенно представляли собой хаотическую застройку, прорезанную узкими и кривыми улочками для прохода и проезда верхом или в экипаже. В благополучных городах улицы мостили каменными плитами. Иногда такие плиты клали только по краям улицы, так что они образовывали тротуар для пешеходов, а проезжую часть оставляли немощеной. Главные улицы были началом дорог, соединявших

город с деревенскими поселениями или с другими полисами. Элементы правильной планировки города появляются только к концу VI века в Смирне и в некоторых других городах малоазиатского побережья. Там же, ввиду опасного соседства с могущественной Лидией, а потом также Персией, стали возводить городские фортификации из деревянных столбов и сырцового кирпича на массивных цоколях из булыжника.

Население полисов разделялось на полноправных граждан, меньшая часть которых принадлежала к старой родовой аристократии, а большинство к простолюдинам, свободных, но не обладавших политическими правами периеков или метеков, зависимых людей, вроде илотов Лакедемона, и рабов. В политической жизни участвовали только граждане. Привязанность гражданина к своему полису была исключительно велика, и эллинский патриотизм — это почти исключительно полисный патриотизм; сознание своей принадлежности к эллинскому миру, который противопоставлялся варварскому, было также вполне живым, но оно подобно современному сознанию принадлежности к своей цивилизации, например европейской — к «христианскому миру», как ее называли в недавнем прошлом. Вне своего полиса грек превращался в бесправного периека. К тому же полис заботился о поддержании минимально приличного достатка для всякого гражданина. В этих целях потерявшие свои наделы граждане наделялись землей из резервных земельных фондов. В некоторых полисах вводился максимум допустимых частных земельных владений, на состоятельных лиц налагались литургии — обязанность тратить часть средств на общественные нужды. Огромных состояний, которые известны в современном мире и которые существовали в Риме в эпоху империи, ни архаическая, ни классическая Эллада не знали.

Основополагающими элементами государственного устройства полиса были народное собрание, в которое принципиально входили все граждане, и совет — буле или герусия, который ведал текущими делами. Но соотношение полномочий этих учреждений в разных полисах было не одинаковым. Публичные должности обыкновенно занимали по выборам, в течение ограниченного времени, чаще всего безвозмездно. В некоторых полисах сохранялась от эпохи завоевания наследственная власть племенных василевсов, в других государствах власть захватывали тираны, которых в наше время называли бы диктаторами.

Аристотель, обобщая многообразную и пеструю картину политического устройства эллинских государств, выделяет 6 основных типов: три правильных — царскую власть, аристократию и полицию и три неправильных — тиранию, олигархию и демократию, констатируя при этом, что более распространены все-таки неправильные формы правления, и в особенности — демократия или олигархия. «Главными видами государственного устройства, — писал он, — являются два — демократия и олигархия, подобно тому как говорят главным образом о двух ветрах — северном и южном, а на остальные смотрят как на отклонение от этих двух. Ведь аристократию считают некоей олигархией, а так называемую полицию — демократией» (Аристотель, цит. изд., с. 491). Борьба сторонников демократического или олигархического правления составляла стержень политической истории греческих государств уже в эпоху архаики. И перипетии такой борьбы часто приводили к радикальным переменам в форме государственного устройства.

6. Спарта и другие полисы Пелопоннеса

В эпоху архаики самым сильным и, как считал Геродот, самым благоустроенным полисом Эллады был Лакедемон, или Спарта. Это один из немногих случаев, когда наименование страны, Лакедемон, расходится с названием ее центра, хотя, конечно, Спартой называли и все государство. Спарта расположена в Лаконике, составляющей южную плодородную часть Пелопоннеса. В микенскую эпоху Лаконика заселена была ахейцами, ассимилировавшими древние автохтонные племена. В ту пору в Спарте, по преданию, которое отразилось в «Илиаде», царствовал Менелай. Ему принадлежало еще 11 городов этой страны и среди них долго сопротивлявшиеся потом дорийцам Амиклы, археологические раскопки которых обнаружили процветающий город микенской цивилизации.

Вторгшиеся в XI веке до Р. Х. с севера по долине вдоль реки Эвроты дорийцы, которыми, по преданию, предводительствовали Эврисфен и Прокл, разрушили древнюю Спарту, и на ее месте появилось 5 деревень, которые собственно и составили новую Спарту, так и не приобретшую характера античного города вроде Афин или Коринфа ни в архаическую, ни в классическую эпоху. Спарта была вначале лишь одним из 6 дорийских царств в Лаконике, но цари Спарты, почитавшиеся потомками

Геракла, претендовали на верховенство и в конце концов подчинили себе жителей других деревень, которые получили статус периеков, что значит «живущие вокруг», им было предоставлено самоуправление в своих деревнях, но под руководством представителя Спарты — гармоста; политических прав в самой Спарте они были лишены, но в военное время подлежали призыву в войско; кроме того, с некоторых земельных владений они выплачивали дань спартанским царям — десятину. Часть ахейцев во время этого завоевания была истреблена, другие покорены, некоторые бежали в соседнюю Аркадию и другие близлежащие горные места либо далеко от родины — в Аттику, на острова Архипелага, на Кипр, на азиатское побережье Эгейского моря.

Но не все оставшиеся в Лакедемонне превратились в бесправных подданных, часть ахейской знати была ассимилирована и вошла в состав спартанцев. В «Истории» Геродота есть эпизод, относящийся к кануну греко-персидской войны: когда спартанский царь Клеомен, находясь в Афинах на Акрополе, пожелал войти в храм богини — покровительницы города, жрица остановила его — она «поднялась с седалища и сказала: “Назад, чужеземец из Лакедемона! Не вступай в святилище! Ведь сюда не дозволено входить дорийцам!” А тот возразил: “Женщина! Я — не дориец, а ахеец”» (Геродот, цит. изд., с. 258). Дело в том, что, по преданию, гераклиды, к которым принадлежал Клеомен, в свое время были несправедливо изгнаны из Пелопоннеса и вернулись на родину своих предков во главе полчищ иноплеменников дорийцев, чтобы отвоевать свое наследие, которое у них отнял Пелопс и его потомки. Жрица, правда, и вслед за ней Геродот, не сочли объяснения Клеомена удовлетворительными, но воспрепятствовать его проникновению в храм Афины она не смогла.

Большая часть оставшихся в Лаконии ахейцев была покорена и поставлена в бесправное положение прикрепленных к земле работников — илотов. Затем число илотов было значительно пополнено в результате успешных войн с Мессенией, граждан которой, оставшихся в живых, обратили в такое же состояние. Этимология слова «илот» не прояснена вполне. Его производят от слова «элос» — низкое и сырое место, этимологически однокоренное с русским «ил» — такой могла восприниматься влажная и плодородная долина Эвроты, — либо из корня «эл» (брать),

то есть илоты — это взятые, захваченные, покоренные, но наиболее убедительной представляется версия, производящая «ило-тов» от названия лаконийского города Гелоса, который оказал дорийцам особенно упорное сопротивление, что повлекло за собой обращение его граждан в своего рода крепостных крестьян, хотя основную массу илотов составили впоследствии не жители Гелоса, а покоренные мессенцы, так что у древних авторов встречается наименование илотов мессенцами.

Главная забота спартанцев, составлявших в Лакедемоние меньшинство, значительно уступавшее перизкам и илотам, была о том, чтобы сохранить свою власть в полисе, чтобы держать покоренных подданных в узде. Поэтому весь строй государственной жизни и даже бытовой уклад были нацелены на поддержание постоянной военной готовности и полиса в целом и каждого его гражданина, на превращение Спарты в военный лагерь. Как писал А. Дж. Тойнби, «спартанцы, завоевав Мессению с надеждой жить и благоденствовать на новых землях, вынуждены были напрячь все свои силы, чтобы удержать ее. С этого момента они превратились в послушных слуг своей власти над Мессенией, что стало проклятием всей их истории» (Тойнби, *цит. изд.*, с. 198).

Создание этого в высшей степени своеобразного политического строя связано с именем мудрого законодателя Ликурга, дяди и воспитателя молодого царя (архагета), который, если согласовать многочисленные упоминания о нем в античных памятниках, жил в конце IX века до Р.Х. В этом отношении особую важность имеет замечание Фукидида, который во время Пелопоннесской войны, в конце V века, писал: «Лакедемон после его заселения дорийцами, и поныне там живущими, больше всех городов, насколько нам известно, страдал от междоусобных распрей. Однако уже издревле город управлялся хорошими законами и никогда не был под властью тиранов. Около 400 лет или несколько больше минуло до конца этой войны, с тех пор как у лакедемонян установилось одно и то же государственное устройство. Достигнув по этой причине могущества, они и в других городах устанавливали такой же порядок» (Фукидид, *цит. изд.*, с. 12). Впрочем, многие историки, ввиду отсутствия упоминания имени Ликурга в современных или близких ему по времени текстах, а также ввиду его последующего обожествления, сомневаются в самом существовании

этого реформатора — в XIX веке его, без достаточных на то оснований, считали легендарным персонажем.

Основа государственного строя Спарты изложена в так называемой «Великой ретре», которую Ликург огласил по совету дельфийского оракула. Ретрами принято было называть изречения, содержавшие в себе важные постановления и приписывавшиеся божеству. «Великая ретра» известна из плутарховой биографии Ликурга, хотя это, конечно, поздний источник, но текст «Ретры» отличается архаизмом, что совершенно исключает возможность его фальсификации Плутархом и даже его появление в классическую эпоху. В изложении «Ретры» Плутарх опирался на Аристотеля. У Плутарха текст ее передан в таком виде: «Выстрой храм Зевсу-Гелланию и Афине-Геллании, раздели народ на филы и обы, учреди совет (герасию. — *В. Ц.*) из тридцати с вождями (архагетами. — *В. Ц.*), и пусть время от времени народ собирается между Бабикой и Кнакионом (на апеллу. — *В. Ц.*). Предлагать законы и собирать голоса должен ты, окончательное же решение должно принадлежать народу же быть власти и силе» (Плутарх. Сравнительные жизнеописания. М., 2008, с. 52). Упоминаемые в ретре филы, очевидно, заменили три древних родовых или племенных филы — гилейцев, диманцев и памфилов и основаны были уже не столько на родовом начале, сколько на месте проживания. Комментируя это место ретры, Н. Хаммонд писал: «В классическую эпоху Спартакское государство состояло из пяти фил и пяти об, или околотков, которыми являлись четыре деревни на равнине и деревня Амиклы. Поскольку филы и обы носили одинаковые названия, похоже, что первоначально члены новых фил были жителями соответствующих об и зачисление в филы производилось в соответствии с местом жительства. Их потомки оставались членами той же филы вне зависимости от того, жили они в той же обе или нет... В соответствии с этим делением формировалось пять полков спартанской армии в качестве территориальных частей и, возможно, выбирали пятерых эфоров» (Хаммонд, цит. изд., с. 119). Но старые три филы — памфилов, гелиев и диманцев, а также фратрии и роды сохранили значение в религиозном культе, например в поклонении Аполлону Карниосу, утратив однако прежний политический характер. Новые филы, преемственно связанные с обоими, назывались так: амиклы, мессой, киносурой и лимны.

Приблизительно в 757 г. до Р.Х., при царях Полидоре и Феопемпе, в ретру, по совету дельфийского оракула, было внесено дополнение: «Если народ постановит дурно, царям и старейшинам уйти» (Плутарх, *цит. изд.*, с. 52). Комментируя это дополнение к ретре, Плутарх поясняет: цари и геронты в подобном случае «не должны были утверждать... решений» апеллы, «а вообще распустить собрание, объявить его закрытым, так как оно приносит вред, искажая и извращая их постановления» (Плутарх, *цит. изд.*, с. 52).

Историки скептического направления отрицали подлинность ретры. Так, Э. Мейер находил, что она сочинена была под видом оракула около 400 г. до Р.Х. Между тем ретра пересказана спартанским поэтом VII века Тиртеем в одном из его стихотворений: «Так нам из пышного храма изрек Аполлон-далновержец, златоволосый наш бог, с луком серебряным царь: “Пусть верховодят в совете цари богочтимые, коим Спарты все-радостный град на попечение дан, вкупе же с ними и старцы людские, а люди народа, договор праведный чтя, пусть в одномыслии с ним только благое вещают и правое делают дело, умыслов злых не тая против отчизны своей, — и не покинет народа тогда ни победа, ни сила” — так свою волю явил городу нашему Феб». «Старцы людские» в русском переводе стихотворения то же, что геронты, то есть члены совета старейшин — герусии.

В соответствии с Великой ретрой, политическими правами в Лакедемоне пользовались только граждане, а гражданство приобреталось исключительно по наследству. Высшими должностными лицами в Лакедемоне были два архагета — царя, которые происходили из двух династий — Эврипонтидов и Агиадов. По верованиям спаранцев, они воплощали богов-близнецов Кастора и Полидевка, и потому цари исполняли также жреческие полномочия. Кроме того, архагеты командовали спартанским войском — во время военных действий сражающееся ополчение возглавлял один из них, а другой оставался в Спарте. По Геродоту, «спартанцы предоставили своим царям» почести: «обе жреческие должности — Зевса Лакедемонского и Зевса Урания и даже право вести войну с любой страной. Ни один спартанец не смеет им противодействовать, в противном же случае подлежит проклятию. В битве цари выступают впереди и последними покидают поле сражения. Сотня отборных воинов служит им в походе телохранителями» (Геродот, *цит. изд.*,

с. 288). Оба царя входили в состав герусии — совета старейшин из 30 лиц, включая архагетов. Возможно, что первоначально в герусии каждая фратрия была представлена одним членом, но впоследствии всякая связь этого учреждения с древним родовым строем была утрачена. Для членов герусии — геронтов, кроме царей, существовал возрастной ценз — не менее 60 лет, избирались они пожизненно из тех, кто принадлежал к знатнейшим родам. Избрание геронтов совершалось народным собранием — апеллой. Избиратели криками выражали свое одобрение выдвигаемых в герусию кандидатов, результаты избрания определяли эксперты, которых запирали в особое помещение, и они там судили о голосах, поданных за кандидатов, по громкости шумного одобрения. Герусия во главе с архагетами являлась своего рода правительством Лакедемона, верховным судом и военным советом, который однако не ограничивал полноту военной власти царей.

Высшим органом власти считалась апелла, в которую входили все совершеннолетние граждане, достигшие 20 лет. Право созывать апеллу принадлежало архагетам и герусии. Члены апеллы не могли выдвигать на собрании предложения, но решения принимались одобрительными криками апеллы. В случае, когда мнения разделялись, граждане, выступавшие за или против сделанного предложения, расступались на две стороны, и на глаз, без подсчета, определялось большинство. В случае, если герусия находила решение, принятое апеллой, вредным, она, как это видно из ретры, могла отменить его.

В Лакедемоне возник еще один не упомянутый в ретре своеобразный институт власти — эфорат, состоявший из 5 эфоров, избираемых апеллой. Слово «эфор» значит «смотрящий вверх». В соответствии с этимологией, эфоры действительно раз в 8 лет наблюдали за ночным падением звезд, и при определенной траектории падающей звезды они выносили решение о необходимости сменить одного из архагетов. Права их постепенно расширялись. Контрольные полномочия эфоров включали в себя право требовать отчета и объяснения от царей, при необходимости эфорат мог отменить решение архагетов. Во время похода царя стали сопровождать два эфора, которые имели право арестовать его и судить по окончании похода. Кроме того, эфоры созывали герусию и присутствовали на ее заседаниях, они также председательствовали на народном собрании. Эфорат

нес ответственность за дипломатические отношения и финансы Спарты. Эфоры занимались также комплектованием войска для ведения войны, принимая решение о необходимом числе и составе участников операции. Постоянным попечением эфоров был контроль за деятельностью всех должностных лиц — при этом они могли отрешить от должности и предать суду любого из них — и наблюдение за поведением спартанцев, а также периэков и илотов. Ввиду исключительно сильных полномочий эфората, он часто вступал в конфликт с архагетами; арбитром в подобных случаях были герусия и апелла. Политическая система Лакедемона в основном была демократической — верховная власть принадлежала апелле, но она была хорошо сбалансирована элементами аристократического и монархического правления, что придавало ей превосходную устойчивость.

Ввиду того что полноправные граждане в Лакедемоне составляли меньшинство в сравнении с периэками и особенно илотами — в V столетии до Р.Х. их насчитывалось не более 6 тысяч, — спартанцы вынуждены были с предельным напряжением сил поддерживать себя в состоянии постоянной военной готовности. Военная подготовка начиналась почти с колыбели. Новорожденных мальчиков освидетельствовали, и при обнаружении у младенца телесных изъянов, которые ставили под сомнение его будущую воинскую годность, его сбрасывали со скалы в Апофеты — ущелье в горах Тайгета. Лишь до 7 лет мальчик оставался в родительском доме, затем его отдавали в школы — агоги, где воспитанием детей занимались специально назначенные для этого государственные чиновники — педономы. Воспитывали детей в обстановке крайне суровой: их разделяли на агелы, буквально «стада», размещавшиеся в казармах, командовали агелами сами мальчики, так называемые буагоры. Преданность подростков своей агеле — отряду закреплялась состязаниями с другими агелами. Дети должны были ходить босиком по каменистой почве, одевались легко и одинаково во все времена года, спали на жестком ложе из тростника. За нарушение дисциплины мальчиков жестоко секли; порке на алтаре богини Артемиды их подвергали также в качестве испытания при переходе из одного класса в другой, иногда засекая до смерти, при этом из уст мальчика не должно было вырваться ни слова жалобы, ни стона. Сдержанность в речи, малословие вообще характеризовало спартанцев — отсюда

идет выражение «лаканизм». Существовала поговорка, что голос мальчика услышишь в Спарте реже, чем голос статуй. Историк Ксенофонт восхищался скромностью спартанских юношей, находя, что в этом они превосходят девушек.

Оборотной стороной сурового спартанского воспитания были поощряемые педономами гомосексуальные отношения между возмужалыми юношами и подростками, способствовавшие, как считали, укреплению воинской дружбы до самопожертвования. По характеристике Аристотеля, «лакедемоняне.. постоянными тяжелыми упражнениями... делают детей звероподобными, как будто это более всего полезно для развития мужества» (Аристотель, цит. изд., с. 632), в чем сам философ решительно сомневается. Повседневным занятием в агеле была гимнастика, а затем, в особенности от 18 до 20 лет, также боевые упражнения. В этом возрасте юноши объединялись в тайные общества — криптии, которые терроризировали илотов.

Чтобы дети рождались здоровыми и сильными, чтобы потом из них вырастали крепкие воины, юные спартанки также обязаны были не только обучаться танцам, но и заниматься гимнастикой, хотя жили они дома и имели возможность, в отличие от афинских затворниц, общаться с юношами. По словам Плутарха, они должны были до замужества бегать, бросать диск, метать копья, бороться. И они делали это обнаженными, на глазах у взрослых мужчин. Ликургова система воспитания, по словам Тойнби, «позволила достичь высот, на которые только способен человеческий дух, разбудив одновременно самые темные глубины его» (Тойнби, цит. изд., с. 202).

Брак в Спарте был моногамным, но в исключительных случаях, чаще всего при бездетности, спартанец мог взять вторую жену не разводясь с первой, хотя обычно в подобном случае развод все-таки имел место. Архагет Анаксандрид взял вторую жену из-за бесплодия первой, а другой царь, Аристон, по аналогичной причине обзавелся даже третьей женой, но при этом отпустил одну из двух жен, с которыми сожительствовал раньше. В Спарте существовал и полиандрический брак, когда два брата имели общую жену. В отдельных случаях муж мог позволить своему другу сожительствовать с собственной женой. Ввиду отсутствия рабства, спартанцы не имели у себя дома наложниц, поэтому внутри семьи отношения между мужем и женой были более равноправными, чем в других полисах. Аристотель

даже находил, что лакедемонские женщины пользуются излишней свободой и предаются роскоши, недоступной их мужьям, что вредно для благополучия государства (см.: Аристотель, цит. изд., с. 429). Особенно опасным злом философ считал предоставление спартанским гражданам права оставлять дочерям наследство и давать за ними большое приданое, так что в его время, которое, впрочем, было двумя столетиями отдалено от конца архаической эпохи, «женщины владели почти двумя пятими всей земли», так как было много «дочерей-наследниц» (Аристотель, цит. изд., с. 430).

По окончании агоги, в 20 лет, юный спартанец получал гражданские права и становился военнообязанным. Этот акт сопровождался вступлением в одну из сисситий: с одной стороны, это было сообщество сотрапезников, а с другой — воинское подразделение, состоявшее обычно из 15 мужчин разных возрастов. Сисситиями назывались как самые эти объединения, так и ежедневные общие трапезы, на которые они собирались в обязательном порядке. Каждый вносил ежемесячно в фонд сисситии свою долю вина, хлеба, сыра, мяса, овощей и фруктов. В сисситию принимали голосованием всех ее членов после надлежащих испытаний кандидата. Даже одного голоса против было достаточно, чтобы кандидат провалился, в этом случае он уже не получал полноправного гражданства, считался не «равным», как прочие спартанцы, а «низшим», и лишался права голоса, становился своего рода «лишенцем», гражданином без политических прав.

Принятые в сисситии граждане продолжали жить в казармах до 30 лет, хотя жениться они могли уже в 20, однако и в этом случае права жить своим домом они до 30 лет не получали, оставаясь в казарме и имея только возможность навещать своих жен. Но и после 30 спартанец не выходил из сисситии, продолжая обедать вне дома до 60, когда по старости вычеркивался из списка военнообязанных. Никто из военнообязанных не мог покинуть город без разрешения своего воинского начальника.

У Лакедемона было самое многочисленное в Элладе сухопутное войско. Основу армии составляла тяжеловооруженная пехота — гоплиты. Первоначально войско состояло из 5 лохов по числу 5 об, в каждом — по тысяче воинов. Затем появились новые лохи. Подразделения лохов Геродот называет энотиями и триакадами, не сообщая при этом сведений об их

численности и структуре. В начале архаической эпохи войнами в Лакедемонне были только спартанцы, потом в войско в качестве гоплитов стали включать также и периэков, но они действовали в отдельном строю. Илоты участвовали в походе в качестве слуг воинов, своего рода оруженосцев; они обязаны были уносить с поля битвы павших и раненых и добивать раненых противников.

Спартакское войско в бой вступало строем, который называется фалангой, — она состояла из нескольких плотно сомкнутых шеренг. Гоплиты двигались навстречу врагу непременно строем, не разрывая его, с пением воинских гимнов — пеанов, под аккомпанемент флейт. Выход из строя, даже когда гоплит бросался первым на неприятеля, карался смертной казнью. Благодаря боевой выучке, сплоченности и самоотверженности гоплитов, спартакская фаланга не знала себе равных в Элладне и способна была одержать победу над многократно превосходящим численно противником.

Основу экономического строя Лакедемона составляла государственная земля, которая ранее была завоевана Спартой и потому считалась собственностью всех полноправных спартанцев. Эту землю делили на приблизительно равные участки — клеры, которые находились в пользовании отдельных семей, их продажа и дробление не допускались. Землю эту обрабатывали жившие в деревнях илоты, которые не были рабами и не находились в личной собственности спартанцев, как их представляют некоторые историки, а своим статусом напоминали прикрепленных к помещичьей земле крестьян в России, каковыми они были до того, как в XVIII столетии на них стали смотреть как на личную собственность помещиков. Илоты должны были отдавать пользователям клеров, к которым они были прикреплены, установленную полисом апофору, которая обычно составляла до половины урожая и добытых продуктов животноводства — требовать более установленной апофоры спартанец не имел права. Продукты, оставшиеся после уплаты оброка, илоты употребляли сами либо продавали на рынке, так что среди них встречались и состоятельные люди, подчас богаче тех граждан, к клерам которых они бывали прикреплены. Спартакцы не властны были над жизнью илотов своего клера, который вместе со своими жителями принадлежал не частным лицам, а всему полису.

И все-таки положение илотов было приниженным. Носить оружие в пределах Лакедемона им запрещалось. Они обязаны были беспрекословно выполнять приказания хозяина клера, в противном случае их могли избить. Для них установлено было унижительное одеяние — из звериных шкур, а шапки из собачьего меха. Любимой забавой спартанцев было заставлять илотов напиваться вином, впрочем это делалось по преимуществу с воспитательными целями, чтобы показать молодым людям, как отвратительно пьянство. Живя отдельно от спартанцев, илоты легко могли составлять заговоры и восставать против полиса. Во избежание подобных эксцессов в Спарте сложился крайне своеобразный обычай — ежегодно эфоры официально объявляли илотам священную войну, что, конечно, очевидным образом показывает, что они не были рабами, а до известной степени обладали даже политической субъектностью. После объявления войны отряды спартанских юношей, криптии, устраивали своего рода карательные экспедиции против илотов. Вооружившись короткими мечами, юноши выходили за пределы самой Спарты, днем прятались в засаде, а ночью нападали на илотов, которые, конечно, оказывали им сопротивление, но, безоружные и не обученные воинскому искусству, терпели поражение. Польза таких экспедиций виделась двоякой: с одной стороны, таким образом уничтожали самых храбрых и опасных илотов, а с другой — для спартанской молодежи это были учения, которые проводились в реальной боевой обстановке, с опасностями для жизни и с действительными потерями.

Спартанцы хозяйства не вели и жили не в клерах, разбросанных по всей Лаконике, а в самой Спарте, ежечасно готовые выступить с оружием в руках против врага. Жили весьма скромно, без всякого подобия роскоши, и все приблизительно одинаково, так что спартанское общество с его экономическим равенством несло на себе социалистические черты. Чтобы воспрепятствовать обогащению отдельных граждан, в Спарте была изъята из обращения золотая и серебряная монета. По преданию, Ликург велел заменить ее тяжелыми и неудобными железными оболами, которые нигде больше в Греции уже не употреблялись. В действительности это произошло, конечно, в более позднюю пору, потому что только в VII веке до Р.Х. в Греции впервые стали употреблять монеты из драгоценных металлов.

Все спартанцы обязаны были надевать одинаковую простую одежду из грубой ткани, жить в одинаково скромных жилищах, пользоваться одной и той же утварью.

Заниматься ремеслами, торговлей и вообще каким бы то ни было предпринимательством им запрещалось. Плутарх рассказывает в биографии Агесилая, архагета и полководца позднейшей эпохи, рубежа V и IV столетий, о том, как однажды союзники Спарты упрекнули Агесилая в том, что «им нет нужды жертвовать жизнью, переходя ежегодно с места на место, и следовать за немногочисленными спартанцами. Тогда, желая, говорят, показать им настоящее число спартанцев, Агесилай пустился на следующую хитрость. Он предложил всем союзникам сесть без всякого порядка на одной стороне, спартанцам же отдельно, на другой, затем велел объявить, чтобы из их встали прежде всего горшечники. Когда они встали, он приказал сделать то же медникам, далее, поочередно, плотникам, каменщикам и каждому из представителей других ремесел. Встали почти все союзники, но из спартанцев — никто: им было запрещено заниматься ручным трудом и изучать какое-либо ремесло. Тогда Агесилай засмеялся и сказал: «Видите, друзья мои, мы выставили больше солдат, чем все вы» (Плутарх, *цит. изд.*, с. 709).

Граждане других полисов в войну составляли своего рода ополчение, занимаясь в мирное время земледелием, ремеслами и торговлей, а спартанцы не были профессионально обученной военной кастой. Промыслами занимались в Лакедемонии перизки, которые к тому же и землей владели по праву частной собственности, могли ее пускать в оборот, и поэтому в иных случаях им удавалось по-настоящему разбогатеть, в отличие от господствующих в Лакедемонии спартанцев.

В VII столетии до Р.Х. в Спарте процветали художественные ремесла — бронзовая пластика, вазопись, но в конце архаической эпохи художественные промыслы и искусство Лакедемона переживали упадок, вероятно из-за отсутствия спроса на роскошь. Поэтому, несмотря на этот упадок, Спарта не прибегла к массовому импорту из других полисов, скорее, напротив, проводила политику изоляции, которая затронула не только экономические связи, но и другие стороны жизни. В середине VI века спартанцы даже прекратили участие в Олимпийских играх, на которых ранее одерживали блистательные победы.

Важнейшими событиями истории Спарты в архаическую эпоху были две Мессенские войны. Первая война против Мессении вспыхнула во второй половине VIII века; продолжалась она около 20 лет, примерно с 740 по 720 г до Р.Х., стоила Спарте крайнего напряжения сил, но закончилась победой, завоеванием всей Мессении, по своим размерам не уступавшей Лаконии, включением удобной для обработки плодородной земли в собственность Лакедемона и превращением большого числа мессенцев в илотов, число которых после этой победы выросло многократно. Жители горных деревень Мессении получили статус периеков.

Столетие спустя мессенцы, периеки и илоты восстали, сбросив на время спартанское иго; в союзе с ними против Лакедемона выступили два крупных полиса Пелопоннеса — Аргос и Аркадия. Вторая мессенская война оказалась не менее длительной, чем первая, продолжалась примерно от 640 до 620 г. до Р.Х., в ходе нее не раз военное счастье изменяло Спарте, но в конце концов она все-таки одержала победу, восстановив контроль над всей территорией Мессении и обратив в илотов на этот раз почти все ее население, за исключением нескольких приморских поселений, жителям которых был дан статус периеков. После Второй Мессенской войны Лакедемон располагал уже примерно 9 тысячами клеров с прикреплением к каждому по несколько семей илотов.

Подобно Спарте, и в других дорийских полисах Пелопоннеса покоренное ахейское население лишено было гражданских прав. Так обстояло дело в Мегаре, которая сложилась как полис около середины VIII века до Р.Х. из 5 деревень, каждая из которых составила отдельную филу. В Коринфе часть покоренного населения была допущена до полноправного участия в государственных делах, составив филу синофалов, которая дополнила три исконных дорийских филы — памфилов, гилейцев и диманцев. Древний законодатель Коринфа Фидон в первой половине VIII века ввел закон, по которому число домов в самом Коринфе, а следовательно число полноправных граждан, должно было оставаться неизменным, это был своего рода акт о майорате, направленный против дробления клеров и способствовавший выезду из Коринфа сыновей граждан, лишенных клера, — коринфской колонизации Средиземноморья.

Коринф и Мегара часто воевали между собой, соперничая из-за Перахоры и южной Мегариды; победу в этом соперничестве одержал Коринф, закрепив за собой спорные области. По словам Фукидида, «в Коринфе были построены первые в Элладе триеры... Так как в древности у эллинов... торговля шла через город коринфян, больше по суше, чем по морю, то Коринф весьма разбогател... С оживлением судоходства и торговли коринфяне на своих кораблях взялись за уничтожение морского разбоя. После того как был устроен торговый порт, город коринфян стал еще богаче» (Фукидид, цит. изд., с. 10–11).

Стремясь к контролю над Пелопоннесом, Спарта вела многочисленные победоносные войны, иногда под предлогом борьбы против тиранов, узурпировавших власть в том или ином полисе. Но Лакедемон не смог покорить аркадский полис Тегей, зато привязал его к себе, заключив с ним около 560 г. союзный договор, по которому Тегей был обязан оказать вооруженную помощь Спарте в случае восстания илотов или нападения на Лакедемон других государств. В VI веке до Р. Х. Спарта заключила подобные союзы с другими пелопоннесскими полисами, в том числе и с такими крупными как Коринф, Мегары и Сикион, так что в результате сложился Пелопоннеский союз, объединивший большую часть полуострова под гегемонией Лакедемона.

Главным противником Спарты был Аргос, который жестко проводил агрессивную политику дорийского доминирования на Пелопоннесе. Воспользовавшись этим, Спарта, которая на собственной территории безжалостно подавляла стремление потомков ахейцев — илотов обрести свободу, после заключения союза с аркадским Тегеем объявила себя покровительницей не-дорийских полисов, символом чего стало оказание спартанцами почестей древнему герою ахейцев Оресту, сыну Агамемнона. Благодаря такой благоразумной и хорошо просчитанной политике, Лакедемону удалось привлечь на свою сторону новых союзников в Аркадии. В 546 г. войска Спарты вторглись в пределы Аргосского полиса. После вторжения стороны договорились, что исход войны должен быть решен сражением 300 аргивян с 300 спартанцами. В живых после битвы остались два аргивянина и один спартанец, который принес в спартанский лагерь доспехи, снятые с убитого противника. Результат был спорным. Поэтому вскоре затем состоялось сражение двух

армий, воевавших полным составом. Потери с обеих сторон были огромными, но победу одержала Спарта, получив от Аргоса Тиреатиду и остров Киферу и закрепив за собой в результате победы бесспорное превосходство. В память об этой победе спартанцы стали носить длинные волосы, а потерпевшие поражение аргивяне коротко стричься.

Военное доминирование Спарты не только в Пелопоннесе, но и во всей Элладе после этой победы было признано всеми. Но еще до нее, в 555 г., лидийский царь Крез обратился к Спарте с посланием: «Лакедемоняне! Бог возвестил мне через оракула, чтобы я заключил союз с эллинами. Вы же, как я слышал, самые могущественные люди в Элладе. Поэтому-то я по повелению оракула и обращаюсь к вам и желаю быть вашим другом и союзником без коварства и обмана» (см.: Геродот, цит. изд., с. 32).

7. Критские полисы

Государственное устройство дорийских полисов Крита имело значительное сходство со строем правления в Спарте. Завоеватели острова многократно уступали числом сохранившемуся на нем исконному населению — ахейцам и потомкам народа древней минойской цивилизации, которых называли этеокритянами; подобно своим соплеменникам на Пелопоннесе, дорийцы составили на Крите милитаризованные общества, ежеминутно готовые к подавлению возмущений со стороны автохтонов. Они не расставались с кинжалом ни в поле, ни в пути, ни на городской площади, в то время как аборигенам носить оружие было запрещено.

Покоренное население Крита разделено было на несколько категорий: периеки пользовались личной свободой, имели собственность, владели землей и могли передавать ее в наследство, но были лишены политических прав, то есть совершенно устранены от управления, и платили дань в казну полиса; мноиты, поселенные на казенной земле, были своего рода государственными крестьянами, обложенными податями в пользу полиса; клароты, подобно спартанским илотам, принадлежали государству, но были прикреплены к наделам отдельных дорийских семей и должны были содержать их, при этом однако, как и илоты, они жили своим хозяйством, пользовались собственным инвентарем, держали домашний скот, отличаясь

в этом от совершенно бесправных рабов — хрисонетов, купленных либо уже рожденных в рабстве.

После покорения острова дорийцы расселились по деревням, комам, утратив со временем общее предводительство, которое, вероятно, сохранялось некоторое время в течение героической эпохи в лице царей — василевсов, но необходимость держать в ярме покоренных заставила их затем соединить близлежащие поселения в полисы. Впрочем, интеграция не зашла слишком далеко, и Крит оставался в историческую эпоху крайне раздробленным — в нем насчитывалось 46 карликовых государств, которые часто воевали между собой, но, сознавая племенное единство и общность интересов, дорийцы никогда, даже если шла междоусобная война, не прибегали к запретному приему — не подстрекали перизков или мноитов вражеского полиса к бунту против поработителей.

Критские дорийцы, как и их соплеменники на Пелопоннесе, принадлежали к трем исконным филам: памфилам, дименам и гиллеям, которые в свою очередь делились на старты, аналогичные фратриям и состоявшие из родов. Родоплеменная структура на Крите сохранилась в архаическую и позднейшую эпоху, в особенности в религиозной и семейной жизни, при заключении браков, при передаче наследства, но политическое значение фил и стартов было минимальным; гражданская верность критских дорян принадлежала не филе, а полису, который строился на территориальной основе, объединяя близлежащие поселения.

Полноправных граждан в каждом полисе насчитывалось средним числом по несколько сот боеспособных и престарелых мужчин, что составляло, вероятно, не больше десятой части всего населения полиса. В 17 лет юноши включались в агелы — отряды, в которых они обучались владению оружием, воинскому искусству, охоте, спортивным играм под руководством отца того юноши, который брал на себя инициативу по сколачиванию агелы. Гимнастические упражнения обыкновенно сопровождались игрой на флейте и лире. В сравнении со Спартой в критских полисах нравы были менее суровыми — тут детей не отрывали от семьи в столь нежном возрасте, как в суровом Лакедемоне.

В 19 лет юноша, аттестованный на военную годность, выходил из агелы и вступал в мужской союз — андрию, или гетерию, подобную спартанской сисситии. В этом же возрасте

совершалась помолвка, затем невеста переселялась в дом жениха и становилась его женой. Но мужчины обедали, как и в Спарте, вне дома, в гетерии. Одновременно гетерия была воинским отрядом, который в войну действовал как единое целое. Аристотель так характеризовал критские гетерии, сравнивая их со спартанскими сисситиями: «На Крите сисситии имеют более общенародный характер: от всего урожая, от всего приплода, от всех доходов, получаемых государством, и... взносов, платимых периеками, отчисляется одна часть, идущая на дела культа и на общегосударственные расходы, а другая часть идет на сисситии. Таким образом, все, и женщины, и дети, и мужчины, кормятся на государственный счет» (Аристотель, *цит. изд.*, с. 435).

Философ подметил еще некоторые своеобразные черты в нравах критян: «Законодатель, — пишет он, — придумал много мер к тому, чтобы критяне для своей же пользы ели мало, также в целях отделения женщин от мужчин, чтобы не рожали много детей, он ввел сожительство мужчин с мужчинами» (Аристотель, *цит. изд.*, с. 435). Похоже, что законодателем здесь назван упомянутый ранее философом полулегендарный Минос, но отразившееся у Аристотеля представление о том, что дорийцы заимствовали свои законы, в том числе и те, которые введены были также в Спарте, у древних критян (*см.*: Аристотель, *цит. изд.*, с. 434), по меньшей мере сомнительно. Критский полис был в действительности все-таки изобретением завоевателей-дорийцев, а не аборигенов, а вот слова философа о том, что «периеки управляются... так, как было впервые установлено Миносом в его законах» (Аристотель, *цит. изд.*, с. 434), могут быть более достоверны в том отношении, что автохтоны, к которым принадлежали и периеки, могли в своем внутреннем укладе, но не в отношениях с завоевателями, сохранить традиции, идущие от глубокой минойской древности.

При вторжении на Крит во главе дорийских племен стояли наследственные цари, а главы родовых кланов, старейшины, составляли при них военные советы — буле или герусии. Впоследствии, в архаическую эпоху, когда сложилась полисная система правления, цари утратили власть, которая принадлежала с тех пор герусии, или совету старейшин, народному собранию, созывавшемуся в центре полиса, на агоре, а также в каждом полисе 10 выборным вождям — космам, которые

командовали войсками, осуществляли административную и судебную власть. Космы переизбирались ежегодно. Аристотель без достаточных оснований отождествляет космов со спартанскими эфорами, функции которых были уже, в основном носили контрольный характер, в то время как полномочия космов включали в себя и ту власть, которая в Спарте принадлежала царям — архагетам. 30 геронтов, составлявших герусию, избирались из числа бывших космов. Все выборы совершались на народном собрании. По характеристике Аристотеля, «в народном собрании участвуют все, но права выносить самостоятельное решение народное собрание не имеет ни в чем, а только утверждает постановления геронтов и космов» (Аристотель, цит. изд., с. 435). По Аристотелю, критские полисы в своем государственном устройстве соответствовали тому типу правления, который он называет политией.

Государственное устройство критских полисов, отличавшееся единообразием, оказалось весьма устойчивым, пережив архаический и классический периоды.

8. Фивы и другие полисы Беотии и Фессалии

В Фессалии и Беотии после бурных событий героического века над местным эолийским населением стали господствовать фессалийцы, носители так называемого северо-западного диалекта, усвоившие речь аборигенов, лишь отчасти подвергшуюся влиянию диалекта завоевателей. Фессалийцы, сообщившие свое название стране, захватили в ней лучшие земли, а это — самая плодородная часть Эллады. Местное население было в значительной части обращено в пенестов, зависимых от владельцев захваченных земельных участков — клеров. Как илоты Лакедемона, пенесты вели собственное хозяйство, их жизнь, в отличие от рабов, не была во власти землевладельцев. Существовали в фессалийских полисах также лично свободные, но лишенные гражданских прав лица, занимавшиеся ремеслами и торговлей, подобные перизкам Лакедемона и Крита. Политически Фессалия была разделена на области, во главе которых стояли таги — цари, но это не были первоначальные племенные вожди фессалийцев, завоевавших эту землю; царская власть была восстановлена в фессалийских полисах в конце VII века до Р.Х. — как и прежние василевсы, таги считали себя гераклидами.

В конце VII столетия правителем одного из важнейших фессалийских полисов — Лариссы был гераклид Алевас. Известно, что он установил в подвластной ему области такой порядок, чтобы владельцы крупных клеровставляли для военных походов по 40 всадников и 80 пехотинцев. «В его войске было 6 тысяч всадников и более 10 тысяч пехотинцев» (Хаммонд, *цит. изд.*, с. 158). При этом не вполне ясно, кем были эти воины: только полноправными гражданами, часть которых тем не менее по какой-то причине зависела от крупных землевладельцев, наемниками из числа свободных обывателей, лишенных политических прав, или даже пенестами, которых владельцы клеров поставляли в армию. В Фессалии существовало и общее народное собрание, на котором во время военной опасности один из тагов избирался главнокомандующим соединенными войсками. В равнинной Фессалии, где имелись не только плодородные поля, но и прекрасные пастбища, еще со времен микенской цивилизации выращивали замечательных коней, поэтому фессалийская кавалерия была лучшей в Элладе, но легкая пехота с примитивным вооружением, с щитами из козьих и овечьих шкур далеко уступала голплитам Лакедемона.

Подобно Фессалии, и в беотийских полисах в архаическую эпоху власть в основном оказалась в руках старой родовой аристократии, которая составила класс крупных землевладельцев, но в Беотии существовало и многочисленное мелкое крестьянство, по своему происхождению, очевидно, смешанное, состоявшее как из фессалийцев — завоевателей, к которым принадлежала знать, так и из автохтонов-эолийцев, частично включенных в число свободных граждан. Живое представление о жизни этого слоя, вероятно самого многочисленного, в ранний период архаики, в VII столетии до Р. Х., дает поэма великого беотийца Гесиода «Труды и дни». Жизнь простого крестьянина, судя по стихам Гесиода, в его век была нелегкой: «Землю теперь населяют железные люди. Не будет им передышки ни ночью, ни днем от труда, и от горя, и от несчастий. Заботы тяжелые боги дадут им». И это при том, что в Беотии было немало рабов, которыми владели не только крупные землевладельцы, но и простые крестьяне. В собственности самого Гесиода, который, как это видно из его стихов, сам занимался крестьянскими работами, было три раба.

Самым влиятельным беотийским полисом были Фивы. Вокруг Фив сложился союз беотийских государств. В течение долгого времени Фивы, стремясь к доминированию в Беотии, соперничали с Орхоменом, но в начале VI века до Р.Х. Орхомен, потерпев поражение в войне, прекратил соперничество и присоединился к союзу во главе с Фивами. Об устройстве этой своеобразной федерации дает представление найденный в начале XX столетия папирус с текстом анонимного историка, в котором, правда, речь идет о состоянии Беотийского союза в 446 г. до Р.Х., но как пишет В. С. Сергеев, «имеются достаточные основания предполагать, что упоминаемые в сочинении органы союзного управления сформировались значительно раньше и функционировали еще до греко-персидских войн» (Сергеев, цит. изд., с. 163). Во главе федерации — симполитии стояло единое правительство из 11 беотархов, которые выбирались на трехлетний срок наиболее крупными полисами. Кроме того, существовали федеральный совет и федеральный суд, в которых представлены были все полисы. Во время войны действовала союзная армия. Отдельные полисы пользовались самоуправлением, тем не менее доминирование Фив вызывало недовольство некоторых полисов, следствием чего явилось отпадение от союза и переход на сторону враждебных Афин беотийских городов Элевтер и Платей.

9. Афины и Аттика

Древние поэты превозносили Афины как «Элладу Эллады», величали их «оком Эллады», Фукидид назвал город «школой Греции», потому что в жизни этого полиса полнее всего проявились характерные черты античной цивилизации и в классическую эпоху Афины стали ее культурным средоточием.

Город вырос в 30 стадиях (5 километрах) от морского берега на Аттическом полуострове, который с востока омывается Эврипским проливом, отделяющим материк от острова Эвбеи, а с юго-запада Сароническим заливом. Впадающая в него река Кефис протекает в центре Аттики. Аттику географически принято делить на три части: равнину вокруг Афин и Элевсина — Педиаку, восточное побережье — Паралию и составляющее большую часть страны нагорье — Диакрию. Для земледелия пригодны равнины, окружающие Афины и Элевсин, а также Марафонская долина, простирающаяся вдоль Эвроты, — Педиака

и Паралия. Там сеяли пшеницу, выращивали маслины. Нужда заставляла сеять ячмень и на горных склонах в Диакрии с ее каменистой и неплодородной почвой. Горы Диакрии Парнес и Пантелик непригодны для земледелия, но на них в древности паслись стада коз и овец, и они богаты залежами серебра, железа, мрамором, высококачественными глинами, из которых изготавливали замечательную керамику, а побережье исключительно удобно и для рыбной ловли, и, что еще важнее, для морской торговли.

Афины сложились из нескольких укрепленных поселений, следы которых обнаружены археологами, и стали городом еще в эпоху микенской цивилизации. Употребление множественного числа в их названии свидетельствует об их происхождении из нескольких близлежащих деревень. Сращение отдельных общин в единое государство получило название синойкизма. Предание связывает введение синойкизма с Тесеем, который упразднил администрацию отдельных поселений, подчинив ее единому совету. На рубеже I и II тысячелетий до Р.Х., в героический век, политическое влияние Афин стало распространяться на всю Аттику; этот процесс завершился, очевидно, уже в VII веке присоединением Элевсин, о времени их подчинения косвенно можно судить по обнаруженным в результате раскопок остаткам крепостных стен, защищавших Элевсины с восточной стороны, от Афин, и относящихся к VII столетию до Р.Х.

Объединение Аттики сопровождалось войнами, хотя некоторые города присоединялись, вероятно, по добровольному согласию, мирно. Присоединение к Афинскому полису городов Аттики сопровождалось включением в афинский пантеон местных божеств, святилища которых устраивались на афинском акрополе: «Последовательность в расположении святилищ на Афинском акрополе позволяет с известной долей вероятности судить о времени присоединения различных частей Аттики к Афинам. Раньше других была подчинена приморская область Паралия, богом-покровителем которой был Посейдон. С этого времени на акрополе рядом с храмом Афины появилось святилище Посейдона» (Сергеев, цит. изд., с. 165–166). После присоединения Элевсина на акрополе был воздвигнут храм покровительницы этого города Деметры. Праздник в честь Афины Паллады Панафиней стал общим праздником всей Аттики.

Население Аттики отличалось тем, что оно менее других греческих племен было затронуто переселением северных эллинов героической эпохи. В Аттику зато переселилась часть ахейцев после завоевания дорийцами Пелопоннеса. Как предполагает Н. Хаммонд, ионийцы, каковыми были жители Аттики архаической и позднейших эпох, носили имя одного из ахейских племен или родов (см.: Хаммонд, с. 97). Более того, слова Фукидида о том, что «в Аттике... при скудости ее почвы... всегда жило одно и то же население», поскольку только плодородные земли «привлекают к себе алчность чужеземцев» (Фукидид, цит. изд., с. 6), могут быть верны и относительно более древнего времени, когда Элладу, где ранее обитали палеоевропейские автохтоны — пеласги, заселили индоевропейцы эллины. Геродот определенно писал, что «аттический народ, будучи пеласгическим по происхождению, ... должен был изменить свой язык, когда стал частью эллинов» (Геродот, цит. изд., с. 27). Уже во времена микенской цивилизации в Аттике говорили по-гречески, но более интенсивное, чем в других странах Эллады, присутствие в ее населении потомков пеласгов может служить одним из объяснений того, что в высокой классике Афин проступают узнаваемые черты потонувшей, как Атлантида, минойской культуры.

Народ Аттики разделен был на четыре филы, одинаковые с филами ионийцев, заселивших острова Архипелага и малоазийское побережье: по преданию, которое воспроизводит Геродот, эти филы носили «имена четырех сынов Иона — Гелеонта, Эгикора, Аргада и Гоплета» (Геродот, цит. изд., с. 257). Каждая фила делилась на три фратрии, причем, ввиду неотчуждаемости родовых земельных владений, за фратриями закрепились были принадлежащие им территории, которые назывались триттиями, так что вся Аттика поделена была на 12 триттий. В свою очередь фратрии делились на роды (гены), а роды на родовые ветви, называвшиеся домами (икосами), причем одни роды почитались более знатными, чем другие, но и в одном и том же роде были более или менее благородные ветви — икосы. Благородных, аристократов, происходивших от древних василевсов и родовых старейшин, называли эвпатридами, то есть происходящими от добрых отцов. Число родов было фиксированным, и новых родов уже не возникало.

Но не все граждане Афин принадлежали к родам, таковыми были землевладельцы — геоморы, включая и малоимущих

крестьян; лица, не принадлежавшие ни к какому роду, — часто это были выходцы из других полисов, приобретшие гражданские права, — вводились во фратрию, но не в род, основанный исключительно на единстве происхождения. Их называли оргеонами. В отличие от знатных эвпатридов или мелких земледельцев геомеров, оргеоны либо были ремесленниками, демиургами, либо занимались торговлей, ростовщичеством, разбогатевшие оргеоны становились даже судовладельцами. Землевладельцы, в том числе и эвпатриды, не чуждались занятий ремеслами и торговлей. В то же время даже лица, принадлежавшие к родам, и иногда знатым родам, — эвпатриды, могли обнищать, лишиться земли и превратиться в безземельных фетов.

Достигшие совершеннолетия афинские граждане, а таковыми считались жители не только самого города, но всей Аттики, приписывались к своей фратрии и своему роду, а оргеоны к гильдии, в которых велся их учет. Этот акт сопровождался религиозными обрядами в рамках фратрии. Ведь филы и фратрии были не только родовыми и административными институтами, но и своего рода религиозными общинами со своим особым культом, со своими храмами и религиозными праздниками, со своими жрецами и своими кладбищами.

Часть жителей Аттики, хотя и пользовалась личной свободой, но не имела гражданских прав; это были метеки — переселенцы из других полисов, их потомки, а также вольноотпущенники. Метекам запрещалось владеть недвижимостью — землей и даже собственными домами, так что, как и оргеоны, они занимались ремеслами, торговлей, нанимались рабочими в мастерские, батраками к землевладельцам. В Аттике было больше рабов, чем в дорийских полисах, отчасти потому, что там не было лиц, подобных илотам Лакедемона, бесправных и принуждаемых к труду в пользу полиса и его граждан. Причем рабами становились не только пленники, захваченные в бою самим рабовладельцем либо купленные на невольничьем рынке, но и несостоятельные должники из соплеменников и сограждан.

Последним василевсом афинян был, по преданию, Кодр, сын потомка выходца из Пилоса Нелея Мелантия. Время его правления относится к XI веку до Р. Х. Кодр пал в бою, защищая родину от нападавших дорийцев. Его сын, носивший имя родоначальника царской династии, Нелей, возглавил ионийскую эмиграцию из Аттики.

После смерти Кодра в Афинах утвердилось аристократическое правление; Аристотель, правда, называет его олигархическим, но у него это различие основано не на устройстве власти, а носит оценочный характер; и характеризуя правление как аристократическое, философ тем самым выносит ему одобрение, находя его служащим благу народа, в ином случае он это правление уже не одобряет, полагая, что олигархи руководствуются не альтруистическими, а корыстными мотивами; аналогичным образом он различает монархию и тиранию, политику и демократию. Но наиболее содержательный источник по истории Афин — это аристотелевская «Афинская полития», остававшаяся неизвестной до конца XIX века; как это видно уже из названия книги, сложившуюся впоследствии в Афинах политическую систему Аристотель считал уже политией.

Афинами управляли архонты, избираемые из числа эвпатридов. Первоначально это была пожизненная должность, затем их стали избирать на 10 лет и, наконец, только на 1 год. Вначале выбирали одного архонта, потом — 3-х: архонта-эпонима, именем которого называли год, — по эпонимам в Афинах велось летосчисление, этот архонт ведал делами гражданского управления, сбором средств на общественные празднества и судом по спорам о наследстве; архонта-василевса, который выполнял жреческие обязанности и вершил суд по спорам между жрецами, между родами, а также по уголовным преступлениям, связанным с кровопролитием; и архонта-полемарха, который командовал войском, а также судил метеков. Впоследствии стали выбирать еще 6 архонтов-фесмофетов (секретарей), хранивших законы, выполнявших судебские функции, записывавших судебные постановления, возможно также законы, которые при этом однако не оглашались. Таким образом, архонты составляли коллегия из 9 важнейших магистратов полиса. Свои обязанности они выполняли безвозмездно. Должность архонта считалась самой почетной, уважением в обществе пользовались даже отдаленные потомки архонтов.

По истечении срока полномочий архонты входили в ареопаг, ранее состоявший из родовых старейшин, а потом из отслуживших свой срок высших магистратов — архонтов. Название «ареопаг» связано с тем, что он заседал на холме, посвященном богу войны Арею. Это был своего рода верховный совет, или сенат, который контролировал деятельность архонтов, надзирал над

состоянием государственных дел, принимал решения по важнейшим вопросам государственной жизни, принимал апелляции на судебные постановления и выносил по ним окончательные решения. Самым представительным органом власти было народное собрание — экклisia, включавшая в свой состав всех взрослых граждан, но фактическими участниками собрания была всегда, разумеется, только часть их. Экклisia обсуждала лишь те вопросы, которые ставились архонтами или ареопагом. Кроме того, народное собрание избирало архонтов, но, вероятно, по представлению ареопага.

После объединения Аттики вокруг Афин в ней сохранилось самоуправление на уровне фил и фратрий. Филы возглавлялись племенными царями — филовасилевсами. В филах и фратриях вершился суд по разным делам, включая преступления, связанные с пролитием крови. В случае, когда истец и ответчик принадлежали к разным филам, дело рассматривалось в межфильном суде, который по помещению, где он заседал, назывался Пританеем; председательствовал в этом суде архонт-василевс, а в судебную коллегия входили 4 филовасилевса.

Для Афин жизненно важным делом было строительство и содержание военного флота. Для этого требовались значительные средства. В фискальных целях всю Аттику разделили на 48 территориальных округов — навкрарий, по 12 в каждой филе. На каждый навкрарий возлагалась обязанность содержать, а если нужно, построить один военный корабль с вооружением и экипажем. Дополнительно каждый навкрарий должен был также выставить двух всадников, снабдив их конями и доспехами. Навкрарии возглавлялись избираемыми старейшинами.

Действуя заодно против общих врагов, а в VII веке до Р.Х. главным врагом были соседние Мегары, с которыми Афины соперничали из-за острова Саламина, афиняне часто враждовали между собой: пружинами противостояния были родовые счеты, а также социальная рознь — раздражение обедневших фетов против разбогатевших сограждан, противостояние эвпатридов и простолюдинов, авантюрные попытки демагогов — честолюбцев, опиравшихся на поддержку народных низов, — захватить власть и стать тиранами.

Одним из ранних эпизодов политической борьбы было событие, отраженное в античной историографии под названием Килоновой смуты. Килон был юным эвпатридом, победителем

на Олимпийских играх и зятем мегарского тирана Феагена, который оказал ему поддержку в его авантюре, о которой Геродот рассказывает так: «Он до того возгордился, что стал добиваться тирании. С кучкой своих сверстников он пытался захватить акрополь. Когда это ему не удалось, Килон сел как “умоляющий у кумира богини. Старосты навкрай, которые тогда правили Афинами, склонили Килона с товарищами уйти оттуда, обещав сохранить ему жизнь» (Геродот, цит. изд., с. 258). Самому Килону удалось бежать, но многие его сторонники были, в нарушение обещания, убиты при выходе из храма, некоторые прямо перед алтарем богинь мщенид эвменид. Разгромом заговорщиков руководил Мегакл из рода Алкмеонидов. Народная совесть была отягощена происшедшим: попранием религиозных традиций — пролитием крови в храме; в народе эту резню называли «Килоновой скверной». Случавшиеся в полисе бедствия народ связывал впоследствии с мщением эвменид за эту «скверну», ответственность за которую возложена была на весь род Алкмеонидов. В конце VII века по этому делу состоялся суд, на котором приговор вынесли 300 судей. Живых Алкмеонидов присудили к вечному изгнанию из Афин, а останки умерших решено было выкопать из земли и выбросить за пределами Аттики, оставив их без погребения.

В 621 г., еще до суда над живыми и мертвыми Алкмеонидами, фесмотет Драконт, по поручению ареопага, пересмотрел нормы обычного права, хранителями и толкователями которых были высшие магистраты и ареопаг, записал и опубликовал их — таким образом впервые в Афинах появились писанные законы. Эти законы устраняли кровную месть, вносили определенный и ясный порядок в наследование имущества. Драконт учредил государственный апелляционный суд из 51 эфета, полномочный вершить дела, связанные с кровопролитием, которые ранее были подсудны межфильному пританею. Суду ареопага, в соответствии с законодательством Драконта, подлежали дела по обвинениям в государственной измене.

В законах Драконта содержался и своего рода уголовный кодекс, который обнаруживает немалое сходство с санкциями ветхозаветного Закона. Так, неумышленное убийство влекло за собой пожизненное изгнание. Дело рассматривалось в апелляционном суде, который устанавливал наличие или отсутствие преступного умысла, причем суд мог и простить невольного

убийцу, однако в том только случае, если на это давали согласие близкие родственники погибшего, либо даже без их согласия, но по ходатайству 10 избранных членов фратрии, к которой он принадлежал. Намеренные преступления, не только государственные и религиозные или умышленное убийство, но и кража, даже незначительная, вроде похищения овощей с чужого огорода, карались смертью.

Поэтому о законах Драконта, который стал на века эпонимом сурового законодателя. «Как говорили, Драконт писал законы кровью, а не черной краской. Когда у Драконта спросили, почему он карает большую часть преступлений смертной казнью, он ответил, что и мелкие преступления заслуживают этого наказания, а для больших он не нашел еще большего» (Плутарх, *цит. изд.*, с. 99). Невысоко оценил законодательство Драконта Аристотель. «Своеобразного, заслуживающего упоминания, — писал он, — в этих законах нет ничего, исключая только их суровость из-за размеров наказания» (Аристотель, *цит. изд.*, с. 442) — характеристика вряд ли вполне справедливая, все-таки это был первый писанный юридический кодекс Эллады.

На рубеже VII и VI столетий до Р. Х. в Афинах усилилась социальная и политическая напряженность, которая вызывалась разными причинами, в том числе и давним соперничеством эвпатридов с худородными, тяжбами между родами, поползновениями честолюбцев на тираническую власть, но главной бедой стало разорение мелких крестьян. По законам Драконта, ввиду неотчуждаемости родовой земли, родович, бравший ссуду у состоятельного землевладельца, чаще всего эвпатрида, отдавал в залог не свой надел, а выращенный на нем урожай. При неспособности выплатить долг он в течение неограниченного срока должен был выдавать кредитору шестую часть урожая, на его земле в качестве знака его несостоятельности ставился закладной камень (орос) с начертанной на нем записью о размере долга. Банкротов-геомеров, попавших в долговую кабалу, называли шестидольниками (эктеморами). По странному недоразумению В. С. Сергеев (*см.*: Сергеев, *цит. изд.*, с. 172), а также французский историк А. Боннар (*см.*: Боннар, *цит. изд.*, с. 148) полагали, что должники должны были выплачивать не одну шестую, как это было в действительности, а пять шестых урожая. Между тем труд земледельца не был в ту пору столь производителен,

чтобы семья могла прокормиться от шестой доли урожая, выращенного ею одной. Затем, сама эта неограниченность срока долговой кабалы естественным образом вытекала из относительной незначительности ежегодных выплат, очевидно несоизмеримых с размерами ссуды.

Аристотель писал в «Афинской политике»: «В течение долгого времени происходили раздоры между знатью и народом (демосом)... Государственный строй был олигархическим, но главное было то, что бедные находились в порабощении — не только сами, но также их дети и жены. Назывались они пелатами и шестидольниками, потому что на таких арендных условиях обрабатывали поля богачей (Аристотель имеет в виду, что земля, отданная в заклад, земля под закладным камнем — оросом, хотя и оставалась юридически неотчужденной, но фактически переходила во владение богатого кредитора. — В. Ц.). Вся же вообще земля была в руках немногих. При этом, если эти бедняки не отдавали арендной платы, можно было увести в кабалу и их самих и их детей... Да и ссуды у всех обеспечивались личной кабалой вплоть до времен Солона.. Конечно, из тогдашних условий государственной жизни самым тяжелым и горьким для народа было рабское положение. Впрочем, и всем остальным он был также недоволен, потому что ни в чем, можно сказать, не имел своей доли» (цит. по: История Древней Греции, цит. изд., с. 118).

Демос волновался и требовал передела земли, отмены долговой кабалы. В 594 г. архонтом-эпонимом был избран Солон, который взял на себя трудное дело спасти родной полис от гибели, на которую обрекала его внутренняя вражда, глубокое недовольство безземельных фетов, ожесточение закабаленных бедняков-геомеров, отчаяние проданных в рабство должников, которых готовы были поддержать их пока еще свободные родственники. Против эвпатридов стояли многочисленные городские ремесленники (демиурги), в особенности из оргеонов, и даже худородные богатые купцы и судовладельцы, оттесненные от власти. Полис стоял на пороге кровавой междоусобицы.

Солон, о котором более всего сведений содержится в его биографии, написанной Плутархом, опиравшимся на более древних авторов, был из эвпатридов и принадлежал к царской династии Медонтидов. Он не был богат и, чтобы поправить свое состояние, занялся торговлей, но, обладая чуткой совестью, говорил

о себе: “Мне очень хочется быть богатым, но мне не хочется толстеть от нечестно нажитого” (Сергеев, с. 174), так что в торговых делах Солон обнаруживал щепетильность. Занятия торговлей и любознательность, особенно свойственная, как считали современники, ионийцам и принадлежавшим к их племени жителям Аттики, побуждали его к путешествиям — он побывал во многих местах европейской Эллады, в малоазийских полисах и даже в Египте.

Свою политическую карьеру Солон начал в высшей степени оригинально. В ту пору в Афинах после долгой, разорительной и безуспешной войны с соседними Мегарами из-за острова Саламина, который запирает Афинскую гавань, было под угрозой смертной казни запрещено агитировать за продолжение войны, казавшейся безнадежной. И вот, притворившись помешанным, Солон пришел на площадь и при стечении народа, поднявшись на камень, продекламировал сочиненную им элегию: «Все горожане сюда! Я торговый гость саламинский, но не товары привез, — нет, я привез вам стихи. Быть бы мне лучше, ей-ей, флегандрием или сикинитом, чем гражданином Афин, родину б мне поменять! Скоро, гляди, про меня и молва разнесется дурная: “Этот из тех, кто из рук выпустил Саламин!”. На Саламин! Как один человек, за остров желанный все ополчимся! С Афин смоем проклятый позор!». Призыв Солона увлек народ. Запрет агитировать за войну с Мегарами был отменен. Командовать военной экспедицией поручено было городскому сумасшедшему, и во главе с Солоном афиняне одержали победу, завоевав остров. Победа при Саламине сделала его самым популярным политиком в Афинах. Его сторонники предлагали ему взять на себя единоличную власть, он же на подобные уговоры отвечал: «Тирания — это прекрасное место, но выхода из него нет» (Плутарх, *цит. изд.*, с. 99).

Солон дважды избирался архонтом, в 594 и 592 гг. Ввиду опасности ситуации при избрании во второй раз, он наделен был чрезвычайными полномочиями. И тогда он без промедлений приступил к радикальным и всесторонним реформам. Первым делом он добился отмены «писанных кровью» законов Драконта, кроме закона об ответственности за убийство. Своим важнейшим делом Солон считал проведение сисахфии — «страхивания бремени». С наделов должников были удалены залоговые камни, все долги, взятые под заклад земли, были

отменены, земля возвращалась в полную собственность прежних владельцев, оказавшихся в долговой кабале. Кроме того, на будущее запрещалось заключать кабальные сделки и продавать несостоятельных должников в рабство. Впредь должник мог расплачиваться с кредитором своим имуществом, но не свободой — ни своей собственной, ни своих домашних. Ссудный процент был ограничен предельным максимумом. Более того, Солон принял меры к освобождению поработанных за долги и даже к выкупу за общественный счет и возвращению на родину тех, кто был продан в иные полисы и за пределы Эллады.

Оправдывая свои деяния, Солон посвятил этой реформе самую выразительную из написанных им элегий: «Моей свидетельницей пред судом времен да будет черная земля, святая мать богов небесных! Я убрал с нее позор повсюду водруженных по межам столбов. Была земля рабыней, стала вольною. И многих в стены богозданной родины вернул афинян, проданных в полон чужой кто правосудно, кто неправдой. Я домой привел скитальцев, беглецов, укрывшихся от долга неоплатного, родную речь забывших средь скитаний по чужим краям. Другим, что здесь меж ними обнищальные, в постыдном рабстве жили, трепеща владык, игралища их прихотей, свободу дал».

По словам Плутарха, «Солон прославился» также и «законом о завещаниях. До него завещания не делали. Деньги и имущество оставались в роде умершего, а Солон разрешил тем, кто не имел детей, отказывать свое состояние, кому кто хочет... и сделал имущество действительной собственностью владельца» (Плутарх, *цит. изд.*, с. 100), иными словами, был сделан решительный шаг в сторону перехода земли из родовой в частную собственность.

Среди экономических реформ Солона важное значение имел запрет вывоза зерна из Афин, направленный на снижение хлебных цен и поощрение вывоза оливкового масла, способствовавшее интенсификации культурного земледелия. Реформатор принимал меры к развитию ремесел. В этих целях он предоставил гражданские права тем пришельцам метекам, кто занимался в Афинах ремеслами. Своеобразный характер имел направленный на те же цели закон, согласно которому сын был вправе отказать престарелому отцу в содержании, если тот не обучил его в юности какому-либо ремеслу.

Для развития торговли Солон заменил в Афинах эгинскую денежную систему на эвбейскую. Эта реформа, с одной стороны, способствовала интенсификации товарообмена, потому что эвбейские монеты были меньше достоинством, чем эгинские — за 70 эгинских драхм давали 100 эвбейских, а с другой — Афины таким образом открывали для себя доступ на рынки Самоса, Коринфа, где чеканились эвбейские монеты, а также далекой Сицилии и всей Великой Греции, находившейся в сфере эвбейской денежной системы. Причем, обладая богатыми залежами серебра, Афины сами чеканили себе монеты.

С именем Солона связано осуществление глубоких политических реформ. Он по-иному, чем это было до него, распределил политические права граждан. Ранее доступ на высшие должности открыт был только эвпатридам. По имущественному цензу граждане разделялись на два класса, с которыми связан был характер несения воинской службы — всадников (хиппиев) и воевавших в пехоте зевгитов (от зевгос — упряжка) — это были крестьяне, которые владели по меньшей мере двумя быками, составлявшими упряжку и выполнявшими полевые работы. Солон устранил привилегии эвпатридов и усложнил ценовое деление. Только ценз, или тиме (имущество), стали впредь определять политическую правоспособность гражданина. При этом за основу ценза был положен доход от земельного надела, выраженный в медимнах (греческая медимна составляет 52,5 литра). В этой своей тимотической реформе Солон косвенным образом защитил права эвпатридов, которые были обыкновенно крупными землевладельцами, потому что доход, приносимый помимо земли, от торговли и ремесел, не влиял на причисление к тому или иному разряду, так что капиталисты купцы могли принадлежать к низшему классу, если они не владели землей. А всего введено было четыре класса: пентакосиомедимнов, земельные владения которых приносили доход, превышавший 500 медимнов зерна, масла или других продуктов, всадников с доходом от 300 до 500 медимнов, зевгитов — крестьян с доходами от 300 до 200 медимнов и, наконец, безземельных или малоземельных фетов, чьи доходы были ниже 200 медимнов.

На войне пентакосиомедимны и всадники (гиппии) служили в кавалерии, на свой счет приобретая боевого коня и экипировку. Зевгиты, обязанные приобрести тяжелые доспехи, воевали в строю гоплитов, а феты служили в легковооруженной

пехоте, на военных судах и несли нестроевую службу в обозе. Налоги в пользу казны начислялись в зависимости от цензового класса, так что граждане высшего разряда платили максимальный налог в 1 талант. Феты совершенно освобождались от податей. Кроме того, на пентакосиомедимнов и гиппиев возлагались и другие повинности, которые называли литургиями, например расходы на устройство государственных празднеств или строительство и оснащение боевых кораблей.

Лишь пентакосиомедимны и гиппии имели доступ до высших должностей архонтов и членов ареопага, должность государственного казначея (тамиаса) мог занимать только пентакосиомедимн. Лица трех первых классов могли исполнять должности старейшин навкрарий, полетов, заключавших сделки от лица полиса и продававших конфискованное имущество, или колакретов, совершавших официальные жертвоприношения. Полицейские обязанности возлагались на коллегия из 11 лиц. Фетам путь к чиновничьим должностям был закрыт, что с необходимостью вытекало из того, что исполнение государственных обязанностей оставалось безвозмездным, так что посвятить себя им могли лишь те, кто имел достаточный доход. Реформы Солон совершенно упраздняли юридические различия между родовичами и оргеонами.

Солон расширил права народного собрания — экклисии. Для организации народных собраний и предварительного рассмотрения дел, чем раньше занимался ареопаг, Солон учредил совет четырехсот, в который избиралось по 100 представителей от каждой филы. Но за ареопагом сохранена была прерогатива аннулировать законы, принятые народным собранием, если они расценивались как вредные или опасные для государства. По словам Аристотеля, ареопагу Солон «назначил охранять законы, как и прежде, он имел надзор за государственным порядком, причем он обязан был не только следить за большинством самых важных государственных, но, между прочим, и привлекать к ответственности виновных» (цит. по: Сергеев, цит. изд., с. 178). Таким образом, за Ареопагом оставлены были главным образом контрольные и судебные функции, часть которых была передана народному собранию — Солон учредил гелию, высший апелляционный суд, в который по жребию включались члены экклисии, в том числе и феты. Об этой его реформе Аристотель писал с некоторой осторожностью в оценках: «Некоторые

упрекают Солона за это, указывая на то, что он свел на нет другие элементы государственного строя... Когда народный суд усилился, то пред простым народом стали заискивать, как перед тираном, и государственный строй обратился в нынешнюю демократию» (Аристотель, цит. изд., с. 441), которая в глазах философа представляла собой деградацию правильной политики. Но наступление этих пагубных последствий Аристотель относит уже к позднейшим временам.

Реформы Солона сплотили вокруг него демос, в котором обнаружилось опасные стремления к мщению эвпатридам, чьи привилегии были постепенно сведены на нет, но Солон, чуждый амбиций демагога, сумел удержать народ от бунта, защитив эвпатридов от народного гнева, а государственный корабль от крушения. В одной из своих элегий он так передал состояние умов в афинском демосе: «А они, желая грабить, ожиданий шли полны, думал каждый, что добудет благ житейских без границ, думал: под личиной мягкой крою я свирепый нрав. Тщеты были их мечтанья... Ныне в гневе на меня, смотрят все они так злобно, словно стал я им врагом. Пусть их! Все, что обещал я, мне исполнить удалось. И труды мои не тщетны. Не хочу я, как тиран, по пути идти насильей».

Оказавшись в результате своей благоразумной — решительной, но продуманной политики в какой-то момент правления между двух огней, Солон не дрогнул и не свернул с выверенного пути. О своей политике в момент кризиса он писал: «Когда б другой, корыстный, злонамеренный, моим рожном вооружился, стада б он не уберег и не упас. Когда бы сам противников я слушал всех и слушал все, что мне кричали эти и кричали те, осиротел бы город, много пало бы в усобице сограждан. Так со всех сторон я отбивался, словно волк от своры псов». Сказано это, мягко говоря, без ложной скромности, вовсе не свойственной афинянам, но вполне справедливо.

Исполнив свой долг, Солон в 591 г. покинул родную Аттику на 10 лет, объявив, что изданные им законы должны действовать в течение столетия. На чужбине он возобновил торговые операции, вновь побывав в дальних странах, в том числе в гостях у сказочно богатого лидийского царя Креза, который первым начал чеканить монеты не из электрона, как раньше, а из чистого золота. Геродот рассказал о его беседе с тщеславным царем, который, показав Солону свои несметные сокровища,

спросил Солон: «Встретил ли ты уже счастливейшего человека». Царь задал этот вопрос в надежде, что гость объявит его самым счастливейшим человеком» (Геродот, цит. изд., с. 19). Но Солон в ответ назвал афинянина Телла, который пал в бою при Элевсинах, защищая родной город, а самыми счастливыми после Телла он объявил двух юношей родом из Аргоса, Клеобиса и Битона, которые, когда их мать, жрица Геры, опаздывала в святилище, а быки, на которых ее обыкновенно возили, еще не вернулись с поля, «сами впряглись в ярмо и потащили повозку, в которой ехала их мать». Они во время доставили мать в храм, пробежав 45 стадий (около 7 километров), но от перенапряжения заснули в святилище и больше уже не проснулись (см.: Геродот, цит. изд., с. 19–20). Продолжая беседу с Солоном, «Крез в гневе сказал ему: “Гость из Афин! А мое счастье ты так ни во что не ставишь”. В ответ он услышал: “Я вижу, что ты владеешь великими богатствами и повелеваешь множеством людей, но на вопрос о твоём счастье я не умею ответить, пока не узнаю, что жизнь твоя окончилась благополучно. Ведь обладатели сокровищ не счастливее (человека), имеющего лишь дневное пропитание”» (Геродот, цит. изд., с. 20). В этом диалоге с Крезом Солон обнаружил искреннюю религиозность, патриотизм, благородство души и подлинную мудрость. Солон вернулся в Афины после долгого пребывания на чужбине и умер на родине в середине VI столетия до Р.Х. Греческий народ почитал его как одного из 7 великих мудрецов.

Солон спас Афины от кровавой смуты, но он не мог предотвратить новых противостояний. Эвпатриды были недовольны тем, что их потеснили, а демос — тем, что победа его не была полной, что фактически власть в полисе осталась в руках родовой знати, которая преобладала в двух высших сословиях — пентакосиомедимнов и гиппиев. Дважды, в 590 и 586 гг. до Р.Х., в Афинах насилием свергалось законное правительство. В 581 г. архонт-эпоним Дамасий остался на своей должности по истечении своих полномочий, но на следующий год узурпатора устранили от власти, после чего было поставлено 10 архонтов, из которых пятеро были избраны из числа эвпатридов, трое представляли жителей горных селений (агриков) и двое — ремесленников (демиургов).

На политической арене действовали три партии, каждая из которых имела, с одной стороны, опору в особых слоях

афинского общества, а с другой — в населении разных регионов, которые и дали наименования этим партиям. Педии — жители Педиаки, плодородной равнины, примыкающей к самим Афинам, где было много крупных земельных наделов, поддерживали эвпатридов, стремившихся к возвращению досолоновских порядков, то есть были своего рода реакционерами. Вождем этой партии стал Ликург из знатного рода Этеобутадов. Население приморской Паралии, с его многочисленным торговым элементом, стремилось к сохранению законодательства и порядков, установленных Солоном, этих консерваторов называли паралиями, их вождем был Мегакл из рода вернувшихся в Афины Алкмеонидов, на которых вытравлено было клеймо виновников «Килоновой скверны». И, наконец, диакрии, нищие крестьяне гористой малоземельной Диакрии, шли за талантистым демагогом Писистратом, который сам, как это часто бывает у революционеров, опирающихся в своих авантюрных политических предприятиях на обездоленных и ожесточенных бедняков, принадлежал к аристократии. Писистрат требовал радикальных преобразований в пользу мелких и безземельных крестьян.

Политической карьере Писистрата предшествовало участие в войне с Мегарами за Саламин, в которой он отличился, после чего был избран архонтом-полемархом. Затем, в 561 г., по версии своих сторонников диакриев, он подвергся покушению со стороны эвпатридов, но Геродот рассказывал об этом иное: для укрепления своих властных позиций Писистрат придумал трюк — он сам поранил себя и своих мулов и в таком виде явился на афинскую агору, заявив, что спасся чудом, чем вызвал яростный гнев диакриев, которые требовали отмщения. Полису грозила смута. Созванное по этому поводу народное собрание предоставило Писистрату право обзавестись телохранителями, и они набраны были из числа диакриев, вооружившихся дубинами, — коринефоров, которые стали терроризировать политических противников (см.: Геродот, цит. изд., с. 27–28). С помощью коринефоров Писистрат захватил акрополь и стал тираном. При этом он опирался не только на диакриев, но также на новых граждан, которые до реформ Солона принадлежали к числу метеков и были недовольны тем, что не смогли сразу сравняться с прирожденными гражданами и в основном принадлежали к сословию фетов, а также

на тех эвпатридов, кто разорился из-за кассирования долгов при Солоне.

Диктатура Писистрата заставила его противников из партий паралиев и педиев заключить союз, и им удалось изгнать тирана. После этого педии во главе с Ликургом и паралии, вождем которых был Мегакл, начали борьбу за преобладание. Страхась поражения, Мегакл вступил в сговор с Писистратом. По словам Аристотеля, «Мегакл, поставленный в безвыходное положение своими противниками, начал переговоры с Писистратом и, условившись, что тот возьмет замуж его дочь, устроил его возвращение» (цит. по: Сергеев, цит. изд., с. 180). Это был торжественный въезд — Писистрат восседал на колеснице, а рядом с ним стояла юная и красивая рослая девушка, одетая по подобию скульптурных изображений Афины Паллады. Суевверные горожане благоговейно кланялись, и Писистрат с триумфом въехал на акрополь. Он не взял в жены дочь Мегакла, разорвал союз с ним и стал править как тиран. Но его вероломство обернулось на этот раз поражением. Объединившись против тирана, враги добились его нового изгнания.

В 555 г. до Р. Х., удалившись из Афин вместе со своими многочисленными сторонниками, прихватив с собой деньги из казны, Писистрат обосновался на границе Македонии и Фракии, вначале около Энеи, а потом у подножья горы Пангей. Обладая значительными средствами, он со свойственной ему неуемной энергией занялся разработкой местных залежей серебра, а также вырубкой и продажей леса. Разбогатев на Пангейских рудниках и лесодобыче, Писистрат занялся строительством военных кораблей, чеканил монеты — аттические тетрадрахмы с совой. Взяв в дополнение к собственным средствам ссуду у Фив, он нанял тысячу наемников в Аргосе и, договорившись о поддержке со стороны Эретреи, заключив союз с наксосским тираном Лигдамидом, в 546 г. высадился в Марафоне, куда к нему устремились диакрии и другие его сторонники со всей Аттики. Выступившее ему навстречу афинское ополчение было разбито у Паллены и бежало. Из Афин выехали Алкмеониды вместе со своими сторонниками из партии паралиев. Разоружив противников и распустив их по домам, Писистрат захватил акрополь, взял в заложники сыновей из знатных семей и с этих пор правил уже без перерыва самовластно, как тиран, вплоть до своей смерти в 527 г.

Писистрат не отменял политику с ее «республиканскими» учреждениями, но должностные лица избирались по его подсказке, а решения принимались после совещания с ним, и в соответствии с его волей; поддержка народного собрания ему была гарантирована, так что все нити государственного управления он держал в своих руках. Захватив власть с помощью диакриев, Писистрат запретил гражданам впредь спланиваться в какие бы то ни было партии, подрывающие единство полиса, но интересы диакриев и других малоимущих крестьян он постарался защитить.

Тиран раздавал им землю, конфискованную у политических противников, ввел льготный государственный кредит для нуждавшихся геомеров. «Бедных, — писал Аристотель, — он даже снабжал вперед деньгами на сельские работы, чтобы они могли кормиться, занимаясь земледелием» (цит. по: Сергеев, цит. изд., с. 180). В интересах простых крестьян Писистрат велел назначать окружных судей, которые на месте рассматривали тяжбы, освобождая малоимущих от обременительных для них поездок или хождений в Афины. На средства казны при нем строились храмы, дороги, водопроводы; и эти общественные работы решали проблему занятости, устраняя безработицу и нищету. Казна успешно пополнялась за счет доходов от чеканки монет, которые пользовались спросом во всем эллинском мире и за его пределами, а также за счет введенного Писистратом подоходного дохода в размере десятины. Развивалось и частное производство: увеличилось число ремесленных мастерских, в особенности гончарных, а также число занятых в них наемных работников и рабов; многих работников поглощал порт, торговый и военный флот, в котором заняты были безземельные феты, получавшие жалование за службу. По словам Аристотеля, «афиняне жили тогда как бы в царствование Кроноса» (цит. по: Сергеев, цит. изд., с. 183), то есть в золотом веке.

Расцвет экономики сопровождался значительным ростом численности населения Афин — в Аттику переселялись искусные ремесленники из всех эллинских полисов, в особенности из единоплеменных ионийских городов, покоренных Персией. А это в свою очередь требовало увеличения ввоза в город хлеба и сыра, масла и вина, фруктов и овощей, рыбы и мяса, что стимулировало рост сельскохозяйственного производства

и рыболовства, а также расширения импортно-экспортных операций, поскольку Аттика не могла снабжать себя только своим зерном.

Ввоз хлеба из-за границы, и даже с дальнего черноморского рынка, требовал средств, которые поступали от экспорта масла, керамических изделий — в середине VI столетия до Р. Х. самые прекрасные и технически совершенные краснофигурные вазы стали изготавливаться в Афинах, оттеснивших на рынке керамики Коринф, который ранее доминировал на нем.

Значительно выросшие масштабы экспорта и импорта потребовали активной внешней политики, и Писистрат проводил ее с размахом и убедительными успехами. При нем афиняне овладели портовым городом Сигеем в Троаде, который контролировал вход в Дарданеллы — Писистрат поставил там тираном своего сына Гегесистрата. Афиняне покорили также расположенные на севере Архипелага острова Лемнос и Имброс. В результате ключи от черноморского пути, столь важного для снабжения Афин зерном, оказались в их руках. Тиран островного полиса Наксос Лигдамид поддерживал союзнические отношения с Писистратом. Тесная дружба связывала Афины с Херсонесом Фракийским, в котором правил афинянин Мильтиад. Для Афин был открыт порт в Эретрее на Эвбее. Афины поддерживали при Писистрате дружественные отношения с Коринфом, Аргосом, с островным полисом Делосом, с Фессалией.

Так Аттика стала достойным конкурентом Лакедемона в борьбе за преобладание в Элладе. При Писистрате выросло значение Афин как религиозного центра. На месте будущего Парфенона был воздвигнут грандиозный храм Афины Паллады. Писистрат начал в Афинах строительство храма Зевса Олимпийского. В Элевсинах был сооружен новый величественный храм Деметры. Культ Диониса, который ранее считался по преимуществу крестьянским божеством, при Писистрате приобрел официальный и в то же время всенародный характер. Панафинеи, Элевсинии в честь Деметры, Дионисии совершались тогда с торжественной пышностью и роскошью и увлекали народ. На диониссиях ставились трагедии, выросшие из вакхических дифирамбов.

Забываясь о благе Аттики, Писистрат не забывал и о собственных доходах. После смерти он оставил наследникам колоссальные средства, которые помогли им получить тираническую

власть и некоторое время удерживать ее, хотя наследственность правления не была введена законодательно в республиканских Афинах, а сыновья Писистрата Гиппий и Гиппарх не обладали незаурядными политическими способностями отца.

В 527 до Р.Х. тиранами стали оба брата, но Гиппарх, увлеченный поэзией, был лишен властолюбия и предоставил заниматься государственными делами Гиппию, который во всем стремился продолжать политическую линию отца. Фукидид с похвалой отзываясь о политике сыновей Писистрата: «Они взимали с афинян только двадцатую часть доходов с земли. На эти средства они благоустроили и украсили город, вели успешные войны и упорядочили празднества. В остальном в городе продолжали существовать прежние законы, и тираны заботились лишь о том, чтобы кто-нибудь из их семьи занимал должность архонта. Так, среди исполнявших годичную должность архонта был и сын тирана Гиппия Писистрат» (Фукидид, *цит. соч.*, с. 286).

Но смерть его деда воодушевила противников на сопротивление. К тому же настроения в Аттике изменились ввиду ухудшения положения Афин. В 519 г. до Р.Х. Аттика присоединила к своим владениям беотийский город Платеи, что привело к разрыву мирных отношений с соседними Фивами. Старый союзник Афин Аргос ослаб в результате усиления успешно соперничавшей с ним Спарты. В результате персидской экспансии на севере Архипелага Афины утратили контроль над проливами. Внешнеполитические неудачи питали в обществе недовольство и ропот, которым пользовались противники Писистратидов, объединившиеся вокруг вождей, проигравших их отцу.

В этой обстановке на тиранов совершено было покушение, о котором рассказывает Фукидид, обнаруживший у заговорщиков личные мотивы: «Был тогда Гармодий, блиставший юношеской красотой, и Аристокитон, гражданин среднего круга и достатка, стал его любовником. Гиппарх, сын Писистрата, также соблазнял Гармодия, но безуспешно. Гармодий сообщил об этом Аристокитону, и тот, страстно влюбленный, весьма огорчился, опасаясь к тому же, что могущественный Гиппарх применит против юноши насилие. Аристокитон тотчас же задумал (насколько это было возможно человеку его положения) уничтожить тиранию» (Фукидид, *цит. изд.*, с. 286). Раздосадованный тем, что его домогательства были отвергнуты, Гиппарх

оскорбил сестру Гармодия, вначале пригласив ее нести священную корзину на празднествах, а потом отменив это приглашение. Покушение было предпринято на Великих Панафинеях 514 г., когда всем гражданам разрешалось носить оружие. Заговорщики с кликой сторонников вооружились кинжалами, они рассчитывали, что после убийства Писистратидов народная толпа поддержит мятежников. Напав на Гиппарха, они зарезали его, но телохранители тирана немедленно поразили Гармодия; Аристогитону удалось скрыться, но его схватили, подвергли пыткам и казнили. Казнены были и другие заговорщики. Имена Гармодия и Аристогитона стали для демократов символом тираноборчества.

После гибели брата Гиппий стал прибегать к террору, чего он ранее избегал. В результате от него отвернулись и некоторые из прежних приверженцев его отца. Многие афиняне, в особенности эвпатриды, эмигрировали. Во главе беженцев, стремившихся к свержению тирана, вновь оказался род Алкмеонидов. Клисфен Алкмеонид пытался вовлечь в борьбу против Гиппарха Спарту, к вмешательству подталкивал Лакедемон и Дельфийский оракул.

В 511 г. до Р.Х. Спарта вступила в войну, с помощью фессалийской кавалерии Афины на первых порах одержали победу; но в Аттику вошла вторая армия Лакедемона, в составе которой находились и афинские эмигранты, и эта армия разгромила фессалийскую конницу. Спартанцы под предводительством царя Клеомена осадили акрополь. Сыновей Гиппия взяли в плен. Затем состоялись переговоры: Гиппий капитулировал — Писистратидам разрешили безопасно покинуть Аттику, и они удалились в Сигей, который тогда уже был во власти персов.

Освободив Афины от тирании, Клеомен вывел спартанские войска из Аттики. Вернувшиеся на родину эмигранты добились проведения ряда мер в пользу эвпатридов. Многие из бывших метеков, которые ранее приобрели гражданские права, теперь были их лишены и возвращены в первобытное состояние. Но вскоре в Афинах разгорелась борьба между Исагором из рода Филаидов и Клисфеном Алкмеонидом. Исагор опирался на эвпатридов и других исконных афинян, а Клисфен, сам эвпатрид и глава влиятельного рода, искал однако поддержку со стороны низов, в особенности тех, кто в результате свержения тирании уже утратил гражданские права либо рисковал потерять их.

В 508 г. Исагор был избран архонтом, но он не имел поддержки большинства афинских граждан и потому обратился за помощью к спартанскому архагету Клеомену, и тот через глашатая, направленного в Афины, потребовал изгнания Клизфена как лица, принадлежащего к роду Алкмеонидов, на котором лежало проклятие «Килоновой скверны». Для подкрепления ультиматума в Аттику выступил отряд во главе с самим архагетом. О дальнейшем развитии событий Аристотель рассказывает так: «Клеомен, придя с небольшим отрядом, начал гнать из города под видом очищения семьсот афинских семейств. Приведя это в исполнение, он пытался низложить совет и отдать город под власть Исагора и трехсот его приверженцев. Однако совет оказал сопротивление и собрался народ. Тогда сторонники Исагора и Клеомена убежали на акрополь, а народ, обложив их там, осаждал в течение двух дней, на третий день отпустили Клеомена и всех бывших с ним, обеспечив им свободный выход, а Клизфена и остальных изгнанников призвали обратно» (цит. по: Сергеев, с. 184). Многие из приверженцев Исагора были после этого казнены.

Атика вручила Клизфену, победившему в противостоянии с партией Исагора, мандат на проведение обещанных им реформ, направленных на подрыв влияния родовой аристократии. В этих целях он ввел новое административное деление. Ранее оно совпадало с родоплеменным делением на фратрии, так что у каждой фратрии были свои территории — триттии и внутри них навкратии. А Клизфен разделил всю Аттику на три части: Афины с ближайшими пригородами (Асти), прибрежную полосу вдоль восточного берега от границы полиса на севере до мыса Суннион (Паралию) и центральную часть (Месогион). Каждый из этих больших регионов был в свою очередь разделен на 10 округов — триттий, три триттии по одному из каждого региона составляли одну новую филу, и эти новые 10 фил, основанные на территориальном, а не родоплеменном принципе, должны были заменить прежние филы и фратрии, которые служили опорой для старой родовой аристократии. Новые филы получили названия в честь древних героев, имена которых были выбраны пифийским оракулом из 100 имен, предложенных самими филами.

По словам А. Тойнби, новые филы «начали свое существование с религиозной санкции, что обеспечило им столь сильную

преданность и поддержку граждан, как если бы это были не искусственно созданные образования, а освященные веками племена. Эта новая преданность десяти клисфеновским племенам, пришедшим на смену четырем ионическим, издревле существовавшим, не вызвала соперничества, а, наоборот, усилила единство афинских граждан» (Тойнби, *цит. изд.*, с. 430–431). Старые филы с их филовасилевсами, как и прежние фратрии, оставались с тех пор лишь религиозными союзами без какого бы то ни было отношения к политическому устройству. Затем 30 новых триттий были разделены Клисфеном на округа — демы, первоначально было образовано 100 демов, со временем их стало больше; по подсчетам Хаммонда, их число было доведено до 170 (*см.: Хаммонд, цит. изд.*, с. 206).

Демы заменили прежние навкрии — более крупные единицы, которые сохраняли связь с родовой структурой общества, и стали основной единицей административного, военного и финансового устройства полиса. В 18 лет афинянин вносился в демоты — списки граждан дема; после принесения присяги на верность полису он зачислялся в эфебы, то есть включался в ополчение и одновременно приобретал право отстаивать свои интересы в суде. В 20 лет юноша получал полноту гражданских прав. При первоначальном составлении демотов в них помимо потомственных граждан внесено было также много метеков и вольноотпущенников — таким образом число полноправных афинских граждан было значительно увеличено. С этих пор учет граждан велся по новым филам, триттиям и демам, но принадлежность к дему, зафиксированная на момент проведения Клисфеновой реформы, сохранялась как своего рода прописка и при переселении гражданина из своего прежнего дема в новый. К дему отца принадлежали и его дети, независимо от места их рождения. В результате реформы эвпатриды, принадлежавшие к одному из знатных родов, которые в прежние времена часто проживали в одной навкрии и потому могли оказывать там влияние на все местные дела, оказались разделенными новыми административными границами мелких округов — демов и не могли уже, как раньше, выступать в качестве сплоченной политической силы.

Во главе демов стояли выборные демархи. Через демы осуществлялось комплектование вооруженных сил, в их рамках

избирались присяжные судьи. Власть в филе принадлежала народному собранию, которое образовывало исполнительные органы, выполнявшие административные, военные и налоговые функции. Каждая из 10 фил выставляла воинский отряд во главе с таксиархом. В 501 г. на коллегию из 10 избранных народным собранием стратегов были возложены прежние полномочия воинского единоначальника — полемарха, должность которого при этом осталась, но приобрела по преимуществу церемониальный характер.

Через демы и филы избирался и совет 500, заменивший прежний совет 400 и называвшийся «буле». Каждая фила избирала по 50 членов буле, причем число кандидатов от демов внутри фил устанавливалось в зависимости от численности их населения. Сами демы избирали только кандидатов в члены совета, из которых уже, в рамках филы, выбор осуществлялся посредством жребия. Выбранные голосованием в демах и жребием в филах 500 кандидатов подвергались затем проверке со стороны прежнего совета, полномочия которого истекли; и он мог вычеркнуть любого из избранных, заменив его другими лицами, избранными в демах, но не прошедшими по жребию. Окончательно утвержденные члены совета приносили присягу, в которой клялись давать советы, наилучшие для полиса. Буле действовало не в полном составе, а разделялось по филам на 10 комитетов — пританеев, которые сменяли друг друга 9 раз в течение года, по прошествии которого проводились новые выборы. Председатели пританеи (эпистаты) избирались жребием на каждый день, а секретари (грамматевсы) занимали свою должность в течение всего срока полномочий пританеи. Первый совет в соответствии с порядком, установленным Клисфеном, был сформирован в 507 г. до Р.Х.

Оригинальным изобретением Клисфена был остракизм — суд «черепков». Каждый год весной созывалось народное собрание, на котором ставился вопрос о том, нет ли среди граждан демагога, стремящегося к тирании. Если экклесия давала положительный ответ на этот вопрос, то собрание созывалась вторично, и тогда каждый гражданин на черепке (остраконе) писал имя подозреваемого им опасного для полиса лица. Получивший большинство голосов на этом чрезвычайном суде подвергался изгнанию из Аттики на десятилетний срок, но его имущество не подвергалось конфискации и по возвращении

на родину ему возвращались гражданские права, поскольку прямого обвинения ему не предъявлялось, и речь шла не о государственном преступнике, а скорее о потенциальной угрозе со стороны популярного честолюбца.

Сложившаяся в Афинах в результате реформ Клисфена система правления стала классической античной демократией, суть которой заключалась в политическом равноправии граждан, коллегиальном правлении и, в отличие от представительных демократий нового времени, в прямом участии граждан через экклисию в решении важнейших государственных дел. По оценке Аристотеля, «после Клисфена Афинское государство сделалось значительно демократичнее, чем оно было, например, при Солоне» (цит. по: Сергеев, цит. изд., с. 186–187).

Потерпевшие поражение эвпатриды из партии Исагора, действуя за пределами Аттики, сумели сколотить широкую коалицию во главе со Спартой, в которую вошли также Фивы, Халкидика и Эгина. Перед лицом опасной угрозы афиняне попытались заключить союз с Персией против Лакедемона, но Персия не готова была к равноправному союзу, она потребовала от Афин дать царю «землю и воду», то есть признать свою зависимость от него, на что послы из Аттики дали согласие, однако в Афинах эта уступка послов была дезавуирована, так что союз с азиатской сверхдержавой не состоялся и Афинам пришлось защищаться против коалиции в одиночку. В 506 г. до Р.Х. началась война, которая в том же году закончилась победой Аттики. Афинские войска разгромили союзников, эвбейский полис Халкидика утратил самостоятельность. На Эвбее, отторгнутой у халкидян, было поселено 4 тысячи афинских колонистов — клерухов.

10. Островные полисы

На рубеже II и I тысячелетий до Р.Х. на островах сложились полисы, которые заселены были носителями всех диалектов греческого языка. Север Архипелага заняли в основном эолийцы, и самым большим из населенных ими островов был Лесбос с его 5 полисами, включая Митилену, более всего знаменитую своими великими поэтами Алкеем и Сафо, эолийцы поселились также на крошечном в сравнении с Лесбосом Тенедосе. Юго-восток Архипелага запирали дорийский Родос, а юго-запад — дорийская Кифера, на дальнем и полуварварском Кипре

поселились бежавшие туда от завоевателей ахейцы, которые в более чистом виде, чем жители Аркадии, сохранили наречие микенской эпохи. Но большинство островов Архипелага досталось ионийцам. Это были Эвбея и Кеос, расположенные у берегов Аттики, примыкающие к азиатскому берегу Хиос и Самос, а также лежащие между Европой и Азией Тенос, Парос, Наксос и ряд других более мелких островов. На большинстве этих островов было по одному полису.

Стержнем политической истории островных полисов, как, впрочем, и других греческих государств архаической эпохи, было противостояние родовой знати и демоса. В VI столетии в ряде островных полисов устанавливается выросшая из этой борьбы тирания, подобная той, что сложилась в Афинах при Писистрате.

Самым поразительным по своей судьбе тираном стал правитель Самоса Поликрат. По рождению он не принадлежал к аристократии, но был богат, унаследовав имущество отца, который занимался морской торговлей — доходным, но рискованным делом. Поликрат владел мастерской бронзовых изделий. Сколотив вооруженный отряд из 50 головорезов, он в 537 г. до Р.Х. учинил резню самосских гоплитов и захватил власть в полисе, поделив ее вначале со своими братьями Пантагнотом и Силосонтом, но затем расправившись и с ними: старшего Пантагнота он казнил, а младшего изгнал с острова, после чего стал править единолично. Окружение Поликрата составляла разношерстная публика: не только граждане Самоса, но и иностранцы, наемники, вольноотпущенники и рабы, которым он также давал важные поручения.

Поликрат стремился принизить родовую знать и оказывал покровительство торговле и ремеслам, искусству и поэзии, приблизив к себе знаменитых лириков Ивика и Анакреонта. Тиран затеял грандиозное строительство: по его повелению уроженцы Самоса зодчие Ройк и Феодор, который прославился изобретением токарного станка и техники литья статуй из бронзы, воздвигли прекрасный храм Геры колоссальных размеров. Одним из важнейших сооружений Поликрата был великолепный водопровод, снабжавший Самос чистой питьевой водой — ее на островах Архипелага всегда не хватало. Третьим его строительным предприятием был мол, защищавший морскую гавань. Используя рабский труд пленников, Поликрат выстроил

мощные оборонительные стены, которые выдержали осаду со стороны воевавших против Поликрата лакедемонян и потом коринфян.

Поликрат проводил активную внешнюю политику. Он заключил договор о дружбе с египетским фараоном Амасисом и в то же время поддерживал хорошие отношения с врагом Египта Персией. На помощь персидскому царю Камбизу он направил 40 трирем, экипажи которых были набраны принудительно. Вернувшись в Самос, моряки открыто выражали свое недовольство — возникла опасность восстания. Чтобы предотвратить его, Поликрат велел собрать жен и детей недовольных и запереть их в амбаре, угрожая сжечь их живьем, если волнения не прекратятся. Взятие заложников оказалось удачным приемом — бунта не произошло. Для укрепления военной мощи Самоса он завел мощный военно-морской флот из 100 пентеконтер и 40 трирем. С таким флотом он одержал победу над лесбосцами, разгромил Милет, завоевал Рению и еще ряд островов, а также прибрежных городов в Малой Азии. Частично его успехи объяснялись тем, что персы к тому времени покорили греческие города на малоазийском побережье и завоевали Египет, и в восточном Средиземноморье не осталось сильных конкурентов Самоса. По словам Геродота, Поликрат «первым из эллинов, если не считать Миноса, кносского царя, и тех, кто в прежнее время еще до него господствовал на море, задумал стать владыкой на море» (Геродот, *цит. изд.*, с. 175). Морские торговые операции, которые поддерживались грозной военной силой, сопровождались откровенным пиратством, так что богатства рекой текли на Самос.

Чрезмерная удачливость тирана и его страшный конец дали повод к созданию легенды, которую, впрочем, Геродот выдает за чистую монету. «До Амасиса, — рассказывает он, — дошли как-то слухи о великом преуспевании Поликрата, и... Амасис написал такое послание тирану...: “Приятно узнать, что друг наш и гостеприимец счастлив. Но все же твои великие успехи не радуют меня, так как я знаю, сколь ревниво божество... Поэтому послушай моего совета теперь и ради своего счастья поступи так: обдумай, что тебе дороже всего на свете и потеря чего может больше всего огорчить тебя. Эту-то вещь ты закинь так, чтобы она больше не попалась никому в руки”... Поликрат прочел послание и понял, что совет Амасиса хорош... Был у него

смарагдовый перстень с печатью, в золотой оправе... изделие самосца Феодора, сына Телекла. Этот-то перстень Поликрат и решил забросить... Когда корабль отошел далеко от острова, Поликрат снял перстень и на глазах у всех спутников бросил его в море» (Геродот, цит. изд., с. 151). Как рассказывает далее Геродот, через 5 или 6 дней один рыбак преподнес в дар тирану большую и красивую рыбу, и когда ее вскрыли на кухне Поликрата, в ней нашли смарагдовый перстень. Это происшествие, по убеждению историка, предвещало беду, и она не замедлила обрушиться на счастливого тирана.

Его возросшее могущество в конце коцов встревожило Персию. Персидский сатрап в Сардах Орет заманил Поликрата в ловушку, предложив ему взять на хранение свою казну, поскольку он, мол, знает, что царь Камбис собирается его погубить, и позволив воспользоваться частью этих средств для завоевания ионийских городов Малой Азии. Поликрат поверил сатрапу и отправился со своей свитой навстречу ему в Магнесию. Но там он был схвачен, убит и, как рассказывает Геродот, бездыханное тело его, по приказанию Орета, было распято. Это произошло в 522 г. до Р.Х. Вскоре погиб и Орет. Взошедший на престол новый персидский царь Дарий велел казнить сатрапа за его преступления. Затем, отняв Самос у назначенного еще Поликратом правителя Меандрия и опустошив его, Дарий передал остров в управление изгнанному брату Поликрата Силосонту под собственной своей верховной властью.

11. Малоазийские полисы

На азиатском побережье Эгейского моря большинство городов было, как и на островах, населено ионийцами. Современные соседи греков с востока, турки, унаследовали у своих предшественников уже в качестве имени всей Эллады это название, трансформированное в Янистан. Эолийцам в Азии принадлежала Эолида на севере, дорийцам — Галикарнас на юге, а у ионийцев в Азии было 10 городов: Милет, Миунт, Приена, Эфес, Колофон, Лебедос, Теос, Клазомены, Эритры и Фокея, которые вместе с прилегающими островными полисами Хиосом и Самосом составляли знаменитый додекаполис — двенадцатиградие.

В Ионии началось возрождение греческой культуры после разорения и упадка, последовавшего за дорийским завоеванием Пелопоннеса. Там на заре архаической эпохи составлены были

гомеровские поэмы, и ионийские города спорили впоследствии за честь быть родиной великого рапсода-слепца. В этих полисах сложился ионический архитектурный ордер.

Как и в Аттике, граждане ионийских полисов разделялись на 4 филы, эпонимами которых были легендарные сыновья Иона — Гелеонт, Эгикор, Аргад и Гоплет. В некоторых полисах существовали и другие филы, в которые входили потомки переселенцев, не принадлежавших к ионийцам. Так, в Милете помимо 4-х ионийских фил были еще филы борейцев и энопов, которые назывались именами родоначальников из Фессалии и Беотии.

Ожесточенное противостояние демоса и эвпатридов заполняет страницы политической истории ионийских полисов. Борьба в них была драматичней и беспорядочней оттого, что гражданское общество не было сплочено необходимостью солидарно отстаивать господство над покоренным народом, как в дорийских полисах. В Ионии не было сословия, подобного илотам Лакедемона, а незначительное число рабов не создавало политических проблем. В результате ожесточенного противоборства граждан между собою к власти приходили тираны, упразднявшие прежнее демократическое или аристократическое правление и бравшие на себя роль верховных арбитров в раздирающих жизнь полиса конфликтах.

Так, в конце VII века до Р.Х. в Эфесе власть захватил тиран Пифагор. Опираясь на городскую бедноту, он энергично проводил перераспределение имущества, отнимал его у богатых и передавал малоимущим и неимущим, пренебрегая законами. После него власть перешла к другому тирану Меласу, которому наследовал его сын Пиндар, пожертвовавший своей властью, чтобы уберечь Эфес от подчинения Лидийскому царю Крезу. В Эвбее в VI веке правил тиран Тиннонд. Правление тиранов с диктаторскими полномочиями часто бывало единственным спасительным выходом из междоусобицы. В Милете после свержения тирана Фрасибула в 580 г. до Р.Х. более полувека, то затухая, то вновь обостряясь, шла настоящая гражданская война, которая вынуждала многих эмигрировать и тем самым немало способствовала грандиозному размаху милетской колонизации.

На историю ионийских полисов налагало свою печать близкое соседство с варварским миром — с карийцами, с фракийскими племенами фригов и мисийцев, а также

с нависавшими над узкой прибрежной полосой могущественными монархиями — вначале Лидией, а потом Персидской мировой державой.

В VI столетии азиатские полисы один за другим признают свою зависимость от Лидии. Как писал Геродот, «Крез, родом лидиец, сын Алиата, ... первым из варваров покорив часть эллинов, заставил платить себе дань, с другими же он заключил союзные договоры. Покорил же он ионян, эолийцев и азиатских дорийцев, а с лакедемонянами вступил в союз. Однако до владычества Креза все эллины были свободными» (Геродот, цит. изд., с. 12–13). Но власть Лидии не была чрезмерно обременительной и не затрагивала внутреннюю жизнь полисов. По существу зависимость сводилась только к обязанности высылать дань в столицу Креза Сарды, так что это был своего рода вассалитет. Поэтому? когда персидский царь Кир, воюя с Лидией, подстрекал ионийцев к восстанию, они предпочли сохранить верность Крезу, но в 546 г. до Р.Х. Крез был наголове разбит персидскими полчищами.

Греческие полисы просили Кира принять их в подданство на тех же условиях, на которых они раньше подчинялись Крезу, но было поздно. Подобная милость оказана была только Милету. Попытки других азиатских полисов оказать сопротивление, действуя в союзе с Лакедемоном, не увенчались успехом. Спарта поддерживала готовность азиатских полисов к сопротивлению, но собственной армии в Азию не направила, а своими силами отразить многократно превосходившие силы персов эти полисы не могли.

Биант из Приены призывал ионийцев к эмиграции. Его совету последовали граждане Фокеи и Теоса: фокейцы после долгих и опасных приключений обосновались на далекой Корсике, где уже ранее колонистами из этого полиса была основана Алалия, а граждане Теоса переселились одни во фракийские Абдеры, а другие на понтийское побережье Северного Кавказа, где основали Фанагорию. Жители других полисов остались на родине и вынуждены были покориться. Помимо дани, которую завоеванные полисы стали платить теперь, вместо Лидии, Персии, они обязаны были также поставлять в персидскую армию воинские отряды. Полисы лишились права чеканить свою монету, которое сохраняли во времена лидийского господства. Наконец, правили в зависимых полисах только те тираны, которые были лояльны Персии, — подозреваемые в неверности

устранялись сатрапом, который из Сард осуществлял контроль над побережьем и покоренными островами.

12. Великая Греция и народы Сицилии

Одним из регионов эллинской цивилизации, удаленных от метрополии, стала Великая Греция — колонии, выросшие по берегам Сицилии и Южной Италии. Греки шли там по следам вытесняемых ими более древних колонизаторов — финикийцев.

Сицилия представляет собой после Сардинии самый большой остров Средиземного моря, по конфигурации береговой линии своего рода равнобедренный треугольник, основание которого обращено к Ионическому морю, связывающему Сицилию с Элладой. «По форме, — писал древний географ Страбон, — Сицилия треугольник, почему и называлась раньше Тринакрией... Ее фигуру определяют три мыса: Пелорида, которая вместе с Кением и Столпом регийцев образует Пролив, затем Пахин, лежащий по направлению к востоку; он... обращен к Пелопоннесу...; третий — мыс Лилибей, прилегающий к Ливии» (Страбон, цит. изд., с. 245) — так тогда называли Африканский континент. От Апеннинского полуострова Сицилия отделена узким Мессинским проливом — ее берега хорошо видны из Калабрии, с противоположной стороны пролива, беспокойные воды которого опасны для мореплавателей. Это там мифическое воображение эллинов поместило наводящих ужас и губительных для моряков Сциллу и Харибду. Большую часть поверхности острова образуют невысокие горы, цепь которых тянется вдоль его северного берега, поворачивая у Мессинского пролива на юг. Самая высокая гора острова, вулкан Этна, достигает высоты 3340 метров. На юге Сицилии простирается каменистая равнина, прорезанная многочисленными ручьями и мелкими речками.

Восхищенный благородной красотой сицилийской земли, увиденной с верхнего ряда каменных сидений Таорминского театра, И. В. Гете писал: «Перед тобой открывается весь протяженный горный хребет Этны, а слева — морской берег до Катаньи и дальше до Сиракуз; невероятная дымящаяся огненная гора замыкает далекий и широкий вид, но замыкает не ужасая, потому что легкая воздушная атмосфера отдаляет гору. Если же оторвать взгляд от этого зрелища и повернуть

голову в сторону проходов, расположенных за спинами зрителей, то слева увидишь скалистые стены, а между ними и морем дорогу, которая, извиваясь, идет в Мессину. Скопление скал и скалистый хребет над самым морем, далекий берег Калабрии на горизонте с трудом отличаешь от мягко вздымающихся облаков» (Goethe. Werke in 12 Bänden. Bd. 12 Berlin und Weimar. 1974, S. 311).

Климат на Сицилии теплый, а летом, когда дожди выпадают крайне редко, жаркий, так что дневная температура нередко превышает 40 градусов. Часто дующий в этот сезон из Африки сирокко напоминает о знойной Сахаре. В предгорьях растут каштаны, бук. По берегам моря, в особенности на востоке и юге острова, на склонах вулканической Этны, издревле выращивали виноград, оливки, фиги, фисташки, в центральной части Сицилии сеяли злаки и пасли скот.

Греческой колонизации подверглось почти исключительно приморье, откуда уже финикийцы начали оттеснять аборигенов, а эллины лишь завершили этот процесс, создав там неразрывное ожерелье своих полисов. Древними народами этой земли были сиканы, сикулы и малочисленные элимы. Первоначально остров носил имя первого из этих народов — Сикания, но потом его стали называть Сикелией, или Сицилией, по имени сикулов. Сиканов Фукидид и другие греческие историки с серьезным основанием на то считали переселившимися ранее на остров иберийцами, вытесненными с берегов реки Сикана лигурами. Но в XIX веке некоторые историки, не соглашаясь с Фукидидом, видели в них выходцев с берегов Секваны — Сены и, значит, кельтов, другие даже выводили их из Африки, третьи считали их автохтонами в самом полном значении этого термина. Отсутствие надежных лингвистических данных не позволяет вывести решение вопроса о происхождении сиканов за пределы гипотетического поля. Сиканы первоначально населяли весь остров, но затем были вытеснены из его более плодородной восточной части сикулами — одним из италийских народов, который перебрался с Апеннинского полуострова через Мессинский пролив после своего изгнания с юга Италии япигами и опиками; ранее же сикулы обитали в центральной части полуострова, но вынуждены были оставить Лаций под давлением родственных им латинян. Элимов, обитавших в горах на западе Сицилии, древние историки считали беглецами

из Трои. Перепроверить такую версию происхождения этого народа трудно из-за скудости материала. В памятниках их материальной культуры присутствуют архаические черты, свидетельствующие об их связях с крито-микенской цивилизацией, которые однако, при отсутствии каких бы то ни было языковых данных, делают одинаково проблематичными все предлагавшиеся версии их этнического происхождения: пеласгического, иллирийского (троянские дарданы), хеттского, критского, ахейского. Главными занятиями сикулов, сиканов и элимов было земледелие, скотоводство, а также ремесла. В центральной части острова они обитали не только в деревнях, но и в своих независимых от греческих колонистов городах.

Первые греческие колонии на Сицилии основали ионийцы. В 734 г. выходцами из эвбейской Халкиды и с острова Наксоса на северо-востоке Сицилии была устроена колония Наксия. Сами наксийцы основали затем города Леонитину и Катану. Юго-восточное побережье колонизовали дорийцы. В 723 г. коринфяне основали там Сиракузы. В свою очередь сиракузяне вывели колонии Касмены и Камарины на южное побережье острова. На западном побережье выходцы из дорийских Мегар основали Селиунт. Переселенцами с дорийских островов Крита и Родоса была основана на юге Сицилии Гела, а уже Гела вывела колонистов в Акрагант.

На юге Апеннин первыми колонизаторами стали выходцы из ахейских городов. Ими основаны были на побережье Ионийского моря знаменитый Сибарис, Метапонт, Кротон; выходцы из Сибариса в 700 г. до Р. Х. основали на берегу Тирренского моря Посейдонию, которую латиняне называли Пестумом. Ионийцы из Халкиды основали крупнейшую колонию на побережье Тирренского моря Кумы, затем уже из Кум в 531 г. были выведены к подножию Везувия колонии Неаполь и Дикеархия, которую римляне впоследствии переименовали в Путеолы. Важнейшей дорийской колонией на юге Апеннин стал основанный в 706 г. колонистами из Спарты Тарент с его большим и удобно расположенным портом.

Своих новых соседей, оккупировавших побережье Сицилии и юга Апеннин, италики называли греками, или греями (graiici, grai). Этот этноним употреблялся ранее и эллинами, но как самоназвание одного из племен, которое впоследствии, в классическую эпоху, исчезло вместе со своим именем, вероятно

ассимилированное другими племенами. Из-за далеко зашедшей эллинизации Сицилии и южных Апеннин вся эта страна получила наименование Великой Греции.

Некоторые из полисов Великой Греции были связаны между собой тесными узами. Так, Сибарис, Посидония, Кротона, Каулония Сирис и другие колонии, выведенные из ахейских городов, составили союз. Города, принадлежавшие к этому союзу, сохраняли дистанцию по отношению к другим греческим полисам: по характеристике Т. Моммзена, «эти колонисты большей частью принадлежали к тому греческому племени, которое упорно сохраняло и свой своеобразный диалект... и древненациональную эллинскую письменность, вместо вошедшего в общее употребление нового алфавита и которое благодаря своей прочной союзной организации охраняло свою особую национальность и от влияния варваров и от влияния остальных греков» (Моммзен Теодор. История Рима. Т. 1. Книга 1, 2. М., 2001, с. 145). Благодаря тесной сплоченности, ахейские полисы держали в подчинении соседствовавшие с ними племена.

Характеризуя положение Сибариса, граждане которого, сибариты, стали воплощением богатства, роскошества и праздности, тот же историк писал: «Сибарис, бывший в свое время самым большим из итальянских городов, владычествовал над четырьмя варварскими племенами, владел двадцатью пятью местечками..., чрезвычайно плодородные низменности Кратиса и Брадана доставляли сибаритам и метапонтийцам громадную прибыль, и там, вероятно, впервые стали обрабатывать землю для продажи зернового хлеба на вывоз» (Моммзен, цит. изд., с. 145).

Экспансию во внутренние области Сицилии и Апеннин осуществляли и другие полисы, что временами приводило к вооруженным столкновениям, которые давали колонистам дополнительную рабочую силу — ею становились поработанные пленники; добыча рабов обогащала тех колонистов, по преимуществу из эвпатридов, в чьи руки они попадали. Италикам в их сопротивлении эллинской экспансии помогали финикийцы, терявшие свои фактории в Сицилии и на Апеннинских, но одержать верх над эллинами им не удалось, однако на островах Тирренского моря — Сардинии и Корсике — в VI столетии до Р.Х. утвердилось карфагенян, колонистов из финикийского Тира, могущество которых с тех пор продолжало расти, так что со временем африканские хананеи превратились

в реальных претендентов на господство над всем Средиземноморьем.

Формы государственного устройства в городах Великой Греции менялись в ходе политической борьбы, которая в основном носила те же черты, что и в метрополии. В VIII и VII веках до Р.Х. в большинстве колоний держалось аристократическое правление, опиравшееся на старую родовую знать, либо олигархическое там, где эвпатриды были потеснены наскоро разбогатевшим элементом. Но борьба демоса под предводительством авантюрных и талантливых демагогов против аристократов и новых богачей приводит в VI столетии к утверждению тиранических режимов в большинстве полисов.

В дорийской Геле, которая в эпоху архаики была самым сильным полисом Сицилии, правил тиран Пантарей, потом его сын Клеандр, которого после его убийства сменил его брат Гиппократ, успешно воевавший с соседними полисами и аборигенами. После его гибели в войне с сикелами власть в Геле захватил телохранитель тирана Гелон, устранивший от власти сыновей погибшего тирана под предлогом их защиты от взбунтовавшихся граждан. В начале V столетия до Р.Х. Гелон сумел подчинить себе Сиракузы, в которые переместился центр его власти, так как Гелу он передал в управление своему брату Гиерону, которого он поставил в зависимость от себя.

Особой жестокостью прославился тиран союзного Геле Акраганта Фаларис, правивший в VI столетии. Своих противников он подвергал казни, совершавшейся оригинальным образом. Осужденных сжигали в раскаленной бронзовой статуе быка.

13. Колонии северного Причерноморья

Греческая колонизация началась с освоения побережья Мраморного моря — Пропонтиды и южного берега Понта — первые колонии там появились уже в VIII столетии до Р.Х. В отличие от полисов самой Эллады, которые росли в течение столетий, — и это был процесс естественного роста, — колониальные города строились сразу и по заранее продуманному плану, с предварительно намеченными улицами, агорой, храмами, портом. Одновременно в окрестностях города, входивших в состав нового полиса, распределялась земля между полноправными гражданами по участкам — клерам, причем следы этого размежевания, следы границ между клерами из каменных насыпей были

обнаружены в окрестностях понтийских колоний ранее, чем в самой Греции.

На северном побережье Черного моря в VII веке появляются торговые фактории и рыболовные станции, из которых уже в следующем столетии вырастают настоящие города. Излюбленными пунктами для устройства колоний тут были устья больших рек с их изобильными рыбой лиманами, которые служили также удобными бухтами. В дунайской дельте переселенцы из Милета основали колонию, одноименную с греческим названием великой реки — Истрий, выходцы из этого же ионийского полиса устроили на Днестровском лимане колонию Тирас, у устья Южного Буга — Ольвию и Борисфен у устья одноименной реки, которая ныне называется Днепром.

Затем стал осваиваться гористый южный берег Крыма, где не хватало удобных бухт. Вначале в виде морской станции ионийцев появляется Херсонес, который только в V веке вырастает в настоящий полис, но это был уже город переселенцев из дорийских Мегар, вытеснивших или поглотивших первых колонистов из Ионии. Более интенсивно в VI столетии заселялась эллинами восточная часть Крыма — Керченский полуостров. Крупнейшей колонией, основанной милетцами, становится Пантикапея (современная Керчь), рядом с которой выросли Нимфей и еще одна милетская колония Феодосия; на противоположном Пантикапее кавказском берегу Боспорского, ныне Керченского, пролива бежавшими от персов ионийцами из Теоса в 540 г. до Р. Х. была основана Фанагория, а поблизости от нее Гермонаса и Кепы. Соседом таманских колоний с юга был город Горгииппии, развалины которого погребены под современной Анапой. Выходцы из Пантикапеи в свою очередь основали на берегу Азовского моря (Меотиды) колонию Танаис, названную именем реки, в устье которой она была расположена и которая ныне зовется Доном.

В древности первенство в хозяйственной и культурной жизни Северного Понта принадлежало городам, которые расположены были по берегам Боспорского пролива. Соперничество за доминирование между ними завершилось победой Пантикапеи. Как писал М. И. Ростовцев, этот спор «предрешен был... тем, что основное значение для торговли с Грецией имели не столько продукты Крыма и Кубани с Таманью, сколько донская и азовская рыба, продукты скотоводства придонских степей и те продукты Урала, Сибири, Туркестана, а также центральной

России, которые шли по большому восточному караванному пути и в устьях Дона впервые приходили в соприкосновение с средиземноморским водным путем. Возникший естественным образом у устья Дона Танаис, конечный пункт этого пути, не мог играть решающей и самостоятельной роли. Эта роль естественно принадлежала тому, кто будет владеть Керченским проливом и иметь возможность выпускать или не выпускать товары, шедшие из Азовского моря в широкие воды Черного. Из городов у Керченского пролива единственным, соединяющим все преимущества для владения Керченским проливом, был Пантикапей. Его положение у наиболее узкого места пролива, его спокойный широкий рейд, выдвинутый в море укрепленный природой городской акрополь (ныне так называемая гора Митридата), сравнительное богатство пресной воды не позволили никому вступить с ним в успешную конкуренцию» (М. И. Ростовцев. *Эллинизм и иранство на юге России*. М., 2002, с. 61).

На западе северного Причерноморья крупным культурным и экономическим центром стала Ольвия; это был важный узел международной торговли, из которого в Элладу шли суда, нагруженные жизненно необходимым ей зерном, а в обратном направлении, в бескрайнюю степь, населенную кочевниками и земледельцами, экспортировались вино, масло, а главное, изделия греческой керамической, бронзовой и железной индустрии, украшения из драгоценных материалов и даже произведения большого искусства — первоклассная мраморная и бронзовая пластика. Вокруг Ольвии в низовьях Буга и Днепра, судя по результатам археологических раскопок, выросли укрепленные поселения земледельцев смешанного полуэллинского-полуварварского происхождения.

Впрочем, подвергшийся ассимиляции туземный элемент присутствовал и в других понтийских колониях, и со временем процесс метисации населения северного Причерноморья углублялся. Но при этом граждане колоний сохраняли и греческий язык и эллинское этническое самосознание, несмотря на свое часто полуварварское и весьма пестрое происхождение. Политическая история городов северного Причерноморья эпохи архаики известна скудно. Вся жизнь этих полисов проходила в тесных контактах, с одной стороны, со своими метрополиями и со всем вообще материнским миром Эллады, а с другой — с варварским окружением.

14. Народы северного Причерноморья

Культурно и этнически греческие колонии Причерноморья были островками, окруженными бурным и опасным варварским морем. В Крыму, в Приазовье и на Северном Кавказе издревле обитали народы, прямо или опосредованно преемствовавшие носителям майкопской культуры рубежа III и II тысячелетий до Р.Х. Их языковое родство с автохтонными этносами современного Кавказа, в особенности с теми, что говорят на адыго-абхазских языках, представляется весьма вероятным, а это в свою очередь предполагает также отдаленное родство с древними урартами и хурритами. Крым населяли тавры, Приазовье — меоты, в устье Дона обитали савроматы, к племенному союзу которых принадлежали и яксматы — часть историков и этнографов считает их ираноязычным народом; в Кубани жили синды, ближайшие соседи греческих полисов, а также дандарии, фатеи, псессы. Греческое предание связывает кубанских синдов с фракийским племенем синтиев, обитавшим на острове Лемносе. Русский филолог О. Трубачев, убедительно доказавший по скудным ономастическим и топонимическим данным индоевропейскую принадлежность языка синдов, высказал предположение о том, что они говорили на одном из индоарийских языков и представляют собой племя, задержавшееся на Кавказе при перемещении индоариев из Европы в Закавказье и далее на восток, до Инда.

Поразившей греков особенностью жизненного уклада этих племен, в особенности савроматов и яксматов, была исключительно важная у них роль женщин, что, очевидно, послужило основой для рождения мифа об амазонках. Главным божеством этих народов была богиня, которую греки в разных колониях отождествляли либо с Артемидой, либо с Афродитой. Раскопаны остатки нескольких храмов, посвященных этой богине. Народы Тамани, Приазовья и Кубани занимались земледелием, а также скотоводством и рыбной ловлей. Автохтонами низовьев Днестра, Южного Буга и, возможно, Днепра были фракийские племена.

Тавры обитали в горах Крыма и на его южном побережье. По имени этого этноса греки называли полуостров Тавридой. Средства к существованию тавры добывали не только отгонным полукочевым скотоводством, но также разбоем и морским пиратством. Геродот рассказывает о жестокости тавров

по отношению к иноплеменникам. Они почитали богиню Деву и приносили ей в жертву потерпевших кораблекрушение и захваченных в плен эллинов и иных иноземцев. При этом они ударяли жертву дубиной по голове, затем отрезали голову, тело сбрасывали со скалы в море, а голову водружали на кол, поставленный возле жилища, на котором она оставалась. Такие головы тавры называли стражами дома (см.: Геродот, *цит. изд.*, с. 213). Отголоском обычая тавров приносить в жертву иноземцев явился сюжет основанной на исторических мифах трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде».

Самым многочисленным народом Северного Причерноморья в канун его греческой колонизации были киммерийцы, известные как гимирраи ассирийских клинописных текстов конца VIII века до Р. Х.; их библейским патронимом был сын Иафета Гомер. Киммерийцы — это прямые наследники носителей срубной культуры — в том, конечно, случае если они говорили на одном из иранских языков. Но по версии М. И. Ростовцева, они не принадлежали к числу иранских племен. «Греческое предание, — пишет он, — настойчиво указывает на родство киммерийцев с фракийцами, выводя даже все движение киммерийцев не с востока, как это документально засвидетельствовано памятниками ассирийского исторического и религиозного предания, а с Балканского полуострова. Эти настойчивые указания греческого предания позволяют видеть в них отголоски исторической истины и усматривать в киммерийцах не иранцев, близких родственников скифов, а выходцев с востока, родственных фракийцам» (М. И. Ростовцева, *цит. изд.*, с. 30). Сближая киммерийцев с фракийцами, Ростовцев однако не отождествляет их вполне, настаивая лишь на особом родстве между ними, которое, как он считает, шло дальше их общей принадлежности к индоевропейской языковой семье. Несомненное присутствие фракийского элемента в населении Киммерийского Боспора, например, в самом имени династии Спартокидов, правившей в Боспорском царстве с середины V до конца II века до Р. Х., Ростовцев связывает с киммерийским наследием.

Как бы там ни было с действительно не до конца проясненным происхождением этого народа, но ареал его обитания и маршруты его передвижений известны. Киммерийцы населяли северное Причерноморье от Кубани до Днестра, включая и степной Крым; при этом особенно интенсивным было

их присутствие на Керченском и Таманском полуостровах, вокруг пролива, в название которого был включен их этноним — Боспор Киммерийский. Киммерийцы были народом воинственных кочевников, совершивших опустошительные набеги на Лидию, Фригию, Каппадокию, на переднеазиатское царство Урарту, на Ассирию и даже на Египет. Легенда об амазонках сохранилось особенно живо в тех странах эллинского мира, которые соприкоснулись с киммерийским нашествием, что, в свою очередь, дает основания предполагать их культурное влияние на автохтонов нижнего Дона — савроматов, матриархат которых изумил колонистов греков. Не совершенно лишены основания и гипотезы о том, что у савроматов было киммерийское происхождение. Некоторые историки считают потомками киммерийцев и обитавших в горной части Крыма тавров.

Отсутствие письменности у припонтийских народов, а также скудость известного топонимического и ономастического материала затрудняют прояснение вопроса об их языковой принадлежности, о наличии между ними генетических связей, о характере их отношений, так что любые заключения на этот счет не выходят за рамки гипотетического поля, но в любом случае в племенном мире северного Причерноморья присутствовал индоевропейский элемент — ираноязычный и фракийский, а также аборигенный, или, поскольку индоевропейцы обитали в припонтийских южнорусских степях по меньшей мере с III тысячелетия до Р.Х. и в этом смысле также были тут автохтонами, назовем его вслед за Ростовцевым иначе — алародийским, или яфетическим в узком значении этого слова, исключающем яфетидов-индоевропейцев. Этот этноним — алародии — Ростовцев заимствовал у Геродота, который так называл урартов, состоявших в отдаленном языковом родстве с кавказскими народами.

В VII столетии до Р.Х. в северном Причерноморье киммерийцев вытеснил народ бесспорно иранского происхождения — скифы. Геродот, побывавший в Ольвии и там общавшийся со скифами, рассказывает об их войне с киммерийцами, воспроизводя почерпнутые из бесед с ними малодостоверные и запутанные сведения, следуя за причудливыми и не чуждыми анекдотического оттенка извивами исторической памяти бесписьменного народа. Двигаясь с востока, скифы столкнулись с киммерийцами, те отступили. Преследуя противника, который уходил на юг,

скифы устремились вслед за ним, оставив в Крыму своих жен и рабов, которые, в отсутствие мужей и господ, сошлись между собой. За 28 лет, пока скифы совершали дальний азиатский поход, родились и возмужали дети скифских женщин и рабов. И когда скифы вернулись из Мидии, бастарды попытались оказать им сопротивление, прежде оградив свои поселения на Керченском полуострове широким рвом. Скифы долго не могли одолеть врагов силой оружия, и тогда, вспомнив об их низком происхождении, пошли против них без стрел и луков, а только с кнутами, что сразу напомнило противникам об их рабском происхождении и сломило их дух — бастарды бежали, а скифы вновь овладели этой страной (см.: Геродот, цит. изд., с. 187–188).

Из этого анекдота можно извлечь однако и нечто вполне достоверное, а именно, что скифы воевали с киммерийцами и очевидно, также с иными припонтийскими племенами, что эпицентром этой борьбы был Керченский полуостров, что существовали некие узы родства между воюющими сторонами, что скифы в этой войне победили, что часть побежденных бежала, а оставшиеся были покорены и некоторые из них обращены в рабское состояние.

Этноним «скифы» неоднозначен, причем он употребляется в одном отношении слишком широко, а в другом чрезмерно узко. Греки называли скифами всех обитателей северного Причерноморья, близко соприкасавшихся с колонистами. Но, с одной стороны, в припонтийских степях, в том числе и в Крыму, обитали также и народы, иноязычные собственно скифам, а с другой — скифы в языковом и культурном отношении принадлежали к обширному кочевому и полукочевому степному миру восточных, или северных иранцев, который простирался от Дуная до Алтая, а с севера на юг от Предуралья до Копет-Дага, от которого отделились западные, или южные иранцы, приняв учение Зороастра и перейдя к преимущественно земледельческому хозяйству. Среднеазиатские массагеты состояли в тесном родстве со скифами, а соседние с массагетами саки были, очевидно, тем же самым народом, что и европейские скифы, которые так названы были собственно греками. «Саки», возможно, и было их самоназванием. Версия Геродота о том, что скифы пришли в Европу из Азии, из Закаспия, вытесненные оттуда массагетами, представляется вполне убедительной. Причем исходное место их обитания, откуда они начали

перемещение в Причерноморье, могло находиться весьма далеко на востоке от Каспийского моря — на юге Сибири. Сенсационные археологические открытия на Алтае, в Пазарыке, обнаружившие там следы культуры, существенно идентичной с культурой понтийских скифов, делают предположение об их южносибирской родине наиболее вероятным.

В начале VII столетия до Р.Х. скифы перекочевали в степи Северного Кавказа, где обнаружены наиболее древние собственно скифские артефакты, а оттуда уже переместились в северное Причерноморье. Вслед за киммерийцами и эти воинственные номады прошли губительной грозой по Мидии, Ассирии, дойдя до Святой Земли, собираясь совершить оттуда набег на Египет, но там фараон Псамметих, по сведениям Геродота, откупился от них, и они вернулись назад, в европейские степи (см.: Геродот, цит. изд., с. 45). Из восточных источников известны имена предводителей похода скифских царей Мадия, Ишпакая и Партатуа.

Геродот сообщает подробные сведения о расселении скифских племен в Причерноморье — вначале о тех, что обитали на правом берегу Днепра, перечисляя их в порядке расположения их поселений с юга на север: «Ближе всего от торговой гавани борисфенитов., — пишет он, — обитают каллипиды — эллинские скифы, за ними идет другое племя под названием ализоны. Они наряду с каллипидами ведут одинаковый образ жизни с остальными скифами, однако сеют и питаются хлебом, луком, чесноком, чечевицей и просом. Севернее ализонов живут скифы-земледельцы. Они сеют зерно не для собственного пропитания, а на продажу. Наконец, еще севернее их живут невры, а севернее невров, насколько я знаю, идет уже безлюдная пустыня» (с. 191). Затем в том же направлении с юга на север Геродот перечисляет места обитания племен, живших на левобережье Днепра: «За Борисфеном же со стороны моря сначала простирается Гилея, а на север от нее живут скифы-земледельцы. Их эллины, живущие на реке Гипанис, называют борисфенитами, а сами себя эти эллины зовут ольвиополитами... Выше их далеко тянется пустыня. За пустыней живут андрофаги — особое, но отнюдь не скифское племя» (Геродот, цит. изд., с. 192). Восточнее, по Геродоту, обитают скифы-кочевники, «они вовсе ничего не сеют и не пашут» (Геродот, цит. изд., с. 192), а еще далее

на восток обитают царские скифы: «Живет там самое доблестное и наиболее многочисленное скифское племя. Эти скифы считают прочих скифов себе подвластными» (Геродот, *цит. изд.*, с. 192). По топографическим описаниям Геродота, областью их кочевий был Крым и приазовские степи, простиравшиеся до Дона (Танаиса), за которым кочевали савроматы, к северу от кочевий царских скифов обитало не скифское племя меланхленов, а к северу от савроматов будины, земля которых «покрыта густым лесом разной породы», к востоку от савроматов обитают охотники и звероловы фиссагеты и йирки (*см.*: Геродот, *цит. изд.*, с. 192).

Этногеография Геродота не содержит исчерпывающей этнической информации о Причерноморье, тем более о расположенной к северу от него лесной полосе, хотя взгляд любознательного историка и этнографа, каким был Геродот, проникает и за пределы достоверно известных ему территорий в неведомые страны севера и востока, представления о которых у его местных собеседников эллинов или эллинизированных скифов перемешаны были с фантастическим вымыслом, вплоть до одноглазых людей, обитающих там, где «восемь месяцев..стоит невыносимая стужа» (*см.*: Геродот, *цит. изд.*, с. 193).

И все-таки многие из сведений, сообщаемых Геродотом, вполне надежны. Археологические находки подтверждают, что среди скифов-кочевников господствующее положение занимали те, что обитали в Крыму и Приазовье, — царские скифы, там воздвигнуты были самые высокие погребальные курганы, и в них обнаружены наиболее ценные сокровища, даже после чреды древних и позднейших разграблений. Ираноязычие всех вообще геродотовых скифов-кочевников стоит вне сомнения. Очевидно также, что ко времени Геродота некоторые скифские племена, ализоны, а также борисфениты, подверглись некоторой эллинизации. Геродот определенно обозначает не скифский характер обитавших севернее людоедов-андрофагов, меланхленов, будинов, йирков. Не называет он скифами и упомянутых им невров. Высказывались разные предположения об их действительной этнической принадлежности. Б. Рыбаков считает невров славянами, а М. Гимбутас отождествляет невров с восточными балтами, андрофагов — с финнами мордвинами, меланхленов — с поволжскими уграми, а будинов — с вотяками, то есть удмуртами (Гимбутас Мария. Балты. Люди янтарного

моря. М., 2004, с. 101–105). Эти сближения, конечно, проблематичны, но не лежат за пределами возможного, во всяком случае, присутствие в Восточной Европе в век Геродота балтских и угро-финских племен — факт бесспорный.

Особенно трудный характер имеет вопрос об этнической принадлежности скифов-земледельцев. М. Нидерле, Гимбутас и Б. А. Рыбаков считают их славянами. Рыбаков (см.: Б. А. Рыбаков. Язычество древней Руси. М., 1988, с. 40–50) отождествляет со славянами скифов-земледельцев, или пахарей, а также борисфенитов и даже однажды упомянутых у Геродота скелотов (см.: Б. А. Рыбаков, *цит. изд.*, с. 188). Но Геродот писал: «Первым жителем этой еще необитаемой тогда страны был человек по имени Таргитай. Родителями этого Таргитая, как говорят скифы, были Зевс и дочь реки Борисфена... А у него было трое сыновей: Липоксаис, Арпоксаис и самый младший Колаксаис... От Липоксаиса... произошло скифское племя, называемое авхатами, от среднего брата — племя катиаров и траспиев, а от младшего из братьев — царя племя паралатов. Все племена вместе называются скелотами, т. е. царскими» (Геродот, *цит. изд.*, с. 188). Таким образом, скелоты, по Геродоту, не скифы-земледельцы, но царские скифы, то есть кочевники *par excellence*. Б. А. Рыбаков, равно как Л. Нидерле и М. Гимбутас, местом обитания праславян Геродотовой эпохи считали среднее Приднепровье. Но присутствие здесь славян в середине I тысячелетия до Р. Х. представляется все-таки натяжкой. Даже если отдельные славянские племена действительно расселились в приднепровской лесостепи, все-таки наследники тшинецкой культуры, славяне в основном жили значительно западнее: на северных склонах Карпат, в междуречье Вислы и Западного Буга, в верховьях Одера. Массовое заселение славянами Поднепровья произошло на целое тысячелетие позже.

Местом обитания геродотовых скифов-земледельцев было приморье — от устья Днепра до дельты Дуная. Писатель позднейшей эпохи Плиний Старший, описывая ту часть Фракии, которая примыкает к устью Истра, Дуная, замечает: «Всю эту область занимали скифы, называемые пахарями» (*цит. по: Рыбаков, цит. изд.*, с. 20). Плиний не называет их фракийцами, но предположение о том, что скифы-земледельцы в значительной своей части были фракийцами, в этом месте Плиния находит косвенное подтверждение. При этом не кажется совершенно

лишенным основания сближение с фракийцами и обитателей более северных мест — земледельцев лесостепного Поднепровья, которые в этом случае могли быть ассимилированными фракийцами потомками носителей древних земледельческих культур — трипольской и катакомбной, локализуемой к востоку от Днепра. Кроме того, во времена Геродота здесь могли не выйти из употребления и не индоевропейские языки древних жителей этой земли. Скифы-земледельцы являются, конечно, биологическими и культурными, но это не значит языковыми предками поселившихся здесь позднее восточных славян.

В припонтийских степях, по Геродоту, существовало три скифских царства, границы между которыми представлены у него не без некоторой запутанности, так что для воспроизведения их на карте встречаются непреодолимые трудности. Одна из этих орд, собственно, царских скифов, возвышалась над другими. Ее кочевья располагались в степях Крыма, а также Приазовья, между Днестром и Северским Донцом.

Скифскую державу, по словам М. И. Ростовцева, «надо представить себе организованной в типе позднейшего Хазарского царства или татарской Золотой Орды. Центр ее находился в царской ставке — укрепленном лагере. Около ставки группировалась сильная конная дружина, всегда готовая к наездам и набегам. В мирное время цари, князья и дружинники были владельцами больших стад и табунов» (Ростовцев, *цит. изд.*, с. 38). В чем выражалась зависимость младших орд от царских скифов — в точности сказать затруднительно, вероятно в отношениях, подобных тем, которые связывали великого князя с удельными князьями Руси в эпоху раздробленности. В свою очередь, как пишет далее М. И. Ростовцев, «имелись и более мелкие подразделения на округа (Геродот называет их номами). Отношения правителей этих номов к царям надо представлять себе, вероятно, как отношения вассалов к сюзерену. Весь строй скифской державы был, по всей вероятности, не централистским, основанным на системе чиновничества, а военно-феодальным, с сравнительно далеко идущей самостоятельностью отдельных частей» (Ростовцев, *цит. изд.*, с. 40).

Земледельческие народы степной и лесостепной зоны, от устья Дуная до Кубани и северного Кавказа, были своего рода данниками скифов, имея свое внутреннее политическое устройство, для характеристики которого нет известных данных.

Отношения скифских царей с эллинскими полисами побережья носили, очевидно, паритетный характер, временами мирный и торговый, временами враждебный и военный; эпизодически те или иные полисы могли признавать свою скорее протокольную и номинальную, чем реальную зависимость от скифских царей. В то же время для поселявшихся в этих полисах скифов возможность приобретения гражданства была обставлена рядом затруднений.

О религиозных верованиях, образе жизни царских скифов, от которых зависели другие номады южнорусской степи и земледельцы восточноевропейской лесостепи, писал Геродот. В этом отношении его характеристики замечательно точны, они подтверждаются материалами, обнаруженными при раскопках южнорусских курганов: Золотого близ Симферополя, Куль-Оба около Пантикапеи, Солохи на правобережье и Чертомлыка на левобережье нижнего Днепра, в станице Келермесской на Кубани, а также в захоронениях Пазарыка на Алтае. Номады Сибири не принадлежали, конечно, к миру геродотовых скифов в собственном смысле этого условного этнонима, но принадлежали к культуре ираноязычных кочевников, ареал которой простирался от Дуная до отрогов Тянь-Шаня. И даже если создателями культуры Пазарыка были не только иранцы, но и другие этносы — тохарцы или пратюрки, о чем вроде бы говорит антропологический тип некоторых из обнаруженных там человеческих останков с примесью монголоидных черт, культура эта оказалась существенно идентичной с культурой припонтийских царских скифов.

Об их религии Геродот писал: «Скифы почитают только следующих богов. Прежде всего — Гестию, затем Зевса и Гею (Гея у них считается супругой Зевса), после них — Аполлона и Афродиту Небесную, Геракла и Ареса... Царские скифы приносят жертвы еще и Посейдону. На скифском языке Гестия называется Табити, Зевс... Папей, Гея — Апи, Аполлон — Гойтосир, Афродита.. — Аргимаспа, Посейдон — Фагимасад. У скифов не в обычае воздвигать кумиры, алтари и храмы богам, кроме Ареса» (Геродот, цит. изд., с. 201). В центре скифского культа, как это заметил Геродот и что подтверждается археологическими материалами, стояло почитание Табити, великой богини-матери, унаследованное индоевропейцами скифами у автохтонов Восточной Европы.

Резюмируя характеристики образа жизни скифов, почерпнутые из «Истории» Геродота и естественно-исторического труда VI века до Р.Х., который приписывался Гиппократу, М. И. Ростовцев писал: «Медленно передвигающийся кочевой табор, телеги-юрты, в которых живут, готовят пищу, нянчат детей женщины и куда для еды и на ночь приходят мужчины, стада баранов, овец, быков и коров, главным же образом лошадей, мужчины все время на конях, в степи, у стад и табунов или на охоте за зайцами или хищным... зверьем, женщины постоянно в юрте и на телеге. Мясная пища, кумыс, как главный напиток, изредка сухая баня, нелюбовь к воде и мытью» (Ростовцев, *цит. изд.*, с. 47–48).

Геродот рассказал о своеобразном скифском способе приготовления пищи, связанном с жертвоприношениями богам: «Жертвенное животное ставят со связанными передними ногами. Приносящий жертву, стоя сзади, тянет за конец веревки и затем повергает жертву на землю. Во время падения животного жрец взывает к богу, которому приносит жертву. Затем он набрасывает петлю на шею животного и поворотом палки, всунутой в петлю, душит его... Ободрав шкуру жертвенного животного, они очищают кости от мяса и затем бросают в котлы... Заложив мясо в котлы, поджигают кости жертв и на них производят варку. Если же у них нет такого котла, тогда все мясо кладут в желудки животных, подливают воды и снизу поджигают кости... Таким образом, бык сам себя варит, как и другие жертвенные животные» (Геродот, *цит. изд.*, с. 201–202). Скифы, как рассказывает Геродот, приносили в жертву не только животных, но и людей: «Из каждой сотни пленников обрекают в жертву одного человека... Головы пленников сначала окропляют вином, и жертвы закалываются над сосудом. Затем несут кровь на верх кучи хвороста и окропляют ею меч» (Геродот, *цит. изд.*, с. 202) — железный меч водружался на постаменте из хвороста для поклонения — и такие кумиры, по словам Геродота, устраивались в каждой скифской области в честь Ареса.

Воинские обычаи скифов отличались поразительной свирепостью с элементами каннибализма, а воинские нравы — редким бесстрашием: «Когда скиф убивает первого врага, он пьет его кровь. Головы всех убитых им в бою скифский воин приносит царю. Ведь только принесший голову врага получает свою

долю добычи... Кожу с головы сдирают следующим образом: на голове делают кругом надрез около ушей, затем хватают за волосы и вытряхивают голову из кожи. Потом кожу очищают от мяса бычьим ребром и мнут ее руками. Выделанной кожей скифский воин пользуется как полотенцем для рук, привязывает к уздечке своего коня и гордо щеголяет ею. У кого больше всего таких кожаных полотенец, тот считается самым доблестным мужем. Иные даже делают из содранной кожи плащи, сшивая их, как козьи шкуры» (Геродот, цит. изд., с. 202). Скальпы убитых врагов, отделанные у бедняков сыромятной воловьей кожей, а у богатых — золотом, употреблялись как чаши. «Раз в год каждый правитель в своем округе prepares сосуд для смешения вина. Из этого сосуда пьют только те, кто убил врага. Те же, кому не довелось еще убить врага, не могут пить вина из этого сосуда, а должны сидеть в стороне, как опозоренные» (Геродот, цит. изд., с. 203).

Геродот описывает погребальные обряды скифов. Тело покойника клали на повозку и обвозили по становищам его друзей, которые устраивали для сопровождавших умершего тризну, и такой объезд продолжался в течение 40 дней, по истечении которых совершалось погребение. Так хоронили скифов-простолюдинов, но погребение царей, по описанию Геродота, совершалось с исключительной торжественностью. Тело царя бальзамировали, покрывали воском и водружали на телегу. Затем совершался объезд не только по кочевьям царских скифов, но и по селениям зависевших от них племен. В знак траура жители мест, куда прибывала погребальная повозка, терзали самих себя, отрезая себе часть уха, прокалывая себе руку стрелой, расцарапывая до крови лоб и нос. Траурный объезд завершался в Геррах, где погребали царей. Там царское тело опускали в глубокую могилу, в которой над останками сооружался своего рода балдахин в виде настила из досок, укрепленного на воткнутых в дно могилы копьях и покрытого камышовыми циновками. В этой же могиле рядом с царем погребали предварительно задушенных одну из царских наложниц, виночерпия, повара, конюха, телохранителя, вестника, а также коней и первенцев иных домашних животных. Там же полагали золотые чаши. Так покойника снабжали насущно необходимым для пристойной царю загробной жизни, которую представляли, вероятно, по далеко идущей аналогии с земной жизнью.

Затем могилу засыпали, и над ней сооружали высокий курган в виде настоящего холма.

Через год совершали поминки усопшего царя. И этот обряд, как его описывает Геродот, поражает воображение своей мрачной, поистине inferнальной пышностью. Из царских слуг — а это были не рабы, каковых скифские цари не держали вовсе, но свободные слуги, подобные дружинникам, или отрокам русских князей, выбирали 50 самых усердных, приводили также 50 самых красивых коней. Тех и других умерщвляли удушением. Затем тела задушенных очищали, наполняли отрубями и зашивали. «Потом, — повествует Геродот, — на двух деревянных стойках укрепляют половину колесного обода выпуклостью вниз, а другую половину — на двух других столбах. Таким образом они вколачивают много деревянных стоек и ободьев, затем, проткнув лошадей толстыми кольями во всю длину туловища до самой шеи, поднимают на ободья. ...Передние и задние ноги коней свешиваются вниз, не достигая до земли. Потом коням надевают уздечки с удилами... Всех 50 удушенных юношей сажают на коней следующим образом: в тело каждого втыкают вдоль спинного хребта прямой кол до самой шеи. Торчащий из тела нижний конец кола вставляют в отверстие, просверленное в другом коле, проткнутом сквозь туловище коня. Поставив вокруг могилы таких всадников, скифы уходят» (Геродот, цит. изд., с. 205).

После погребения скифы совершали очищение в войлочной юрте, где устраивалась сухая баня, своего рода сауна, для этого они насыпали на раскаленные докрасна камни семена конопли. Такой баней, очевидно, пользовались и в иных случаях, и, как пишет Геродот, от конопляных семян, «поднимается такой сильный дым и пар (уточняя, добавим — наркотического свойства. — В. Ц.), что никакая эллинская паровая баня не сравнится с такой баней. Наслаждаясь ею, скифы громко вопят от удовольствия» (Геродот, цит. изд., с. 205).

М. И. Ростовцев ставит под вопрос достоверность некоторых деталей погребальных обрядов из описаний Геродота: «Не подтверждается, прежде всего, рассказ Геродота о большом общем кладбище скифских царей в Герах. Царские погребения... разбросаны на очень большом пространстве... Сведения Геродота о бальзамировании трупа царя не подтверждаются... Не подтверждается и его указание на погребение с царем только

золотых вещей. В могилах находят и бронзу и серебро» (Ростовцев, цит. изд., с. 48–49). Немногочисленные придирики М. И. Ростовцева могут быть в свою очередь прокомментированы так: сведения о погребениях в Гере носили, очевидно, действительно локальный характер, слова Геродота о том, что в могилы царей не клали серебряных и медных сосудов, а только золотые, были преувеличением, хотя золотые изделия в них действительно преобладают, а вот что касается бальзамирования царских останков, то замечательное подтверждение употребления этой техники обнаружено при раскопках в высокогорном Пазарыке, где сохранению бальзамированных мумий удачно способствовала вечная мерзлота, и хотя место этих находок далеко отстоит от страны припонтийских Геродотовых скифов, но и Алтай и юг России принадлежали тогда, в первом тысячелетии до Р.Х., одному большому культурному пространству ираноязычных nomads, в который интегрированы были и иные этносы.

Среди царских курганов южной России один из самых замечательных по роскоши обнаруженных в нем сокровищ расположен в нижнем Правобережье Днепра. Это знаменитое Чертомлыкское захоронение, которое, правда, относится к послегеродотовой эпохе — к IV столетию до Р.Х. В Чертомлыке под курганом найдено 5 погребальных камер: одна большая в центре и 4 меньшего размера по 4 сторонам от нее. В главной камере найдены обветшалые фрагменты ковра и чеканные золотые бляшки, которыми отделана была одежда погребенного царя. По его костным останкам видно, что он лежал на спине, лицом к востоку. В его ухо вставлена золотая серьга, а на шее у него было бронзовое ожерелье, и на всех пальцах — золотые кольца. Рядом с трупом находился нож с рукояткой из слоновой кости, золотой колчан с 67 бронзовыми стрелами и хлыст с ручкой из слоновой кости. В одной из боковых камер лежало два тела и на них оставшиеся целыми золотые украшения — бляшки, ожерелья, браслеты. В еще одной камере нашли бронзовые носилки с останками женщины, на ней также были надеты золотые браслеты, серьги, кольца, а на ее черепе сохранились фрагменты пурпурной вуали с золотыми бляшками. Около останков обнаружено бронзовое зеркало. Рядом лежали останки мужского тела и около него нож и наконечники для стрел. В камерах Чертомлыкского кургана находились также бронзовые котлы, один из которых, метровой высоты, имел

по краю ручки в виде прекрасно выполненных козлов, колчан со стрелами, ножи с железными лезвиями и костяными рукоятками, амфоры с остатками вина и масла, шкатулка из слоновой кости, серебряные ложки, серебряное блюдо и великолепная серебряная амфора для кумыса с рельефным фризом, на котором представлены скифы, стреножащие коней, а также множество золотых бляшек, мелкая золотая пластика, мечи и черепки греческой керамики. Вне камер, но под тем же курганом были обнаружены останки 9 коней, сбруя одного из них была из золота, а других из серебра.

Роскошь и изобилие погребений красноречиво свидетельствуют о богатстве скифской знати. По, возможно, преувеличенной оценке Г. Мансуэлли, «скифы... были самым богатым народом античности благодаря золоту. Изобилие этого металла в украшениях, вооружении и конской сбруе остается объектом изумления, хотя скифские могилы были разграблены в различные времена, древние и относительно недавние. Огромное количество драгоценных предметов, привезенных или произведенных на месте, кожи, ткани, меха производят впечатление невероятной роскоши и свидетельствуют о контактах гораздо более широких, чем контакты любой... западной страны» (Мансуэлли Гвидо, в соавторстве с Раймоном Блоком. Цивилизации Древней Европы. Екатеринбург, 2007, с. 172).

Некоторые из скифских курганов отличаются грандиозными размерами. Как пишет Т. Т. Райс, «самые примечательные погребения из района Александрополя — Никополя — это Толстые Могилы, которые имеют от 30 до 70 футов в высоту и от 400 до 1200 или около того футов в окружности, а их погребальные камеры имеют длину от 9 футов 6 дюймов до 15 футов и ширину 7 футов. Эти камеры часто располагались на глубине до 42 футов от поверхности земли» (Райс Тамара Т. Скифы. Строители степных пирамид. М., 2004, с. 99).

В скифских курганах обнаружены изделия собственно скифской работы, а также эллинские и реже персидские: из Персии, а раньше из Мидии в основном импортировалось оружие. При этом артефакты греческого происхождения имеют своеобразный характер и также несут на себе некоторые черты скифской культуры, во-первых, потому, что по большей части они были изготовлены в полисах Северного Причерноморья, в Ольвии и Пантикапее, в населении которых присутствовал

ассимилированный скифский элемент, во-вторых, эти изделия выполнены по заказу скифов и на них отразились вкусы заказчиков и, наконец, потому, что сюжеты греческой пластики, украшающие сосуды, найденные в скифских курганах, воспроизводят характерные сцены из жизни скифов: воинские упражнения, ловлю лошадей с помощью лассо, охоту на диких зверей и даже на одном из сосудов, найденных под курганом в Куль-Обе, зубохирургическую операцию.

Изображения скифов, выполненные греческими мастерами в реалистической манере, исключительно ценны не только как произведения искусства, но и как своего рода исторический и этнографический материал. По ним можно составить представление об образе жизни этих кочевников, об их одежде и об их антропологическом типе. Скифская одежда в основном сохранила общеиранский характер. Мужчины надевали на себя длинную и просторную рубаху с узкими рукавами, запахнутую спереди, и подпоясывали ее кожаным поясом, украшенным у людей высокопоставленных золотыми, серебряными или медными бляхами искусной работы. Скифы носили также широкие штаны из кожи или конопляной ткани и короткие кожаные сапоги тонкой выделки, часто с серебряными подковами, связанные поверх ступней ремнями. В холодное время надевали кафтан, подбитый мехом, или меховую шубу с широкими и длинными рукавами, позволявшими укрывать от мороза кисти рук. На голове носили башлык из войлока.

Женщины надевали длинную рубаху, покрывавшую ноги до пят, ее стягивали на шее и на рукавах и подпоясывали в талии. Зимой верхней одеждой служила шуба, которая на шее застегивалась аграфом, на голову надевали покрывало или платок. Жены и дочери знатных скифов в праздничных случаях водружали на голову остроконечную шапку с золотой дугой в виде полумесяца вдоль верхней части лица. Шапка украшалась золотыми пластинами, к ней прикреплялось спускавшееся на плечи покрывало. В стиле мужской одежды скифов не заметно эллинских черт, но в женском костюме «греческое влияние сказывается... в приспособлении к женскому головному убору золотых частей греческого головного убора: стленгиды — обрамлявшего лицо и поддерживавшего волосы золотого обруча и метопиды — лобного, украшенного золотом, ремня. Еще сильнее оно в женском ювелирном уборе, где мы встречаемся

почти исключительно с изделиями греческих мастерских» (Ростовцев, *цит. изд.*, с. 72–73).

Ввиду того, что фрагменты ткани лучше сохранились в погребениях на Алтае, чем в собственно скифских курганах, находки из Пазарыка превосходно восполняют представление об одежде ираноязычных кочевников. «Шкуры и кожи, найденные в Пазарыке, — пишет Т. Т. Райс, — имеют самое высокое качество, варьируясь по фактуре от очень толстой, тяжелой кожи до кож таких же тонких и мягких, как и многие современные изделия... Сохранились две шерстяные туники... Такие туники надевались как рубашки под короткие и длинные куртки. Три такие куртки сохранились в Пазарыке. ...Одна куртка была сделана из кожи, подбитой соболем, другая была кожаной и без подкладки, а третья из войлока... Женская одежда, найденная в Пазарыке, была еще богаче, чем мужская. В результате раскопок здесь был обнаружен огромный плащ конусовидной формы без рукавов, но с прорезями для рук. Он сделан из фетра, отороченного мехом, и практически вся его поверхность покрыта чрезвычайно замысловатой аппликацией. Платье, вместе с которым надевался этот плащ, длинное, с прямыми длинными рукавами и облегающим лифом. И здесь тоже рукава и перед лифа обильно украшены отделкой» (Райс, *цит. изд.*, с. 81–83).

Изображения скифов на изделиях греческой работы, а также костные человеческие останки, обнаруженные под курганами в восточноевропейских степях, дают прекрасное представление об их антропологическом типе. Это были приземистые и коренастые люди с европеоидными чертами лица, с большими округлыми носами, мужчины носили бороду и, наверно, не подстригали волос. «По изображениям на сосудах из Куль-Оба, Чертомлыка и Воронежа можно предположить, что скифы имели ошеломляющее сходство с крестьянами дореволюционной России... Вдобавок аналогичные особенности заметны и в темпераментах обоих народов. И те и другие любили музыку и пляски, и те и другие были настолько увлечены искусством, что могли восхищаться, перенимать и переделывать совершенно инородные стили в нечто абсолютно новое, национальное, у обоих народов был талант к графическим искусствам, а также у них можно отметить почти всенародную любовь к красному цвету. И опять-таки, оба народа демонстрировали готовность

прибегнуть к политике выжженной земли в случае нашествия» (Райс, цит. изд., с. 77–78).

И все же сходство это не следует выводить за пределы разумного — русские крестьяне вовсе не отличались кровожадной жестокостью и вообще воинственным нравом скифов. И объяснением этому является не только даль веков, разделяющих древних язычников и христиан XIX века, но и иной строй жизни русских крестьян, не кочевой, а оседлый и земледельческий. К тому же генетическое, или биологическое родство скифов и восточных славян, как уже сказано выше, не идет в параллель с языковым родством, поскольку ираноязычие, во всяком случае царских, да и вообще кочевых скифов, всерьез не подлежит сомнению, вполне подтверждаясь известными ономастическими данными.

Сложнее обстоит дело с антропологическим типом алтайских кочевников, культурно родственных понтийским скифам. Среди мумифицированных человеческих тел, извлеченных из мерзлой почвы Пазарыка, преобладает европеоидный тип, но встречаются также и монголоиды либо лица смешанного расового типа. Алтайские номады бороды обыкновенно сбривали, в то же время парадоксальным образом один из вероятных вождей монголоидного типа был погребен с накладной бородой (см.: Райс, цит. изд., с. 79).

Под скифскими курганами обнаружены были не только изделия греческих мастеров, стилизованные по-скифски, но и произведения оригинального скифского искусства. В основном это металлические, чаще всего золотые пластины, украшающие щиты, ножны мечей, колчаны для стрел, конскую сбрую или пояса, с чеканными изображениями животных своеобразного характера, который в искусствоведении получил наименование звериного стиля. Вдохновением для скифских мастеров были впечатления от степной охоты. Фигуры зверей, отличающиеся одновременно натуралистической живостью и стилизованной орнаментальностью, обыкновенно покрывают всю плоскость пластины.

Генеалогия звериного стиля восходит к эпохам неолита и ранней бронзы, к искусству шумеров, хеттов и ассирийцев, но изображения зверей на скифских изделиях существенно отличаются от иератического и геральдического стиля хеттского искусства, с которым они обнаруживают наиболее близкую, очевидно преемственную связь своим натурализмом и динамизмом, своей экспрессией. Так, выгравированный из золота олень,

украшавший центральную часть щита, найденного под курганом в Костромской станице на Кубани, и относящийся к раннему периоду скифского искусства — VII или VI веку до Р.Х., представлен в лежащем положении с подогнутыми под себя ногами. Шея оленя вытянута, мышцы шеи напряжены, во взгляде затаилась тревога. Олень пребывает в состоянии покоя, но в воображении разглядывающего его возникает представление о стремительном беге этого животного. На других пластинах выгравированы бегущие звери. Стремительность бега передается таким экспрессионистским приемом, как изображение лап зверя в самом высоком месте рельефа с вывернутыми наверх подошвами. Если на пластине представлены группы зверей, то некоторые из их элементов могут принадлежать сразу двум животным, этот прием сближает звериный стиль с сюрреалистическим искусством XX века и в то же время придает ему стилизованную орнаментальность Востока. Скифскому звериному стилю свойственна агрессивная и яростная брутальность. Излюбленная тема изображений на пластинах — терзание хищниками травоядных животных. Страдание кровожадно терзаемого оленя, лошади или козла воспроизводится на них с потрясающей убедительностью.

Тот же звериный стиль определяет характер изображений на предметах, обнаруженных в Пазарыке. Но на Алтае они носились чаще не на металлические пластины, а на другие материалы — на дерево, кость, на ткани, сохранившиеся не истлевшими в вечной мерзлоте, и на человеческую кожу — фигуры и сцены в зверином стиле, но с более выраженным геральдическим характером покрывают в виде татуировки мумифицированные тела знатных алтайцев, извлеченные из высокогорных древних погребений.

В архаическую эпоху эллинизация скифов носила лишь поверхностный характер. Воспринимая элементы материальной культуры греков, попросту говоря, пользуясь вещами, которые они у них покупали, скифы обнаруживали нетерпимость к греческим обычаям, к их ментальности и, главное, к их религиозным верованиям и обрядам. Из «Истории» Геродота известно два эпизода, когда чрезмерное увлечение эллинизмом повлекло за собой трагические последствия.

Юный брат скифского царя Савлия Анахарсис был направлен послом в Афины. Он прибыл туда в 589 г., познакомился там

с Солоном и часто разделял его общество. Общение с интеллектуальной элитой Афин пробудило в душе знатного варвара стремление к мудрости, к познанию истины, так что он стал пренебрегать политическими целями, ради которых был послан в Аттику. Греки оценили живой ум и красноречие скифа. На возвратном пути Анахарсис решил побольше посмотреть эллинский мир, лучше узнать его. Остановившись в Кизике, он из любознательности участвовал в Элевсинских мистериях и там дал обет отблагодарить богиню Кизика, если благополучно вернется на родину. Дома он решил исполнить обет. Однажды, как ему казалось наедине, он совершил эллинский религиозный обряд, но его заметили и об увиденном доложили его брату. Царь Савлий решил перепроверить донос и сам смог удостовериться в действительном вероотступничестве Анахарсиса. Убедившись в справедливости доноса, Савлий тут же убил брата стрелой из лука.

Другая подобная история связана со Скилом, сыном скифского царя Ариапейта и матери-гречанки, которая научила сына своему родному языку и грамоте. Унаследовав царскую власть, Скил стал часто посещать расположенную поблизости от царской ставки Ольвию, в этом городе он построил себе богатый дом, украшенный беломраморными сфинксами и грифонами. В Ольвию он входил без свиты, по городу прогуливался в греческом платье, общался с ольвиополитами и даже приносил жертвы в эллинских храмах. Но по доносу одного грека скифы узнали о времяпровождении своего царя. Против него поднялся мятеж, царем скифов был провозглашен его брат Октамасад. Скил бежал во Фракию к своему родственнику царю Ситалку, но вероломный Ситалк выдал беглеца в обмен на собственного брата, который бежал от него к скифам. И Скил был казнен.

Глава 2. Классическая Греция

1. Персидская держава

Эллины стали народом, творившим мировую историю, после своей победы над полчищами владыки Востока Ксеркса, после того как они отстаивали свою независимость, свою самобытность, свое место в оркестре цивилизаций в смертельно опасной борьбе с мировой державой, с первой в истории человечества империей, объединившей под властью единого монарха, шахиншаха, царя царей, сонм народов, и среди

них самых развитых культурно, имевших позади не одно тысячелетие блистательной истории.

Побежденный отважными эллинами Ксеркс унаследовал у своих предков царство, созданное Киром. Этносом, к которому принадлежала царская династия, были персы — один из многих ираноязычных народов, которые в первом тысячелетии освоили огромные пространства от Дуная до Алтая, к северу от Каспийского моря, и от Месопотамии до Сулеймановых гор к югу от него, включая всю Среднюю Азию. Иранские племена в языковом, религиозном и культурном отношении разделены были на две семьи: восточных иранцев, к которым принадлежали сохранившие древнюю религию и по преимуществу кочевой образ жизни скифы, саки, сарматы, дахи, массагеты, — и западных иранцев, принявших в первой половине I тысячелетия до Р. Х. учение Заратустры и постепенно переменивших образ жизни на оседлый и по преимуществу земледельческий. К западным иранцам принадлежали мидяне и персы. Мидяне населяли левобережье Тигра — Загросские горы и лежавшие к востоку от них плодородные долины, а персы жили южнее мидян, к востоку от устья Тигра и по берегам Персидского залива — в одной из областей древнего Элама Аншане. Западноиранские народы пришли сюда, вероятно, только в начале I тысячелетия, а ранее там обитали покоренные и ассимилированные ими древние народы: касситы, эламиты, лубеи, испытывавшие культурное воздействие своих западных соседей — Шумера и Аккада.

Первым государством иранцев стала Мидия. Ее столицу Геродот, книга которого является главным источником по ее истории, называет Экбатанами, в персидских надписях она именуется Хагматана, что значит «место собраний»; вероятно, она располагалась на месте современного города Хамадана. Первого царя мидян, объединившего этот народ под своей властью, Геродот называет Деиоком, в ассирийских надписях он упоминается под именем Даяукку как царь маннеев, который воевал с Саргоном, правившим в VIII в. до Р. Х. По Геродоту, следующим царем Мидии был Фраорт, покоривший персов. Мидия превратилась в могущественное государство при Киаксаре, имя которого в персидских текстах передается как Хвахшатр и который, по Геродоту, был прямым преемником Фраорта. Сведения Геродота

приблизительны и фрагментарны, между Деиоком и Киаксаром, правившим в начале VI столетия, в действительности протекло больше времени, чем это можно представить по Геродоту. В союзе с Вавилонским царем Навуходоносором Киаксар разгромил Ассирийскую державу, присоединив к Мидии ее северную часть. Но последний царь Мидии Астиаг, правивший с 580 по 550 г. до Р. Х., потерпел поражение в войне с персидским царем Киром, который присоединил разгромленную Мидию к своим владениям.

Столицей персов при Кире был город Пасаргады в Ашане, так что Кир именовал себя также и царем Ашана. По преданию, которое пересказывает Геродот, Кир был внуком мидийского царя Астиага и знатного перса Камбиса из рода Ахеменидов, которого, впрочем, Астиаг считал «гораздо ниже среднего мидянина» (Геродот, *цит. соч.*, с. 45). Диковинные сновидения, приснившиеся Астиагу до замужества его дочери Манданы и во время ее беременности, по изъяснению снотолкователей, предвещали, что внук отнимет царство деда. И Астиаг решил погубить новорожденного младенца. Но затем случилась история, подобная той, что отразилась в мифе об Эдипе. Кир остался жив и воспитывался в доме царского раба, пастуха Митрадата и его жены, имя которой по-мидийски было Спако, что, как поясняет Геродот, значило Кино (собака) — удивительный пример родства мидийского и русского языков. Из-за имени воспитавшей Кира женщины, как пишет Геродот, впоследствии возникла молва, что подброшенного мальчика вскормила собака (см.: Геродот, *цит. соч.*, с. 51). В 10 лет обнаружилось истинное происхождение Кира. Астиаг на этот раз пощадил его и отправил внука к персам в дом его знатных родителей. Возмужав, Кир поднял персидские племена: земледельческие — пасаргадов, панфиалеев, дерусиев, германиев, и кочевые — даиев, мардов и дропиков — на восстание против Астиага. Восстание оказалось успешным, и Мидия пала. Астиаг попал в руки персов и до конца жизни оставался пленником своего внука.

Эти события отражены не только у Геродота, но и в Вавилонской хронике Набонида, в которой записано, что «Иштувегу (Астиаг. — *В. Ц.*) собрал свое войско и пошел против Кира, царя Аншана, чтобы победить его. Но против Иштувегу взбунтовалось его войско и, взяв его в плен, выдало его Киру. Кир пошел

в его столицу Экбатаны. Серебро, золото и прочие сокровища Экбатан были разграблены и унесены в Аншан» (цит. по: Авдиев В. И. История древнего Востока. М., 1953, с. 536).

При Кире, в 540-е гг. до Р.Х., персы завоевали Армению, Каппадокию и Лидию. В 538 г. под ударами персидских полчищ пал Вавилон, при этом часть населения этого государства, созданного Навуходоносором, поддержала завоевателей, так что в составленном по случаю захвата Вавилона манифесте, клинописный текст которого сохранился, Кир мог объявить: «Забота о внутренних делах Вавилона и обо всех его святилищах тронула меня. И жители Вавилона нашли исполнение своих желаний, и бесчестное иго было снято с них... Мардук, великий владыка, благословил меня, Кира, царя, чтущего его, и Камбиза, моего сына, и все мое войско милостью, когда мы искренно и радостно величали его божество» (Авдиев, цит. изд., с. 537).

Завоевание Вавилона описано в Вавилонской хронике, в «Истории» вавилонского жреца Бероса, у Геродота, а также в Библии. Пророк Даниил истолковал таинственный сон Навуходоносора, которому приснился истукан с золотой головой, грудью и руками из серебра, медными чревом и бедрами и ногами, частью железными, а частью глиняными. Серебряная голова, по этому толкованию, символизировала Персидскую мировую империю, которая должна была прийти на смену Вавилонского царства, видимо, более благоустроенного, потому что его образ в сновидении Навуходоносора — золотая голова. (Дан, 2, 37–43).

После этого завоевания Кир позволил плененным иудеям возвратиться в Иерусалим: «В первый год Кира, царя Персидского, во исполнение слова Господня из уст Иеремии, возбудил Господь дух Кира, царя Персидского, и он повелел объявить по всему царству своему, словесно и письменно: так говорит Кир, царь Персидский, все царства земли дал мне Господь Бог небесный, и Он повелел мне построить Ему дом в Иерусалиме, что в Иудее. Кто есть из вас, из всего народа Его, — да будет Бог его с ним, — и пусть идет в Иерусалим, что в Иудее, и строит дом Господа Бога Израилева, того Бога, Который в Иерусалиме. А все оставшиеся во всех местах, где бы тот ни жил, пусть помогут ему жители места того серебром и золотом и иным имуществом, и скотом, с доброхотным даянием для дома Божия, что в Иерусалиме» (Ездр 1, 1–4). По повелению Кира возвращавшимся в святой город иудеям выданы были сокровища Храма,

разграбленного Навуходоносором (Ездр. 1, 7–11). Первым годом Кира в Библии назван первый год его правления в Вавилоне — 538 до Р.Х. Конечно, из царского манифеста, который приводит Ездра, не следует еще заключать, что Кир стал прозелитом и уверовал в Бога Авраама, Исаака и Иакова. Он только обнаружил в нем веротерпимость и своеобразную богобоязненность, подобную той, что выразилась и в его приведенном выше манифесте, изданном по случаю захвата Вавилона, в котором царь, почитавший, как и все персы, Ахурамазда, культ которого восходит к проповеди Заратустры, выдает себя за поклонника вавилонского божества Мардука.

Покорив Вавилон, Кир стал также владыкой Иудеи и Сирии. Завоевание Месопотамии повлекло за собой глубокую метаморфозу древней иранской цивилизации. У ассиро-вавилонян персы заимствовали технику изготовления полихромной глазури, строительства дорог, финансовую систему, формы юридической документации и, самое главное, клинопись, которая использовалась затем в Персидской империи в текстах, писавшихся как на нововавилонском, или арамейском, так и на персидском языке — в многоязычной державе государственная власть пользовалась этими двумя языками как официальными, но арамейский язык как язык канцелярии и администрации постепенно вытеснял персидский.

В 529 г. до Р.Х. Кир был убит в пустынях Закаспия, между Оксом (Аму-Дарьей) и Яксартом (Сыр-Дарьей) во время кончившегося страшным поражением похода против массагетов. Вместе с Киром пала и большая часть его войска. По рассказу Геродота, царица массагетов Томирис «наполнила винный мех человеческой кровью и затем велела отыскать среди павших персов тело Кира. Когда тело Кира нашли, царица велела всунуть его голову в мех» (Геродот, *цит. соч.*, с. 79). Останки Кира были погребены в царской гробнице в Пасаргадах.

После гибели Кира покоренные им народы взбунтовались и попытались освободиться от власти персов, но сын и наследник павшего царя Камбис подавил восстания. В 525 г. до Р.Х. Камбис завоевал Египет, пленив, а потом убив Псамметиха III, последнего фараона из XXVI династии. В этой победе решающее значение имел могущественный флот его союзников — финикийцев и греков из Кипра и Самоса. Камбис отличался свирепой патологической жестокостью, он страдал священной

болезнью — эпилепсией и устроил в Египте режим беспощадного террора, подвергал заподозренных в неповиновении египтян мучительным пыткам и казням, осквернял и разрушал храмы в Мемфисе и Фивах, собственными руками копьем убил священного для египтян быка, который, по их представлениям, был воплощением Аписа, чем спровоцировал волнения, потом беспощадно подавленные.

По словам Геродота, «соседние... с Египтом ливийцы в страхе, как бы их не постигла участь Египта, без сопротивления покорились персам, сами наложили на себя подать и послали царю дары» (Геродот, *цит. соч.*, с. 141). Попытки Камбиса завоевать Карфаген и Эфиопию не увенчались успехом — финикийцы отказались предоставить царю флот для покорения своих братьев карфагенян.

Во время пребывания Камбиса в Египте против него взбунтовались мидяне. Во главе восстания оказался мидийский маг Гаумата, который выдавал себя за убитого брата Камбиса Бардию. После смерти Камбиса покоренные персами народы восстали в разных концах империи, которую спас от распада сын Гистаспа Дарий, принадлежавший к младшей линии Ахеменидов и избранный царем на совещании семи самых знатных персов, имевших право входить к царю без доклада, в 522 г. до Р. Х.

О своих деяниях Дарий велел сделать монументальную запись на высокой скале в Бехистуне. В Бехистунской надписи, составленной от имени самого царя на персидском, нововавилонском и эламском языках, сказано, что он убил самозванца мага Гаумату, разрушенные им святилища восстановил и вернул народу его «пастбища, имущество, жилища, которые маг Гаумата у него отнял» (*цит. по: Авдиев, цит. изд.*, с. 543), и затем он одержал победу над всеми, кто восстал против законной власти: «Пока я был в Вавилоне, следующие области от меня отложились: Персия, Элам, Мидия, Ассирия, Египет, Парфия, Маргиана, Саттагидия, Скифия... Вот что я совершил по воле Ахурамазды в течение одного года. После того как я стал царем, я дал 19 сражений. По воле Ахурамазды я разбил (противников) и взял в плен 9 царей» (*цит. по: Авдиев, цит. изд.*, с. 542–543). На Бехистунской скале помещено также рельефное изображение Дария и перед ним одного поверженного и 9 связанных самозванцев и неудачных претендентов на власть.

Дарий расширил пространство своей империи, покорив народы Средней Азии, западной Индии, греков, обитавших на малоазийском побережье Эгейского моря и на некоторых островах Архипелага, а также фракийцев на Балканах. Его столицей был город Сузы. Поблизости от Пасагард он построил новый город Персеполь.

При Дарии приняты были меры по упрочению среди подвластных ему иранских племен введенного Заратустрой культа Ахурамазды. Во многих надписях подчеркиваются благодеяния Ахурамазды царю. В одной из них сказано так: «Дарий, великий царь, царь царей, царь стран, сын Гистаспа, Ахеменид. Царь Дарий говорит: «Это царство, которым я владею от Скифии, которая позади Согдианы, до Куша, от Индии до Сард, дал мне Ахурамазда, величайший из богов. Да защитит Ахурамазда меня и мой дом» (цит. по: Авдиев, цит. изд., с. 555). При этом иные народы: иудеи, вавилоняне, египтяне, лидийцы, греки — пользовались при Дарии религиозной свободой.

Дарий провел ряд реформ, направленных на укрепление единства его мировой державы. Он установил единую для всей империи золотую монету, заимствованную у Лидии, — дарик весом 8 с половиной граммов и серебряный шекель, имевший ранее обращение в Вавилоне. Территорию империи покрыли выстроенные царем дороги, одна из которых вела от столичных Суз до расположенного на берегу Эгейского моря греческого Эфеса. Персам запрещалось заниматься торговлей, но Дарий поощрял торговые операции, которые осуществлялись выходцами из иных народов, подвластных ему. Ради развития торговли был прорыт канал от дельты Нила до побережья Красного моря.

Одной из важнейших реформ Дария было разделение державы на 20 округов, каждый из которых управлялся наместником — сатрапом, обладавшим в нем полнотой административной и судебной власти. Но военная власть в сатрапиях была отделена от гражданской. В каждую сатрапию назначался военачальник; в свою очередь для контроля над сатрапами и военачальниками в сатрапии назначались также царские писцы, которые получали приказы от царя и передавали их сатрапам и военачальникам; царские писцы должны были также информировать царя обо всем, что происходило в сатрапии. Но мало того — помимо гласного контроля через писцов, центральная

власть осуществляла еще тайный надзор над подведомственными региональными чиновниками через секретных согладатаев, которые именовались «ушами царя». Каждый из округов платил в царскую казну твердо установленную дань деньгами и натурой. При этом мера автономности сатрапий была разной — в некоторых сохранялось местное право (в Вавилоне, Египте, Иудее), в Египте также традиционное административное деление на номы, в канцеляриях употреблялись местные языки.

Ядро вооруженных сил империи составляла гвардия из всадников-персов аристократического происхождения — отряд из 10 тысяч пехотинцев, также персов, которых именовали бессмертными, и еще десятитысячный корпус телохранителей царя. Но для ведения масштабных военных действий созывалось разноязыкое ополчение из воинских отрядов, которыми командовали вожди покоренных племен и сатрапы. При этом на каждый округ и народ возлагалась строго определенная воинская повинность.

В стремлении к беспредельной экспансии Дарий начал военные действия в Европе. Он прежде всего хотел овладеть балканским побережьем Босфора и Дарданелл, чтобы проливы были под его полным контролем, а затем также всей Фракией и северным Причерноморьем, откуда в изобилии вывозился хлеб. Но для этого необходимо было покорить родственный персам народ — скифов.

Дарий знал о могуществе скифов, которые за несколько десятилетий до этого совершали опустошительные набеги на Мидию и Персию; поэтому для похода против них он сосредоточил большую армию, в которую призваны были его многоязычные подданные, в том числе и среднеазиатские скифы — саки, и греки-ионийцы. Самосский грек Мандрокл, по повелению Дария, соорудил понтонный мост через Босфор, а флот Дария — в основном это были греческие триремы — вошел в Дунай, и его берега также были соединены мостом.

В 514 г. до Р.Х. начался поход. Легко преодолев мужественное сопротивление численно многократно уступавших фракийцев, обитавших на правобережье великой реки, в том числе гетов, персидская армада в 513 г. перешла по наведенному понтонному мосту Дунай и углубилась в причерноморские степи, преследуя отступавших скифов. Преследование это, как рассказывает Геродот, затянулось. Скифы уходили от противника,

явным образом уклоняясь от сражения, причем это отступление увлекло персидскую армию далеко на север-восток, через украинские степи. По словам Геродота, «скифы, согласно своему военному плану, стали отступать во владения тех племен, которые отказали им в помощи, и прежде всего в страну меланхленов. Затем скифы начали завлекать врага в область андрофагов. Устрашив и этих, они стали отступать в область невров» (Геродот, цит. изд., с. 218).

Раздраженный бесплодным преследованием, Дарий, как рассказывает Геродот, «послал всадника к царю скифов Иданфирсу, с приказанием передать следующее: “Чудак! Зачем ты все время убегаешь, хотя тебе представлен выбор? Если ты считаешь себя в состоянии противиться моей силе, то остановись, прекрати свое скитание и сразись со мною. Если же признаешь себя слишком слабым, тогда тебе следует также оставить бегство и, неся в дар твоему владыке землю и воду (у персов знак покорности. — В. Ц.), вступить с ним в переговоры”» (Геродот, цит. изд., с. 218). В ответ Иданфирс велел передать: «Я и прежде никогда не бежал из страха перед кем-либо, и теперь убегаю не от тебя. И сейчас я поступаю так же, как обычно в мирное время. А почему я тотчас же не вступил в сражение с тобой — это я тоже объясню. У нас ведь нет ни городов, ни обработанной земли. Мы не боимся их разорения и опустошения... Если же вы желаете во что бы то ни стало сражаться с нами, то вот у нас есть отеческие могилы. Найдите их и попробуйте разрушить, и тогда узнаете, станем ли мы сражаться за эти могилы или нет. Но до тех пор, пока нам не заблагорассудится, мы не вступим в бой с вами» (Геродот, цит. изд., с. 218–219). Уклоняясь от генерального сражения, скифы нападали на персидские отряды, которые бывали отряжаемы для поисков пищи: «Скифская конница, — пишет историк, — постоянно обращала в бегство вражескую конницу» (Геродот, цит. изд., с. 219). В конце концов громоздкая персидская армия, страдавшая от трудностей со снабжением, начала отступать в сторону Истра, терзаемая нападениями летучих скифских отрядов.

Военную стратегию скифов, названную тактикой «выжженной земли», историки сравнивают с русскими военными традициями, находя и в этом аргумент в пользу версии о скифском происхождении славян. Как уже говорилось об этом выше,

в сложном генезисе славянских народов, в особенности восточных славян, участвовали и скифы, но скифы были все-таки ираноязычным народом, и связь славян со скифами в языковом отношении имеет характер бокового родства, но не прямого происхождения одних от других.

Некоторые историки скептически относятся к достоверности повествования Геродота о скифском походе Дария; высказывались даже предположения о том, что в этом рассказе отражены события, происходившие в ином месте и в иное время — во времена похода Кира против среднеазиатских массагетов. Но эта версия не заслуживает серьезного внимания: о походе и гибели Кира Геродот также рассказал в своей «Истории». Описанный им поход Дария происходил значительно ближе к нему и по времени и по месту, чем иные его повествования, на проверку археологическими и даже прямыми эпиграфическими данными оказавшиеся достаточно достоверными; хотя элемент легендарный у Геродота действительно присутствует, но обыкновенно он сам обозначается автором как хотя и слышанное им, но чему и сам он, и, очевидно, его читатель вовсе не обязаны верить. Подобных оговорок нет в рассказе о скифском походе Дария.

Когда персы перешли Дунай, скифы пытались убедить греков помочь им в разгроме отступающего персидского полчища, но лишь несколько полисов по берегам Босфора и Дарданелл последовали этому совету; Дарий жестоко расправился с ними — Халкидон и Абидос были им сожжены при отступлении, другие же полисы прикрывали отступающие войска Дария, которые в потрепанном и обескровленном состоянии вернулись в Сузы. Но в Европе осталась персидская армия под командованием Мегабуза.

Скифы не оставили попыток договориться с греческими полисами о союзе против персов. Особенные надежды они возлагали на Спарту, которая была тогда сильнейшим греческим государством. Но Спарта уклонилась от союза, не поддержав восставшие города Византий и Халкидон. Восстания были подавлены, и персидская власть распространилась на территории, примыкающие к проливам, а также на значительную часть Фракии. Дарию подчинился также царь Македонии Аминт, выдав дочь свою замуж за сына Дария Мегабуза. В 509 г. до Р. Х. персы захватили греческие острова Имброс и Лемнос.

2. Греко-персидская война

Неудача Дария в войне со скифами пробудила у покоренных малоазийских и островных греческих полисов надежду на освобождение. К восстанию призывали ионийцев скифы, к тому же побуждал их правитель Херсонеса Фракийского афинянин Мильтиад, но участвовавший в совете тиранов из Гелеспонта и Ионии Гистией, назначенный персами правителем Милета, сказал, что «каждый из них в настоящее время является тираном в городе милостью Дария. Если же могущество Дария будет сокрушено, то ни сам он — Гистией — и никто другой уже не сможет сохранить своей власти над городом: ведь каждый город предпочтет народное правление господству тиранов. К этому мнению Гистиея, — заключает Геродот, — тотчас же присоединились все участники совещания, хотя раньше соглашались с мнением Мильтиада» (Геродот, цит. изд., с. 221). Олигархическая верхушка ионийских полисов, очевидно, имела основания опасаться переворотов и потому держалась за Дария и его сатрапа в Сардах.

Но прошло время, и подстрекателем к возмущению стал тот же самый Гистией, правда, действовал он при этом в личных интересах и скорее как провокатор, хотя и не по соглашению с персами, а на свой страх и риск. В ту пору он находился в Сузах при дворе Дария, который утратил доверие к нему, в качестве своего рода почетного заложника, а тираном Милета был его зять Аристагор, опасавшийся скорого смещения. Гистией решил склонить зятя к восстанию, надеясь, что в этом случае Дарий именно ему поручит подавить бунт и, выполнив приказ царя, он будет им возвышен. Для тайной передачи послания Аристагору он выбрал своеобразный способ. Как рассказывает Геродот, Гистией «велел обрить голову своему верному слуге, наколол на голове татуировкой знаки, а затем, подождав, пока волосы отрастут, отослал его в Милет. Гистией дал слуге только одно поручение: прибыв в Милет, просить Аристагора обрить ему волосы и осмотреть голову. Знаки же на голове... призывали к восстанию» (Геродот, цит. изд., с. 248).

Аристагор послушался опасного совета. Он вступил в сношения с заведомыми сторонниками выступления против персов, среди которых был и историк Гекатей, предшественник Геродота. Гекатей советовал в самом начале восстания попытаться захватить господство на море. Его совет воспользоваться для

снабжения восставших сокровищами храма Аполлона в Дидиме был отвергнут на совещании заговорщиков.

Восстание началось в 500 г. до Р.Х. в Милете, где Аристагор провозгласил независимость и заодно проведение коренной реформы политического строя — введение исономии, равноправия граждан. Это обеспечило ему поддержку народа, тем более что демократические круги в Ионии и ранее склонялись к борьбе против господства персов. Один за другим ионийские города стали отлагаться от Дария.

Но вожди восстания знали о многократном военном превосходстве империи, против которой они поднялись, над ионийскими полисами. Поэтому надежда была только на помощь европейских греков. Чтобы ее получить, Аристагор зимой 499–498 гг. отправился в Спарту. Как считает Геродот, он совершил ошибку, добросовестно сказав царю Клеомену, что столица Персии находится в трех месяцах пути от побережья. Клеомен понимал, что столь длительный поход на столицу приведет спартанскую армию, отрезанную от путей снабжения, к катастрофе, и Спарта отказала в вооруженной помощи восставшим, но на призыв о помощи откликнулись Афины, приславшие в Ионию 20 боевых кораблей с воинами, и эвбейская Эретрея, отрядившая на подмогу ионийцам 10 судов.

Поначалу восстание развивалось успешно. Греки смогли даже захватить Сарды, где ими были сожжены храм лидийской богини Кибеллы и резиденция сатрапа, но гарнизон цитадели под командованием сатрапа Артаферна отразил нападение. И все же разорение Сард подтолкнуло к восстанию полисы, расположенные по берегам Босфора и Геллеспонта, что угрожало Персии разрывом коммуникаций со своими владениями во Фракии и Македонии, а также в Кarii и на Кипре.

Для подавления восстания Дарий вынужден был провести масштабную мобилизацию. Были укомплектованы три армии, поставленные под командование Дориса, Гимея и Артибия. Армии Дориса и Гимея действовали в Ионии, а войска Артибия были переправлены финикийским флотом на Кипр. В 496 г. после упорного сопротивления пал последний свободный полис на Кипре Соли. Серьезным ударом для восставших было возвращение афинского флота домой, примеру Афин последовала Эретрея. Тем не менее боевые действия на малоазийском побережье развивались с переменным успехом.

Осенью 497 г. армия Дориса захватила ряд ионийских и карийских городов, но карийцам удалось затем заманить основательно потрепанные и обескровленные войска персов во время ночного перехода в ловушку и истребить их. Центр тяжести военных действий после этого переместился в Карию, где персы сосредоточили главные силы, и ионийцы получили передышку. Однако зачинщик восстания Аристагор уже пришел к выводу о неизбежности поражения и скрылся во Фракии, где он был убит близ города Миркина. Гистией сумел бежать от Артаферна, который ему уже явным образом не доверял, тщетно пытался вернуть себе власть в Милете, после чего, овладев 8-ю лесбосскими триремами, занялся пиратством в Геллеспонте.

Для разгрома восставших Дарий привлек флот из Финикии, Египта и Кипра и приказал атаковать Милет с моря и суши. Греки сосредоточили у острова Лады близ Милета объединенный флот 9 ионийских полисов, насчитывавший 353 триремы, командовал им фокеец Дионисий. При приближении персидского флота, значительно превосходящего греческий числом кораблей, дрогнули самосцы, их корабли подняли паруса и бежали. Измена самосцев предредила поражение мужественно сражавшихся греков. Особенно храбро бились хиосцы, но потеряв половину своих судов, они рассеялись. Одни суда ушли на свой остров, другие же хиосцы, высадившись на берег, двинулись в сторону Эфеса, но его жители, ничего не звавшие об исходе сражения при Ладе, приняли их за морских разбойников и всех перебили. Когда поражение греков стало очевидным, Дионисий, захватив три вражеских корабля, отправился в далекую Сицилию и занялся там пиратством, однако, как пишет Геродот, никогда не нападал на греческие суда.

Приблизился финал восстания. Разгромив греческий флот, персы начали осаду Милета. В 494 г. город пал, его жители мужчины были перебиты, а женщины и дети проданы в рабство, часть горожан переселили в глубь империи, на берега Персидского залива. Кары обрушились и на другие полисы. Некоторые из них были сожжены дотла, их граждан обращали в рабство, многих мальчиков оскотили и отослали ко двору Дария. Вслед за тем пали и продолжавшие сопротивление карийские города. Персы смогли захватить в плен зачинщика возмущения Гистиея, Артаферн велел посадить его на кол, а голову его

отослал в Сузы Дарию. Покарав восставших, персидские власти затем восстановили автономию зависимых ионийских полисов, но при этом отказались от прежней политики поддержки тиранов. В этих полисах, с согласия персидских властей, установле-
на была демократия.

Поражение ионийцев, и в особенности гибель Милета, произвели страшное впечатление на греков во всей Элладе. Афинский поэт Фриних сочинил трагедию «Взятие Милета». Когда она шла в театре, потрясенные зрители реагировали столь бурными рыданиями, что власти города вынуждены были запретить спектакль, вызывавший массовую истерию.

Подавление восстания ионийцев потребовало от Персии огромных усилий и жертв. Дарий пришел к заключению, что контроль над проливами можно сохранить только в том случае, если покорены будут и балканские греки. В 492 г. до Р.Х. он назначил своего зятя Мардония командующим армией, которая должна была завоевать европейские полисы, на их территории предполагалось образовать еще одну сатрапию. В распоряжение Мардания были предоставлены не только сухопутные войска, но и флот.

Пехота и конница, перебравшись через Босфор, двигались вдоль фракийского побережья, а флот направился в сторону острова Фасос, жители которого, разбогатев на золотых рудниках, тратили большие средства на строительство боевых кораблей. И все же они не решились на сопротивление, изъявив покорность Марданию. Миновав Фасос, персидский флот направился к Халкидике. И вот, когда суда шли вдоль Афонского полуострова, произошло событие, изменившее ход войны. Как рассказал Геродот, «на персидский флот обрушился порыв сильного северо-восточного ветра, который нанес ему страшные потери, выбросив большую часть кораблей на афонские утесы. При этом, как передают, погибло 300 кораблей и свыше 20 000 человек. Море у афонского побережья полно хищных рыб, которые набрасывались на плавающих людей и пожирали их. Другие разбивались о скалы, иные же тонули, не умея плавать, а иные, наконец, погибали от холода. Так-то нашел свою гибель персидский флот» (Геродот, цит. изд., с. 286). Мало того, ночью на стан Мардония напали воины из фракийского племени бригов, нанеся сухопутной армии большой урон. Правда, Мардоний в конце концов сумел разбить и покорить бригов

и несколько других фракийских племен, но от похода на греческие полисы после понесенных потерь он вынужден был отказаться, вернувшись с главными силами в Персию.

В том же 491 г. до Р.Х. Дарий распорядился набрать армию и оснастить флот для нового похода против Эллады. В первую очередь он собирался покарать Афины и Эретрею за помощь восставшим ионийцам. Царские послы с требованием «воды и земли» — формула покорности — разосланы были по всем европейским и островным полисам. Этому требованию подчинилось большинство из них, в том числе воевавшая тогда с Афинами островная Эгина. Но в Афинах послы Дария были убиты, в Спарте их утопили в колодце, сказав им, что там они смогут получить столько воды и земли, сколько им нужно. Таким образом, воевать за независимость готовы были два сильнейших греческих государства.

Персы отправились в поход в 490 г. Мардония Дарий устранил от командования, поставив во главе войска Датиса и Артаферна, сына сатрапа с таким же именем, который был царским племянником. Войска произвели посадку на корабли в Киликии. Геродот упоминает о 600 судах — вероятно, это число округлено в сторону преувеличения, но флот был многочисленным. Транспортные возможности этого флота позволяли переправить до 25 тысяч воинов, в том числе отборную кавалерию. Армия Дария, как всегда, состояла из разноязыких воинов, среди участников персидского похода были и греки — ионийцы и эолийцы из покоренных полисов. В ставке командующих находился сын Писистрата Гиппий, которого персы намеревались поставить тираном в Афины.

По пути через Эгейское море персы сожгли город Наксос, наказав его за мужественное сопротивление при подавлении восстания в 499 г. Чтобы расположить к себе греков, на Делосе Датис принес дары на алтарь Аполлона. На других островах персы проводили мобилизацию боеспособных греков в свою армию. Сопротивление захватчикам оказала Эретрея: 6 дней горожане самоотверженно оборонялись, на 7-й день полис пал и был сожжен вместе со всеми своими ограбленными перед уничтожением храмами, а жители его одни убиты, другие проданы в рабство, избежавшие этой участи были депортированы в Сузы.

Подчинив после падения Эретреи всю Эвбею, персы направились в сторону Аттического берега, чтобы атаковать Афины.

По совету Гиппия армия высадилась на берег близ Марафона, удаленного на 40 километров от Афин. Над Афинами нависла смертельная опасность. Полис смог выставить на свою защиту 10 тысяч гоплитов, одну тысячу воинов выслал им на помощь беотийский город Платеи. Афины отправили в Спарты гонца Филиппида, который за сутки преодолел путь в 140 миль. Но спартанцы в ту пору справляли свой главный праздник в честь Аполлона Карниоса, а религиозный закон возбранял им вести войну до полнолуния, которое следовало за этим праздником, и они вынуждены были отказать в немедленной помощи Афинам. До полнолуния оставалось 6 дней. Героизм спартанцев, обнаруженный ими в ходе дальнейшей войны с персами, а также то обстоятельство, что расправой над персидскими послами они сожгли за собой мосты, не дает оснований подозревать, что их ссылка на священные законы была лукавой.

Ввиду значительного численного превосходства персидской армии, казалось бы, афинянам следовало ожидать врага под защитой городских стен, но на совете стратегов решено было вывести войска в долину Марафона. За этим решением стояли политические соображения — в городе было немало сторонников потомков Писистрата, особенно среди аристократов. Существовала опасность, что в условиях осады они поднимут бунт в интересах персов. Как пишет Геродот, Мильтиад, который в прошлом был назначенным из Афин правителем Херсонеса Фракийского, сказал тогда, обращаясь к полемарху Каллимаху, от голоса которого зависело принятие решения, поскольку мнения 10 стратегов разделились поровну: «С тех пор как существуют Афины, никогда еще им не грозила столь страшная опасность, как теперь. Если афиняне покорятся мидянам и снова попадут под власть Гиппия, то участь их решена. Если же наш город одолеет персов, то станет самым могущественным из эллинских городов... Мы — десять стратегов — разошлись во мнениях: одни советуют дать битву, а другие — нет. Если мы теперь же не решимся на битву, то я опасуюсь, что нахлынет великий раздор и так потрясет души афинян, что они подчинятся мидянам. Если же мы сразимся с врагом, прежде чем у кого либо... возникнет гнусный замысел, то мы одолеем, так как ведь существует же божественная справедливость... Присоединись к моему совету, и твой родной город будет свободен и станет самым могущественным народом в Эллад» (Геродот, цит. изд., с. 304). Каллимах последовал

совету Мильтиада. И было принято решение дать бой. Войско Афин, кратчайшим путем перебравшись через перевал в горах Пентелика, маршем устремилось к Марафону.

Битва между афинянами и персами при Марафоне произошла 13 сентября. Во главе войска в соответствии с конституцией Афин стояло 10 стратегов, которые должны были командовать поочередно. Но стратегам хватило благоразумия предоставить командование одному военачальнику — самому талантливому и опытному из них Мильтиаду, который хорошо знал военную тактику персов.

Войска противников выстроились на Марафонской долине друг против друга. Видя главную опасность в охвате персами флангов греческого войска, Мильтиад растянул боевой порядок так, чтобы по длине он равнялся боевой линии врага. Компенсировать недостаточную глубину боевых порядков афинян, значительно уступавших числом противнику, должна была их лучшая боевая выучка, дисциплина и тактическое искусство военачальников. Греки первыми устремились на врага. Особую опасность для них представляли персидские лучники, но поражали они особенно эффективно на расстоянии 100 метров. Поэтому по приказу Мильтиада гоплиты пробежали расстояние, отделявшее их от боевой линии врага, не нарушив при этом боевого порядка. У персов имелась многочисленная кавалерия, которая могла решить дело, но этого не случилось. Сосредоточенная не по флангам, а в центре, она натолкнулась на упорное сопротивление фаланги. Правда, здесь, в центре сражения, атака афинян захлебнулась, персы перешли в контрнаступление и прорвали греческий боевой порядок, но на флангах, где тяжеловооруженные гоплиты противостояли легкой пехоте, греки смяли персидские ряды. И персы начали отступать. Афиняне преследовали врага до морского берега, у которого стояли персидские суда. При посадке персов на корабли афиняне захватили 7 судов. На поле битвы, по словам Геродота, осталось 6400 павших персов. Потери афинян и их союзников Plataeans составили 192 воина.

После поражения при Марафоне персы собирались высадиться напротив Афин и захватить их врасплох, пока в город не вернулось войско. Но под командованием Мильтиада гоплиты стремительным маршем вернулись под стены Афин, и персидские полководцы не отважились выступить против армии,

которая уже одержала над ними победу. Персидский флот отчалил от берегов Аттики и вернулся домой.

Победа одержана была афинянами благодаря героическому мужеству защитников родины от гибели и рабства, благодаря превосходному боевому строю своих войск — фаланге, благодаря лучшей боевой выучке и более совершенному вооружению, в особенности это относится к средствам защиты — на поле битвы павшие афиняне были облачены в бронзовые шлемы, доспехи и наголенники, а персы — в колпаки, рубахи, из которых только некоторые были защищены железными чешуйками, и в узкие штаны, — и, наконец, благодаря полководческому гению Мильтиада. Некоторые историки решающим фактором поражения персов считают то предполагаемое обстоятельство, что по какой-то непостижимой причине персидская конница оставила поле боя до начала сражения, погрузившись на суда (см.: Хаммонд, цит. изд., с. 237).

В Афинах знали, что персы не смирятся с поражением и рано или поздно возобновят войну. Поэтому там сразу после победы стали принимать меры по укреплению военной мощи полиса. Инициатива в реализации программы перевооружения принадлежала архонту 493–492 гг. до Р. Х. Фемистоклу. Он предложил переоснастить военно-морской флот, сделав его основой новый тип судов — трехпалубные триеры. Средства для этого должны были дать Лаврийские серебряные рудники. В 483 г. рудники дали казне огромную сумму в 100 талантов, которую некоторые предлагали распределить между гражданами, но Фемистокл настаивал на том, чтобы употребить их на строительство 200 триер. Он утверждал, что со своим устаревшим флотом Афины не в состоянии одержать победу даже над Эгиной, с которой Афины снова были тогда в состоянии войны.

Программа Фемистокла вызвала оппозицию. Во флоте, в соответствии с реформой Солона, служили граждане низшего, четвертого ценза — феты, малоземельные или безземельные бедняки. Укрепление флота превращало городскую бедноту в главную военную силу полиса, тем самым повышало и ее политический вес. Это вызывало опасения крупных землевладельцев. Против Фемистокла сложилась политическая партия во главе с одним из стратегов в битве на Марафонском поле Аристидом. Причем, кроме богатых граждан, Аристиду поддерживали аттические крестьяне, которые боялись вторжения персов не с моря,

а с суши, страшась за свои поля и жилища, и потому склонялись к программе Аристида, предлагавшего главные усилия направить на укрепление сухопутных войск.

Победу в политическом противостоянии одержал Фемистокл. В 483 г. он через процедуру ostracism добился изгнания Аристида. Программа Фемистокла была принята, и к 480 г. афиняне построили 180 триер. При Фемистокле была выстроена новая гавань — Пирей с прилегавшими к ней верфями. Строительные работы там начались еще в бытность его архонтом в 493 г. В результате этих мер Афины стали сильной морской державой, способной противостоять на море финикийскому флоту, который находился в распоряжении персов. В биографии Фемистокла Плутарх писал: «Фемистокл начал постепенно приохотить сограждан к занятию мореплаванием, внушать им любовь к нему: по его мнению, они не имели основания рассчитывать на успех в сухопутной войне даже с соседями, между тем как при помощи флота они могли не только защищаться от нападения персов, но и сделаться владыками Греции» (Плутарх. Сравнительные жизнеописания. М., 2008, с. 123).

Угроза со стороны общего врага — державы Ахеменидов способствовала сплочению греческих полисов. В 481 г. до Р.Х. в Спарте собрались представители государств, готовых к противостоянию персам. В совещании участвовали и афиняне. На совещании решен был вопрос о военном союзе, но неизбежность ущемления суверенитета полиса, вступающего в союз, а также выбор полиса, которому предстояло этот союз возглавить, оказались болезненными проблемами. И все же сознание грозной опасности, нависшей над всей Элладой, подтолкнуло участников совещания к преодолению разногласий — Афины согласились с тем, чтобы во главе союзных сил стояла Спарта. Было также принято решение направить послов в Аргос, который находился тогда в состоянии войны с Лакедемоном, в Керкиру, на Крит и к правителю сицилийских Сиракуз Гелону, чтобы убедить их присоединиться к союзу; но по разным причинам вовлечь эти полисы в союз не удалось.

Весной 480 г. представители союзных полисов встретились в Коринфе. На этом совещании Общегреческий союз — сами его участники называли это объединение проще: «Эллины» — был конституирован. Его высшим органом стало совещание представителей союзных полисов (пробулов), на котором каждый полис

имел один голос. Решения совещания становились обязательными для всех союзных государств, включая и тех, чьи представители голосовали против принятого большинством постановления. Совещание вырабатывало общую стратегию войны, принимало решения относительно снабжения войск, назначало главнокомандующего — формально им мог стать и не спартанец, так что решение о доминировании Лакедемона в объединенных вооруженных силах носило не юридически формальный, а политический характер. Участники совещания в Коринфе поклялись бороться против полисов, которые встанут на сторону персов, их граждане рассматривались как изменники и подлежали, в соответствии с принятым решением, союзному суду.

В союз вошел 31 полис, самыми влиятельными его участниками стали, помимо Спарты и Афин, Коринф со своими колониями, а также Платея и Феспии. Основу сухопутных войск союза составили гоплиты и легкая пехота Спарты и ее ближайших союзников на Пелопоннесе, а объединенный флот состоял в основном из афинских судов.

Греки получили передышку на 10 лет, потому что после поражения у Марафона в Персидской империи начались беспорядки. В Египте вспыхнуло восстание, волнения происходили в Вавилонии. В 486 г. до Р.Х. умер Дарий. Его сыну и наследнику Ксерксу понадобилось время для водворения порядка в своей державе, после чего он возобновил подготовку к походу в Европу.

Весной 480 г. войска Ксеркса выступили из Сард. После перехода через Геллеспонт армия двинулась через Фракию. На берегу Гебра (Марицы) состоялся генеральный смотр. По сообщению Геродота, в войсках Ксеркса был 1 миллион 700 тысяч пехотинцев, во флоте было 1207 судов (см.: Геродот, цит. изд., с. 332, с. 336.). Вместе с кавалерией, обозом, морскими экипажами и греческими наемниками полчища персов, по Геродоту получается, насчитывали уже более 2-х миллионов человек. Приведенные историком числа, несомненно, преувеличены. Столь многочисленная армия никоим образом не могла прокормиться ни провиантом, которым она в состоянии была запастись перед началом похода, ни конфискациями продовольствия у населения по маршруту передвижения войск. И все-таки Геродот не выдумывал эти колоссальные и невероятные числа. Наиболее убедительным ответом на недоумение представляется предположение, что он пользовался сведениями, почерпнутыми из персидских

документов, которые были неверно поняты. Вероятно, приведенные им числа характеризуют масштаб воинских ресурсов Персии, сведения о которых имелись в канцелярии царя и стали доступны Геродоту. Их действительное значение соответствовало приблизительно тому, что в наше время называют мобилизационным ресурсом государства. Иначе говоря, в Персии насчитывалось более 2 миллионов свободных мужчин, способных носить оружие, что предполагает приблизительно 20-миллионное население империи, видимо, составлявшее около пятой части численности населения мира в середине I тысячелетия до Р.Х.

А в европейский поход выступила армия числом от полу-миллиона до миллиона разноязыких воинов — персов, мидян, саков, вавилонян, арабов, индийцев, каппадокийцев, лидийцев, а также покоренных фракийцев и эллинов. Причем племенные войска двигались и действовали своим строем, под своим туземным командованием, что затрудняло общее управление вооруженными силами. Разноязыкие народы в персидском полчище не готовы были добровольно воевать и умирать за Ксеркса и покоривших их персов. Поэтому дисциплина в армии поддерживалась плетью, которыми подгоняли нерадивых и отстававших.

Чтобы избежать плаванья вдоль афонского берега, где за 10 лет до похода Ксеркса буря разметала суда Мардония и где море обыкновенно бывает беспокойным, Ксеркс велел прорыть канал в самом узком месте полуострова, через который и были проведены корабли. В начале похода произошло солнечное затмение, которое смутило Ксеркса, но призванные истолковать значение этого знамения маги успокоили царя, сказав, что оно предвещает гибель греческим государствам, потому что «у эллинов солнце предвозвестник грядущего, а у персов — луна» (Геродот, *цит. изд.*, с. 326), но приближенный к Ксерксу лидиец Пикий не поверил магам и был встревожен предзнаменованием; он решил просить царя, чтобы тот освободил от участия в походе своего старшего сына, одного из пяти, которые все были рекрутированы. В ответ он услышал от Ксеркса слова, исполненные крайнего негодования: «Негодяй! Ты еще решился напомнить мне о своем сыне, когда я сам веду на Элладу своих собственных сыновей, братьев, родственников и друзей». Царь велел за такую дерзость схватить старшего сына Пифия и разрубить его пополам, «а затем одну половину тела положить по правую сторону пути, а другую по левую, где должно было

проходить войско. Палачи, — заканчивает этот рассказ Геродот, — выполнили царское повеление, и войско прошло между половинами тела» (Геродот, цит. изд., с. 326). Так преподан был Ксерксом грозный урок трусам, малодушным и колеблющимся.

На совещании представителей эллинских союзных государств первоначально обсуждался план дать бой персам в Темпейской долине, на северной границе Фессалии, но на верность фессалийцев общегреческому делу не было надежды. Поэтому решено было встретить врага на суше в тесном Фермопильском ущелье — проходе между утесами и морем шириной 16 метров, через которое шел единственный путь в Фокиду и далее в Беотию и Аттику. А греческий флот стал у мыса Артемисия, у северной оконечности Эвбеи. Во главе сухопутных войск был поставлен спартанский царь Леонид, но в срок он привел в Фермопилы только авангард — 300 спартанцев, к нему присоединились еще около 5 тысяч воинов из пелопоннесских полисов, а также феспийцев, фиванцев, фокийцев и локров. Основные силы дожидались окончания праздников в Спарте и Олимпии и не успели прибыть к началу сражения.

Ксеркс, выйдя к Фермопильскому ущелью, медлил с началом битвы, дожидаясь подхода персидского флота к Артемисию, где он должен был одновременно с разгромом греческой пехоты обрушиться на суда эллинов. Поэтому Леонид первым атаковал персов, а затем перешел к обороне. Мужество и боевая выучка спартанцев были беспримерными. «В течение всего дня пехотинцы — мидийцы, кассийцы и даже персидские “бессмертные” — волнами накатывались по проходу, и их изрубленные тела устилали землю. Они оказывались бессильны против более длинных копий и тяжелых доспехов греческих гоплитов, особенно спартанцев, которые отступали, совершали поворот кругом и снова шли в атаку с почти парадной четкостью» (Хаммонд, цит. изд., с. 255). Защитники Фермопил, разделившись на сменявшие друг друга отряды, в течение двух дней удерживали проход.

Но вечером второго дня битвы грек из Малиды Эфиальт сообщил персам, что есть еще горная тропинка, по которой можно пройти в долину, обойдя ущелье. Командовавший «бессмертными» Гидарн взял его проводником, и он провел персидское войско в обход ущелья. Леонида предупредили о выходе персов в Алпенскую долину перебежчики из персидского лагеря. Позиция у Фермопил была фактически потеряна. На военном совете

Леонид приказал союзным отрядам отойти. В ущелье осталось 300 спартанцев и фиванцы. Оставшиеся должны были прикрыть отходившее войско. Персы возобновили атаку. Шеренга за шеренгой персы нападали на спартанцев и фиванцев и затем падали, сраженные ударами их копий. Тех, кто оставался невредим от копий, затапывали следующие шеренги наступавших, но редели и ряды защитников Фермопил. Когда все их копья поломались, греки взялись за мечи. Царь Леонид погиб. Ожесточенный бой шел за тело павшего полководца. Некоторое время спустя оставшиеся в живых фиванцы подняли руки, чтобы сдаться врагу. Спартанцы все, до последнего воина, пали сражаясь. После битвы тело Леонида было обезглавлено и повешено на кресте. Остальных павших персы захоронили. Фиванцев, сдавшихся в плен, заклеямили клеймом Ксеркса.

После войны на месте сражения был воздвигнут памятник — каменный лев с надписью: «Странник, весть отнеси всем гражданам Лакедемона: честно исполнив закон, здесь мы в могиле лежим».

Одновременно с битвой в Фермопильском ущелье произошло морское сражение при Артемисии, прикрывавшем вход в Эвбейский пролив. Персидский флот, значительно превосходивший числом кораблей соединенные греческие военно-морские силы, потерял незадолго перед битвой 400 боевых судов и множество вспомогательных кораблей, потонувших от внезапно разразившегося шторма, вызванного сильным северным ветром, у скалистого побережья Магнесии, где флот остановился на ночевку. Узнав о колоссальных потерях противника, греки принесли благодарственные жертвы Посейдону и Борею и укрепились духом. И все же даже после понесенных потерь персидский флот сохранил численное превосходство над греческим. Сражение у Артемисии продолжалось два дня с переменным успехом. Узнав о гибели Леонида и его соратников, греческий флот отошел в Саронический залив к острову Саламину. Туда вслед за ним переместились и корабли персов.

Прорвавшись через Фермопилы, персидские полчища устремились через Дориду и Фокиду в Аттику, все опустошая на своем пути. Жители разоренных полисов разбегались при приближении противника, не оказывая сопротивления, и все-таки многие были перебиты или пленены и порабощены. Когда персы приблизились к святилищу в Дельфах, которое они решили

пощадить, разразилась гроза и от утеса откололись две глыбы, раздавив многих воинов. Потери были не велики, но сердца суверенных персов наполнились тревогой. По предложению Фемистокла было решено судьбу Афин вручить покровительствующей городу богине, всех боеспособных граждан призвать во флот, остановившийся на рейде у Саламина, а остальных эвакуировать на острова — Саламин, Эгины и побережье Пелопоннеса. Эвакуацию осуществили военные суда.

Персы вошли в Афины — город и его округа опустели, но на Акрополе казначеи храма и еще несколько горожан оказали сопротивление бесконечно превосходившим силам противника. Персы предложили защитникам Акрополя капитулировать, но они отказались принять предложение и стали отчаянно обороняться. Когда исход безнадежного сопротивления стал очевиден, одни воины бросились со скалы Акрополя, другие пытались найти убежище в Парфеноне, но персы вывели их из храма и убили. Парфенон и другие храмы полиса были разграблены, цитадель сожжена.

Афиняне со скорбью видели с Саламина клубы дыма, нависшие над родным городом. На военном совещании, которое последовало за взятием Афин, спартанский флотоводец Эврибиад предложил перевести соединенный флот к Истмийскому перешейку и там защищать Пелопоннес. Это предложение поддерживали и представители Коринфа, но Фемистокл настаивал на том, чтобы дать сражение под Саламином, угрожая в противном случае увести 200 афинских судов, что составляло более половины военно-морских сил, на запад, чтобы там основать колонию. Эврибиад уступил, и решено было дать сражение у Саламина. Но когда персидский флот выстроился между Пиреем и Саламином и у греков возникло опасение, что они будут окружены судами персов, Эврибиад снова стал склоняться к мысли об отводе судов к Истму. Тогда Фемистокл, чтобы принудить союзников сражаться у Саламина, пошел на крайне рискованную военную хитрость. Он отправил в лагерь персов своего верного раба Сикинна, через которого передал персидскому командованию сообщение о деморализации греков, об их намерении отступить и о том, что в этой ситуации он вместе с афинянами намерен перейти на их сторону и что когда персы нападут на греческий флот, пока он не ушел из пролива, афинские суда перейдут на сторону противника и нападут на корабли своих

прежних союзников. Ксеркс поверил Фемистоклу и велел части кораблей переместиться так, чтобы заблокировать выход из пролива и отрезать грекам путь к отступлению.

У Эврибиада уже не оставалось возможности уклониться от сражения. Битва началась с наступления персов, флот которых даже после понесенных ранее потерь все еще в четыре раза превосходил флот противника, насчитывавший 380 судов. Но греки обладали значительным превосходством в оперативном и тактическом искусстве флотоводцев и капитанов, в боевой выучке моряков, греческие суда обладали большей маневренностью и скоростью, чем громоздкие финикийские корабли персов, греки замечательно умело могли проводить таранные и абордажные операции. К тому же, в отличие от персов, они прекрасно знали фарватер пролива.

Обнадеженный обещанием Фемистокла о предстоящем переходе афинян на свою сторону, Ксеркс приказал флоту начать наступление с двух сторон, чтобы окружить греков. Он уже не сомневался в победе, но исход сражения опрокинул его надежды. Афиняне не только не перешли на сторону врага, но сыграли решающую роль в разгроме персов. Их корабли под командованием Фемистокла вместе с эгинским флотом двинулись навстречу противнику, потом, при приближении финикийских кораблей, афиняне внезапно развернулись и стали отступать, заманивая вражеские суда в самое узкое место пролива. Финикийские корабли, составлявшие основную ударную силу персидского флота, оторвались от остальных кораблей и оказались втянутыми в узкое пространство, где, при своей громоздкости и слабой маневренности, они начали сталкиваться друг с другом и совершенно разрушили боевой порядок. Когда же на море началась зыбь, афинские суда, более устойчивые в качке, со всей силой ударили по беспорядочно метавшимся финикийским судам, тараня их и ломая им весла. Тяжеловооруженные афинские гоплиты, когда их корабли сближались с судами противника, бросались на абордаж и сбрасывали в море легковооруженных персидских воинов. Затем в бой вступил весь греческий флот. К наступлению ночи флот персов был разгромлен.

Лаконично, но с поразительной силой слова о сражении у Саламина рассказал его участник Эсхил в трагедии «Персы» устами персидского гонца: «Соленую пучину дружно вспенили согласные удары весел греческих, и вскоре мы воочью увидали

всех. Шло впереди, прекрасным строем, правое крыло, а дальше горделиво следовал весь флот. И отовсюду одновременно раздавался клич могучий: “Дети эллинов, в бой за свободу родины! Детей и жен освободите, и родных богов дома, и прадедов могилы! Бой за все идет!” Персидской речи нашей многоустный гам на клич ответил, медлить тут нельзя было, корабль обитым медью носом тотчас же в корабль ударил. Греки приступ начали, тараном финикийцу проломив корму, и тут же друг на друга корабли пошли. Сначала удавалось персам сдерживать напор. Когда же в узком месте множество судов скопилось, никому никто помочь не мог, и клювы направляли медные свои в своих же, весла и гребцов круша. А греки кораблями, как задумали, нас окружили. Моря видно не было из-за обломков, из-за опрокинутых судов и бездыханных тел, и трупами покрыты были отмели и берег сплошь. Найти спасенье в бегстве беспорядочном весь уцелевший варварский пытался флот. Но греки персов, словно рыбаки тунцов, кто чем попало, досками, обломками судов и весел, били. Крики ужаса и вопли оглашали даль соленую, покуда око ночи не сокрыло нас». Так воспринимали эллины одержанную ими в 480 г. до Р.Х. победу у Саламина.

Потеряв флот, Ксеркс не хотел рисковать утратой своей еще многочисленной и боеспособной армии — существовала реальная опасность, что греки нанесут удары по путям снабжения сухопутных войск. Кроме того, царь опасался, что весть о поражении под Саламином и гибели флота подтолкнет зависимые народы Востока к отпадению от империи. Чтобы предотвратить подобное развитие событий, Ксеркс решил увести свои полчища в Сузы, оставив лишь часть армии под началом Мардония в Фессалии.

Армия Мардония перезимовала в плодородной Фессалии, весной 479 г. до Р.Х. он через македонского царя Александра вел безуспешные переговоры с Афинами, пытаясь склонить их на разрыв союза со Спартой и переход на сторону Персии. В начале лета полководец направил свою армию в Аттику, на Афины, жители которых во второй раз эвакуировались на Саламин. Город снова был взят и разорен. Мардоний велел сжечь в нем все, что еще оставалось не уничтоженным после первого захвата полиса. Оккупация Аттики открывала путь на Пелопоннес, в Лаконику. Союзные греческие войска под командованием Павсания, племянника героически погибшего в Фермопилах

Леонида и регента Спарты при ее малолетнем царе Плистархе, заняли Истмийский перешеек. Самое узкое место перешейка было сразу после поражения под Фермопилами перегорожено оборонительной стеной. Павсаний склонялся к тому, чтобы встретить врага здесь, в хорошо укрепленном месте. Но представители Афин на союзном совещании настаивали на том, чтобы выступить навстречу врагу и дать сражение на подступах к Аттике. По указанию нового архонта Афин Аристидом послы, направленные в Спарту, угрожали в случае отказа лакедемонян защищать Аттику заключить сепаратный мир с персами. Шантаж возымел действие, и Павсаний повел войско навстречу персам. Мардоний решил тогда вывести свою армию из Аттики и отступить в менее гористую Беотию, где удобнее было действовать его кавалерии, имевшей многократное превосходство над конницей греков.

Сражение произошло у Платей. Ядро союзных сил составляло войско Лакедемона: 5 тысяч спартанцев, столько же периеков и 35 тысяч илотов. Афинским войском, насчитывавшим 8 тысяч, командовал Аристид. Значительную силу представлял также отряд из 5 тысяч коринфян. Под Платеями сражались также жители города, возле которого произошла эта битва, мегаряне, эгиняне и мелкие отряды из еще 18 полисов — всего, как подсчитал Геродот, 38 700 гоплитов, 34 500 легковооруженной пехоты и 35 тысяч вспомогательного персонала, в основном из илотов Лакедемона. Верховное командование было возложено на Павсания. Численность войска Мардония Геродот оценил в 300 тысяч разноплеменных варваров, включая 10 тысяч «бессмертных» и приблизительно 50 тысяч покоренных персами эллинов. Большая часть историков находит эти выкладки преувеличенными, хотя, как кажется, вполне надежных оснований для скептического отношения к подсчету Геродотом сил противника нет.

Лагерь эллинов расположился на склонах Киферона, а полчища Мардония заняли прилегающую к горе равнину. Битва началась с атаки персидской конницы, которая отражена была с большими потерями для персов, поскольку в горной местности всадники не могли действовать успешно. После этого несколько дней обе армии выжидали. Греки не хотели спускаться с выгодных позиций на склонах горы, а персы не решались подниматься в гору. Происходили лишь мелкие стычки, которые не могли

решить исход дела. Мардоний попытался вести тайные переговоры с греками из аристократических кругов, пытаясь склонить их к измене. Но лица, участвовавшие в секретных сношениях с врагом, были выявлены и казнены. Затем персам удалось засыпать источник, который снабжал противника питьевой водой. Лишившись воды, греки, как рассчитывал Мардоний, вынуждены будут спуститься ближе к Платеям, чтобы пользоваться другими источниками. Этот вынужденный переход Павсаний решил осуществить ночью. Во время перехода персы напали на противника. Греки несли тяжелые потери, но сумели сохранить боевой строй и перешли в контратаку. В кровавой рукопашной схватке пал Мардоний, что привело боевые ряды персов в расстройство. Лишенные общего командования разноязыкие полчища стали беспорядочно отступать к своему лагерю, неся огромные потери. Хотя они смогли добежать до укрепленного лагеря, но восстановить боевой порядок им не удалось и лагерь был взят войсками Павсания. Богатая добыча, доставшаяся победителям, была распределена между воинами, десятую часть трофеев решили передать храмам.

После поражения под Платеями поредевшие полчища персов бежали в Азию. В основном балканская Эллада была очищена от оккупантов, остались лишь немногочисленные персидские гарнизоны в некоторых городах на севере Греции. Военные операции теперь уже велись под лозунгом отмщения варварам. Репрессии обрушились на их вольных или невольных союзников. В битве под Платеями многие фиванцы сражались на стороне персов. Павсаний потребовал от Фив выдачи изменников общегреческому делу. Город отказался выполнить это требование и был осажден. 20 дней Фивы оборонялись, но наконец решили подчиниться и выдать коллаборантов. Их доставили в союзный штаб на Истме, по приказу Павсания они до суда были уведены в Коринф и там незамедлительно казнены. Один за другим полисы, ранее подчинившиеся персам, стали вступать в Эллинский союз.

В тот же сентябрьский день, когда одержана была победа под Платеями, объединенный греческий флот под командованием спартанского царя Леотихида напал на сильно поредевший персидский флот, сосредоточенный у малоазийского побережья около города Микале. Судами афинян командовал Ксантипп. Греки одержали под Микале еще одну победу, уничтожив

финикийские корабли Ксеркса. В следующем году греки продолжили военно-морские операции, добывая остатки персидского флота, рассеянные по островным и континентальным гаваням Эгейского и Средиземного моря.

Но после того как отступила смертельная угроза, нависшая над эллинским миром, союз дал трещину. Его главные участники Спарта и Афины, сыгравшие решающую роль в ряде побед, стали соперничать за доминирование. В результате нарастания трений между союзниками обострились внутренние противоречия в Лакедемонии и Афинах. В Лакедемонии против победителя в битве под Платеями Павсания, сторонника продолжения войны с варварами, сложилась оппозиция «традиционалистов», которые считали, что Спарта не должна расточать свои силы на великодержавную заморскую политику, а придерживаться традиционной линии изоляционизма, ограничивая свои политические интересы Пелопоннесом. Традиционалисты одержали верх в апелле, и Павсаний был лишен власти. Вслед за этим, в 478 г. до Р.Х., Спарта вместе с другими пелопоннесскими полисами, которые имели больше надежды укрыться от персов за Истмийским перешейком в случае возобновления войны, чем жители Аттики и островов, вышла из союза.

Полисы, считавшиеся с реальностью угрозы персидского реванша, в том же году заключили новый — морской союз, который получил название Делосской симмахии по имени острова, где в храме Аполлона хранилась союзная казна, там же созывалось собрание представителей союзных полисов — синод. Союзная казна составлялась из форосов — строго установленно-го денежного вклада каждого участника симмахии на военные нужды, раскладка которого осуществлялась раз в четыре года. Общая сумма этих вкладов была впервые установлена по предложению афинянина Аристида в размере 460 аттических талантов.

Союзные государства имели разный статус — роль гегемона в симмахии принадлежала сильнейшему полису — Афинам, которые осуществляли военное руководство, контролировали регулярное поступление фороса в союзную казну, а также стремились влиять на политические процессы в союзных государствах, насаждая в них демократическую систему правления. Остальные союзники разделялись на две категории: собственно союзников, каковыми были полисы, участвовавшие в войне с персами — Самос, Хиос, Лесбос, и «подчиненных», чье участие

в симмахии заключалось только в уплате форо́са. Подчиненные полисы составляли 5 округов: Фракийский, Геллеспонтский, Островной, Ионийский и Карийский, во главе каждого из них стоял чиновник, назначенный Афинами. Во многих подчиненных полисах находились афинские гарнизоны, начальники которых оказывали решающее влияние на внутреннюю политику государства. Если в полисах происходили волнения, направленные против доминирования Афин, у них в качестве репрессии отнимали часть земли, на которой поселяли колонистов из Афин. Афины контролировали торговлю между союзными полисами, а также принимали апелляции на судебные постановления, которые выносились в союзных полисах.

Львиная доля форо́са шла на строительство и вооружение афинского флота, мощь которого неуклонно росла. Между тем создатель военно-морского могущества Афин Фемистокл, который после изгнания персов из Греции, несмотря на протесты из Спарты, отстроил заново гавань в Пирее и возвел вокруг Афин крепостные стены, вызвал недовольство со стороны аристократической и лаконофильской партии и в 471 г. до Р. Х. был изгнан из родного полиса остракизмом.

Самыми влиятельными политиками в городе стали Аристид, умерший в 467 г. и его последователь Кимон, сын Мильтиада и дочери фракийского царя Олора. Кимон унаследовал от отца и деда несметное богатство, которое он радушно тратил на литургии — пожертвования в пользу бедных. Его щедрость и бескорыстие поражали афинян. Поместья Кимона не огораживали забором, чтобы всякий мог пользоваться плодами его садов. Никто из приходивших к нему с просьбой о помощи не уходил с пустыми руками. Кимон не получил хорошего образования, но обладал незаурядными военными способностями. Плутарх охарактеризовал его, цитируя стихи Еврипида, относящиеся к Гераклу: «Прост, прям и способен совершить великое» (Плутарх, цит. изд., 557). Вождь аристократической партии, Кимон с сочувствием относился к политическому устройству Спарты, разделяя в этом настроения аристократии многих греческих полисов, хотя политическое устройство Спарты при всех его особенностях было все-таки скорее демократическим и даже с налетом эгалитарности; другое дело, что круг граждан в Лакедемонии был узок, что, вероятно, и сообщало этому государству в представлениях современников квазиаристократические черты. Несмотря

на расположение к Спарте Кимона и его сторонников, господствовавшие в Афинах демократические настроения не позволили ему слишком далеко пойти по пути сближения с нею.

Кимон был талантливым полководцем. Он прославился впервые как флотоводец, когда в 475 г. до Р.Х., командуя соединенным флотом Афинского морского союза, отвоевал у персов прибрежную крепость Эйон во Фракии на реке Стримоне. В устье этой реки впоследствии был основан город Амфиполь, ставший очагом афинской колонизации фракийского побережья. Потом он захватил остров Скирос, откуда привез в Афины предполагаемые останки древнего царя Аттики Тесея. Затем войска под командованием Кимона перенесли военные действия в Малую Азию: в Карию и Ликию. В 469 г. до Р.Х. ими была одержана победа в сражении у реки Эвримедонта в Памфилии, благодаря которой грекам достались богатые трофеи. В 465 г. Афины направили флот под командованием Кимона к берегам Геллеспонта, чтобы вытеснить оттуда войска персов и союзных им фракийцев.

Еще 20 лет продолжалась война, которую Делосская симмахия вела с остатками персидских полчищ, застрявших в некоторых полисах на островах и в Ионии. В результате боевых действий почти все ионийские полисы были включены в Делосский союз.

Но по мере военных успехов греков в союзных полисах стало обнаруживаться недовольство гегемонией Афин, которую ранее терпели ради успеха в общей борьбе с врагом — с варварами. Этим недовольством воспользовалась Спарта, оказавшаяся вне симмахии. В 465 г. до Р.Х. против владычества Афин восстали граждане Фасоса, обратившиеся с просьбой о помощи к Лакедемону. В Спарте решили помочь Фасосу, и там уже началась подготовка к походу в Аттику, но этому предприятию помешало грандиозное землетрясение в Пелопоннесе. Для подавления восстания на Фасос были направлены войска под командованием Кимона. Соппротивление островитян было упорным и продолжалось три года, но в конце концов закончилось поражением, однако затянувшаяся операция вызвала недовольство Кимоном, которым воспользовались его политические противники. Они добились предания его суду. Обвинял Кимона сын Ксантиппа Перикл. Суд оправдал прославленного полководца, но его былая популярность пала, а вместе с нею подорвана была позиция возглавляемой им аристократической партии.

В 462 г. до Р.Х. по предложению противников Кимона Эфиальта и Перикла народное собрание отняло у Ареопага — цитадели аристократической партии — его прежние полномочия, передав большую их часть совету 500 и гелие — суду присяжных. С этих пор у Ареопага осталась лишь судебная власть по некоторым не самым важным делам. Старший из вождей демократической партии Эфиальт был после этого успеха убит тайно, из-за угла, так что единственным лидером партии остался Перикл. По инициативе Перикла в 457 г. был реформирован порядок избрания архонтов. Эта должность стала доступна гражданам 3-го и самого многочисленного имущественного ценза — зевгитам, обладавшим весьма скромным достатком.

Между тем на Пелопоннесе в обстановке всеобщего смятения, вызванного разрушительным землетрясением 464 г., восстали илоты. Спартанцы подавили бунт в самой Лаконике, но илоты укрепились в горах Мессении, и война с ними приобрела там затяжной характер. Мысль о походе против Афин была оставлена, более того, Спарта просила греческие полисы о помощи в подавлении восстания. В Афинах эта просьба вызвала разделения. С большим трудом лидеру аристократической партии Кимону удалось убедить народное собрание направить в Лакедемон отряд из 4 тысяч гоплитов, помощь спартамцам оказали и другие государства, но илоты, засевшие в Итомских горах, продолжали упорное сопротивление. Раздосадованные неудачами, спартанцы обвинили афинян в сговоре с илотами и в ультимативной форме потребовали от Афин отвода своего отряда из Лакедемона.

Такой оборот дела нанес роковой удар по авторитету Кимона. В 460 г. он снова был подвергнут остракизму и отправился в изгнание, в котором оставался 4 года, пока после ряда военных неудач афиняне не вспомнили о своем выдающемся полководце и не пригласили его вернуться на родину.

Оказавшись у власти в Афинах, демократы стремятся к усилению позиции своего полиса в симмахии и преуспевают в этом. Между Афинской симмахией, с одной стороны, и Спартой вместе с ее союзниками — с другой начинаются боевые действия. Чтобы проникнуть на Пелопоннес, Афины по инициативе Перикла заключили военный союз с давним противником Спарты Аргосом. Афинские добровольцы воевали на стороне Аргоса с Лакедемоном из-за Микен. Эта война закончилась победой

Аргоса. Затем Афины помогли Мегарам в ее войне с Коринфом, введя в Мегары свой гарнизон, который представлял угрозу коммуникациям Коринфа с его западными колониями. В этой ситуации Эгина, давний противник и ближайший сосед Афин, начала боевые действия в союзе с Коринфом.

В 457 г. до Р.Х. Лакедемон послал войска в центральную Грецию, чтобы помочь Дориде, которая почиталась родиной всех дорийцев, в ее борьбе с Фокидой, но действительной целью этого похода был подрыв влияния Афин, в близком соседстве с которыми шла эта война. В ответ на акцию Спарты Афины направили в Беотию отряд из 14 тысяч гоплитов. В нем, помимо афинян, находились также аргосцы и фессалийцы. Сторону Спарты приняли Фивы. Это было началом первой Пелопоннеской войны, продолжавшейся с перерывами до 445 г. В сражении при Танегаре, в котором участвовал и Перикл, афиняне были разбиты. Главной причиной их поражения послужил предательский переход фессалийской кавалерии на сторону врага в разгар битвы.

Но вскоре Афины смогли восстановить былую мощь, и в сражении при Энофитах их войска под командованием Миронида разгромили отряд фиванцев. Обладая бесспорным превосходством на море, пользуясь тем, что силы Лакедемона были в значительной мере поглощены войной с илотами в Мессении, Афины в 455 г. наносят ряд ударов по военно-морским силам греческих полисов, продолжавших соперничать с ними. Были разгромлены и капитулировали восставшие против Афин Эгины, серьезный урон понесли эскадры Коринфа, Сикиона и Спарты. На сторону Афин перешла пелопоннеская Ахея. Спарта вынуждена была прекратить боевые действия с Афинами, что позволило им расправиться над полисами, попытавшимися сбросить с себя их гегемонию. Восстание илотов было подавлено Спартой, но благодаря посредничеству Афин участникам сопротивления, оставшимся в живых, было разрешено переселиться из Мессении в Навпакт, город, расположенный в самом узком месте Коринфского залива. Этот новый полис был поставлен под покровительство Афин и включен в симмахию. Так Афины обрели стратегически важную опорную базу на Пелопоннесе, где они легко могли перерезать коммуникации Коринфа с его западными колониями. В Афинах началось строительство «Длинных стен», которые должны были соединить их с Пиреем, сделав город неприступными со стороны суши.

В 454 г. до Р. Х. афиняне добились согласия союзников на перемещение союзной казны с острова Делос в свой город. С этих пор Афины без зазрения совести тратят союзные средства на собственные нужды, главным образом, на судостроение. Делосский союз, оставаясь формально таковым, превращается в действительности в Афинскую державу — архе, а прежние союзники — в зависимые города, обладающие лишь некоторой автономией не политического, но скорее муниципального характера, своего рода самоуправлением. К 449 г. от Афин зависело уже более полторы сотни полисов.

Между тем война с персами продолжалась, и главное бремя расходов на нее несли Афины, под предлогом этой войны, однако, обиравшие «союзников», вызывая этим нараставшее недовольство с их стороны. Увлеченные победами над противником, афиняне в 454 г. попытались вытеснить персов из Египта. Военно-морской экспедиции Афин предшествовало восстание египтян и ливийцев против иноземного господства под предводительством ливийца Инара, который обратился к Афинам с просьбой о помощи в борьбе с общим врагом. Поход эскадры афинян и их союзников закончился катастрофой, большая часть эллинских кораблей была потоплена служившими персам финикийцами у берегов Египта. В этой обстановке Кимон, вновь избранный стратегом, убедил афинян заключить перемирие со Спартой, чтобы направить все усилия Афинской симмахии на борьбу с Персией. Со Спартой заключено было перемирие на 5 лет, что побудило Аргос, который не мог в одиночку противостоять Спарте, выйти из союза с Афинами и заключить мир с Лакедемоном на 30 лет.

Обольщенный победой в Египте, персидский флот в 449 г. до Р. Х. предпринял наступление на Кипр, который удерживался Афинами, но афинский флот и после понесенных потерь сохранил свою мощь; под командованием Кимона 200 боевых судов направились к берегам Кипра, греческие войска осадили засевших в Китиме персов. Во время этой осады Кимон умер, но осада продолжалась, и город был взят, одновременно персидский флот был наголову разбит в морском сражении около кипрского города Саламина.

Однако афинские политики сознавали трудность положения своего полиса в самой Элладе, где число враждебных полисов постоянно росло. Поэтому они вступили в переговоры

с врагом о заключении мира. Переговоры в персидской столице Сузах с афинской стороны вел Каллий, и заключенный в 449 г. мир, положивший конец войне, продолжавшейся более полувека, был назван его именем. Каллиев мир предусматривал отказ Персии от всяких попыток вмешательства в дела Эллады и Архипелага, согласие на афинский контроль над проливами Боспором и Геллеспонтом и признание независимости греческих полисов на побережье Малой Азии, в Ионии и Карии. В свою очередь Афины брали на себя обязательство не вторгаться во владения персидского царя.

Война Эллады за независимость закончилась триумфом, противник — мировая держава, многократно превосходившая Грецию и размерами своей территории, и, что особенно важно, людским потенциалом, к тому же объединенная неограниченной властью одного повелителя, — потерпела поражение от политически расколотого народа, который только на время общей смертельной опасности сумел объединиться, мобилизовать все свои силы и оказался способным к патриотической жертвенности высокого напряжения. Эллы защищали в этой войне свое существование, свою независимость, свое национальное лицо, свое место под солнцем и в мировой истории. И они устояли и вошли в историю как великий народ и как великая цивилизация. Воины Дария и Ксеркса в этой войне умирали за амбиции своих повелителей, за политические интересы господствовавшего в империи персидского народа, к которому большинство из них не принадлежало и который железом и кровью покорил их родные народы, перебив их отцов и братьев, продав в рабскую неволю их сестер и жен, так что в бой они шли, подгоняемые плетью начальников, в любой момент готовые к отступлению и бегству. А героически воевавших «бессмертных» природных персов было слишком мало: царю и его полководцам приходилось их беречь до последнего, потому что больше не на кого было положиться в опасный момент сражения.

За победой над персами последовал невиданный подъем эллинской культуры, пережившей свой самый блистательный расцвет в полисе, где билось сердце сопротивлявшегося вражескому нашествию народа, — в Афинах. Победа над восточными «варварами», культура которых имела не менее глубокие исторические корни, чем эллинская, к тому же была оплодотворена

влиянием более древней месопотамской цивилизации, на века наполнила сердца эллинов чувством высокомерного превосходства и над Востоком и над всем вообще варварским, иноязычным миром, будь то племена, еще не вступившие в фазу исторического развития, или народы древней высокоразвитой культуры; пожалуй, только перед мудростью Египта греки сохранили не чуждое пугливой брезгливости почтительное и суеверное изумление, несколько умерявшее пыл их юношеской фанатерии и безграничного шовинизма.

3. Греция в середине V века

Заключение Каллиева мира вызвало новый кризис внутри симмахии, а также в межгосударственных отношениях внутри Эллады. Союзный договор заключался в свое время для общей борьбы с Варваром; после его поражения у недовольных господством Афин полисов появился повод для выхода из союза и обретения независимости. Союзники стали отказываться платить форос, но Афины объявляли возмущившиеся полисы мятежными и совершали против них карательные экспедиции. Ближайшая цель Афин заключалась в покорении отложившейся от морского союза соседней Эгины — занимавшей стратегически важное островное положение давней соперницы в борьбе за доминирование над центральной Грецией, в особенности над Беотией, а также за контроль над Истмийским перешейком, который позволял ослабить Спарту включением в симмахию пелопоннеских полисов.

Еще до заключения Каллиева мира Афины помогли вернуть Фокиде контроль над Дельфами, где сосредоточены были святыни эллинов. Под предлогом защиты религиозной свободы Спарта в 449 г. до Р.Х. объявила священную войну, нанесла стремительный удар по Фокиде и, отняв у нее Дельфы, даровала этому крохотному полису независимость. Афины ответили на этот вызов в 447 г., восстановив контроль своей союзницы Фокиды над Дельфами. При этом Афины объявили, что им принадлежит первенство при обращении к Дельфийскому оракулу.

Спарта пыталась уклониться от прямых боевых действий против Афин, к чему побуждал ее союзник, ощущавший себя в особенно уязвимом положении, — Коринф. Но после победы Афин над Эгиной, входившей в Пелопоннеский союз, который, впрочем, в отличие от Афинского морского союза, при

доминировании в нем Спарты, сохранял за союзниками суверенитет и потому был действительно союзом, а не архе, и принуждения ее к вступлению в архе Лакедемон осенью 446 г. начал военные действия против Афин, предварительно добившись дипломатического успеха заключением 30-летнего мира с Аргосом, который издавна был главным противником Спарты на Пелопоннесе. Спартанские войска под командованием юного царя Плистоанакса вошли в Мегариду, где к ним присоединился беотийский отряд, а затем заняли Элевсинскую равнину, примыкавшую к самим Афинам, но на осаду Афин царь не решился и неожиданно отступил. После этого афинский отряд оккупировал отложившуюся Эвбею, тем самым предотвратив отпадения от симмахии других союзников, напуганных могуществом и решительностью Афин. Зимой 444–445 гг. до Р.Х. между Спартой вместе с ее союзниками и Афинами, которые представляли симмахию, был заключен мир: Афины и Спарта договорились не воевать между собой в течение 30 лет. По условиям мирного договора Афины оставляли Ахею, Трезену и Мегариду, но сохраняли свою военно-морскую базу в Навпакте. Эгина должна была остаться в симмахии и платить форос, но ей гарантирована была автономия. Дельфы, по настоянию Спарты, получили статус независимого полиса. В договоре перечислены были союзники Афин и Спарты. Остальные полисы получали право вступать в союзные договоры по своему выбору, но этого права был лишен Аргос, которому запрещалось вступать в союз с кем бы то ни было, но позволялось поддерживать дружественные отношения и со Спартой, и с Афинами.

30-летний мир, положивший конец войне, продолжался 15 лет, и это было самое спокойное время в истории Эллады классического периода. Договор возвращал эллинский мир к прежнему состоянию доминирования двух держав, но закреплял изменившийся баланс сил в пользу Афин, которые, вместе с зависимыми от них полисами, и численностью населения, и материальными ресурсами, и вооруженными силами, в особенности военно-морским флотом, значительно превосходили Спарту с ее более автономными, а юридически и совершенно суверенными союзниками.

Такая ситуация с особенной обеспокоенностью переживалась в Коринфе, который был самым сильным союзником Лакедемона. Коринф поддерживал тесные отношения со своими

многочисленными колониями на Западе, в Великой Греции, и склонен был рассматривать Адриатику как зону своего исключительного влияния. Но как раз в этот регион устремлена была экспансионистская политика могущественных Афин. Поэтому Коринф стал подталкивать Спарту и других участников Пелопоннесского союза к войне против Афинской архе, шантажируя угрозой выхода из союза, который мог совершенно разрушить его, тем более что и некоторые другие участники союза разделяли воинственные настроения Коринфа. До поры до времени Спарта, трезво оценивая собственные силы и силы союзников, с одной стороны, и потенциального противника — с другой, придерживалась миролюбивой политики, но обе стороны все же не рассчитывали на долгий мир и готовились к войне, которая представлялась неизбежной.

4. Афины в век Перикла

Период мира, заключенного на 30 лет, но продолжавшегося лишь половину этого срока, в Афинах был веком Перикла. Путь к власти открылся для этого политика смертью Кимона. Возждем аристократической партии стал тогда зять Кимона и сын Мелесия Фукидид, который однако не обладал популярностью и влиянием своего тестя. Фукидид вместе со своими сторонниками добился того, чтобы по возвращении из Суз Каллий, заключивший мир с персами, был подвергнут непомерному штрафу в 50 талантов по обвинению в измене общегреческому делу. Фукидид стоял за продолжение войны с персами, за укрепление дружественных отношений со Спартой, возражал против переноса союзной казны с Делоса в Афины, призывал сограждан уважать законные интересы других полисов Эллады, иными словами, взывал к совести сограждан. Его сторонники «кричали на народных собраниях», что Перикл «позорит народ, роняет его доброе имя тем, что перенес союзную греческую казну из Делоса в Афины» (см.: Плутарх, цит. изд., с. 175). Общенациональный греческий патриотизм Фукидида встречал поддержку в основном со стороны аристократов, в то время как его противник Перикл использовал свой незаурядный ораторский талант демагога для разжигания полисного шовинизма афинян; его политика, направленная на укрепление господства Афин в симмахии и ее доминирования в эллинском мире, льстила гражданам города, почитавшего себя Элладой Эллады, и привлекла на его

сторону широкие круги афинского демоса. В своем противостоянии Периклу Фукидид опирался не только на аристократию, но и на крестьян, не находивших особой пользы в огромных тратах казны на украшение Афин величественными сооружениями, в то время как Перикла поддерживали средние слои горожан и бедные афиняне, которые, обладая гражданством, получали даровые билеты на театральные спектакли — театериконы, раздача которых была введена по его предложению.

При Перикле заново отстроены были Афины, дважды сожженные персами, и предстали в невиданном никогда и нигде ранее великолепии; особенно поражал воображение и душу афинян и гостей аттической столицы Акрополь с его Парфеноном, Пропилеями и Эрехтейоном. Фукидид, обвиняя Перикла в расточительстве, подрывающем уважение к Афинам со стороны Эллады, говорил: «Кто не видит, что Греция находится очевидно под властью тирана, — на ее глазах, на те деньги, которые она обязана вносить на ведение войны, мы, как тщеславная женщина, золотим и украшаем свой город! Он блещет драгоценными камнями, статуями и храмами, стоящими тысячи талантов» (см.: Плутарх, цит. изд., с. 176). В ответ на эти обвинения Перикл отстаивал право Афин распоряжаться союзными финансами: «Афиняне не обязаны давать союзникам отчет в употреблении их денег, раз ведет войны для их защиты... Деньги... принадлежат не тем, кто их дал, а тому, кто их получил» (см.: Плутарх, цит. изд., с. 176). Нужна была большая наивность, которой, очевидно, в изрядной доле обладал Фукидид, чтобы полагаться на чувство справедливости и великодушие сограждан.

Перикл лучше знал, чем угодить полисному эгоизму самодовольных и тщеславных афинян: грандиозные строительные работы, производимые на средства союзной казны, были им выгодны, о чем не забывал напоминать их вождь: «У государства был лес, камень, медь, слоновая кость, золото, черное дерево и кипарис; у него были и ремесленники, которым это могло служить материалом при работе, — плотники, скульпторы, ленщики из глины, медных дел мастера, каменщики, красильщики, золотых дел мастера и токари по слоновой кости, художники, делающие орнаменты, граверы. Затем те, кто занимается отправкой товаров и развозит их, — купцы, матросы, судохозяева... тележники, коннозаводчики, извозчики, канатные мастера, ткачи, шорники, рабочие, строящие дороги, и рудокопы.

Каждое из ремесел имело своих рабочих из простого народа... Эти занятия были распределены между всеми возрастами и профессиями, увеличивая благосостояние каждого» (см.: Плутарх, цит. изд., с. 176).

При безукоризненной сдержанности и скрытности Перикла нет возможности установить, насколько искренне радовался он благосостоянию своих сограждан заурядного достатка, которых в молодости он, по словам его биографа Плутарха, презирал откровенно, но бесспорно, что слушавшие эти слова, которые не расходились с делами этого политика, земгиты и феты готовы были горой стоять за него против его политических оппонентов. Но нет оснований, ввиду действительно выдающихся масштабов этой личности, сомневаться в искренности его радости о несравненной возвышенной красоте заново воздвигаемых им Афин. Противостояние Фукидида Периклу закончилось для него ostracism и изгнанием из Афин. После этого в 444 г. Перикл был избран первым стратегом, и затем, в течение 15 последующих лет, его неизменно переизбирали на эту должность. Фактически это значило, что власть в Афинах сосредоточилась в его руках.

Перикл был сыном победителя в сражении под Микале Ксантиппа и племянницы Клисфена Агаристы. По матери он принадлежал к древнему и знатному роду Алкмеонидов. Родился он в самом начале V века до Р.Х. Он обладал своеобразной наружностью: его удлинённый череп дал повод современникам дать ему прозвище «Олимпийца с головой луковицей», этим прозвищем он обязан не только своим характерным видом, но и редким высокомерием. Вождь демократической партии, он в молодости «дрожал перед народом» (см.: Плутарх, цит. изд., с. 171), но с годами научился скрывать свой страх и неприязнь или, как считают его апологеты, преодолел эту фобию.

В молодости Перикл участвовал в военных действиях против персов, а затем занялся политикой, примкнув к демократической партии и став другом Эфиальта. Известность к нему пришла после того, как он выступил на суде обвинителем прославленного полководца Кимона. Суд оправдал Кимона, но народ оценил блестящего оратора, бросившего вызов популярному вождю. Возглавив после смерти Эфиальта демократическую партию, Перикл обнаружил редкую способность тонко угадывать перемены в настроениях толпы и ловко отвечать ее потребностям.

Когда после военных неудач афиняне захотели вернуть изгнанного остракизмом Кимона, Перикл сам предложил народному собранию позволить ему вернуться. Упорный противник Спарты, он тем не менее настоял на заключении с Лакедемоном 30-летнего мира, который позволил Афинам консолидировать свою экономическую и военную мощь, укрепить политический вес и влияние в эллинском мире.

Перикл отличался не только гениальностью решительного и в то же время расчетливого и гибкого политика, полководческими способностями, талантом оратора, каких до него не знала Эллада, высоко ценившая дар слова, но и редким трудолюбием. Государственным делам он посвящал почти все свое время, в то же время он умел отдыхать так, чтобы и отдых служил развитию его умственных сил и знаний. Редкие часы досуга он проводил со своими друзьями, которыми были самые талантливые люди Эллады: софист Протагор, философы Зенон и Анаксагор, оказавший особенно сильное влияние на него, Сократ в пору своей молодости, драматург Софокл, лучший скульптор Эллады Фидий, историк Геродот, архитектор Гипподам. Беседы с великими мыслителями и художниками служили ему и развлечением и школой, помогавшей лучше узнать человеческую природу, что было особенно полезно для того, чьей специальностью стало умение властвовать над людьми.

Душой этого кружка была знаменитая Аспазия, в доме которой он и собирался. Уроженка Милета, она была богата и отличалась редкой красотой и еще более редким умом. Периклу Аспазия внушила такую сильную привязанность, что он оставил свою первую супругу и женился на ней. Злые языки, может быть и справедливо, обвиняли Аспазию в том, что она была не чужда политических интриг и пользовалась своим влиянием на мужа, чтобы склонить его к принятию тех или иных решений. Комедиограф Гермипп обвинил ее в непочитании богов, так что ее мужу пришлось защищать ее от этого обвинения в суде.

Обладая безраздельным влиянием в народном собрании, из года в год переизбираемый на должность первого стратега, в отдельные годы с наделением его особыми полномочиями, Перикл провел ряд преобразований в государственном управлении, направленных на углубление основ демократического строя, заложенных Солоном и Клисфеном. Все публичные должности в полисе, кроме казначеев — эллиноتامиев, отвечавших

за государственную казну своим собственным имуществом, стали доступны гражданам 3-х имущественных классов, а некоторые даже тем, кто принадлежал к 4-му неимущему классу фетов. В этих же целях вводился порядок, согласно которому избрание на должность совершалось не голосованием, а жребием. Исключение делалось лишь для должностей, предполагавших специальные знания или способности, вроде должности стратегов, которая по-прежнему замещалась не жеребьевкой, а голосованием — хиротонией. Чтобы малоимущие люди могли, оставив заботы о хлебе насущном, посвящать себя государственной службе, Перикл ввел плату за исполнение государственной должности, весьма умеренную, чтобы она была приемлемой для бедных людей и не побуждала состоятельных граждан стремиться к занятию государственного поста по корыстным мотивам. Так, гелиастам — членам суда присяжных стали платить вначале по одному оболу в день, что составляло средний дневной заработок ремесленника. Члены совета 500 получали вознаграждение в размере 5 оболов. Жалованье выдавалось также воинам: всадникам, гоплитам, легковооруженным пехотинцам и матросам.

Верховная власть в полисе закреплена была за народным собранием — экклесией, полноправными членами которой были все граждане, достигшие 20 летнего возраста. Экклесия собиралась при Перикле регулярно и весьма часто — раз в неделю или в две недели — на холме Пникс. Участие в народном собрании не оплачивалось и, конечно, не было принудительным, так что приходили на Пникс те, кто был неравнодушен к судьбе и делам родного города, но многие также из любопытства и для развлечения — послушать красноречивых ораторов, понаблюдать за ходом дискуссий и споров. Жители окрестных сел, занятые крестьянскими сезонными работами, редко приходили на собрания, и участвовали в них по преимуществу горожане, среднее число их участников оценивают в 2–3 тысячи граждан. Экклесия объявляла войну и заключала мир, утверждая заключенные мирные и союзнические договоры, принимала законы, обладала судебными полномочиями последней инстанции, совершала избрания и назначения на высшие государственные должности, контролировала деятельность занимавших их лиц, заслушивала их отчеты.

Текущее управление полисом осуществлял совет 500, который был разделен на 10 пританей, избиравшихся по филам.

Пританеи последовательно сменяли друг друга в течение года, так что каждая из них отправляла правительственные полномочия в течение 36 дней. Помимо управления войсками и флотом, их вооружения и снабжения, надзора за портовыми складами, распоряжения финансами, регулированием таможенных сборов, совет еще предварительно обсуждал все дела, которые затем выносились на решение экклесии. Но на народном собрании любой гражданин мог выступить с законодательной инициативой. Однако от легкомыслия в законодательных предложениях граждан должна была удерживать персональная ответственность автора законопроекта за закон, хотя бы он и был принят собранием, — в течение года закон мог быть опротестован через специальную судебную коллегия, подобную современным конституционным судам. Если суд находил протест, который назывался графе параномон основательным, то признанный вредным закон отменялся, а предложивший его гражданин подлежал наказанию в виде штрафа, иногда, в случае особо злостных последствий, даже и смертной казни.

Значение архонтов при Перикле пало, так что их избирали не как стратегов — голосованием, но жеребьевкой, наравне с прочими должностными лицами не самого высшего ранга: сборщиками пошлин, надзирателями за порядком на рынках. За коллегией 9 архонтов оставлена была организация религиозных празднеств, она устанавливала порядок рассмотрения некоторых судебных дел, исковых и по обвинению в политических преступлениях, а также по предоставлению афинского гражданства. По именам первых архонтов по-прежнему велось летосчисление.

У ареопага, в состав которого входили отслужившие свой срок архонты, при Перикле было отнято право вето на постановления народного собрания, предоставленное ему незадолго до этого, в 462 г., по предложению Эфиальта, вождя демократической партии до Перикла. В результате этой реформы ареопаг, за которым сохранились лишь судебные полномочия, по некоторым делам, в частности по религиозным преступлениям, поджогам, умышленным убийствам, утратил былое значение в структуре коллегиальных органов власти.

Высшими должностными лицами Афин оставались стратеги, составлявшие коллегия из 10 членов. Стратеги не только командовали сухопутными и морскими вооруженными силами,

но и руководили внешней политикой, осуществляли высший надзор над финансами государства. Первый стратег председательствовал в коллегии, а фактически Перикл всегда умел навязать другим стратегам свою волю. Стратеги не получали вознаграждения за службу, так что претендовать на эту должность могли лишь состоятельные лица. Должность стратегов была единственной, на которую переизбрание, проводившееся ежегодно, допускалось без ограничения числа повторов. В случае обвинения в должностных преступлениях или неспособности стратеги могли быть смещены досрочно, преданы суду, подвергнуты штрафу, конфискации имущества, изгнанию и даже смертной казни.

В подчинении стратегов состояли военачальники, также избиравшиеся голосованием на народном собрании: 2 гипарха, командовавших конницей, 10 таксиархов, начальствовавших над гоплитами, 10 филархов, которым подчинялись более мелкие отряды, набранные по филам. Начальники, ведавшие гражданским управлением, избирались жеребьевкой. Это были 10 казначеев богини Афины — хранителей государственной казны, 10 пролетов, ведавших казенными сборами, 10 аподектов, регистрировавших налоговые и иные поступления в казну и выдававших жалованье должностным лицам — прямого налогообложения в Афинах в век Перикла не было, доходы казны складывались из косвенных налогов и главным образом из форо-са союзников. 10 логистов осуществляли контроль за хранением и расходами финансовых средств полиса, 10 агораномов осуществляли надзор за рыночной торговлей, 10 ситофилаксов контролировали и регулировали хлебные цены, 10 метрономов наблюдали за правильностью используемых на рынке мер и весов, 10 астиномов осуществляли санитарную инспекцию. Особая коллегия из 11 членов, в распоряжении которой состоял отряд из 300 государственных рабов, вооруженных луками, которых называли скифами, потому что большая их часть имела скифское происхождение, выполняла полицейские функции, а также отвечала за приведение в исполнение судебных приговоров, в том числе к изгнанию из города и к смертной казни. Существовали и другие должности. Каждый год Афинская экклесия избирала голосованием или жребием около 700 чиновников. Все коллегии должностных лиц избирались на один год, при этом лишь стратеги могли быть переизбираемы на последующие сроки. Жалованье из казны получали около 20 тысяч

человек; помимо должностных лиц, членов совета 500 и присяжных судей, это были военнослужащие — около 10 тысяч гребцов военно-морских судов, а также воины, находившиеся во флоте и в постоянной армии — кавалеристы, гоплиты, лучники, морские пехотинцы. Кроме того, из казны оплачивались подрядчики, мастера, художники и рабочие, нанятые на выполнение строительных работ — в храмоздательстве на Акрополе, на верфях в Пирее.

Высшая судебная власть в Афинах принадлежала экклесии, но собственно судебным органом была гелия — суд присяжных, состоявший из 6 тысяч граждан, которых избирали жребием по 500 лиц от каждой филы. Судопроизводство в гелии осуществлялось без обвинителей и защитников. Каждый гражданин обязан был в случае, если ему стали известны преступления или злоупотребления, выступить с обвинением перед судом; уголовные и политические дела рассматривались в этом отношении одинаково с тяжёлыми, условно говоря, в порядке частного обвинения. При этом обвиняемый, равно как и ответчик по тяжёлому делу, должен был сам защищать себя и свои интересы. Он мог, правда, нанять опытного в судебных делах человека, в этом только смысле юриста, чтобы тот сочинил обвинительную, исковую или защитительную речь, затем заучить ее и самостоятельно произнести перед судом. К рассмотрению дела в суде привлекались свидетели, показания рабов признавались достоверными только в том случае, если давались под пыткой. Приговор выносился гелиастами — присяжными судьями голосованием, при равенстве голосов обвиняемого оправдывали: по верованиям афинян, сама Афина Паллада незримо подавала в подобном случае свой божественный голос за оправдание того, чья виновность не была доказана убедительно. Гелия рассматривала судебные дела не только Афин и Аттики, но в апелляционном порядке также и те, что поступали из всех полисов симмахии.

Перикл был вождем демократической партии, но одна из важнейших его реформ направлена была на то, чтобы сузить число граждан. В 451–450 гг. по его предложению было решено, что полными политическими правами в Афинах могут пользоваться лишь те, у кого и отец и мать были родом из Афин. Ранее, со времен Солона, полнотой гражданских прав пользовались и те, кто были сыновьями афинских граждан, даже если

их матери были иностранками или из метеков. Иначе, если бы и раньше действовал порядок, введенный Периклом, афинское гражданство осталось бы недоступным для таких выдающихся деятелей Афинского полиса, как Клисфен, Фемистокл, Кимон. С этих пор в Афинах часто пересматривались списки граждан, чтобы удалить из них тех, чье включение в них вызывало сомнения в его законности.

Число афинских граждан при Перикле оценивают приблизительно в 40 тысяч, при том что население полиса, в состав которого входили Афины и вся Аттика, составляло около 400 тысяч человек. В 431 г. до Р.Х. в это число входили 168 тысяч афинян — граждан и метеков вместе с их семьями, 30 тысяч постоянно живших в городе иностранцев, 2 тысячи временно проживавших иностранцев и 200 тысяч рабов. В самом городе проживало, по подсчетам Юлиуса Белоха, до 100 тысяч рабов, 30 тысяч метеков и около 100 тысяч граждан вместе с их женами и детьми, которых было примерно в 3 раза больше, чем взрослых мужчин, имевших право участвовать в народных собраниях. Но само выделение афинян-горожан из числа всех жителей Аттики имеет зыбкие основания, поскольку многие граждане и метеки проводили часть года, летнюю пору, в своих деревенских имениях — клерах вместе с домочадцами и рабами, перебираясь на зиму в Афины.

В свою очередь к двум высшим классам: пентакосиомедимнам и гиппиям (всадникам) — принадлежало около 2 тысяч граждан, из них набирали тысячу кавалеристов и 400 триерархов, командовавших судами — триерами, из их же числа избирались чиновники на высшие неоплачиваемые должности. Третий класс — зевгиты поставлял гоплитов: в 431 г. до Р.Х. было набрано 23 тысяч гоплитов; а вот фетов в 445 г., как это видно из сведений о раздаче зерна за этот год, было 14 240 полноправных граждан — взрослых мужчин, достигших 18 лет.

Таким образом, политическое устройство Афин, при всем своем демократизме, было вполне дискриминационным по отношению к негражданам, и в этом смысле олигархическим, не особенно отличаясь в этом от Лакедемона, государственный строй которого по отношению к гражданам тоже был подчеркнута демократическим, тем не менее Спарта многими современниками воспринималась как аристократическое, или олигархическое, государство, во всяком случае к дружбе с нею стремились

олигархически устроенные полисы и аристократические партии демократических полисов, а Афинам Перикла удавалось выдавать себя за оплот народовластия в Элладе.

В любом случае афинская демократия, при том что к ней часто возводят современную западную демократию, отличалась от нее решительно, или, скажем так, была похожа на нее не больше, чем на советскую демократию или на ту, что существует в тоталитарных государствах. С тоталитаризмом, а не с либерализмом ее сближает господствующая идея долга перед государством как высшей нравственной обязанности граждан, идея поглощенности гражданина полисом, всеобщей для полноправных граждан включенности в политику. И Афины в век Перикла, который послужил Софоклу одним из прототипов Креонта, повелевшего казнить племянницу и невестку за то, что она исполнила религиозный долг и следовала порыву сестринской любви, попытавшись предать земле брата, оставленного без погребения по приказу Креонта за его измену родному полису, особенно очевидным образом свидетельствуют о принципиально ином этосе античной демократии, чем тот, который составляет душу и нерв современной либеральной демократии.

Разительным отличием античной и, в частности, афинской демократии от современной является ее принципиально не представительный, прямой характер. Модель современного парламентаризма в глазах афинянина представлялась бы, очевидно, злой издевкой над народовластием, как его понимали и за что его ценили в Элладе. В то же время современной демократии чужд элитарный цензовый характер античного политического строя. Но афинская демократия одинаково со всеми типами современных демократий для своей действенности, чтобы как-то функционировать, нуждалась в манипулировании народным волеизъявлением, иными словами, была столь же управляемой, как и всякая демократия, существующая не на бумаге, а в виде реально работающего механизма государственного управления.

Об искусстве Перикла на этом поприще великолепно, но и не без некоторой, очевидно неизбежной при характеристике столь своеобразного и непроницаемого в своем внутреннем мире деятеля двусмысленности, сказал историк Фукидид, искренний почитатель этого политика: «Перикл, как человек, пользовавшийся уважением сограждан за свой пронизательный ум

и несомненную неподкупность, управлял гражданами, не ограничивая их свободы, и не столько поддавался настроениям народной массы, сколько руководил народом. Не стремясь к власти неподобающими средствами, он не потворствовал гражданам, а мог, опираясь на свой авторитет, и резко возразить им... По названию это было правление народа, а на деле власть первого гражданина» (Фукидид, *цит. изд.*, с. 92), для которого в греческой традиции есть очень точное слово — тирания, не в его современном расхожем одиозном значении, а употребляемое как нейтральный технический термин. В античном мире тираны всегда опирались на народ, на демос, и в этом смысле на демократию. Гений Перикла заключался в том, что, будучи тираном по существу, он представлялся общественному мнению его антиподом, лучшим воплощением демократических начал.

Афины были гегемоном морского союза — симмахии, которая при Перикле приобрела вполне империалистические черты. Союзники превратились в сателлиты: в союзные полисы из Афин назначались так называемые епископы, или надзиратели, которые, подобно генерал-губернаторам в колониях и доминионах Британской империи, осуществляли контроль за местными органами власти, по существу исполнявшими муниципальные функции.

Число союзных полисов стремительно росло. Ко времени заключения Каллиева мира в симмахии насчитывалось 180 государств, а в 425 г. до Р.Х. Афины разложили союзный форос уже на более чем 300 полисов. При Перикле в союз входили государства, расположенные в центральной и северной Греции, по берегам Фракии, на островах Архипелага, в азиатских Ионии и Карии. И размеры этих полисов и их статус в союзе, а значит степень их зависимости от Афин, были разными. Зависимость одних ограничивалась уплатой фороса, компенсацией которого были привилегии в торговле с Афинами и другими союзниками. Лесбос и Хиос оставались независимыми в своей внутренней политике, поставляли в распоряжение союза сооружаемые и снаряжаемые ими триремы; но многие полисы находились под полным контролем Афин, в особенности это касалось тех, которые поднимали восстания против Афинского господства, вроде Фасоса. На островах из-за их особого стратегического значения, а также во Фракии и вообще по северным берегам Эгейского моря с их варварской периферией и смешанным населением самих

полисов, часть которого составляли эллинизированные варвары, контроль со стороны гегемона симмахии Афин был более жестким и всеобъемлющим. Большая независимость предоставлялась в рамках архе полисам Малой Азии, главным образом из-за опасения, что они отложатся от союза и перейдут под протекторат Персии, которая по-прежнему нависала над ними как геополитический гигант, хотя и оказавшийся с глиняными ногами: с них брался шадящий фторос, в Ионии и Карию не размещались афинские клерухии, в то время как в других регионах своей империи Афины устраивали их на отнятой у союзников земле без особой оглядки на недовольство ограбленных союзников. Афинские колонисты селились во Фракии, в Халкидике, на островах Лемносе, Наксосе, Имбросе, Андросе, на близлежащей Эвбее и даже в Сицилии, где на месте древнего Сибариса была устроена формально независимая колония Фурии, которая однако вошла в союз с Афинами. На земли союзных полисов выведено было до 10 тысяч афинских поселенцев.

Афинское архе при Перикле стало могущественным политическим образованием, в иных отношениях сопоставимым с Персией и другими великими империями древнего мира. Численность его совокупного населения оценивают реалистично в 10 и даже, вероятно, завышая это число, в 15 миллионов. Во всяком случае на территории союзных полисов проживало более половины, возможно около двух третей населения всех греческих полисов, так что все население эллинского мира в Европе и в Азии, в котором, впрочем, проживали не только греки, но и варвары — фракийцы, италики в Великой Греции, скифы в полисах северного Причерноморья и жители иных этносов, частично подвергшиеся эллинизации, может быть оценено в 15–20 миллионов; около половины этого населения проживало в Элладе, численность населения которой две с половиной тысячи лет назад лишь незначительно уступала той, которая характеризует современную Грецию. При этом население всей Европы тогда, вероятно, не превышало 25–30 миллионов, составляя около четверти всего человечества.

При всем могуществе Афинского архе, оно оставалось непрочным. Лишь часть полисов входила в него добровольно, для большинства из них принадлежность к симмахии была вынужденной, и граждане этих полисов ждали удобного момента, чтобы выйти из-под зависимости от Афин, тем более что другой

эллинский союз — Пелопоннеский был более привлекательным из-за того, что хотя и в нем доминировало одно государство — Лакедемон, тем не менее иллюзия равноправия поддерживалась в нем с большей деликатностью и, главное, бремя зависимости от Спарты не было столь обременительным экономически, как в Афинском союзе.

Непрочность Афинской архе хорошо видел Перикл. Путь к его укреплению он находил не во внутрисоюзных реформах, которые бы сделали бремя зависимости в нем более легким и удобоносимым, но в усилении мощи и территориальном расширении Афинской империи. Перикл подталкивал Афины к дальнейшей экспансии — к расширению плацдарма на Пелопоннесе, к поглощению всех городов соседней Беотии и Фессалии, к проникновению на запад, в Великую Грецию, а также на берега Понта.

В 437 г. Перикл лично возглавил военно-морской поход в припонтийскую область, проведя прекрасно оснащенную и вооруженную флотилию через Эгейское море, Геллеспонт, Пропонтиду и Боспор в Черное море. В Синопе, самом крупном и стратегически наиболее важном городе южного берега Черного моря, он распорядился оставить 13 трирем под командованием стратега Ламаха, чтобы афиняне помогли демократической партии этого полиса изгнать местного тирана Тимесилея. Когда тиран был изгнан, Синоп был включен в симмахию, а на земли этого полиса выведена клерухия из 600 афинян. Восточнее Синопа в Амисе была устроена еще одна Афинская колония, которую называли Пиреем.

Затем флотилия отправилась к западному и далее к северному побережью Понта, откуда осуществлялись поставки зерна в Элладу. Периклу удалось включить в симмахию и поставить в подчиненное положение расположенные на западном побережье Истрию и Аполлонию, а также еще одну милетскую колонию Ольвию в устье Днепровско-Бугского лимана, откуда в результате успешных переговоров со скифскими правителями был удален скифский наместник и власть в городе передана местному тирану, поставленному в зависимость от Афин. В симмахию был включен также Нимфей, находившийся на Крымском побережье Керченского пролива — Босфора Киммерийского. Но контролировавшая этот пролив другая милетская колония Пантикапея, в которой незадолго до этого, в 438–437 гг. до Р.Х., была

свергнута правившая там с 480 г. династия выходцев из Милета Археанактидов и власть захватил эллинизированный фракиец Спарток I, основатель новой династии и создатель мощного Боспорского царства, сохранила свою независимость. Тем не менее после Понтийского похода Перикла контроль в Черноморском бассейне принадлежал уже почти безраздельно Афинам. Он стал еще более прочным после того, как в 435–434 гг. афинские клерухи заняли мегарянскую колонию Астак на берегу Мраморного моря, запиравшую вход в Босфор и Понт.

5. Пелопоннесская война

Могущество Афин вызывало тревогу в единственном полисе Эллады, который потенциально мог померяться силами с Атикой, — Спарте. Рост напряженности в отношениях между этими двумя государствами, возглавлявшими два противостоящих блока, в 431 г. привел к разрыву договора о 30-летнем мире и началу затяжных военных действий. О причинах Пелопоннесской войны ее историк Фукидид писал так: «Истинным поводом к войне (хотя и самым скрытым), по моему убеждению, был страх лакедемонян перед растущим могуществом Афин, что и вынудило их воевать» (Фукидид, цит. изд., с. 14). Еще один долго назревавший конфликт, подтолкнувший Элладу к глобальной междоусобной войне, был противостоянием Афин и Коринфа, торговые интересы которого по преимуществу шли в западном направлении, распространяясь на Великую Грецию, где у него было много колоний, куда он вывозил изделия своих мастерских и откуда импортировал зерно, снабжая им собственное население и перепродавая его в другие полисы Эллады. Попытки Афин, прочно закрепившихся на Архипелаге и в Понтийском бассейне, включить в зону своего влияния города Сицилии и Южной Италии вызвали острую реакцию со стороны Коринфа, который подталкивал союзный Лакедемон к войне с опасным конкурентом, шантажируя спартанцев угрозой выхода из Пелопоннесского союза, что должно было существенно подорвать его финансовый и военный потенциал: в союзе Коринф обладал самым мощным военно-морским флотом, значительно уступая Спарте сухопутной армией.

Ввиду того что узел противоречий, ввергших Элладу в войну, завязался на западе, прологом к ней послужили события, развивавшиеся на островах Ионического моря, которое связывало

Элладу с Италией. В Эпидамне, расположенном у входа в Ионический залив, как рассказывает Фукидид, «народ изгнал из города главарей знатных родов, а те в союзе с варварами принялись грабить жителей города на суше и на море». Этими варварами были иллирийцы из племени тавлантиев. «Будучи в таком бедственном положении, горожане отправляют посольство в Керкиру, как в свою метрополию, с просьбой не покидать их на произвол судьбы, но примирить с изгнанниками и прекратить войну с варварами» (Фукидид, цит. изд., с. 14–15). Керкира однако отказалась помочь своей колонии, тогда граждане Эпидамна, по подсказке Дельфийского оракула, решили просить о помощи Коринф, поскольку, наряду с керкирянами, первыми колонистами в Эпидамне были коринфяне, и среди них гераклид Фалий, который собственно и почитался основателем колонии. Коринф отозвался на просьбу и в 435 г. до Р.Х. разместил свой гарнизон в Эпидамне. Поскольку однако в Керкире Эпидамн считали исключительно своей колонией, Керкира, которая сама в свою очередь была колонией не только Эритреи, но и Коринфа, начала военные действия против Эпидамна и Коринфа, взяв сторону изгнанных из Эпидамна аристократов. В морском сражении керкиряне в союзе с иллирийцами одержали победу над флотом Коринфа; Эпидамн был взят, после чего остатки коринфского флота вернулись домой, а Керкира стала гоподствовать в Ионическом море; но Коринф стремился к реваншу и готовился к возобновлению войны.

Не надеясь собственными силами противостоять и дальше Коринфу, который к тому же входил в могучий Пелопоннесский союз, Керкира в 433 г. заключила оборонительный договор с Афинами. До этих пор в конфликт вовлечены были дорийские полисы — вмешательство в него посторонней силы вызвало крайне острую реакцию в городах Пелопоннесского союза. Афины направили в Керкиру 10 военных судов, при этом «военачальникам было приказано не вступать в сражение с коринфянами, если только те не нападут на Керкиру и не вздумают высадиться там или где-либо во владениях керкирян» (Фукидид, цит. изд., с. 23). Потом Афины выслали в зону противостояния еще 20 своих кораблей. Коринф же вместе с несколькими союзными полисами направил в Ионийское море флот из 150 судов. Возле Сиботских островов произошло сражение, в котором участвовало со стороны керкирян 110 судов. Афинский флот не участвовал

в боевых действиях, но готов был обрушиться на коринфян, если те только попытаются высадиться на Керкире. После морского боя и керкиряне и коринфяне воздвигли триумф, почитая себя победителями: коринфяне потому, что «им удалось убрать свои поврежденные корабли и трупы погибших, они также взяли в плен свыше 1000 человек и привели в негодность около 70 кораблей противника», керкиряне же потому, что «уничтожили до 30 кораблей и по прибытии афинян подобрали на своей земле тела погибших и обломки кораблей» (Фукидид, цит. изд., с. 26). Стратегическое поражение потерпел Коринф, чей флот перед угрозой вступления в войну Афин вынужден был уйти не достигнув цели, ради которой он был отправлен. В Пелопоннеском союзе вмешательство Афин расценили как нарушение договора о 30-летнем мире.

Еще один конфликт разгорелся вокруг города Потидеи на Халкидике. Это была колония Коринфа, в то же время она входила в Афинский морской союз. После сражения у Сиботских островов метрополия стала подталкивать Потидею к выходу из симмахии. К выходу из союза подстрекал Потидею и царь соседней Македонии Пердика. Когда в Афинах стало известно об этом и о колебаниях граждан Потидеи, оттуда последовал приказ снести городские стены на южной стороне, выдать заложников и выслать из Потидеи эпидемиургов, которые по старинному обычаю представляли в колонии метрополию — Коринф. Потидея не подчинилась приказу и вышла из союза, ее примеру последовали и другие города Халкидики, надеясь главным образом на помощь Пердики.

У берегов Халкидики появился афинский флот. Туда же было направлено сушей 2000 гоплитов. В свою очередь и Коринф отправил свои военные суда на север Эгейского моря. В сражении под Потидеей ее ополчение вместе с коринфским войском было разбито афинянами, разбитые противником воины бежали с поля боя под защиту городских стен. Афинское войско взяло Потидею в кольцо осады с суши, блокировав ее с моря своим флотом. Коринф стал настойчиво добиваться вступления в войну против Афин Спарты и всего Пелопоннеского союза. В этом он нашел энергичную поддержку со стороны Мегар, торговым кораблям которых Афины закрыли вход во все порты симмахии в возмездие за принятие беглых рабов из Аттики, обвинив также мегарян в кощунственной распашке священной земли.

В 432 г. до Р.Х. в Спарте состоялось совещание делегатов из полисов, входивших в Пелопоннесский союз. Представители Коринфа и Мегар настаивали на войне. Спарта колебалась, так что представитель Коринфа произнес речь, переполненную горькими упреками Лакедемонцу за его безучастие. В передаче Фукидида, который так охарактеризовал достоверность помещенных им в своей «Истории» речей: «Что до речей.., то в точности запомнить и воспроизвести их смысл было невозможно... Но то, что, по-моему, каждый оратор мог бы сказать самого подходящего по данному вопросу (причем я, насколько возможно ближе, придерживаюсь общего смысла действительно произнесенных речей) это я и заставил их говорить в моей истории» (Фукидид, цит. изд., с. 13), коринфянин, сказал, что в захвате Керкиры виноваты лакедемоняне, так как они «сначала позволили афинянам укрепить свой город, а потом и построить Длинные стены. “И до сих пор, — продолжал коринфский делегат, — вы не только продолжаете лишать свободы поработанных ими подданных, а теперь даже начали отнимать ее и у наших собственных союзников. Ведь истинный поработитель народа — не сам поработивший, а тот, кто, будучи в состоянии положить конец рабству, не делает этого, хотя и добивается признания своей доблести как освободитель Эллады... Неприятель действует по заранее намеченному плану и нападает на нас без колебания, в то время как мы все еще пребываем в нерешительности” (Фукидид, цит. изд., с. 31). Выступление коринфянина заканчивалось подстрекательским призывом с примесью шантажа: «Немедленно совершите вторжение в Аттику, чтобы не отдать ваших друзей и соплеменников в руки злейших врагов и не заставить нас остальных в отчаянии подумать о другом союзе» (Фукидид, цит. изд., с. 33).

В Спарту прибыли тогда и афинские послы, которые пытались предотвратить войну. Им позволено было выступить перед апеллой. Воспользовавшись этой возможностью, афиняне призывали лакедемонян к благоразумию: «Прежде чем взяться за оружие, подумайте о том, сколь непредвиденный оборот может принять война. Ведь затяжная война обычно приносит всякого рода случайности обеим сторонам, и как сложится дело в конце концов — неясно» (Фукидид, цит. изд., с. 36). Для разрешения спорных вопросов они предложили образовать третейский суд. После этого решено было удалить посланцев из Афин

и из союзнических полисов и обсуждать сложившуюся ситуацию в своем кругу. Большинство выступило за войну. Тогда слово взял царь Лакедемона Архидам. Он высказался за то, чтобы не торопиться и послать послов в Афины для переговоров о Потидее, а тем временем готовиться к войне на тот случай, если афиняне не уступят. Затем перед апеллой произнес речь один из эфоров Сфенелайд, предложивший не тянуть время и немедленно начать боевые действия. «После этих слов Сфенелайд, — пишет Фукидид, — как эфор предложил собранию решить вопрос голосованием. Затем, однако, он объявил, что не может разобрать, чей крик громче (ведь спартанцы выносят решение, голосуя криком, а не камешками). А потом, желая открытым голосованием вернее склонить спартанцев к войне, добавил: “Кому из вас угодно, лакедемоняне, считать договор нарушенным и афинян виновниками этого нарушения, пусть встанет на ту сторону” (указав место, где им встать). “А кто считает, что нет, — в другую сторону”. Тогда все лакедемоняне встали и разошлись по сторонам, причем значительное большинство признало нарушение договора» (Фукидид, цит. изд., с. 39).

Признав Афины нарушителем договора, спартанцы отложили начало войны. Послы из Афин и из союзных полисов разъехались по домам, а Лакедемон вновь созвал союзников, чтобы окончательно решить вопрос о войне или мире. На этом совещании вновь с особой настойчивостью за войну ратовали коринфяне. Результатом голосования, в котором одинаковые права имели представители больших и малых полисов, было решение воевать. Но надо было еще закончить приготовления к ведению боевых действий на море и на суше. Пытаясь выиграть время, Спарта отправила посольство в Афины, предъявив противнику неприемлемый ультиматум: Афины должны очиститься от скверны — изгнать из города всех Алкмеонидов, над родом которых тяготело проклятие «Килоновой чуверны», а к этому роду принадлежал по матери и Перикл. В ответ афиняне «также потребовали от лакедемонян очиститься от скверны, изгнав виновников преступления на Тенаре: некогда лакедемоняне убедили илотов, нашедших убежище в святилище Посейдона на Тенаре, выйти оттуда и вероломно умертвили их» (Фукидид, цит. изд., с. 55). Переговоры закончились провалом, но война не была объявлена.

Спарта еще не раз отправляла посланцев в Аттику, требуя снять осаду с Потидеи и признать независимость Эгины.

«Лакедемоняне желают мира, и мир будет, если вы признаете независимость эллинов» (Фукидид, *цит. изд.*, с. 60), — заявили послы Спарты. На созванном после предъявления этого требования, выполнение которого вело потенциально к распаду Афинского морского союза, народном собрании раздались голоса, призывающие к компромиссу. Тогда слово взял Перикл, убеждая сограждан в том, что Афины вместе с союзниками обладают достаточными средствами для победы. Он предложил дать ответ, в котором была бы выражена готовность пойти на уступки, но под условием, что и Лакедемон также со своей стороны сделает соответствующие уступки. Афины готовы предоставить союзникам независимость, если и Спарта перестанет вмешиваться в дела государств, входящих в Пелопоннесский союз. По предложению Перикла лакедемонянам был дан ответ, суть которого заключалась в том, что Афины «отказываются что-либо делать по приказу, но готовы, согласно договору, улаживать споры третейским судом под условием полного равенства» (Фукидид, *цит. изд.*, с. 64).

Переговоры прекратились, и война стала неизбежной. Для ее ведения Афины вместе с союзниками располагали сухопутной армией из 32 тысяч гоплитов и 1200 всадников, а также великолепно вооруженным флотом в 400 триер. Вооруженные силы Спарты вместе с союзными полисами обладали значительным превосходством на суше, насчитывая 60 тысяч гоплитов, но уступали Афинской симмахии на море, имея 300 триер. Финансовые средства Афинской симмахии превосходили ресурсы Пелопоннеского союза.

Война началась с нападения союзных Лакедемону Фив на Платею. «На шестнадцатый месяц после битвы при Потидее, в начале весны (431 г. до Р.Х. — В.Ц.) отряд вооруженных фиванцев числом не немногим более 300 человек под предводительством беотархов Пифангела.. и Диемпора.. в начале ночного сна вторгся в беотийский город Платею, союзный с Афинами. Призвали же фиванцев и открыли им городские ворота граждане Платеи Навклид и его сторонники, желая истребить своих политических противников» (Фукидид, *цит. изд.*, с. 65). Афинский отряд быстрым маршем прибыл в Платею, и началась длительная осада города, затянувшаяся на 5 лет.

Вслед за этим армия Спарты и ее союзников числом в 60 тысяч гоплитов под командованием архажета Архидама вторглась

в Аттику и начала ее разорять — вырубать виноградники и сады, сжигать посевы, чтобы заставить афинян дать генеральное сражение вне городских стен. В Афинах предвидели такое развитие боевых действий, и по предложению Перикла жители сельской округи были эвакуированы из своих хор под защиту городских укреплений, туда же были доставлены продовольственные запасы; мелкий и вьючный скот переправили на Эвбею и другие близлежащие острова. Через порт в Пирее Афины продолжали получать снаряжение и продовольствие от союзных полисов: доставку осуществляли торговые суда, плававшие под защитой боевых кораблей. Но крестьяне, не успевшие или не захотевшие оставить свои дома и поля, страдали от разорения и роптали. Ничего не добившись, Архидам увел свою армию из Аттики через месяц после вторжения.

В последующее время Спарта не раз вводила войска в Аттику, опустошая и разоряя ее в тщетной надежде принудить афинских гоплитов выйти из-под неприступных крепостных стен и сразиться с превосходящим и числом и боевой выучкой противником. Но такой ход событий был предусмотрен стратегическим планом Перикла, по приказанию которого афинский флот, бороздя Эгейское море, нападал на суда Лакедемона и его союзников, топил их и совершал высадки на прибрежные поселения враждебных полисов, разоряя их и убивая их жителей.

Но Периклом не предусмотрен был мор, обрушившийся на Афины в 430 г. По сведениям Фукидида, зараза пришла в Аттику из Эфиопии через Египет, Ливию и Персию. По описанию историка, болезнь начиналась с того, что у ранее здоровых людей «вдруг появлялся сильный жар в голове, покраснение и воспаление глаз. Внутри же глотка и язык тотчас становились кроваво-красными, а дыхание прерывистым и зловонным. Сразу же после этих явлений больной начинал чихать и хрипеть, а через некоторое время болезнь переходила на грудь с сильным кашлем. Когда же болезнь проникала в брюшную полость и желудок, то начиналась тошнота и выделение желчи... с рвотой... Большинство больных страдало от мучительного позыва на икоту, вызывавшего сильные судороги... Тело больного... покрывалось как сыпью маленькими гнойными волдырями и нарывами... Мучимые неутолимой жаждой, больные... кидались в колодцы, сколько бы они ни пили, это не приносило облегчения... Наступала смерть в большинстве случаев от внутреннего

жара на девятый или седьмой день... Если организм преодолевал кризис, то болезнь переходила в брюшную полость, вызывая изъязвление кишечника и жестокий понос, чаще всего люди и погибали от слабости, вызванной этим поносом... И если кто-либо выживал, то последствием перенесенной болезни было поражение конечностей, а иные даже слепли. Некоторые, выздоровев, совершенно теряли память и не узнавали ни самих себя, ни своих родных... Птицы и четвероногие животные, питающиеся человеческими трупами, вовсе не касались трупов» (Фукидид, *цит. изд.*, с. 85) умерших от повальной болезни.

Одной из причин болезни, чумы, как называет ее Фукидид, или, как считают некоторые современные историки, сыпного тифа, стала перенаселенность города, в котором укрылись жители всей Аттики, острый недостаток воды: «Это постигшее афинян бедствие отягчалось еще наплывом беженцев из всей страны... Жилищ не хватало: летом приходилось жить в душных временных лачугах... умирающие лежали друг на друге, где их застигла гибель, или валялись на улицах и у колодцев, полумертвые от жажды. Сами святилища вместе с храмовыми участками, где беженцы искали приют, были полны трупов... Ведь сломленные несчастьем люди, не зная, что им делать, теряли уважение к божеским и человеческим законам» (Фукидид, *цит. изд.*, с. 86). Афиняне перестали соблюдать погребальные обычаи: «Иные складывали своих покойников на чужие костры и поджигали их..., другие же наваливали принесенные с собой тела поверх уже горевших костров, а сами уходили» (Фукидид, *цит. изд.*, с. 86).

Перед лицом всеобщего бедствия люди были деморализованы, и «все ринулись к чувственным наслаждениям, полагая, что и жизнь и богатство одинаково преходящи. Жертвовать собою ради прекрасной цели никто уже не желал... Ни страх перед богами, ни закон человеческий не могли больше удержать людей от преступлений, так как они видели, что все погибают одинаково, и по этому безразлично, почитать ли богов или нет. С другой стороны, никто не был уверен, что доживет до той поры, когда за преступление понесет наказание по закону. Ведь уже более тяжкий приговор судьбы висел над головой» (Фукидид, *цит. изд.*, с. 87) — так описывал Фукидид этот первый известный из истории пир во время чумы, который совершался тогда в Афинах. Бедствие продолжалось с перерывами до 426 г.,

от эпидемии вымерла четверть населения Аттики, от повальной болезни погибло 4400 гоплитов и 300 всадников.

Режим Перикла не выдержал испытания этой катастрофой. Второе вторжение в Аттику спартанской армии Архидама, новое разорение страны и мор, который считали последствием войны и беженства, вызвали глубокое недовольство этим политиком. Особенно раздражены были против него крестьяне и землевладельцы Аттики, разоренные войной, зачинщиком которой они считали первого стратега. Аристократическая партия и в прежние времена выказывала солидарность со Спартой — теперь, в пору бедствий, обрушившихся на Афины, она требовала скорейшего заключения мира, но на стороне Перикла оставались ремесленники и другие малоимущие горожане, которые всегда составляли в Афинах опору политиков демократической ориентации. Перикл созвал народное собрание и на нем защищался, обвиняя своих противников и увлеченных ими сограждан в малодушии и отсутствии патриотизма, пытался вселить в души колеблющихся надежду на конечную победу Афин и готовность к самопожертвованию ради родного полиса. Перикл убеждал демос в несокрушимой мощи Афинской державы. «Если нас теперь ненавидят, — говорил он, — то это общая участь всех, стремящихся господствовать над другими» (Фукидид, *цит. изд.*, с. 91). На этот раз красноречие великого демагога ему не помогло. В экклисии участвовало больше, чем это бывало обычно, крестьян — беженцев из аттической хоры, разоренных войной, обитавших в жалких лачугах, в тесноте, родных и близких которых унесла моровая язва. В 430 г. до Р.Х. Перикла не переизбрали стратегом. Хуже того, его обвинили в растрате казенных средств и подвергли штрафу; правда, в 429 г. он, опираясь на своих все еще многочисленных сторонников, опасавшихся прихода к власти аристократической партии, сумел добиться избрания его первым стратегом, но в том же году нелицеприятная чума похитила и его жизнь.

После смерти Перикла в Аттику вновь вторглись войска Пелопоннеского союза во главе с Архидамом, неся с собой новое разорение для местных крестьян и для афинской казны. Затем пелопоннесцы осадили верного союзника Афин — Платею. Воспользовавшись ослаблением Афин, в 428 г. от Морского союза отложился самый сильный лесбосский полис — Митилены. Разрыв союза предшествовал захват власти в нем аристократической

партией, которая и ранее тяготела к сближению со Спартой. Пришедшая к власти группировка просила правительство Лакедемона о помощи и защите. Пример Митилен мог повлечь за собой губительные последствия для симмахии. Поэтому Афины реагировали молниеносно. Мощная флотилия из 100 триер была направлена к берегам Пелопоннеса, чтобы предотвратить или хотя бы задержать выход спартанских судов в сторону Лесбоса, а другие военные корабли афинян с тысячью гоплитов на борту под командованием стратега Пахета были немедленно перебросены к берегам Лесбоса. Пахет осадил Митилены, и с помощью местных демократов город был взят.

Схваченные аристократы были переправлены в Афины. А там судьбу их и самих Митилен должно было решить народное собрание. В экклисии разгорелась полемика. В ту пору последователи Перикла разделились на две партии: умеренных во главе с Никием, видевших опасности продолжения войны и склонявшихся к поискам мира на компромиссных условиях, и более верную заветам вождя партию крайних демократов и патриотов во главе с Клеоном, сыном кожевника, который еще при жизни Перикла критиковал его за недостаточную последовательность, за излишнюю осторожность и в военной и во внутренней политике, выступал за беспощадное подавление аристократической оппозиции как в самих Афинах, так и во всей Элладе. Наименование «демагог», вполне нейтральное раньше, приобрело одиозный оттенок после того, как его стали употреблять применительно к Клеону, конечно, вначале на языке его политических противников. У своих сторонников он был столь же популярен, как до него Перикл. Клеон высказался за казнь не только пленных аристократов, но и всех взрослых митиленцев и за продажу в рабство женщин и детей, и это предложение было одобрено экклисией.

«Однако на следующий день афинян охватило нечто вроде раскаяния» (Фукидид, цит. изд., с. 126), и решено было вновь созвать народное собрание. Клеон вновь настаивал на применении самых суровых кар, принятие которых должно было утратить потенциальных мятежников. Выступая на собрании, Клеон, давая пример своим подражателям в последующие века — Кромвелю и Робеспьеру, Ленину и Сталину, — выдал главную тайну демократов, желающих при этом быть реалистами в политике: для защиты демократии годятся все средства, в то время как

щепетильное следование демократическим принципам обрекает демократию на поражение. Этот «самый неистовый из граждан» (Фукидид, цит. изд., с. 126), по характеристике Фукидида, сказал: «Мне и прежде уже нередко приходилось убеждаться в неспособности демократии властвовать над другими государствами, но особенно это стало ясно теперь, при виде вашего раскаяния относительно приговора над митиленцами... Не забывайте, что ваше владычество над союзниками — это тирания, осуществляемая против воли ваших подданных, которые замышляют против вас... На их дружбу вы не можете рассчитывать, они подчиняются лишь уступая силе. Но хуже всего постоянные колебания и перемены решений». И, ясным образом обозначив круг сограждан, на который он хотел опереться, Клеон продолжал: «Ведь необразованность при наличии благонамеренности полезнее умственности, связанной с вольномыслием. Действительно, более простые и немудрящие люди, как правило, гораздо лучшие граждане, чем люди более образованные» (Фукидид, цит. изд., с. 126). На этот раз однако на собрании оказалось, вероятно, больше образованных граждан, чем «немудрящих», каковыми надменные афиняне не пожелали считать самих себя, и прежнее решение, принятое под давлением кровожадного Клеона, было, по предложению Диодота, отменено.

Митиленцев пощадили, но принятые меры были все равно суровыми и устрашающими. Более тысячи присланных в Афины зачинщиков возмущения, попытавшихся освободить свой город, по предложению того же Клеона казнили, стены Митилен были срыты, свой флот этот полис передал Афинам, а земля всего острова разделена была между афинскими клерухами, которым лесбоссы, обрабатывавшие эти участки, должны были впредь выплачивать арендную плату. После этой расправы над мятежным полисом союзники смирились с решением Афин обложить их более тяжелым форосом, общая сумма которого была повышена более чем вдвое — с 600 талантов серебра в год до 1300.

В 427 г. пал верный союзник Афин Платей. Лакедемоняне разрушили город и казнили 200 платейцев и 25 захваченных в плен афинян. Но затем успех в этой затяжной и изнурительной войне выпал на долю Афин. В союзной Афинам Керкире олигархи осуществили государственный переворот, убив 60 граждан, принадлежавших к демократической партии, но часть демократов укрылась в Акрополе, продолжая сопротивление. Обе

враждующие партии призвали на свою сторону рабов, обещая им освобождение, и большинство рабов поддержало демократов. В результате они победили своих противников. Олигархи укрылись в храме Геры, моля о пощаде. На помощь им Лакедемон направил флот, который легко одержал победу над флотом Керкиры, но лакедемоняне не успели помочь керкирским олигархам. Присланная из Афин эскадра под командованием Евримедонта устрасила спартанцев, и они ушли. Тогда керкирские демократы учинили расправу над своими политическими противниками. Они убедили 50 олигархов выйти из храма Геры и предстать перед судом. Суд приговорил их к смертной казни. «Однако большая часть молящихся не согласилась выйти. Когда они увидели, что происходит с другими, то стали убивать друг друга на самом священном участке. Некоторые повесились на деревьях, а другие покончили с собой кто как мог. В течение семи дней, пока Евримедонт после своего прибытия с 60 кораблями оставался на острове, демократы продолжали избивание тех сограждан, которых они считали врагами, обвиняя их в покушении на демократию, в действительности же некоторые были убиты из личной вражды, а иные даже своими должниками из-за денег, данных ими в долг. Смерть здесь царила во всех ее видах... Отец убивал сына, молящих о защите силой отрывали от алтарей и убивали тут же. Некоторых даже замуровали в святилище Диониса, где они и погибли» (Фукидид, цит. изд., с. 146–147). Так Афины помогли своим союзникам демократам вернуться к власти в Керкире.

Пока войска Пелопоннесского союза находились в Аттике, Афинский флот под командованием Демосфена внезапным нападением захватил лучшую гавань в Мессении Пилос. Опасность для Лакедемона заключалась не только в том, что вооруженные силы противника стояли в 70 километрах от столицы, но и в массовом бегстве илотов Мессении в Пилос, которых Демосфен готов был вооружить для войны против Спарты. В Лакедемонии был сформирован отряд из 420 великолепно обученных и мужественных гоплитов, который занял находившийся против Пилоса остров Сфакторию, готовый запереть афинскому флоту выход из гавани. Но на помощь Демосфену из Афин направлена была новая эскадра, которая разгромила спартанский флот. Демосфен начал осаду Сфактерии, которую удерживал малочисленный отряд, однако эта осада затянулась. Спарта

заключила с Афинами перемирие и направила в Афины посольство, которое предложило мир.

На созванном для обсуждения этого предложения народном собрании против мира выступил Клеон, его поддерживала часть торговцев и ремесленников, а также городская беднота — феты, из которых набирались команды на военные суда. Клеон с бешеной яростью обрушился на лакедемонян, обвиняя их в неискренности и коварстве, и добился срыва переговоров. Но крупные землевладельцы, принадлежавшие к двум высшим классам, а также многочисленные крестьяне — зевгиты стремились к миру. Выразителем их интересов был один из самых богатых афинян Никий, имущество которого оценивали в 100 талантов. Народное собрание не раз еще возвращалось к мирным предложениям Спарты, поскольку радужных перспектив в этой войне не было видно. Тогда Клеон обвинил Демосфена в затянувшейся осаде Сфактерии, которую он сам, если бы командовал войсками под Пилосом, взял бы, по его словам, за 20 дней. Воспользовавшись бахвальством оппонента, Никий предложил экклисии поставить Клеона во главе эскадры и отправить ее под Пилос. Каллий, вероятно, рассчитывал на военную неопытность Клеона. Предложение было принято, и случилось не ожидаемое многими: Клеон сумел овладеть Сфактерией после 20 дней боев. При этом в плен было взято 120 спартанцев, а вместе с воинами союзных полисов — 292 человека. Пленники принадлежали к самым знатным родам Лакедемона. Их препроводили в Афины и предупредили противника, что в случае нового вторжения в Аттику все пленники будут перебиты. Это предупреждение, а также массовое бегство илотов Мессении в стан афинян удержали Спарту от нового разорительного для афинян похода.

В следующем, 424 г. афинский флот захватил мегарский порт Нисею в Сароническом заливе и остров Киферу, расположенную у южной оконечности Пелопоннеса. Стратегическое положение Лакедемона и его союзников становилось угрожающим. Спарта еще раз направила мирные предложение Афинам, но окрыленный военными успехами афинский демос поддержал рьяного противника мира Клеона. В его руках сосредоточена была теперь власть в полисе в той же мере, в какой раньше ею располагал Перикл. Но за успехами афинян последовали неудачи: план покорения Сицилии был сорван тем, что местные полисы, воевавшие на стороне Афин и Лакедемона, договорились на совещании

своих представителей, состоявшемся в Геле, о заключении мира, прекращении военных действий на острове. От афинского отряда, который ранее успешно действовал на Сицилии, опираясь на своих союзников, потребовали эвакуироваться, и лишенный помощи отпавших союзников, он вынужден был подчиниться. В том же 424 г. афиняне в сражении у беотийского города Делия потерпели жестокое поражение, потеряв более тысячи гоплитов.

Настроения в Афинах снова стали склоняться в сторону мира. Эти настроения отразились в искрометных комедиях Аристофана. В «Ахарнянах», переполненных балаганно-фарсовыми эпизодами, нелепый, но мудрый аттический геомер (крестьянин) Дикеополь, имя которого значит в переводе «справедливый город», заключает свой личный сепаратный мир со Спартой. Сюжет комедии «Лизистрата» с ее фривольными сценами и грубыми шутками составляет заговор женщин против своих воинственных мужей; шантажируя их отказом в супружеском общении, жены гасят героический пыл супругов и принуждают их к прекращению войны. Одна из комедий Аристофана так и называется «Мир». В ней крестьянин Тригей на навозном жуке поднимается на небо и освобождает заточенную в пещере богиню мира, после чего та изливает на Афины свои милости — люди едят, пьют и веселятся. Все рады, кроме продавцов оружия, и Тригей солено издевается над оружейником, предлагающим свой товар, выражая готовность приобрести у него панцирь, чтобы употреблять его в качестве стульчака. Главный предмет насмешек Аристофана в комедии «Вавилоняне» — вождь демократической партии и поджигатель войны Клеон. После представления этой комедии Клеон затеял суд против драматурга, обвинив его в незаконном присвоении афинского гражданства. Местью Аристофана своему обвинителю стала еще одна комедия, «Всадники», в которой этот демагог представлен в образе кожевника пафлагонца, «презренного крикуна и нахала», который «оглушил своим криком Афины». Соперничая со столь же низким мерзавцем колбасником, он из корысти ухаживает за капризным и самодовольным Демосом, впавшим в старческое слабоумие. Демос, что значит народ, так охарактеризован в комедии: «Дивна власть твоя, о Демос! Ты всем людям, как тиран, страх ужаснейший внушаешь, но ввести тебя в обман так легко. До лести падкий, сам же лезешь ты в капкан. И на речи чьи угодно ты готов

разинуть рот». Никто из актеров не решился играть в этой комедии роль кожевника из-за страха перед влиятельным и мстительным Клеоном. И тогда Аристофан надел на себя театральную маску, раскрашенную им самим, потому что даже изготовить такую маску с легко узнаваемыми чертами могущественного демагога никто не дерзал, и вышел в ней на сцену.

Но не только в Афинах, в Спарте также усилилось стремление к миру. Особую тревогу в Лакедемонне вызывали брожения среди илотов, готовых к восстанию. За продолжение войны однако стоял полководец Брасиад, к тому времени уже одержавший ряд побед над противником. По его предложению решено было предпринять дальний поход через центральную Грецию и Фессалию на Халкидику, города которой входили в Морской союз, чтобы отрезать Афины от источников снабжения продовольствием. Людские военные ресурсы Спарты были истощены, к тому же в любой момент можно было ожидать морского десанта Афин в Пелопоннес, поэтому снаряжен был немногочисленный отряд из 1700 гоплитов — это были освобожденные илоты и добровольцы со всего Пелопоннеса. Отрядом командовал сам Брасиад. Стремительным броском лакедемоняне пересекли всю Элладу и вышли на фракийское побережье. Отважным воинам сопутствовал успех. В Халкидике они действовали заодно с македонским царем Пердикой, на сторону Спарты перешло несколько полисов, началась осада афинской колонии Амфиполя. На ее выручку от острова Фасоса направилась эскадра из 7 кораблей под командованием стратега Фукидида, сына Олора, фракийца по происхождению, который и написал историю Пелопоннесской войны. Фукидид, как пишет он сам, «имел право разработки золотых рудников в этой части Фракии» (Фукидид, цит. изд., с. 206). Но Брасиад еще до прибытия помощи с моря успел убедить жителей Амфиполя, среди которых афиняне составляли меньшинство, сдать город. Клеон обвинил Фукидида в падении Амфиполя, и тот вынужден был, по приговору суда, отправиться в изгнание.

Для возвращения своей колонии, имевшей ключевое стратегическое значение на Халкидике, из Афин прибыло войско во главе с Клеоном. Под стенами этого города в 422 г. до Р.Х. произошло ожесточенное сражение. Победу одержали лакедемоняне, Клеон пал на поле битвы, но смертельно ранен был и Брасиад, который скончался сразу после того, как узнал о победе.

«Остальное войско под командованием Клеарида, завершив преследование неприятеля, сняло доспехи с павших и поставило трофей» (Фукидид, *цит. изд.*, с. 225). После поражения под Амфиполем и ухода Клеона в Афинах возобладали сторонники мира во главе с Никием. Лакедемон также осознал истощенность своих ресурсов и бесперспективность войны.

В Спарте, куда была направлена делегация из Афин во главе с Никием, начались мирные переговоры. В 421 г. до Р.Х. был подписан договор о мире на 50 лет. По этому договору восстанавливалось положение, существовавшее до войны. Захваченные друг у друга города возвращались их прежним владельцам. Был произведен обмен пленными. Афины брали на себя обязательство оказывать помощь Спарте в случае восстания илотов. Споры между подписавшими мирный договор сторонами впредь должны были решаться судом. По условиям договора, «священный участок и храм Аполлона в Дельфах и народ дельфийский» признавались независимым полисом, и всем эллинам дозволялось приходить в Дельфы, совершать там жертвоприношения и вопрошать оракула. Этот договор стали называть «Никиевым миром». Его условия не были выполнены до конца. Вопреки договору Амфиполь остался под властью Спарты, в свою очередь Афины удержали за собой Пилос на Пелопоннесе и остров Киферу, так что семя раздора не было выкорчевано до конца.

И не 50, а только 6 лет спустя после подписания мирного договора война возобновилась. За это время Афины смогли оправиться от понесенных потерь. Благодаря значительному увеличению размера регулярно поступавшего форо́са была восстановлена довоенная казна; Афины отстроили новые военные суда, и флот компенсировал военные потери. В Эгейском бассейне господство Афинской архе было бесспорным.

В это время на авансцену афинской политической жизни выходит новый игрок — сын Клиния Алкивиад, красавец и богач, по матери племянник Перикла из аристократического рода Алкмеонидов. Как и его дядя, это был человек любознательный и образованный, блистательный пафосный оратор, собеседник софистов Горгия, Гиппия и Протагора, друг и некоторым образом даже ученик Сократа, но в жизни своей ни в чем не следовавший заветам мудрого учителя, тщеславный и циничный не в античном, а в современном значении этого слова, властолюбец, лишенный каких бы то ни было сдерживающих нравственных

начал, удачливый и ловкий авантюрист в духе итальянских кондотьеров эпохи Ренессанса — по его делам Алкивиада можно было бы считать внимательным и восприимчивым читателем «Государя» Макиавелли.

Алкивиад агитировал за возобновление войны, встречая отпор со стороны автора долгожданного мира и сторонника союзных отношений со Спартой Никия. В 420 г. он победил Никия в борьбе за умы и сердца афинян. Его избрали стратегом, а Никия забаллотировали. В ту пору Аргос просил Афины о помощи в его давнем противостоянии со Спартой. Алкивиад агитировал за поддержку Аргоса, что, естественно, могло обернуться возобновлением большой войны. Его инициатива однако не получила поддержки в Афинах, хотя добровольцы из Афин при покровительстве Алкивиада отправились в Аргос. В 418 г. Аргос потерпел поражение в битве с лакедемонянами, среди павших и плененных было немало афинян. Поражение Аргоса привело к политическому перевороту в нем, демократы были свергнуты олигархической партией, которая, оказавшись у власти, довела дело до союза с вчерашним врагом — Спартой. В этом внешнеполитическом провале Афин Алкивиад обвинил Никия, который в свое время воспрепятствовал прямой и открытой вооруженной помощи Аргосу. По предложению Гипербола афинская экллия подвергла Никия остракизму, но Алкивиад, видя рост популярности Гипербола, опасался, что этот новый демагог оттеснит его от возглавления демократической партии, и, внезапно переменив фронт, выступил в поддержку Никия, пока тот еще не отправился в изгнание; остракизму был подвергнут сам Гипербол, а Алкивиад и Никий, обязанный ему своим спасением от изгнания, были избраны стратегами на 416–415 гг.

Алкивиад продолжал настаивать на войне, театром военных действий он предлагал сделать Великую Грецию, и прежде всего богатую Сицилию с ее многочисленными колониями. Вытеснение из Сицилии Лакедемона и его союзников должно было привести к безраздельной гегемонии Афин во всем эллинском мире, сделать Афинскую симмахию великой державой Средиземноморья.

В 415 г. агитация Алкивиада возымела успех. Подстрекательские речи демагога зажигали сердца юношей. Там, где собиралась молодежь, — в особенности в палестрах, куда приходили для занятия гимнастикой и воинскими упражнениями, — на песке

были начертаны карты Сицилии и Африканского побережья, вдохновлявшие захватнические аппетиты. Афины решили воевать. Поводом для начала войны стало посольство из сицилийского полиса Сегесты, которое прибыло с жалобой на соседний город Селинунт, союзный со Спартой, и с просьбой о вооруженной помощи против Селинунта и поддерживавших его Сиракуз, самого большого полиса Сицилии. Алкивиад настоял на вмешательстве. Для ведения военных действий был снаряжен огромный флот из более чем 200 триер, на которых разместились 10 тысяч гоплитов и 28 тысяч легковооруженных пехотинцев и моряков-гребцов. Это был цвет афинских вооруженных сил. Командовали морским походом стратеги Алкивиад, Никий и Ламах.

Перед отплытием флота из Афин в городе произошло событие, которое для многих послужило мрачным предзнаменованием. Были изуродованы стоявшие на улицах гермы — скульптурные изображения Гермеса. Противники Алкивиада обвинили в кощунстве его приверженцев, другие подозревали в осквернении герм тайную агентуру Коринфа, который был особенно упорным конкурентом Афин и чьи интересы главным образом находились на западе, куда теперь направлялся афинский флот. Сторонники Алкивиада считали, что, распространяя слухи о вине их вождя в кощунстве, коринфская агентура надеялась вызвать возмущение против него и тем самым сорвать намеченный поход. Алкивиад потребовал расследования, но в этом требовании ему отказали.

У берегов Керкиры к флоту Афин присоединились триеры союзников, и дальше путь лежал к расположенному на южной оконечности Калабрийского полуострова Регию, союзнику Афин. Большой неожиданностью и разочарованием для афинян было то, что Регий отказался присоединиться к походу и объявил себя нейтральным. Его примеру последовали союзные полисы на Сицилии Месана и Катана. Но в Катану афиняне решили войти вопреки воле горожан, которые не смогли оказать им сопротивления. Итальянские и сицилийские греки, даже союзные Афинам, напуганы были мощью флотилии, опасаясь совершенного утраты самостоятельности и полного подчинения.

Аттическое войско начало осаду Сиракуз. Тем временем в Афинах начали расследование по делу об осквернении герм. Противники Алкивиада настояли на привлечении его к суду. К берегу Сицилии прибыл корабль, на котором Алкивиаду

вместе с несколькими его приближенными приказано было вернуться в Афины. Алкивиад повиновался, но по пути бежал в Спарту к своим врагам, которым он однако сумел представить дело таким образом, будто он бежал в Лакедемон искать справедливости и защиты от демократов. Одновременно он предлагал враждебному полису свои услуги в качестве опытного стратега и дипломата, и эти услуги, по настоянию эфоров, были приняты.

Афинские войска действовали на Сицилии во враждебной среде. Города сплотились в поддержку Сиракуз. Однако на сторону афинян стали отряды туземных италиков — сикулов. В то же время, воспользовавшись осадой Сиракуз, в городе восстали рабы под предводительством Сосистрата, вступив в контакт с командованием афинской армии. Сиракузяне не смогли подавить восстание вооруженной рукой. Сиракузский полководец Гермократ сумел однако спровоцировать разделения между рабами, и те выдали 20 своих предводителей, после чего восстание было подавлено — одних рабов казнили, другие бежали в лагерь афинян. Во время боев за взятие Сиракуз пал стратег Ламах. Во главе войска теперь стоял один Никий, действовавший нерешительно. И все-таки силы осажденных сиракузян таили. Тогда на помощь им из Лакедемона прибыл отряд с тремя тысячами гоплитов под командованием Гилиппа, который начал активные наступательные действия против афинян. В этой трудной ситуации из Афин решено было направить еще одну флотилию из 65 кораблей с 1200 гоплитами под командованием стратега Демосфена.

В 413 г. состоялось решающее морское сражение, в котором против афинян сражался флот Сиракуз и ее союзников. Потери с обеих сторон были огромными, и все-таки поражение потерпели Афины. Никий предлагал на уцелевших судах уходить домой, но выход из гавани был блокирован с моря. И тогда сухопутная армия начала оступление в глубь острова, где обитали сиканы и сикулы, враждебные греческим колонистам. Но сиракузяне и пелопоннесцы преследовали обескровленную, страдавшую от голода и жажды армию.

Затем наступил завершающая стадия катастрофы. «Афины спешили дойти до реки Ассиара, отчасти в надежде, что конница и остальное войско противника будет меньше беспокоить их со всех сторон, если они перейдут реку, отчасти же

потому, что были до крайности истомлены, страдая от жажды. Дойдя до реки, они в беспорядке бросились в нее, причем каждый желал первым перейти. Враги же, тесня афинян с тыла, затрудняли переправу. Так как афиняне были вынуждены продвигаться вперед густой толпой, они падали под снаряжения, одни тотчас погибали, а другие запутывались в них и, подхваченные течением реки, тонули. Между тем сиракузяне, выстроившись на противоположном обрывистом берегу реки, обстреляли афинян сверху, в то время как большинство их с жадностью пили воду из почти высохшей реки и уже само по себе, помимо вражеских нападений, пришло в беспорядок. Пелопоннесские союзники сиракузян спустились вниз к реке и стали убивать воинов, главным образом находившихся в реке. Вода тотчас же стала негодной для питья. Тем не менее многие афиняне пили эту смешанную с грязью и кровью воду и даже боролись за нее друг с другом. Наконец, когда груды трупов, нагроможденные друг на друга, уже лежали в реке и воины были частью перебиты, а частью, если кому удавалось бежать, изрублены конницей, Никий сдался Гилиппу, доверяя ему больше, чем сиракузянам» (Фукидид, цит. изд., с. 351).

Но и Никий и оказавшийся в руках у врагов Демосфен были казнены, а остальных пленников продали на невольничьих рынках или отправили на каменоломни. Так Афины потеряли в Сицилии и у ее берегов более 200 триер — две трети своего флота, 10 тысяч гоплитов и до 40 тысяч легковооруженных воинов, матросов и гребцов. Это было катастрофой, после которой Афины уже никогда не могли восстановить былую мощь и влияние в эллинском мире. Борьба за гегемонию в Элладе закончилась для Афин бесповоротным поражением.

Но война продолжалась, ее театром стала Эллада, и в особенности Аттика. Спарта, по совету перебежчика Алкивиада, меняла стратегию ведения военных действий в Аттике. Раньше лакедемоняне совершали разорительные для аттических землевладельцев походы и уходили назад, в Пелопоннес. Теперь, после катастрофы противника в Сицилии и резкого падения способности Афин к обороне, спартанцы создали укрепленный лагерь в Декалее, в 22 километрах от Афин. Из Афин туда стекались беглые рабы. Город покинуло более 20 тысяч невольников, что составляло не менее четверти всех рабов полиса, и среди них

было много ремесленников, а это обстоятельство наносило удар по хозяйственной жизни Афин.

Но Афины продолжали сопротивляться. В их казну по-прежнему поступал форос союзников, на который восстанавливался военный флот, была проведена новая мобилизация гоплитов, легковооруженных пехотинцев и матросов, причем не только в собственном полисе, но и в союзных. Для окончательного разгрома Афин Спарта нуждалась в создании флота, который был бы способен соперничать с афинским. А для этого не хватало средств. И тогда Лакедемон решил обратиться с просьбой о финансовой помощи к вековому врагу — Персии, которая ради укрепления своей гегемонии в Малой Азии и распространения ее на ионические города заинтересована была в продолжении междоусобной войны в Элладе. Для ведения переговоров в Малую Азию отправился посланцем Спарты Алкивиад. В результате переговоров с сатрапами Фарнабазом и Тиссаферном, которые выполняли указания царя Дария II, денежная помощь Спарте была оказана. Но Алкивиад, зная, что в Спарте ему не вполне доверяют и имея собственные интересы, в беседах с Тиссаферном советовал ему оказывать помощь попеременно Спарте и Афинам, чтобы оба противника как можно дольше воевали между собой, истощая друг друга. Такой совет был выслушан как вполне разумный, и принципиально Персия собиралась действовать именно так.

Одновременно Алкивиад вступил в контакт с влиятельным политиком Писандром, уверяя его, что он готов использовать дружбу с Тиссаферном в интересах Афин, однако условием оказания содействия Афинам Алкивиад поставил свержение демократического правления, установление в Афинах олигархии и отмену вынесенного ему ранее за измену смертного приговора. Писандр готов был принять эти условия, но стратег Фринних не доверял Алкивиаду, и тогда Писандр настоял перед народным собранием на увольнении Фринниха. Начались официальные переговоры между Афинами и Персией, которую на них представлял Алкивиад. Выполняя указания Тиссаферна, он выставил перед афинской делегацией заведомо неприемлемые условия, и переговоры не дали результатов.

Тиссаферн возобновил переговоры со Спартой. В благодарность за обещанную Лакедемону помощь Персия потребовала от Спарты признать ее контроль над малоазийскими полисами

после полного разгрома Афин. Спарта не дала решительного ответа на это требование, но на всякий случай и не отвергла его; и деньги из персидской казны поступили в распоряжение Лакедемона, а на эти деньги удалось построить и снарядить сильный флот.

Между тем в 412 г. до Р.Х. против афинского господства восстали граждане Хиоса, Теоса, Лесбоса, Клазомены, Эретреи и Милета. Тогда 100 прекрасно вооруженных на персидские дарики и шекели спартанских триер были направлены к берегам Малой Азии — одним из флотоводцев был Алкивиад. Эта демонстрация поощрила противников Афин. В 411 г. из Морского союза вышли все города Малой Азии. Союз начал разваливаться. Но верность симмахии сохранил Самос, граждане которого совершили переворот, установив демократическое правление и изгнав с острова аристократов и их приверженцев, стремившихся к союзу со Спартой. К этому острову Афины направили свою эскадру под командованием Фринниха, а напротив нее, у побережья малоазийского Милета, стоял спартанский флот. Афинянам удалось вернуть контроль над Клазоменами и Лесбосом, но малоазийские полисы контролировались Спартой.

Виду чрезвычайных обстоятельств, в которых оказались Афины, там экстренно стали принимать меры для спасения положения. Для концентрации власти уже осенью 412 г. была образована комиссия из 10 пробулов, среди них был и великий драматург Софокл, в ту пору, как, впрочем, и большинство пробулов, человек преклонных лет. Комиссия получила чрезвычайные полномочия, она стала предварительно рассматривать и отсеивать предложения, которые вносились в народное собрание и совет пятисот. Чтобы удержать союзников, был отменен форос, сокращение доходов должна была компенсировать 5-процентная пошлина со всех товаров, которые везли через проливы. Союзные полисы обрели большую самостоятельность; некоторые из городов, особенно сильно разоренных войной, получили финансовую помощь из союзной казны. Афинские власти постарались укрепить демократические партии в государствах симмахии. Продолжалось строительство и вооружение флота.

И все же недовольство сложившимся положением проникло и в Афины. Там тоже началось брожение. Его носителями были разные элементы: война наполнила город бездомными

беженцами; земледельцы и землевладельцы Аттики, пострадавшие от военных действий, не обходивших стороной их поля, а также от мародерства победителей, страшась совершенного разорения, стремились к миру, многие аристократы и олигархи, люди состоятельные и среднего достатка стали открыто выражать свои симпатии к Спарте. Появились тайные общества, гетерии, в которые особенно охотно вступали юноши из благородных фамилий. Вождями аристократической партии стали блестящий юрист Антифон, Писандр, Фринних и Ферамен, в прошлом приверженец и друг Перикла.

Прямым инициатором переворота стал Писандр. В 411 г. его юными сторонниками был убит вождь афинских демократов Андрокл. Затем было совершено еще несколько политических убийств. Сторонники сохранения демократического правления были запуганы и деморализованы. В этой ситуации Писандр инициировал созыв народного собрания за городскими стенами, в пригородном Колонне. На нем было осуществлено изменение конституции. Писандр провел через эккlesiю решение о расширении комиссии пробулов до 30 членов, и эта комиссия наделена была правительственными полномочиями. Совет 500 был заменен советом 400, члены которого не были избраны эккlesiей, но назначены специально для этого образованной комиссией из 5 проэдров. Состав народного собрания был ограничен 5 тысячами граждан, в него могли входить лишь те, кто имел достаточно средств для экипировки себя как гоплита, иными словами, феты были лишены политических прав. Собираться эккlesia впредь могла только по решению совета 400. Отменялась оплата за исполнение выборных государственных должностей и за участие в суде присяжных — гелие, так что впредь заниматься этим могли уже только состоятельные люди, свободные от попечений о хлебе насущном. В Афинах начались преследования потерпевших поражение лидеров демократической партии: одних казнили, других изгнали, третьих заточили в тюрьму.

Изменение государственного строя особенно сильный удар нанесло по фетам, которые и составляли экипажи военных триер. До Самоса вести о происходящем в Афинах дошли со значительными преувеличениями масштабов репрессий. Молва говорила о массовых зверствах олигархов. И моряки, находившиеся на флоте, стоявшем у берегов Самоса, не признали нового

правительства. Заодно с моряками были и стратеги афинского флота Фрасибул и Фрасил. И тут еще один кульбит совершает гениально изобретательный политик Алкивиад. Он, по подсказке которого и совершен был в Афинах олигархический переворот, объявляет себя защитником демократического строя. Фрасибул, полагая, что от Алкивиада зависит установление союза с Персией, который один только и мог, как ему тогда казалось, спасти Афины от полного крушения, предлагает морякам, базировавшимся на Самосе, избрать первым стратегом Алкивиада. И это предложение было поддержано. Алкивиад берет на себя командование флотом. Ему действительно удалось получить субсидии от Персии, которая заинтересована была в продолжении Пелопоннесской войны. Так появляются два правительства Афин: одно в самом городе, а другое — на Самосе. Решительные противники олигархов на Самосе настаивают на военной операции против совета 400, но Алкивиад удерживает флот от гражданской войны. Правительство 400 начинает переговоры со Спартой. Его предложением было прекращение войны с сохранением за обеими сторонами сложившихся к настоящему моменту владений. Но Спарта настаивала на полном роспуске Морского союза, а такого требования афинская делегация принять не могла.

Между тем совет 400 претерпел новые неудачи: в результате вмешательства пелопоннесского флота от Афин отпала Эвбея. В совете начались разногласия. Фриних и Антифон настаивали на заключении немедленного мира со Спартой, против этого возражал Ферамен. На фоне политических конфликтов возобновились тайные убийства, жертвой одного из них пал вождь крайней олигархической партии Фриних. Лидер умеренных олигархов Ферамен, за спиной которого стоял уже Алкивиад, добился упразднения совета 400, просуществовавшего 4 месяца. Власть вернулась к народному собранию, однако в таком ограниченном составе, который был установлен в результате прежнего олигархического переворота, — 5 тысяч. В этот круг входили граждане трех цензов, включая и зевгитов, но не феты.

Между тем популярность Алкивиада, под командованием которого успешно действовал афинский флот, росла. В 410 г. Алкивиад нанес два значительных поражения пелопоннесскому флоту: под Абидосом и при Кизике, в результате афинский флот восстановил контроль над проливами и возобновился подвоз хлеба в Афины. Авторитет умеренно олигархического правления

падал, и в 410 г. до Р. Х. в Афинах был осуществлен очередной государственный переворот: правительство Ферамена было свергнуто, и восстановлена демократическая конституция Перикла с полноправным участием в экклисии всех граждан, независимо от их имущественного ценза, с оплатой за исполнение государственных должностей. По предложению вождя демократической партии Клеофонта была введена диобелия — раздача неимущим гражданам пособия размером в два обола.

В 407 г. до Р. Х. в Афины с триумфом возвратился Алкивиад. В Пирей вошел состоявший под его началом возрожденный и победоносный афинский флот из 200 триер. Явившись в народное собрание, Алкивиад произнес речь, в которой жаловался на несчастья, постигшие его по проискам врагов, и сумел убедить народ в своей правоте. Экклисия сняла с него проклятие, возвратила ему все его конфискованное имущество и провозгласила его стратегом-автократом с неограниченной властью. Алкивиаду была также оказана особая честь — он возглавил государственную процессию, которая прошествовала по священной дороге в Элевсины.

Восстановление военного флота Афин побудило Персию вновь оказать денежную помощь Спарте. В Лакедемон на должность наварха — командующего флотом был назначен энергичный и способный флотоводец Лисандр, и в 406 г. он нанес поражение афинскому флоту у мыса Нотия. Не Алкивиад, а Антиох командовал афинскими триерами, но подозрение в новой измене пало на Алкивиада, и он не был избран стратегом на следующий, 406–405 г. Ему приказали немедленно передать командование флотом Конону. Опасаясь предания суду, Алкивиад снова, и на этот раз навсегда, покинул родные Афины, укрывшись в Херсонесе Фракийском.

В 405 г. при Аргинусских островах произошло морское сражение, в котором пелопоннесским флотом, насчитывавшим 120 триер, командовал Калликратид, сменивший Лисандра. Ему противостоял афинский флот из более чем 150 военных судов. В этом крайне ожесточенном сражении победу одержали Афины, потопив 75 триер противника; погиб и сам Калликратид, а афинский флот потерял 13 потопленных и 12 выведенных из строя кораблей. Но разразившийся шторм помешал афинским морякам подобрать тонущих афинян и трупы погибших. Вождь демократической партии Архедем обвинил в гибели афинян одного

из стратегов, командовавших флотом, — Эрасинанда. Затем совет привлёк к ответственности и других стратегов. Двое из них бежали, а остальные — Аристократ, Лисий, Перикл, сын знаменитого политика Перикла, Фрасил и Диомедон — были также преданы суду. И суд приговорил всех шестерых к смертной казни, которая и была совершена без промедления. Так Афины потеряли своих лучших флотоводцев, одержавших последнюю победу в этой войне.

За казнью последовал разгром афинского флота при Гелеспонте в 405 г. Дисциплина во флоте, стоявшем в устье реки Эгоспотама, впадавшей в пролив с его европейской стороны, была расшатана. Моряки разбрелись по берегу, оставив многие триеры без охраны. И пелопоннесский флот под командованием Лисандра напал на противника врасплох, потопив или захватив почти все суда афинян. Три тысячи афинских воинов были взяты в плен и казнены. Алкивиад, получив известие о поражении афинского флота, бежал из Херсонеса к персам и был там убит.

Через несколько месяцев Афины, лишённые флота, были осаждены с моря, у Пирея, триерами Лисандра, а с суши — гоплитами под командованием спартанского царя Павсания. В городе велись ожесточённые споры, олигархи стояли за капитуляцию, а демократы требовали продолжать борьбу и защищать Афины, считая выставляемые Спартой условия неприемлемыми. В распре победили сторонники заключения мира. Переговоры со стороны Афин вел Ферамен. В апреле 404 г. до Р.Х., когда в осаждённом городе начался голод, был подписан мирный договор, условия которого продиктовали победители.

Афины обязались распустить Морской союз, передать оставшийся флот, за исключением 12 триер, предназначенных для несения сторожевой службы, Лакедемону, срыть «длинные стены», вернуть изгнанников и вступить в союз со Спартой, признавая её гегемонию во всем эллинском мире. Давние противники Афин Фивы и Коринф возражали против этих положений договора, считая их слишком щадящими, они предлагали стереть Афины с лица земли, а все население полиса продать в рабство, но Спарта опасалась чрезмерного усиления этих близких соседей Афин в результате тотального опустошения Аттики, и поэтому сохранила полис, в победоносной войне с которым понесла большие потери.

В Афины в соответствии с мирным договором, условия которого были выполнены, вернулись изгнанники, в основном из олигархической партии. По предложению Ферамена, опиравшегося на поддержку резмигрантов, было решено снова изменить конституцию. Для этого была образована комиссия 30, которую впоследствии называли правительством тиранов, поскольку, созданная для составления конституции, она присвоила себе власть в Афинах. Во главе 30 тиранов стоял ученик Сократа и софистов блестящий оратор Критий, который был последовательным противником демократии, не высоко ставя моральные качества человека из толпы и считая, что управлять людьми, всецело преданными эгоистическим страстям, можно только с помощью устрашения.

Большинство граждан Афин смотрело на комиссию 30 как на орудие спартанского диктата в родном полисе и стремилось к ее свержению. Не чувствуя почвы под ногами и ища выхода, 30 тиранов стали враждовать между собой. Образовалось две партии — умеренных во главе с Фераменом и крайних, сплотившихся вокруг Крития. Борьба партий привела к аресту Ферамена по приказу Крития, суду над ним и его казни. Воспользовавшись всенародным негодованием против Крития и раздорами в правительстве 30, эмигрант Фрасибул, один из выдающихся флотоводцев Пелопоннесской войны, вокруг которого сплотилась демократическая эмиграция, при поддержке Фив собрал ополчение, с которым он легко разгромил правительственные войска, вышедшие ему навстречу, и взял Пирей. Критий был убит в одном из сражений против Фрасибула. Остальные тираны либо также погибли, либо бежали. Власть в Афинах перешла к комитету десяти, который также был вскоре свергнут, и уже в 403 г. до Р.Х. в Афинах был восстановлен прежний демократический строй, который сложился при Перикле. Была образована комиссия 20, которой предстояло выработать новые законы, а временно, до того как они будут приняты, решено было руководствоваться законами Драконта и Солона.

Афины восстановили свой суверенитет, но это был уже не тот могущественный полис, который через симмахию контролировал большую часть Эллады, господствовал в Эгейском море и в Восточном Средиземноморье. Безмерные геополитические аппетиты Перикла и его сторонников бросили Афины в костер военной экспансии, на победу в которой они не имели надежных

шансов, столкнули в лагерь их противников большую часть эллинских полисов, и привели Афины к катастрофе, которая обернулась историческим поражением всей Эллады.

6. Эллада в первой половине IV века

После победоносной войны Лакедемон стал диктовать свою волю Элладе, не располагая достаточными ресурсами для того, чтобы надолго удержать ее в своем повиновении. Спарта вела войну под лозунгом защиты свободы греческих полисов от гегемонистических притязаний Афин. И вот теперь эти полисы узнали вкус свободы, которую им даровал Лакедемон. В союзные Афинам города из Спарты отправлены были карательные экспедиции, которые устраняли от власти демократических политиков и часто расправлялись с ними, городскую администрацию передавали так называемым декархиям — комитетам десяти, при этом местные олигархи ставились в подчиненное положение гармостам — наместникам из Спарты. В Милете при перемене режима жертвами новой власти пали 800 политиков. В случае сопротивления кары были особенно свирепыми. Демократические Элиды в течение двух лет подвергались тотальному разграблению. Спартиоты и их союзники не пощадили даже знаменитый Олимпийский гимнасий. По рассказу историка Диодора Сицилийского, прибыв в Гераклею — город, расположенный на юге Фессалии, представитель Лакедемона «собрал весь народ на собрание и, окружив всех собравшихся вооруженным отрядом, арестовал виновников мятежа и всех их, в числе пятисот, казнил» (цит. по: История Древней Греции, цит. изд., с. 219). Проафинские политики были изгнаны из Милоса, Самоса, Эгин, Сикиона.

Реальная власть в Спарте оказалась в руках успешного флотоводца Лисандра. В 404 г. до Р.Х. он вернулся в родной город после победоносных сражений с несметной добычей — конфискованным флотом Афин, отломленными носами 200 уничтоженных афинских кораблей и 470 талантами серебра, с обозом из золотых венков, которые были преподнесены ему благодарными за освобождение полисами. В этих полисах Лисандру оказывали божеские почести: в Дельфах рядом с изображениями богов поставили его статую, на которой было представлено, как Посейдон возлагает на его голову венец, и сам Лисандр принимал участие в торжествах освящения этой статуи. На Самосе

праздник в честь богини Геры — Герею переименовали в Лисандрею. В самом Лакедемонe, вопреки закону, запрещавшему повторное назначение навархом, он такое назначение получил. Возникли не лишние повода подозрения, что он стремится к государственному перевороту, к установлению тирании.

Между тем военные ресурсы Спарты были истощены войной. В 404 г. в армии Лакедемона насчитывалось всего лишь 3 тысячи гоплитов-спартанцев. В составе вооруженных сил государства их многократно превосходили числом мобилизованные периэки и вольноотпущенники (неодамоды). Причиной столь резкого и политически опасного уменьшения доли спартанцев в армии явилось разорение обедневших граждан, лишившихся возможности снаряжать для себя полную гоплитскую экипировку и нести расходы на участие в сисситиях. И это разорение явилось не столько следствием истощения казны — война скорее обогатила Лакедемон, сколько как раз результатом этого обогащения: вопреки закону, запрещавшему частное владение капиталом, военная добыча — золото и серебро — оседала в руках удачливых военачальников. Ссужая средства обедневшим согражданам и взыскивая с них долги, богачи разоряли их, и они утрачивали свою воинскую годность, перетекая из класса равных (омиев) в ряд ипомиев — низших, неполноправных граждан. Еще одной причиной сокращения воинских ресурсов стал переход двух третей всех клеров в руки жен и дочерей погибших воинов в соответствии с законом о наследстве.

Характеризуя сложившуюся в Лакедемонe после победы в Пелопоннесской войне ситуацию, Тойнби подчеркивал ее парадоксальную закономерность: «Победа Спарты над Афинами... подточила мощь Спарты... Спарта оказалась перед необходимостью введения товарно-денежной экономики, от чего ее народ всячески уклонялся. Освоение новых форм экономики меняло в свою очередь отношение и к частной собственности. Традиционно Ликургова система не допускала купли-продажи земельного надела. Но уже в IV веке до н. э. высший орган государственного управления — коллегия эфоров приняла закон, согласно которому каждая семья имела право не только обладать земельным наделом, но и по своему усмотрению продавать его или порекомендовать управление им другому лицу. Разрушительное действие этого закона на традиционную Ликургову систему не идет

в сравнение даже с территориальными потерями, также подорвавшими мощь Спарты» (Тойнби, цит. изд., с. 204).

В 398 г. до Р.Х. ипомий Кинадон организовал заговор, в который он, помимо таких же, как он, неполноправных граждан, вовлек также перизков, неодамодов и илотов. Кинадон собирался совершить государственный переворот в интересах низших слоев населения Лакедемона, но заговор был раскрыт эфорами, его зачинщик и все выявленные соучастники подверглись казням.

Внутренний кризис, а также нарастание недовольства диктатором Спарты со стороны покоренных полисов правительство Лакедемона попыталось переломить активизацией своей внешней политики в Азии. Тамошние полисы в результате Пелопоннесской войны оказались под контролем Персии, и вот теперь Спарта решила воспользоваться междоусобной борьбой между сыновьями Дария Киrom и Артаксерсом, чтобы освободить эти полисы от персидского протектората, установить над ними свой контроль, причем так, чтобы это выглядело как дело, служащее общим интересам всей Эллады. Ставке сделали на Кира, и в греческих городах под патронатом Спарты на вербовали отряд наемников из 10 тысяч пехотинцев во главе с Клеархом. В 401 г. этот отряд морем был переправлен в Киликию, присоединился затем к армии Кира и стал в ней самым боеспособным соединением.

Воевать наемникам пришлось далеко от родины, в глубинах знойной Месопотамии. Сражались они мужественно и умело, но в решающей битве под Кунаксой, поблизости от древнего Вавилона, Кир погиб, и его войска обратились в бегство. Участвовавшие в битве греки не дрогнули, но остались без поддержки посреди чуждых им народов, покорившихся Артаксерксу, с которым они воевали; и наемники вынуждены были пробиваться на родину, отбиваясь от враждебных племен, терпя голод и жажду, пустынный зной и стужу в горах. Маршрут этого героического похода, который один из его участников историк Ксенофонт описал в книге «Анабасис», что значит «возвращение», пролегал через горы Курдистана и Армении. С горного перевала вблизи Трапезунда воины из арьергарда, которым командовал Ксенофонт, увидели море и, ликую, громко воскликнули: «Таласса, таласса!». Затем отряд был на судах переправлен по Черному морю в Византий. Набранные в разных полисах, наемники поступили на службу Спарты, которая с воцарением Артаксеркса

оказалась в войне со всей его империей. После героического анабасиса, молва о котором разнеслась по всей Элладе, у эллинов усилилось не лишенное легкомыслия презрение к военной силе персов, подталкивавшее их к военным авантюрам.

Инициативу масштабной войны с вековым врагом эллинов взяла на себя Спарта. По приказу царя Артаксеркса II сатрап Тиссаферн начал захват ионийских полисов. В ответ на эти действия из Спарты в Малую Азию в 400 г. до Р.Х. был направлен экспедиционный корпус во главе с Фиброном. В нем, помимо 4 тысяч пехотинцев и 1 тысячи вольноотпущенников из Лакедемона и других городов Пелопоннесского союза, было еще 300 афинских всадников; к ним впоследствии, в 399 г., присоединилось 6 тысяч участников героического анабасиса. Греческие войска взяли под контроль Ионию, а также Вифинию. В 397 г. Лакедемон заключил союз с восставшим против персидского господства Египтом, а также с сицилийским тираном Дионисием. Пелопоннеский союз к тому же располагал самым мощным в Эгейском море военным флотом. Правда, Персия превосходила противника людскими ресурсами и конницей. Эфоры, осуществлявшие общее руководство походом из Спарты, приказали Фиброну и затем сменившему его Деркиллиду занять Карию с надеждой, что тогда и карийцы вступят в войну с Персией. Но после вторжения Деркиллида в Карию войска сатрапов южной и северной Анатолии Тиссаферна и Фарнабаза соединились в Ионии, заставив Деркиллида выйти из Кари и устремиться туда же. Но решающей битвы не состоялось — было заключено перемирие и начались переговоры о заключении мира.

Обе стороны готовы были договориться о мире при условии, что Персия признает независимость ионийских полисов, а Спарта отзовет из них своих гармостов. Но тут неожиданно обнаружилась слабость позиции Спарты в самой Элладе. Афины склонялись к освобождению от диктата. К восстановлению полной независимости стремились беотийские полисы, глубокое недовольство Спартой стал обнаруживать ее союзник по Пелопоннеской войне Коринф, считавший, что плоды победы над Афинами были распределены несправедливо, в ущерб интересам Коринфа. Внутренний кризис Эллады обострился после того, как в Спарте перехватили и казнили направленных в Персию афинских послов, которым поручено было вести сепаратные переговоры. В самой Спарте возник династический кризис. После

смерти царя Агиса Лисандр не допустил восшествия на престол его сына Леотихида под тем предлогом, что в действительности он сын не царя, но укрывавшегося в Спарте Алкивиада и добился избрания царем хромого и малорослого брата Агиса Агесилая, прозванного Великим за свой полководческий талант. Но многие спартанцы были недовольны таким выбором, считая законным наследником Леотихида.

Воспользовавшись раздором в стане противника, Артаксеркс велел прервать переговоры, которые вел Тиссаферн, и возобновить военные действия. После срыва переговоров Спарта направила к берегам Малой Азии флот под командованием Агесилая. По пути к месту боевых действий флот остановился у берегов Эвбеи, где архагет совершил жертвоприношения. Но всадники, прибывшие из Беотии, потребовали от имени беотархов, чтобы Агесилай немедленно убрался; после отплытия флота подношения Агесилая были выброшены в море. Ни Фивы, ни Афины, ни Коринф не прислали своих подкреплений, таким образом общегреческая солидарность против национального врага вновь растаяла, как дым. Тем не менее войска Агесилая, к которым присоединился экспедиционный корпус под командованием Деркиллида, действовали успешно. В Ионии Агесилай набрал конницу из местных греческих всадников, которой ранее ему катастрофически не хватало. В 395 г. до Р. Х. в сражении под Сардами Агесилай одержал победу над персидскими полчищами, после которой, по приказу Артаксеркса, Тиссаферн был казнен.

Но успешному продолжению войны с персами помешало возобновление междоусобной борьбы в Элладе. Персы не жалели средств на подкуп греческих политиков в разных городах, где и без того росло недовольство спартанской гегемонией. В результате сложилась антиспартанская коалиция, в которую вошли Афины, Фивы и другие беотийские полисы. Заключением этого нового военного союза противники Спарты, которая тогда почти в одиночку вела борьбу за общегреческое дело, нанесли ей удар ножом в спину. Чтобы не оказаться жертвой нападения со стороны потенциального противника, Спарта первой начала боевые действия, вынужденная отвлечь часть своих и без того истощенных сил от борьбы с персами.

В 395 г. в Беотию были направлены два корпуса: во главе одного из них был поставлен Лисандр, во главе другого

Павсаний — два великих полководца, прославленных победами в Пелопоннеской войне. Но на этот раз полководцы действовали неудачно, несогласованно, так что Лисандр был вынужден вступить в сражение под Галиартом в одиночку, не дождавшись подхода Павсания. Сражение закончилось поражением Спарты, Лисандр пал в бою, а корпус его был разгромлен, после чего Павсаний в спешке отступил. В Спарте Павсаний был объявлен виновником катастрофы, предстал перед судом и был приговорен к смертной казни, но бежал в Тегею.

После поражения Лакедемона к союзу его противников присоединились Коринф, Аргос, Мегары, Эвбея и еще ряд полисов. С гегемонией Спарты было покончено. По предложению Коринфа союзники стали готовиться к походу против Спарты. Их войска сосредоточились южнее Коринфа, в Немее. Ввиду крайней опасности положения Спарта провела широкую мобилизацию, набрав в самом Лакедемоне и в оставшихся союзными полисах 23 тысячи гоплитов. Агесилай был спешно отозван из Малой Азии. Оставив в смертельной опасности малочисленные гарнизоны в городах Ионии, он переправил свою армию через Геллеспонт и повел ее форсированным маршем через Фракию в Элладу.

Воспользовавшись разногласиями в стане противников под Немеей, спартанцы в 394 г. нанесли им поражение и захватили город Сикион, а Агесилай в свою очередь нанес поражение коалиции в сражении у Коронея. Но сам полководец был тяжело ранен в бою, и развить успех его армия не смогла — ее решено было эвакуировать морем в Пелопоннес. Большим ударом по Спарте явилось поражение ее флота при Книде в морском сражении с персами, которыми командовал греческий перебежчик Конон. Спартанский флотоводец Писандр погиб, из 85 лакедемонских трирем 50 были потоплены или захвачены противником. Персидский флот во главе с Кононом с разрешения Афин вошел в Пирей, и моряки персов, среди которых было много этнических греков, помогли Афинам восстановить разрушенные Длинные стены, которые вновь стали мощным бастионом. Из персидской казны выдавались щедрые субсидии на это затратное строительство. В результате Афины восстановили гегемонию в Эгейском море, вновь устроили свою таможню в Византии и стали взимать пошлину с торговых судов, проходивших через Босфор.

Воевать на два политических фронта — против персов и коалиции противников в самой Элладе — Спарта была не в силах. Путь к спасению государства виделся теперь в заключении мира с Персией, которая по очевидным стратегическим соображениям не заинтересована была в доминировании одного из греческих полисов или союзов в Элладе. Перед лицом усиления врагов Спарты персы прекратили военные действия против нее и даже стали оказывать ей финансовую помощь. Затем Персия выступила в качестве посредника в начатых по ее инициативе переговорах между воюющими сторонами.

Мирный договор заключен был в Сузах. По имени посла Лакедемона, который участвовал в переговорах, договор получил название Анталкидова мира. Текст мирного договора был составлен от имени Артаксеркса: «Той из воюющих сторон, которая не примет этих условий, я, вместе с принявшими мир, объявлю войну на суше и на море и воюющим с нею окажу поддержку кораблями и деньгами» (цит. по: Сергеев, цит. изд., с. 361). А перечисленные выше этого угрожающего места в договоре условия включали в себя признание власти персидского царя над всеми греческими полисами Малой Азии, Кипра и острова Клазомены. Остальные города признавались свободными, а все греческие союзы, кроме Пелопоннеского, подлежали роспуску. По существу дела договор, выборочно запрещающий полисам вступать в союзы под предлогом неприкосновенности их свободы, ставил их в зависимое положение от Персии, которая усвоила себе роль верховного арбитра в межэллинских раздорах. Контроль за выполнением условий Анталкидова мира был возложен на Спарту, гегемония которой таким образом была вновь легализована.

Спарта поспешила воспользоваться своими прерогативами, потребовав роспуска всех союзов, даже таких слабых, как объединение городов Халкидики во главе с Олинфом. Спартанские гармасты вновь стали свергать демократические режимы там, где они смогли утвердиться во время войны, и устанавливать в них олигархические правительства. Подобные перевороты организованы были с помощью спартанского гарнизона в Кадмее и в городах Беотии, где к власти снова пришли олигархи. В 382 г. спартанский отряд, направлявшийся на север Греции, внезапно по пути следования напал на Фивы и с помощью местных олигархов сверг демократическое правительство

этого полиса. Этот переворот усилил недовольство Лакедемоном в эллинском мире.

Мир в Элладе продолжался недолго. Неустойчивое равновесие прервано было войной, за которой последовали новые столкновения. Характерной особенностью войн Эллады IV века было то, что в сражениях участвовали уже не только граждане полисов и принудительно мобилизованные лица — илоты, перизки, метеки, вольноотпущенники, но и наемники, чаще всего из полисов, не участвовавших в войне. В наемники шли обнищавшие граждане, не желавшие довольствоваться скудным содержанием, которое им выдавал родной полис и готовые добывать себе пропитание и добычу продажей собственной крови, готовые идти на службу тому полису, который платил дороже. Перед лицом той гражданской этики, которая сложилась в предшествующую эпоху, в особенности во время героической войны с Персией за независимость Эллады, наемники были отбросами общества, но в самой наемнической среде выковывались новые нравственные ценности, проникнутые духом братства по оружию внутри отряда и преданности своему военачальнику, подобная раннефеодальной этике викингов, дружинников или нравам кондотьеров эпохи Ренессанса, воевавших не за свой город или государство, но и не только за плату и за добычу, а за своего вождя или капитана.

Одновременно с внедрением наемничества реформируется воинский строй. Ранее основную силу полисного ополчения составляла фаланга гоплитов — тяжеловооруженных пехотинцев, набранных из среды состоятельных граждан, располагавших достаточными средствами для экипировки. В связи с разорением полисов на смену гоплитам приходит легковооруженная пехота пелтастов, которые употребляли вместо металлического панциря холщовый, а вместо обитого медью щита щит из кожи — пелту. Хуже защищенные пелтасты действовали более решительно, наступательно; наступательным вооружением им служили удлиненные мечи и копья. Легкость экипировки повышала маневренные способности войск нового строя.

Возобновлению войны в Элладе предшествовало ослабление Персии, раздираемой междоусобицей сатрапий, за которой стояло стремление поработенных народов к освобождению. Возможности для вмешательства Персии во внутренние

дела Эллады были ограничены. Этим воспользовались политические силы, стремившиеся к реваншу и избавлению от диктатора Спарты.

В 379 г. в Фивы тайком, переодевшись в крестьянское одеяние, вернулись бежавшие ранее из города 7 демократов во главе с Пелопидом. Сговорившись со своими единомышленниками, остававшимися на родине, они составили заговор, дожидаясь удобного момента для переворота. В одну из ночей заговорщики, переодевшись в одежды танцовщиц, проникли в дом, где пиршествовали собравшиеся вместе олигархи, и, внезапно обнажив кинжалы, перебили их. Жители города поддержали заговорщиков, и вскоре спартанский гарнизон изгнали из Фив, а в полисе была восстановлена демократия. За этим последовало изгнание спартанцев из Кадмеи и восстановление демократии по всей Беотии. Вопреки запрету Анталкидова мира, беотийские полисы восстановили тесный союз, образовали общее народное собрание, которому и вручена была высшая власть в Беотии, а для текущего управления делами союза и командования его войсками образован был совет 7 беатархов. Во главе союза стояли Пелопид и его друг, выходец из аристократии Эпаминонд, который присоединился к демократам сразу после захвата ими власти в Фивах.

Спарта решила восстановить контроль над Беотией и покарать мятежников. В Беотию был направлен отряд под командованием Сфодрия. По пути Сфодрий попытался захватить афинский порт Пирей, хотя в ту пору Афины стояли в стороне от конфликта. К тому времени Афины также сбросили с себя обременительные условия Анталкидова мира, восстановив контроль над Византием и островными полисами Лемноса, Имброса и Скироса, вновь располагая значительной военной мощью. Нападение лакедемонян было отбито. Спартанские послы уверяли Афинское правительство, что Сфодрий действовал по собственному произволу и за учиненное им самоуправство будет казнен. Его действительно отозвали в Спарту на суд, но он не подчинился приказу, на суд не явился и тем не менее был, по настоянию царя Агесилая, оправдан. Так Спарта вынудила Афины вступить в войну на стороне Беотии. Беотия заключила военный союз с Фивами, направив в помощь им 5 тысяч пехотинцев и 200 всадников под командованием Хабрия.

В 378 г. до Р.Х. была создана новая симмахия под названием «Афиняне и союзники», в нее вошло около 70 полисов, затем число участников союза выросло до 74. В основном это были полисы, расположенные на Архипелаге. Как писал русский историк Ф. Мищенко, «в стороне от афинского союза осталась не только береговая полоса Малой Азии, подчиненная персидскому царю и составлявшая две трети податных округов в первом афинском союзе, но важнейшая колония на фракийском побережье, Амфиполь, а также многие города на Геллеспонте и Пропонтиде, острова Наксос и Эгина, большая часть Закинфа, Левкады» (см.: Полибий, Всеобщая история. Т. 2, М., 2004, с. 507), так что новый Афинский союз значительно уступал по мощи Первой симмахии, которая включала почти 200 полисов и объединила в единой архе больше половины населения эллинского мира. Второй морской союз отличался от первого и по своей конституции. Доминирование Афин в нем не превращало союзников в данников метрополии. Союзные полисы сохраняли свою автономию, Афины брали на себя обязательство не вмешиваться во внутренние дела союзников, не высылать на их территории клерухии. Вместо прежнего фороса, размеры которого устанавливались в Афинах, теперь союзники добровольно вносили свой взнос на общие нужды, устанавливая размер его по своему усмотрению. В союзных городах не размещались афинские гарнизоны и туда не посылались наместники — епископы из Афин. Верховная власть в симмахии принадлежала собранию представителей всех союзных полисов — синедриону, который постоянно заседал в Афинах и в котором каждый полис имел по одному голосу. Вместе с Афинской экклизией он решал все дела союза. Главным положением союзного договора было оказание союзной военной помощи любому полису, который подвергнется агрессии с чьей бы то ни было стороны. Союз открыт был для присоединения к нему не только эллинов, но и варваров, однако не для греческих полисов Малой Азии, остававшихся под властью персидского царя. Между Афинской симмахией и Беотией установлены были союзнические отношения, направленные против Спарты и Пелопоннесского союза.

Консолидация противников Лакедемона заставила его удержаться от нового вторжения в Беотию. Военные действия были перенесены на море, где главным противником Спарты оставались Афины. В 376 г. до Р.Х. 60 спартанских кораблей,

базировавшихся на Эгине, блокировали Саронический залив, но в морском сражении у Наксоса афинский флот разгромил врага, после чего большинство полисов на Кикладских островах присоединилось к Афинской симмахии. После еще нескольких поражений Лакедемона начались переговоры о мире, и он был заключен в 374 г.

По мирному договору Спарта признала Афинскую симмахию, создание которой противоречило условиям Анталкидова мира, так что для Афин этот договор явился успехом и Афины воспользовались им для насаждения демократического правления в тех полисах, которые представляли для них интерес. Первой жертвой вмешательства стал Закиф: афинские суда доставили на побережье Закифа эмигрантов, бежавших после установления в этом полисе олигархического правления, и те, выстроив на берегу крепость, начали военные действия с целью захвата родного города. Спарта протестовала против агрессивной акции Афин, но тщетно. Тогда она решила вмешаться и направила к этому острову и к Керкире свой флот. Для противодействия Спарте Афины отрядили на побережье Ионического моря отряд из 600 наемников-пелтастов, который двинулся маршем через Эпир. Ночью отряд переправился морем на Керкиру. Заодно с Афинами действовала Фессалия, которая в ту пору вместе с Эпиром была объединена в единое государство под главенством тагоса Ясона, правившего в Ферах и располагавшего многочисленной наемной армией и самой сильной в Элладе конницей. Но военные действия затянулись.

За этим последовало возникновение трений между Афинской симмахией и Фивами, на сторону которых стал и фессалийский тагос Ясон. Толчком к нарастанию конфликта послужил захват фиванцами Платеи, беженцев из которой гостеприимно приютили Афины. В такой обстановке Афины вновь начали переговоры со Спартой. В их ход вмешался персидский царь царей. При его посредничестве в 371 г. в Спарте состоялся общеэллинский конгресс, на котором были признаны Пелопоннеский и Афинский союзы, а другие полисы заключили с Лакедемоном договоры на условиях признания условий Анталкидова мира. Но Фивы на этом конгрессе отказались выполнить требование о роспуске Беотийского союза. Беотарх Эпаминонд заявил, что это возможно лишь при условии, что одновременно будет распущен и Пелопоннеский союз. Позицию Фив не разделяли тогда

и Афины, предпочитавшие сближению с Беотией мир со Спартой. Договор был отвергнут и Фессалией, правитель которой носил далеко идущие экспансионистские планы по завоеванию Македонии.

Сразу после конгресса началась война между Беотией и Спартой, экспедиционный корпус которой под командованием Клеомберта вторгся в Беотию через Фокиду и встретился с вышедшими ему навстречу беотийцами во главе с Эпаминондом на Левктрийской равнине вблизи Фив. Клеомберт располагал 10 тысячами гоплитов и одной тысячей всадников, а Эпаминонд — 6 тысячами гоплитов и 600 всадников. Надежда Эпаминонда на помощь Фессалии не оправдалась. Ясон опасался роста могущества соседней Беотии и предпочел остаться в стороне от конфликта, желая, очевидно, ослабления обоих противников.

Численное превосходство спартанцев побудило Эпаминонда применить в сражении новый военный строй — так называемый «косой клин». Главная ударная сила была сосредоточена им на левом крыле, где он разместил 50 боевых рядов. Там находились лучшие части — отборные воины из «священной дружины». Такой своеобразный строй, никогда ранее не применявшийся, стал для спартанцев совершенной неожиданностью, и Клеомберт, чтобы предотвратить прорыв своего боевого порядка, вынужден был спешно перестраивать его, когда битва уже началась. Глубоко эшелонированное левое крыло беотийцев опрокинуло правый фланг врагов, и они начали беспорядочное отступление. Клеомберт в ходе этой атаки был смертельно ранен. Затем по приказу Эпаминонда столь же мощный удар нанесен был левым флангом беотийцев по центру спартанского строя, с теми же последствиями. В битве пала половина спартанского войска. Лакедемоняне собирались продолжать сражение, но их уцелевшие союзники не желали затягивать безнадежное сопротивление. Сражение в Лектрах вошло в классику военного искусства. В ту пору заложником в Фивах был юный отпрыск македонского царского рода Филипп, который усвоил уроки полководческого мастерства Эпаминонда.

Фессалия и Афины, встревоженные стремительным возвышением Беотии, не откликнулись на призыв из Фив включиться в общую борьбу с Лакедемоном. В Спарте были мобилизованы

все боеспособные мужчины в возрасте до 60 лет, и сын большого царя Агесилая Архидам повел их на север, но соединившись с деморализованными остатками войск, разгромленных в Левтрах, Архидам не решился на боевое столкновение с армией победителей и увел спартанское ополчение в Пелопоннес, где оно было распушено.

После победы беотийцев к их союзу стали присоединяться полисы Фокиды, Этолии и Эвбеи, а Пелопоннеский союз начал распадаться. В самом Лакедемонии восстали илоты, в результате этого восстания от Спарты отделилась Мессения; освободившиеся илоты построили на склонах горы Итомы свою столицу Мессену, укрепленную мощными крепостными стенами. В городах Пелопоннеса демократы свержали олигархические режимы и разрывали союз с Лакедемоном. В Аргосе в 370 г. против богатой верхушки полиса восстала городская беднота, и в течение нескольких дней палками (скитале) было забито до смерти полторы тысячи состоятельных граждан — это восстание вошло в историю под названием аргосского скитализма. После этого Аргос вышел из Пелопоннеского союза. Со Спартой разорвали союзнические отношения и города Аркадии, жители которых были прямыми потомками древних ахейцев — носителей блестящей микенской культуры. Эти полисы образовали собственный союз, отстроив заново свою древнюю столицу Мантиней, разрушенную ранее дорийцами; по совету Эпаминонда аркадяне приступили к созданию новой столицы союза Мегалополя — Великого города.

Спарта начала войну с Аркадским союзом. Аркадяне просили о помощи Афины, но те их не поддерживали, а из Беотии на помощь аркадянам пришла армия, в которой помимо конницы и пеластов насчитывалось 40 тысяч гоплитов во главе с беотархами Эпаминондом и Пелопидом. Войска маршем прошли по Пелопоннесу и остановились в долине Эвроты, на противоположном берегу которого расположилась Спарта, лишенная крепостных стен. В полисе находилось только 800 боеспособных граждан, и город был в смертельной опасности. Агесилай вооружил 6 тысяч илотов и не ошибся — те не восстали против своих господ. Над Лаконикой клубился дым от сожженных деревень, но Агесилай удержал войско, в отчаянии и гнев порывавшееся в бой с противником, от безнадежной атаки. Эпаминонд опустошил страну, но не решился на захват столицы — в тылу

у него были Коринф и Афины, которые перед лицом возвышения Беотии готовы были оказать поддержку Лакедемону. После 3-месячного пребывания в Пелопоннесе армия Эпаминонда ушла домой, ускользнув от нападения со стороны Коринфа и Афин.

В 368 г. до Р.Х. Эпаминонд совершил еще один поход против Лакедемона, снова разорил сельскую округу обессилившего полиса и опять не решился на штурм Спарты. Такие походы повторялись еще несколько раз, обескровив враждебный полис, но в конце концов ситуация изменилась неблагоприятным образом и для Фив. В союз с поверженной Спартой вступили не только Афины, но и напуганные могуществом Беотиды бывшие противники Лакедемона на Пелопоннесе и даже освобожденные от владычества Спарты с помощью Эпаминонда аркадские полисы. В помощь Спарте прислал своих наемников тиран Сиракуз Дионисий. Между тем Беотия вела войну на два фронта, не только на юге, но и на севере, в союзе с Фессалией, против Македонии, и в сражении с македонцами при Киноскефалах в Фессалии пал беотарх Пелопид. Чтобы переломить тревожное для Фив развитие событий и дать решающее сражение, Эпаминонд в 362 г. совершил очередной поход на Пелопоннес. Беотийская армия встретилась с войсками Лакедемона, аркадян и Афин у аркадской столицы Мантинеи. Победу в отчаянном сражении одержал Эпаминонд, но сам он был смертельно ранен, успев сказать окружавшим его соратникам: «Умирая, я оставляю двух бессмертных дочерей — Левктры и Мантинею» (см.: Сергеев, *цит. изд.*, с. 367).

После битвы под Мантинеей был заключен мир, с которого, по словам историка Ксенофонта, начался период «еще больших беспорядков и неустроенности в греческом мире» (*цит. по: Хаммонд, цит. изд.*, с. 339). Спарта окончательно утратила свою мощь и репутацию лидера Эллады, но обескровлена была и Беотия, растратившая силы из-за неудачной политики великого полководца Эпаминонда, который, не сообразуясь с реальным соотношением сил, вмешивался во внутренние дела полисов, стремясь, как раньше это делали Афины, всюду насадить демократические режимы, так что Фивы нажили себе врагов даже в полисах аркадян, своей свободой от господства Спарты обязанных помощи беотийцев. Только афинские политики свержали олигархические режимы, извлекая из переворотов выгоду для себя, подчиняя себе города, в которых с их помощью

к власти приходили демократы, и проиграли лишь тогда, когда при Перикле утратили в этой игре чувство меры, а идеалистически настроенный Эпаминонд действовал с неуместным в политике бескорыстием.

После упадка Беотийского союза, который лишь на короткий по масштабам исторического времени миг оказался на вершине могущества, в борьбу за преобладание в эллинском мире ввязались Афины, вновь оказавшиеся самым сильным полисом в Элладе. Путь к восстановлению былой гегемонии лежал через расширение и укрепление Морского союза, в котором лидирующая роль признавалась за Афинами. Своей первоочередной задачей афиняне считали восстановление контроля над городами Халкидики, но здесь они столкнулись не только с сопротивлением самих халкидских полисов, отстаивавших свою независимость, но также с Македонией и фракийскими племенами. Истощив казну на эту борьбу, Афины стали с почти прежним своеволием распоряжаться средствами союзников, повышая их взносы в союзную казну, и даже вернулись к былой ненавистной зависимым союзникам практике вывода клерухий. Все это привело к восстанию большинства союзных городов против афинского господства, вспыхнувшего в 357 г. до Р.Х. Союзническая война, продолжавшаяся два года, закончилась распадом Афинского союза.

В самой Элладе больше не осталось полисов, которые бы могли всерьез претендовать на гегемонию. Распад завершился полной независимостью многих сотен полисов, истощавших свои оскудевшие силы в мелочном и корыстном соперничестве, за которым не стояло никаких больших идей и целей. Но стремление к единству Эллады сохранялось и в умах идеалистов, и в настроениях народа, страдавшего от нескончаемой междоусобицы. Некоторые из политиков, в частности афинянин Исократ, свои надежды обращали на полуварварскую периферию эллинского мира, где сохранились крупные политические образования.

На первую половину IV века от Р.Х. приходится блестящий расцвет сицилийского полиса Сиракуз. В предшествующее столетие сицилийские полисы вели упорную войну с Карфагеном за свою независимость, и в этих войнах широко использовались разношерстные отряды наемников, составленные из любителей приключений и авантюрных головорезов — разорившихся

граждан, вольноотпущенников, беглых рабов. Наемникам выдавали жалование, и им доставалась часть военной добычи, при выходе в отставку им выделялись земельные наделы. Предводители наемников иногда устраивали перевороты и становились тиранами.

В 406 г. в Сиракузах власть захватил один из таких успешных и популярных в народе кондотьеров Дионисий, а в следующем году он уже был провозглашен стратегом-автократом. Популярность он стяжал не только военными успехами, но и искусной агитацией против богатых сиракузян. Когда он пришел к власти, по его предложению народное собрание приняло решение об аресте и конфискации имущества олигархов. Отнятое имущество, в том числе земельные владения, передали бедным гражданам, а также наемникам, в особенности тем из них, кто входил в ближайшее окружение тирана, многие из уцелевших аристократов и олигархов ушли в изгнание. Дионисия поддерживали не только наемники и демос — значительные средства казны тратились на благотворительность, за него горой стояли щедро оплачиваемые и одариваемые рабами чиновники, к их числу принадлежали и выходцы из аристократии, пожелавшие служить Дионисию, его близкие и дальние родственники, а также торговцы, интересам которых соответствовал широкий размах его экспансионистской политики.

Тирану принадлежала полнота реальной власти: он назначал наварха — командующего флотом, начальников военных гарнизонов, наместников в присоединенные города и области (фрурархов и епархов). Он объявлял войну и заключал мир, контролировал финансы государства, принимал решения о выведении колоний. При такой концентрации личной власти нужды в народном собрании не было, но предвосхищая диктаторов XX столетия, Дионисий декорировал свой режим демократическими институтами, и формально высшая власть в Сиракузах оставалась за народным собранием, хотя созывалось оно по усмотрению автократора и весьма редко — раз в несколько лет. Появление Дионисия на народном собрании облекалось в монархические регалии — он «подъезжал к собранию на четверке белых коней, в пурпурном плаще, в окружении телохранителей и придворной свиты» (История Древней Греции, цит. изд., с. 240). Все предложения автократа послушно утверждались собранием. Подобно восточным монархам, Дионисий имел

двор, куда приглашались артисты, художники, поэты и философы из всего эллинского мира. При дворе Дионисия одно время жил Платон, который безуспешно пытался внушить тирану мысль о том, что идеальным правителем может быть только философ, который смысл своей деятельности находит в служении общественному благу. До поры до времени Дионисий с удовольствием слушал красноречивого гостя, но он делал это не ради научения, а ради развлечения, затем Платон стал раздражать его, и дружба царя с философом закончилась продажей философа в рабство на невольничьем рынке.

Дионисий сколотил огромную армию. Ее основу составляли отряды наемников, которые вербовались не только из сицилийских греков и из греков Эллады, но также из варваров (местных сикулов и сиканов, выходцев из итальянских племен Апеннин, ливийцев, иберов и галлов), численностью до 25 тысяч человек. Ядром этой армии была своего рода лейб-гвардия — отряд из 10 тысяч телохранителей, высокопрофессиональных отборных воинов, храбрых и преданных своему господину. Кроме того, автократор-стратег располагал гражданским ополчением, столь же многочисленным, как и наемная армия. В конце своего правления Дионисий имел под рукой войско, состоявшее из 10 тысяч телохранителей, 10 тысяч всадников, 100 тысяч пехотинцев и экипажей 400 боевых кораблей.

Обладея мощными вооруженными силами, он вел успешную войну с Карфагеном, отняв у противника его сицилийские колонии. В 392 г. до Р.Х. с Карфагеном был заключен мирный договор, которым признавалась власть Дионисия над большей частью Сицилии, включая ранее самостоятельные полисы и бывшие колонии карфагенян. Дионисий подчинил себе племена сикулов и сиканов, обитавшие в центральной части острова. Власть Сиракуз распространилась также на греческие города южной Италии — Кротон, Регий, Кавлонию. Из Сиракуз были выведены колонии на берега Тирренского и Адриатического морей, вплоть до северной Адриатики, а также на ее балканский берег, где обитали иллирийские племена, часть из которых Дионисий сумел поставить в зависимость от себя. Тиран проводил продуманную и успешную внешнюю политику, поддерживая дружеские отношения с метрополией Сиракуз — Коринфом, со Спартой и с Афинами.

Государство Дионисия предвосхищало некоторые черты эллинистических монархий позднейшей эпохи, и подобно им, при всем своем могуществе и блеске своей рафинированной культуры, не обладало устойчивостью и прочностью. После смерти великого автократа в 367 г. его преемник и сын Дионисий Младший был отстранен от власти, которую захватил на время зять Дионисия I Дион. Не смирившись с утратой власти, он продолжил борьбу за нее с Дионом. В ходе гражданской войны Дион погиб, и Дионисий II сумел вернуться в Сиракузы, но воспользовавшись междоусобицей, зависимые полисы стали отделяться от Сиракуз. В войну вступил Карфаген, надеясь на реванш. Виновный в развале империи Дионисий Младший был лишен унаследованных от отца полномочий автократора народным собранием, которое вернуло себе верховную власть. Перед лицом агрессии со стороны Карфагена Сиракузы попросили о помощи свою метрополию Коринф, благополучие которого зависело от экономических связей с Великой Грецией; и Коринф направил в Сиракузы войско во главе с искусным полководцем и политиком Тимоментом, а тот в 345 г. окончательно отстранил от власти Дионисия Младшего и велел доставить его в Коринф. Тимомент восстановил в Сиракузах демократическое правление и сумел объединить сицилийские полисы в равноправный союз для борьбы с Карфагеном. В битве при реке Кримисе в 341 до Р. Х. карфагеняне были разбиты союзной армией сицилийских полисов, после чего Тимомент отошел от правительственных дел и, не вернувшись в родной Коринф, остался в Сиракузах частным человеком, пользуясь до конца жизни уважением сограждан. После его кончины в 334 г. в Сиракузах возобновилась междоусобная борьба.

Еще одно крупное государство сложилось на крайней северо-восточной периферии эллинского мира. Это был Боспор Киммерийский с центром в Пантикапее, в котором с 438 г. до Р. Х. правила династия Спартокидов, сменившая потомков древних основателей выведенной из Милета колонии — Археанактидов. Правители города именовались анактами, что очевидным образом связывает их с царями микенской эпохи — ванактами. Сохранение этого титула с изменившимся, но трудно сказать, каким именно, значением в ионическом Милете, жители которого были потомками эмигрантов ахейцев, бежавших

с Пелопоннеса после его завоевания дорийцами, представляется вполне вероятным, а затем этот архаический титул колонисты из Милета перенесли в Северное Причерноморье. В таком случае родовое прозвище первой династии Археанактиды прочитывается как древние ванакты. Архаические черты вообще характерны для культуры Боспорского царства. Великолепные подкурганнные круглые склепы Пантикапеи и Тамани с уступчатыми сводами, в которые ведут длинные продромосы, своей архитектурной конструкцией, своей стилистикой поразительно близки погребальным сооружениям Микен, выстроенным тысячелетием раньше.

Сменившая Археанактидов новая династия тиранов носила уже фракийское имя. Как писал М. И. Ростовцев, «фракийское имя Спарток не предполагает непременно, что мы имеем дело с фракийцем — выходцем с Балканского полуострова, с командиром наемной фракийской дружины, как это обычно предполагают. Я уже указывал, как сильны были фракийские элементы в древнейшем населении Боспора, Тамани и Приазовья. Можно поэтому думать, что Спарток принадлежал к местному богатому огречевшемуся роду, вошедшему в состав державных родов Пантикапеи. При этом предположении понятно, почему Спартоку и его потомкам удалось прочно обосновать свою власть в Пантикапее, объединив около нее и греков, и местное туземное население» (Ростовцев, цит. изд., с. 67). Для греков Пантикапеи и зависимых от нее колоний Спартокиды были тиранами, сосредоточившими властные функции ключевых полисных должностей, подобными римским принцепсам, а в глазах разноязыких племен, населявших Боспор, — меотов, синдов, псессов, дандариев, — они были царями, возвысившимися над родами племенных вождей, которые вступали в квазифеодальные отношения с Спартокидами как со своими сюзеренами. Со временем автохтоны, эллинизированные и не эллинизированные, начинают составлять все большую часть вооруженных сил Боспора. Двойственностью своих властных полномочий династы наилучшим образом гарантированы были от мятежей и опасности свержения. Спартока сменил Сатир I, правивший с 433 по 389 г., затем власть перешла к его сыну Левкону I (389–349 гг.), его преемниками были его сыновья соправители Спарток II (349–344 гг.) и Перисад I (349–310 гг.), после которого правил его сын Эвмел (309–304 гг.), вначале вместе с двумя

братьями, а после их устранения в результате междоусобной войны единолично.

Пантикапея с середины V столетия поддерживала дружеские отношения с Афинами, но сумела уклониться от вступления в Морской союз и тем самым сохранила свою независимость, оставаясь надежным торговым партнером Аттики, снабжая ее на взаимовыгодных условиях хлебом и рыбой. Особенно много рыбы вылавливалось в Меотиде — Азовском море. Пшеницу, вывозимую в Афины, выращивали как в самом Боспорском царстве, так и за его пределами, на плодородных полях Кубани и Дона, где в соседстве с кочевниками обитали оседлые земледельческие народы. «В Афины ежегодно ввозилось около 1 млн. пудов хлеба. Только через порт Феодосия за несколько лет было вывезено 5, 25 млн. пудов зерна» (История Древней Греции, цит. изд., с. 251). В обратном направлении из Эллады в Боспор везли вино, ткани, оливковое масло, ювелирные изделия. Поражение Афин в Пелопоннесской войне позволило Сатиру и затем Левкону «ввести свои отношения с Афинами в новое русло» и «настоять на праве свободной торговли хлебом Боспора не только с Афинами, но и с другими греческими городами, гарантировав, правда, Афинам особые и очень ценные привилегии» (Ростовцев, цит. изд., с. 69).

Владения Спартокидов охватывали Керченский и Таманский полуострова, а также устье Дона, где находилась зависимая от Пантикапеи колония Танаис. После длительной 20-летней войны против Феодосии, которой оказала помощь Гераклея Понтийская, Левкон подчинил себе этот полис, самый крупный после Пантикапеи в Крыму. Воспользовавшись поражением Афин в Пелопоннесской войне, Сатир захватил афинскую колонию в Нимфее. В результате упорной экспансии Боспорское царство включило в себя Фанагорию, Гермонассу, Кепы, Горгиппию, так что его владения простирались по Черноморскому побережью вплоть до современного Новороссийска.

Главную угрозу для Боспора составляли скифы. Особенно ожесточенная война со скифами за независимость Пантикапеи велась в правление царя Перисада I. Вершины своего могущества Боспорское царство достигло при царе Эвмеле, который пытался распространить гегемонию Боспора на все северное Причерноморье, но встретил в этой экспансии непреодолимое препятствие со стороны Македонии, к тому времени

переживавшей высший расцвет своего могущества и ставшей ядром мировой империи.

7. Эллинская цивилизация классической эпохи

Средоточием, своего рода эпицентром эллинской культуры были Афины, а главный персонаж из истории эллинской мысли — современник Перикла афинянин Сократ, образ которого остался на века интригующим и овеянным тайной. Философ *par excellence*, отец античной и европейской философии, он не оставил потомкам ни одного сочинения, а только высказывания, записанные его учениками, и достоверность каждого из них, даже самых хрестоматийных сократических афоризмов, может быть поставлена под сомнение. Знаменитый рецепт, который в обыденной памяти человечества теснее всего связан с именем Сократа, — «Познай самого себя», — был выгравирован в дельфийском храме Аполлона; прочитанный и затверженный паломниками оракула, он, помимо Сократа, был хорошо известен всему эллинскому миру. Биографию Сократа написал его ученик, историк Ксенофонт. Сократу принадлежит главная роль в диалогах его почитателя Платона, в уста учителя Платон влагает свои самые глубокие идеи, но реконструкция из этих диалогов слов, действительно сказанных Сократом, признается исследователями задачей, не поддающейся решению.

Современников поражал, отталкивая одних и притягивая, завораживая других, даже внешний облик этого мудреца, столь чуждый эллинских черт и отвратительный на вкус, воспитанный классической эстетикой. Коренастое, массивное туловище на кривых и сильных ногах, лысый череп, круглое и курносое лицо с непомерно высоким лбом, на котором восседала большая шишка, глаза навывкате, клочковатая борода под толстогубым ртом, о котором говорили, что он уродливее ослиной пасти. В нем угадывался двойник одного из окружавших Силена сатиров. При этом шутя, но и не без сократической серьезности обладатель столь гротескной внешности доказывал своим собеседникам, что он само воплощение красоты: ведь основанием красоты, говорил он, является польза, а нос, открытый ветрам и солнечным лучам, конечно же, предпочтительней ноздрей, обоняющих смрадные испарения земли.

Все время он проводил на городских базарах и площадях, прогуливаясь по ним без сандалий, босиком, и всегда — зимой

и летом — в одном и том же изношенном рубище, о котором говорили, что оно хуже, чем у рабов. В восприятии многих современников Сократ был одним из назойливых софистов, которые, помогая составлять судебные речи и выигрывать процессы либо развлекая публику, обратили диалектическую изощренность острого и профессионально тренированного ума в орудие наживы, но Сократ не был софистом, и не только потому, что оставался чужд всякой корысти, еще более потому, что, подвергая избитые обывательские суждения скальпелю аналитической критики, гносеологической квинтэссенцией которой стала знаменитая формула «я знаю только то, что ничего не знаю», он предавался этому занятию не ради забавы и игры, а стремясь к познанию высшей истины, иными словами, он один тогда заслуживал звания софиста, мудреца в собственном смысле слова, в отличие от собратьев по философскому ремеслу, которые, вываляв это звание в грязи развязного цинизма и рвачества, сделали из него ироническое прозвище.

Сократ притягивал к себе любознательных эллинов остротой ума, неотразимой убедительностью своих аргументов. С неизменно добродушной иронией он развенчивал беспомощность доводов оппонентов, которые вступали в полемику с ним, вызывая раздражение у недалеких и самолюбивых спорщиков и приводя в восхищение тех, кто был способен оценить силу его диалектики. В платоновском «Пире» Алкивиад говорит: «Когда я слушаю его, сердце у меня бьется гораздо сильнее, чем у беснующихся корибантов, а из глаз моих от речей его льются слезы... Этот Марсий приводил меня часто в такое состояние, что мне казалось — нельзя больше жить, как я живу» (Платон, 215d — 216a).

Но дюжинных обывателей Сократ пугал непохожестью на пронырливых подмастерьев софистского цеха, чья очевидная несерьезность не вызывала опасений. Восприятие его афинской толпой наилучшим образом отразилось в пьесе великого Аристофана «Облака». В этом комедийном шедевре карикатурный Сократ представлен в виде заезжего чужеземного доктора-шарлатана, который наблюдает ночью за звездным небом, а днем за обожествляемыми им облаками из подвешенной в воздухе корзины. Сияясь объяснить явления природы, например дождь и грозу, натуралистически, без участия богов, он внушает увлеченным его нелепой «софистикой» юношам атеизм и развращает

их, помогая им оправдываться в своих дурных поступках и тем самым избегать наказания с помощью изощренных аргументов. Взгляды Аристофана разделяла не только афинская толпа, но и власти полиса, тем более что постоянным собеседником Сократа был самый циничный и аморальный из политиков — Алкивиад.

В результате этого конфликта опасного софиста и полиса главным событием в жизни Сократа стала его смерть по приговору суда, обвинившего его в безбожии и развращении юношества. Выслушав приговор, Сократ не пожелал воспользоваться помощью друзей, которые хотели спасти ему жизнь, и выпил смертоносную цикуту в 399 г. до Р.Х., прожив на земле 70 лет. Рожденный в год победы греков над персами в сражении у реки Эвримедонта в Памфилии, он исполнил над собой смертный приговор после восстановления демократического правления в Афинах, потерпевших поражение в Пелопоннеской войне, явившись свидетелем блистательного века Перикла.

Сократа осудили за атеизм, в действительности же он не был безбожником. Он вполне серьезно относился к своему демону, который, как он искренне верил, внушал ему его самые важные мысли, но в своих беседах он редко упоминал богов, которых чтили Афины и вся Эллада; более того, вопреки хорошо известным даже неучам мифологическим историям олимпийских божеств, Сократ и о богах говорил, что о них никто ничего толком не знает, хотя он не отрицал их существования. За богами гомеровских мифов и гесиодовской теогонии Сократ усматривал божественное провидение, которому подчиняются и боги и люди. Было бы натяжкой интерпретировать его религиозные идеи, о которых досконально ничего не известно, ввиду исключительно свободного отношения его ученика Платона к авторским правам учителя, как монотеистические, но очевидно также, что он не был ни атеистом в нашем понимании этого слова, ни политеистом, разделявшим народные верования в населявших космос богов. Может быть, если уж есть необходимость аттестации его мировоззрения термином из набора устоявшихся классифицирующих определений, наиболее адекватным будет зачисление его по штату пантеистов, но и такой подход требует оговорок и остается проблематичным.

Принципиально важна однако не столько своеобразная религиозность Сократа, сколько то обстоятельство, что он сам

несет в своем духовном облике, в своей жизни и смерти черты основателя религии, более того, для философов он и стал своего рода божеством, почитаемым и превозносимым выше олимпийских богов, но только для философов, а не для народа, в то время как состоявшиеся основатели религий — Заратустра, Конфуций, Лао-цзе или Будда — стали учителями жизни не для избранных одиночек, а для народов. Причина этого в том, что Сократ, со всей серьезностью, разительно отличающей его от заурядных софистов, относясь к человеческой мысли, обучая своих собеседников своего рода гносеологической гигиене, пренебрегал иными сторонами жизни человека и человеческого общества — тем клубком страстей, привязанностей, антипатий, страхов и надежд, из которых и складывается человеческое существование. Самое главное, что отличало Сократа от успешных основателей народных религий, заключается в не чуждой высокомерия при всей скромности и неамбициозности этого бессребреника и аскета принципиальной неэкзистенциальности его учения и, что еще важнее, в отсутствии в его сердце или, чтобы быть более корректным, в том образе идеального философа, который он демонстрировал собой, сострадательной любви. Такому философу позволительно заботиться о своих ближних, являть снисхождение к их немощам и порокам, но он во всех обстоятельствах, перед лицом любой катастрофы, как собственной, так и своих собратий, должен оставаться внутренне свободным, равнодушным и потому неуязвимым; ничто и никто в этом мире не должно лишать его внутреннего покоя и невозмутимости.

И все же подвиг Сократа, добровольно принявшего смерть за любовь к истине, дал христианскому апологету святому Иустину Философу повод назвать его христианином до Христа: «Те, которые жили согласно со Словом, суть христиане, хотя бы считались за безбожников: таковы между эллинами — Сократ и Гераклит» (Святой Иустин. Апология I — Антология. Раннехристианские отцы Церкви. Брюссель, 1978, с. 316–317). Сократ хотел, чтобы все афиняне, все эллины, все люди научились быть философами, но чистым философом не стал даже его любимый ученик Платон, который не сумел с философическим бесстрашием уйти из плена политического прожектерства. Смерть Сократа стала для Платона важнейшим событием и его собственной

жизни и истории Эллады, обозначив в ней трагический надлом, начало гибельного кризиса.

В отличие от сына каменотеса и ваятеля Сократа, Платон по рождению принадлежал к самой знатной аристократии, хотя и не был богат. По отцу он потомок последнего афинского царя Кодра, погибшего при защите родного города от полчищ диких дорийцев, а его мать вела свой род от великого Солона. Платон родился в 427 и умер в 347 г. до Р.Х. Собственным именем этого философа было Аристокл, а Платон — это прозвище, которое дал ему, по преданию, Сократ: «платос» значит «широкий» — юный Аристокл отличался богатырским сложением. Он усердно упражнялся в гимнастике, борьбе и верховой езде, участвовал в состязаниях и однажды даже одержал победу в Истмийских играх. В юности Платон учился музыке и живописи, писал лирические стихотворения, комедии и трагедии, которые сжег после знакомства с Сократом, состоявшегося в 407 г., когда Аристоклу исполнилось 20 лет, а состарившемуся Сократу оставалось 9 лет до смертоносной чаши, но 25 эпиграмм, свидетельствующих о высоком поэтическом таланте их автора, осталось после этого литературного аутодафе.

Познакомившись с Сократом, Платон стал самым близким его учеником, но, как это видно из диалога «Федон», когда учитель, уже приговоренный к смерти, продолжал беседовать с учениками, Платона не было среди них по причине его болезни — комментаторы «Федона» предполагают, что болезнь заключалась в психическом расстройстве, в непереносимости для этого человека с тонкой душевной организацией находиться возле учителя, обреченного на смерть. Нервная чувствительность Платона замечательно сочеталась с энергичным деятельным темпераментом борца, не чуждого склонности к авантюризму. Он много путешествовал по Элладе и за ее пределами, побывал во Фракии, Персии, Египте и много раз — в Италии и на Сицилии. Глубоко недовольный современной ему мизерабельной политической атмосферой Афин и других полисов Эллады после губительной Пелопоннеской войны, столь не похожей на героическую войну с персами, он надеялся при дворе сицилийского тирана Дионисия Старшего найти опору для своих политических экспериментов, которые, вероятно, клонились в сторону реставрации порядков, существовавших в Спарте в архаическую эпоху. В Сиракузах принимали его по-царски, но потом, в результате

придворных интриг, Платон попал в немилость к тирану и тот велел продать его в рабство. Его привезли в Эгину и продали там на невольничьем рынке за 20 мин. Купил философа киринеец Анникерид, который тут же отпустил его на волю. Друзья Платона собирались вернуть Анникериду цену раба, но тот великодушно отказался от компенсации понесенных убытков, и Платон купил на эти деньги сад в афинском пригороде Академии, который был назван так в честь почитавшегося там героя Академа. В этом саду Платон устроил философскую школу, просуществовавшую почти тысячу лет и закрытую святым императором Юстинианом в 529 г. от Р.Х. Катастрофа при дворе Дионисия не удержала Платона от новых опытов с сицилийскими тиранами Дионисием Младшим и Дионом, столь же неудачных, хотя и менее опасных.

Литературное наследие Платона — это «Апология Сократа», представляющая собой платоновскую версию защитительной речи его учителя перед судом, 23 несомненно подлинных и 11 сомнительной подлинности диалогов, 13 писем и эпиграммы. Самое ценное в этом наследии — диалоги, своеобразие которых в том, что философские идеи представлены в них не в систематическом изложении, но в живом диалектическом процессе их рождения. Сам не стремясь к систематизации, Платон поставил своих исследователей перед неодолимыми трудностями в попытках непротиворечивого изложения его философии, но благодаря этой особенности его диалогов, на него опирались впоследствии мыслители разных направлений — Аристотель и неоплатоники, гностики и манихеи, александрийские отцы Церкви и блаженный Августин, средневековые западные мистики и суфии, гуманисты, пытавшиеся возродить древний паганизм, и классики немецкого идеализма.

Платон не только философ, но и прекрасный писатель. Его диалоги — это общепризнанная вершина аттической прозы, многочисленные речи, включенные в них, меткостью и остроумием отточенных аргументов, глубиной мысли, диалектическим блеском и красотой слога превосходят самые совершенные образцы античного красноречия, стоят выше ораторских шедевров Демосфена, Исократы и Цицерона. Платоновским диалогам свойствен захватывающий идейный и психологический драматизм, в них участвуют живые люди с резко индивидуализированными характерами, за которыми стоят реальные лица,

творчески преобразованные фантазией писателя, но не утратившие от этого биографической узнаваемости. Замечательные литературные качества текстов Платона происходят отчасти оттого, что в своих рассуждениях он опирается на мифологию и сам создает своего рода миф, на символическом языке которого он излагает свои самые душевные мысли.

Хрестоматийно известен сочиненный им миф из диалога «Государство», в котором образ темной пещеры иллюстрирует мысль об ограниченности человеческого знания: «Ты можешь уподобить нашу человеческую природу в отношении просвещенности и непросвещенности вот такому состоянию... посмотри-ка: ведь люди как бы находятся в подземном жилище наподобие пещеры, где во всю ее длину тянется широкий просвет. С малых лет у них там на ногах и на шее оковы, так что людям не двинуться с места, и видят они только то, что у них прямо перед глазами, ибо повернуть голову они не могут из-за этих оков. Люди обращены спиной к свету, исходящему от огня, который горит далеко в вышине, а между огнем и узниками проходит верхняя дорога, огражденная — глянь-ка, невысокой стеной вроде той ширмы, за которой фокусники помещают своих помощников, когда поверх ширмы показывают своих кукол» (Платон, X, 514 а, b)... Затем в диалоге представлен процесс постепенного изведения человека из темной пещеры на поверхность земли, где светит солнце: «Это уподобление следует применить ко всему, что было сказано ранее: область, охватываемая зрением, подобна тюремному жилищу, а свет от огня уподобляется в ней мощи солнца. Восхождение и созерцание вещей, находящихся в вышине, — это подъем души в область умопостигаемого» (Платон, 517b), где созерцаются идеи, предсуществующие конкретным вещам.

Идеи — ключевое понятие в философии Платона. Идей всякой вещи он считал сумму качеств, отличающих одну вещь от другой. «Платоническая идея, — по характеристике А. Ф. Лосева, — это не только субстанциализированные родовые понятия, метафизически противостоящие чувственной действительности. Анализ бесчисленных текстов Платона показывает, что свою идею вещи Платон понимал прежде всего как принцип вещи, как метод ее конструирования и познания, как смысловую модель ее бесконечных чувственных проявлений, как смысловую ее предпосылку (“гипотезу”),

наконец, как такое общее, которое представляет собой закон для всего соответствующего единичного. При этом материя является функцией идеи. В таком смысле идея оказывается пределом бесконечно малых чувственных становлений, своего рода их интегралом» (А. Ф. Лосев. Жизненный и творческий путь Платона. — Платон, Сочинения в 3-х томах. Т. 1. М., 1968, с. 55). Но это, разумеется уже перевод Платона на понятийный язык математики нового времени. Сам Платон не употреблял таких терминов, как «функция», «бесконечно малые» и «интеграл». В своей совокупности, по Платону, бесконечное множество реально существующих умопостигаемых идей составляет абсолют, или Единое, из которого путем эманации рождается чувственно воспринимаемый мир разрозненных материальных вещей — апейрон, и человек способен, благодаря присущему ему разуму — нусу, восходить от чувственного восприятия апейрона через созерцание сокрытого в нем гармоничного космоса идей к постижению Единого, тождественного божественному Разуму — Нусу.

В «Государстве» начертан образ страдающего праведника — одно из самых впечатляющих прозрений, возникших вне Израиля. Этим образом Платон иллюстрирует мысль о том, что в мире сем мучительная казнь является неизбежным делом того, кто в жизни своей до конца верен нравственному закону: «Справедливый человек подвергнется бичеванию, пытке на дыбе, на него наложат оковы, выжгут ему глаза, а в конце концов, после всяческих мучений, его посадят на кол» (Платон, 362, а). Воображение Платона узрело Праведника не на кресте, а на колу, но параллель этого места с 21 псалмом очевидна.

Диалог «Законы», проникнутый утопическим прожектерством самого мрачного свойства, предвосхищавшим казарменный коммунизм, написан в пору мизантропической старости мыслителя и упадка его литературного таланта.

Самым самостоятельным, независимым от наставника учеником Платона был Аристотель, которому принадлежит не лишнее надменности изречение «Платон мой друг, но истина мне дороже». Аристотель родился в 384 г. до Р. Х. в халкидском городе Стагире в семье Никомаха, придворного врача македонского царя Аминты III. В 17 лет Аристотель приехал в Афины и стал там учеником Платона. После 20-летнего пребывания в платоновской Академии он был приглашен ко двору сына

Аминты Филиппа II и стал воспитателем Александра, которому исполнилось тогда 13 лет. Проведя при дворе 8 лет, Аристотель вернулся из Македонии в Афины и основал в этом городе в 335 г. свою школу при афинской гимнасии — Ликее, или Лицее, названной так потому, что она была посвящена Аполлону Ликейскому. Филипп и Александр щедро вознаградили воспитателя за понесенные труды. Филипп восстановил разрушенную Стагиру — родину философа, и ее жители праздновали потом ежегодно память своего великого земляка, устраивая аристотелии, а Александр подарил учителю колоссальную сумму денег, которые пошли на обустройство Лицея, а также, по рассказу Плиния Старшего, предоставил в его распоряжение несколько тысяч рабов, чтобы те ловили для него животных, исследуя анатомию, физиологию и повадки которых, Аристотель написал «Историю животных», заложившую основы научной зоологии.

В Лицее он написал свои основные труды. После смерти Александра Македонского философ вынужден был оставить Афины, потому что этот полис стал средоточием политических интриг, враждебных Македонии. Он поселился в прибрежном городе Халкиде на Эвбее, где и провел последний год своей жизни. Скончавшись в 322 г., он пережил своего великого ученика на несколько месяцев. В старости Аристотель любил приходить на морской берег и долгие часы проводил в наблюдении за движением морских волн, тайну которого он стремился постичь. Привычка к напряженной умственной работе не оставила его и в пору старческой слабости.

Всю жизнь Аристотель расширял круг своих исключительно разносторонних универсальных познаний. Он досконально знал все, что известно было науке античного мира. Благодаря своей энциклопедической эрудиции, он стал систематизатором в философии и науках, но широта его кругозора и склонность к классификации и схематизации не погасила творческого горения его мысли, но придавала его теоретическим построениям классическую ясность и строгость. Аристотель написал труды в разных областях знания, которые послужили на века фундаментом соответствующих научных дисциплин — философии, логики, психологии, этики, эстетики, политологии, права, социологии, а также естествознания — физики и биологии.

Его важнейший, хотя и плохо сохранившийся, искаженный при позднейших переделках труд назван «Метафизикой». Это

название не принадлежит автору. В I столетии до Р. Х. Андроник из Родоса редактировал труды Аристотеля, чтобы подготовить их к переизданию, и в этом собрании вслед за трактатами, посвященными естественно-научной тематике — физике, поместил разрозненные сочинения, посвященные вопросам бытия и познания — онтологии и гносеологии, назвав их бессодержательно «мета физика», то есть «после физики», и с легкой руки этого редактора метафизика стала названием не только сводного труда Аристотеля, но и важнейшего раздела философии.

В «Метафизике» Аристотель развивает и в то же время ревирует учение Платона об идеях. Аристотель критикует учителя за то, что тот удваивал мир, отделяя идеи, или сущности вещей, от самих вещей. Идеи, которые Аристотель предпочитал называть формами, существуют в самих вещах, являясь их сущностями и причинами, сгустками двигательной энергии для них. Отделить идею, или форму вещи, от самой вещи можно только в познании, в теории, и соотносятся они как индивид и вид, или род. В действительности не существует ни бесформенной материи, которая мыслима лишь как неопределенная потенция, ни чистых, отвлеченных форм. Исключение составляет только форма всех форм и идея всех идей, перводвигатель природы и конечная цель всякого существования — вечный Разум, или Бог. Философия Аристотеля, в отличие от платоновской, не облечена в одеяние мифа. Не будучи теистической в собственном смысле слова, скорее составляя своего рода прототип новоевропейского деизма, она все-таки оказалась наиболее близкой к монотеизму из всех философских и теологических систем античной классики и потому в свое время служила опорой для христианской, как, впрочем, и для исламской философии, так что на Аристотеля опирались в своих построениях богословы антиохийской школы, святые отцы-каппадокийцы, преподобный Иоанн Дамаскин, а также средневековые схоласты.

Классическим трудом по формальной логике, по теории силлогизмов, но также и по семиотике и теоретическому языкознанию стал аристотелевский «Органон». На западную схоластику «Органон» оказал более глубокое влияние, чем «Метафизика». Основы научной политологии и социологии заложены аристотелевской «Политикой». Непревзойденным шедевром в области эстетики и теории литературы стал трактат «Поэтика», в котором Аристотель с поразительной глубиной проникновения в суть

вещей разработал ключевое для понимания античной трагедии понятие катарсиса, проливающее обильный свет на тайну воздействия всякого искусства на человеческую душу.

«Никомахова этика» — это основополагающий труд не только по той дисциплине, которая обозначена в его наименовании, но и по психологии. Конечно, естественно-научные труды Аристотеля «История животных», «Физика» и «Метеорологика» устарели больше, чем помещенные в «Органоне» «Первая» и «Вторая Аналитики» и «Топика» — метод познания, применяемый Аристотелем, основан на наблюдении и дедуктивном анализе его результатов, он принципиально отличается от экспериментального метода новоевропейского естествознания, — но история физики и биологии немыслима без фундаментальных трактатов Аристотеля по соответствующим наукам.

Аристотель — учитель для последующей античной и европейской науки, но прямыми его последователями были перипатетики — такое название его ученики получили потому, что Аристотель беседовал с ними, прогуливаясь по двору Лицея. Школа перипатетиков стояла в центре умственной жизни Эллады в эпоху эллинизма. Ученики благоговейно чтили память основоположника своей школы, но у Аристотеля было много недоброжелателей. Самолюбивых людей отталкивала его насмешливость и язвительность, его сдержанность и неизменное самообладание, которые воспринимались как проявление холодности и бессердечия. Иных раздражал и неказистый внешний облик философа — малый рост, близорукость, а также его картавый выговор.

Сократ, Платон и Аристотель — три вершины античной и мировой мысли, но этими именами далеко не исчерпывается философское наследие классического века. Продолжателями натурфилософской традиции эпохи архаики были такие досократики, как друг Перикла Анаксагор из Клазомен, который в трактате «О природе» развивал мысль о существовании бесконечного множества стихий, или семян — гомеомериев, из которых мировой разум — тончайшее из всех веществ выстраивает совершенный космос, а также Эмпедокл из сицилийского Акраганта, выдвинувший гипотезу о возникновении всего растительного и животного мира из простейших организмов.

В южной Италии на рубеже архаической и классической эпохи сложилась элеатская школа, названная так по городу

Элее, в котором жил виднейший ее представитель Парменид. Он учил, что подлинно сущее не может быть конечным и бесконечным, светом и тьмой, единством и множеством. Истинно сущее — это единое, вечное, неподвижное и неизменное, это полнота бытия, вне которого ничего нет. Небытие (меон) не существует, ничто в действительности не возникает и не исчезает, а чувственно воспринимаемый мир изменчивых явлений — это лишенный реального существования мнимый, только кажущийся, иллюзорный мир.

В противоположность элеатам современник Парменида Гераклит Ефесский в трактате «О природе» источником всего существующего объявил борьбу (полемон), которую он называл отцом всех вещей. Поэтому в природе царит не покой, но движение; и бытие постоянно превращается в небытие, а из небытия возникает бытие. По мысли Гераклита, мы существуем и не существуем. Хрестоматийно известно его изречение о невозможности дважды войти в одну и ту же реку, воды которой постоянно текут и изменяют свой состав. Мир — это вечно пребывающая и непрерывно изменяющаяся стихия, угасающий и вновь воспламеняющийся живой огонь. В борьбе и единстве противоположностей, в вечном изменении и движении — логос мировой тайны, универсальный закон космоса.

Современники Сократа софисты Протагор, Горгий, Критий отвергали принципиальную познаваемость мира и ставили под вопрос саму объективность его существования, считая несомненной реальностью и мерой всех вещей человека. Интерес этих бродячих платных учителей направлен был не на познание сущности вещей и мира, а на социальную и политическую реальность, в которую погружено человеческое существование. Мастера диалектической полемики, софисты, несмотря на последовательный агностицизм и изрядную долю цинизма, с которой они относились к своему ремеслу, внесли немалый вклад в разработку основных понятий из области логики и риторики, этики и права.

Под влиянием Сократа и старших софистов сложилась мегарская школа, основанная Эвклидом, к которой принадлежали также Евбулид, Диодор Крон, Стильпон. Мегарцы, которых называли эристиками — спорщиками, по преимуществу развивали техническую сторону сократовской диалектики, вооружая своих учеников словесным оружием, предназначенным для побед

на судебных поединках и в политической полемике. Младшие софисты Аристипп и друг Сократа Антиофен основали школы: первый — гедоников, а второй — киников. Они оба отвергали и принципиальную возможность и пользу теоретического знания, противопоставляя ему практическую пользу и житейскую мудрость, но эту мудрость они видели по-разному: гедоники — в максимальном удовольствии, получаемом от жизни, либо в постоянно радостном состоянии духа, как учил Феодор, в отсутствии скорбей, по учению еще одного гедоника Гегезия, а киники — в самоосвобождении от страстей и потребностей.

Самый знаменитый из киников — ученик Антиофена Диоген из понтийского города Синопа жил, подобно Сократу, в крайней неприязнательности и добровольной бедности. Днем он ходил по городу босиком, с палкой в руке и нищенской сумой за плечами, а ночи проводил в выброшенной бочке, валявшейся на окраине города. Вслед за своим учителем Антиофеном Диоген проповедовал толстовское презрение ко всем общественным институтам: собственности, государству, семье, решительно отвергал рабство. Рассказывают, что когда к нему пришел Александр Македонский, чтобы поучиться его прославленной мудрости, и пообещал сделать для него все, чего тот пожелает, Диоген попросил царя об одной услуге — не заслонять ему солнца и отойти от него. Царь и завоеватель полумира, по преданию, сказал тогда, что если бы он не был Александром, он хотел бы быть Диогеном.

Современник идеалиста Платона материалист Демокрит из Абдеры, в отличие от софистов, киников и гедоников, имел, как и его антипод Платон, живой интерес к теоретическим вопросам, к онтологии. Развивая идеи Левкиппа из Милета, он сформулировал атомистическую теорию строения мира. Атомы Демокрита — это мельчайшие неделимые (отсюда — атом) элементы вещественного мира. Они движутся в пустом пространстве, сталкиваются между собой, и в результате возникают разнообразные комбинации, составляющие чувственно воспринимаемый мир. Эти атомы принципиально отличаются от бесконечно делимых атомов современной физики и по существу дела представляют собой чувственно не воспринимаемые, но умопостигаемые конструкторы, которые немногим отличаются от платоновских идей. Во всяком случае и атомы Демокрита, и идеи Платона, и форма на языке Аристотеля представляют

собой понятия, которые отмечены одним и тем же философским стилем, разительно отличающимся от стиля и языка новоевропейской философии и науки. Одна из основных идей Демокрита — неотвратимое торжество необходимости во всем, что совершается в мире; философ не останавливался перед распространением этого утверждения на область истории и человеческой нравственности. Таким образом, Демокрит выступил как последовательный приверженец принципа детерменизма и предопределения.

В классическую эпоху развивалась не только теоретическая философская мысль, но и опытное научное знание. Основателем научной медицины почитается Гиппократ, врач, живший и успешно лечивший людей в середине V века. Его главный принцип в лечении — «не навреди» — заключается в следовании природе; только в крайних случаях, считал он, необходимо прибегать к радикальному вмешательству в естественное течение болезни — к хирургии. Составленная Гиппократом клятва врача и до сих пор остается квинтэссенцией медицинской этики, проникнутой пафосом человеколюбия и самоотверженного служения ближнему.

Уроженец Хиоса Энопид, как и Гиппократ, живший в V столетии, был замечательным математиком. Он с большой точностью вычислил продолжительность астрономического года в 365 дней, 8 часов и 57 минут. Его младший современник афинянин Метон уточнил эту величину и на ее основе составил первый солнечный календарь, которым мы пользуемся и поныне, с незначительными его усовершенствованиями и уточнениями.

Пифей из Массалии, современного Марселя, греческой колонии в западном Средиземноморье, в IV веке до Р. Х. совершил далекое морское путешествие вдоль берегов Германии, Британии и расположенных поблизости от нее маленьких островов, доплыл до загадочного острова Туле, который некоторые исследователи отождествляют с Исландией. Он добрался до таких широт, где летняя ночь бывает поразительно короткой. Пифей составил подробное описание своего путешествия, сделав при этом ряд научных открытий. Наблюдая за приливами и отливами на побережье Атлантического океана, он установил связь этого явления с лунными фазами.

В классическую эпоху написали свои бессмертные историко-графические труды Геродот, Фукидид и Ксенофонт.

Философия, математика и история вызывали интерес в относительно широких и все-таки ограниченных кругах интеллектуальной элиты. Но в Греции существовал и такой вид творчества, который затрагивал и увлекал всех эллинов. Это был театр, это была великая греческая драма — трагедия и комедия. Театры устраивались в разных городах Эллады. По своему архитектурному совершенству среди них выделялся театр Эпидавра, построенный в конце классической эпохи — в середине IV века, но самым грандиозным по размерам был Эфесский театр, который вмещал 60 тысяч зрителей, в афинском театре Диониса могло присутствовать до 17 тысяч. Театр состоял из трех частей — театрона, оркестры и схены. Театрон представлял собой своего рода зрительный зал в форме полукруглого амфитеатра, чаще всего на склоне холма. Места для зрителей располагались уступами, для чего по склону холма устраивались террасы. Зрители обыкновенно приносили с собой на театральные представления подушки, которые клали на каменные сиденья. Оркестрой называлась круглая площадка, на которой находился хор, а схена представляла собой помещение за оркестрой, в котором актеры переодевались. Слово «сцена» произошло, конечно, от древней «схены», но современной сцене соответствовал просхений — узкая площадка между оркестрой и схеной, на которую актеры выходили из схены для игры.

Театральные декорации представляли собой щиты с нанесенными на них рисунками. Главным техническим приспособлением театра служила подъемная машина, с помощью которой на просхений спускались боги. С помощью этого приема — бога из машины — совершалась развязка трагедийного сюжета. В греческом театре, в разительном контрасте с новоевропейским, например шекспировским «Глобусом», убийства и самоубийства никогда не изображались на глазах зрителей. Они узнавали о них из пения хора, из реплик актеров либо, в крайнем случае, тела убитых выносились на просхений из схены.

В театре играли только мужчины, которым приходилось исполнять и женские роли. Актер одевался в пышные одежды, надевал на ноги обувь с высокой подошвой — котурны, а на лицо — маску. Первоначально, до Эсхила, все роли исполнял один актер, который время от времени уходил в схену и там менял одежды и маску. Затем, в трагедиях Эсхила, стали играть два

актера, так что одновременно на просцениии могли присутствовать и действовать два героя.

Самые совершенные пьесы ставились в афинском театре. Трагедии, которые давались в Афинах, не только потрясали зрителей, но и формировали их души. Религиозное, нравственное и политическое воспитание граждан составляло настолько очевидную задачу театра, что она никем всерьез не ставилась под сомнение. Великим трагикам классической эпохи удалось создать настолько совершенные тексты, что они и два с половиной тысячелетия спустя, несмотря на экзотические для нашего времени реалии давно минувшей эпохи, вняты умам и сердцам людей. Мудрые политики учитывали властную силу театра, его способность управлять людьми. При Перикле бедным гражданам выдавалось пособие на оплату театральных мест — театрикон (зрелищные деньги).

Театральные представления давались в праздники, продолжались от восхода солнца до заката в течение нескольких дней; при этом с утра ставились трагедии, а по вечерам уставших зрителей забавляли и поучали комедиями. Женщины и дети не допускались на представления комедий, потому что в них допускались непристойные шутки.

Мастерство драматургов оценивало своего рода жюри, которое награждало их премиями: первая премия обозначала триумф, а последняя, третья, — провал. Судьи были настолько взыскательны, а талант драматических поэтов так высок, что горечь неуспеха выпадала даже на долю таких трагиков, как Эсхил, Софокл и Еврипид; когда в один день ставили Эсхила и Софокла, жюри вынуждено было одному из них присуждать только вторую премию.

Из всего наследия древнегреческой трагедии сохранились пьесы лишь этих трех драматургов, так что время и сопряженные с ним катастрофы оказались самыми строгими судьями, пощадив лишь шедевры, и, наверно, лишь некоторые из них, потому что из нескольких десятков трагедий, написанных Эсхилом, осталось только 7, из 80 трагедий Софокла сохранилось также 7, время милосердней поступило с наследием Еврипида, сохранив 18 его трагедий, правда, и написано им было 92.

Трагедия, выросшая из дифирамбов в честь умирающего и воскресающего Диониса, и в пору своего классического расцвета сохранила черты погребальной песни, которые особенно

явно присутствуют у Эсхила, сохранившего за хором преобладающее значение, главную роль.

Эсхил родился в Элевсинах, городе мистерий, посвященных Деметре и Прозерпине, в 525 г. до Р. Х. в аристократической семье. Он участвовал в решающих сражениях войны с персами — при Марафоне, Саламине и Платеях. 13 раз Эсхил получал первую премию за свои трагедии, но однажды, уступив первое место Софоклу, он нашел такое решение жюри несправедливым и, по преданию, уехал из Афин на Сицилию. Там, в городе Геле, он и умер в 456 г.

События великой войны за свободу Эллады отразились в его трагедии «Персы», сюжет «Просительниц» почерпнут из доэллинской древности: главный персонаж драмы — царь Аргоса Пеласг, противостоящий угрозе агрессии из Египта. В трагедии «Семеро против Фив» Эсхил обратился к злополучной судьбе древнего рода фиванских царей Лабдакидов, к братоубийственной в буквальном смысле слова войне между сыновьями Эдипа. Трагедийная трилогия «Орестея» посвящена печальной участи победителя в Троянской войне Агамемнона, его преступной жене Клитемнестре и их детям — Оресту и Электре, отомстившим матери за коварное убийство своего мужа и их отца.

Но самая своеобразная, самая эсхилевская из его трагедий — это «Прикованный Прометей», действие которого относится не к жгучей современности, как в «Персах», и не к седой древности, как в «Просительнице», а к миру богов. В основе сюжета этой трагедии — месть Зевса Прометею, который из любви к человеческому роду похитил у олимпийских богов огонь и дал его людям, научив их пользоваться этим драгоценным даром, ставшим источником цивилизации. Прометей, по верованиям греков, принадлежал к древним богам титанам, которые были побеждены олимпийцами. Это поражение древних богов может быть поставлено в параллель с последовательным завоеванием пеласгической Греции ахейцами и потом дорийцами. Эсхил, уроженец Аттики, население которой, по свидетельству Фукидида, хотя и усвоило язык завоевателей, но в наибольшей степени сохранило свою, если так можно выразиться, доэллинскую пеласгическую кровь, и к тому же, что, наверно, еще важнее, выросший в городе мистерий, посвященных богине, культ которой, несомненно, восходит к доэллинскому народу Эллады, всем сердцем на стороне прикованного к кавказской скале

древнего титана Прометея, казнимого по повелению неумолимого олимпийского владыки, творящего суд и расправу по безапелляционному праву победителя, но страждущий бог предвидит и предсказывает и свое грядущее избавление от мук и пришествие времен, когда Зевс будет низвержен с Олимпа.

«Прикованный Прометей» с особой очевидностью напоминает о том, что трагедия выросла из погребального плача. Сострадание составляет лейтмотив, доминирующее настроение этой драмы, и выражено оно словами, исполненными неукротимой энергии: хор океанид оплакивает печальную участь казнимого бога: «Шумит, ревет морской прибой... сшибаясь, гремят валы, черные недра гудят Аида и стонут потоки рек священных». С поразительным мастерством Эсхил воспроизводит сводящие с ума страдания дочери речного божества Инаха Ио, которую ревнивая супруга Зевса Гера обратила в корову, непрестанно терзаемую жалящим оводом: «Снова жгучая боль помutilа ум, и опять бешусь, и горит в душе жаркое жало. Сердце в страхе стучит, колотится грудь, вкруговую блуждая, пошли глаза, вихрь безумья с дороги гонит меня, языком не владею, бессвязная речь захлебнулась и тонет в волнах беды, в исступленном прибое бреда». Трагедия заканчивается воплем проваливающегося в бездну Прометея, караемого за свое человеколюбие: «Без вины страдаю, глядите!».

Другой великий трагик Софокл родился в пригороде Афин Колоне в 496 г. до Р. Х. в буржуазной семье владельца оружейной мастерской и умер в 406 г., прожив долгую жизнь. Софокл принадлежал к тесному кружку друзей Перикла и занимал в разное время государственные должности в Афинах. К сохранившимся его пьесам принадлежит трилогия: «Эдип-царь», «Эдип в Колоне» и «Антигона», сюжет которой заимствован из того же исторического мифа, что и сюжет эсхиловской трагедии «Семеро против Фив».

В «Царе Эдипе» представлена бедственная участь благородного царя, страдающего по воле рока. Помимо своей воли, как будто в силу случайного стечения обстоятельств, Эдип совершил неслыханные деяния — убил отца и осквернил кровосмесительным браком ложе матери. За это нечестие гнев богов обрушился на Фивы, поразив их моровой язвой. При этом Эдип обнаруживает глубокое понимание природы греха, выходящего по своему воздействию на человека и человечество, по своим

последствиям за пределы юридической ответственности за намеренно совершенные деяния. Эдип, страшась невнятных, но страшных предсказаний, казалось бы, предпринял со своей стороны все что мог, чтобы избежать ужасных деяний, о которых он был предупрежден, но судьбу не переиграть — в результате бегства от опасности совершить нечестие Эдип как раз и совершает его. К тому же финалу привели и действия его родителей Лая и Иокасты, решивших убить злосчастливого младенца сразу после его рождения, чтобы избежать горшей беды. Совершив предсказанное и осознав ужас своего положения, Эдип не пытается оправдывать себя отсутствием преступного умысла, напротив, он винит себя за то, что стал орудием жестокой богини — судьбы: «Сойдя в Аид, какими бы глазами я стал смотреть родителю в лицо или матери несчастной? Я пред ними столь виноват, что мне и петли мало!» — и выкалывает себе глаза наплечной застежкой, снятой с тела его повесившейся от горя матери и жены. Жертвы безжалостной судьбы, Эдип и Иокаста, очевидно, понимают, что как ни стремились они уйти от беды, она пришла не совершенно помимо них, потому что несчастная мать согласилась предать смерти новорожденного младенца, а Эдип в безрассудном гневе убил оскорбившего его пожилого человека, царя, в котором он не узнал родного отца, и заодно перебил его свиту. Не сам человек выбирает свою участь, но воля его свободна, и потому он несет ответственность за последствия своих деяний, хотя бы и вовсе не предвиденные. Эдип карает себя ради торжества высшей справедливости: но лишившись дара видения вещественного света, он обретает, как это показано в «Эдипе в Колоне», духовный свет высшей мудрости. Принятие на себя Эдипом вины за содеянное им не по собственному выбору соответствует высокой мере ответственности, возложенной на человека, который по своей природе выше всех иных смертных существ.

В трагедии «Антигона» устами хора фиванских старейшин возносится гимн человеческой изобретательности: «Много есть чудес на свете, человек — их всех чудесней. Он зимою через море правит путь под бурным ветром и плывет, переправляясь по ревающим вокруг волнам. Землю, древнюю богиню, что в веках неутомима, год за годом мучит он и с конем своим на поле всюду борозду ведет... Мысли его, они ветра быстрее, речи своей научился он сам, грады он строит и стрел избегает... Знает

лекарства он против болезней, но лишь почует он близость Аида, как понапрасну на помощь зовет. Хитрость его и во сне не приснится, это искусство толкает его то ко благим, то к позорным деяниям».

В «Антигоне» отражены события, которые произошли в Фивах после гибели в поединке обоих сыновей Эдипа: защитника родного города Этеокла и Полиника, осаждавшего его. Дядя погибших братьев Креонт, ставший царем, велел устроить пышное погребение защитнику отечества Этеоклу, а Полиника лишить погребения, так что труп его был оставлен в поле на растерзание диким зверям и птицам. Запрет Креонта похоронить тело Полиника преступила его сестра Антигона, помолвленная с сыном Креонта Гемоном. Она нашла на поле сражения останки брата, стала оплакивать его и совершать возлияния в честь подземных богов, но была схвачена стражей и по приказу Креонта предана казни — он велел ее живой замуровать в гробнице Лабдакидов. Ни сестра Антигоны Исмена, ни ее жених Гемон не смогли испросить у непреклонного Креонта отмены приговора. Между тем птицы и псы разносили повсюду куски разлагающегося трупа Полиника, что грозило Фивам эпидемией. Слепой Тиресий советовал Креонту предать тело Полиника земле, грозя ему в противном случае отмщением богов. В конце концов Креонт уступил и велел похоронить Полиника и вывести из гробницы Антигону, но было уже поздно — Антигона повесилась на петле, свитой из собственного платья, после чего Гемон в горе пронзил свою грудь мечом на глазах у отца. Узнав о смерти сына, его мать, не выдержав страданий, также поразила себя мечом.

Идейный стержень «Антигоны» — конфликт между двумя системами нравственных ценностей, между двумя правдами. Одна из них, которую представляет Креонт, во главу угла ставит гражданские доблести, верность отечеству, неукоснительное соблюдение закона, а другая, ради которой добровольно пошла на смерть Антигона, — религиозный долг, который соединяется с долгом родственной любви: Антигона не отрицает, что она нарушила запрет Креонта, но в свое оправдание говорит, что этот запрет ей объявил не Зевс, «но Правда, живущая с подземными богами и людям предписавшая законы. Не знала я, что твой приказ всемогущ и что посмеет человек нарушить закон богов, не писанный, но прочный». Креонт безжалостно

справедлив и неумолим, и Антигона сходит в склеп, смертельно тоскуя: «Люди города родного! Все смотрите: в путь последний ухожу, сиянье солнца вижу я в последний раз. Сам Аид-всеусыпитель увлекает безвозвратно на побережье Ахеронта, незамужнюю меня, гимны брачные не будут провожать невесту-деву. Под землею Ахеронту ныне стану я женой», — но она не жалеет о содеянном, а пораженный самоубийством сына и жены, Креонт раскаивается в своей непреклонности и тем самым признает высшей правдой исполнение древних божественных и человеческих законов.

Еврипид моложе Софокла, он родился на Саламине в 480 г. до Р. Х., по преданию, в день решающего морского сражения у берегов этого острова, в семье мелкого торговца зеленью, провел почти всю жизнь в Афинах, где, однако, в отличие от своих старших братьев по профессии, избегал участия в политической жизни, зато кроме поэзии занимался живописью и был другом софистов; в старости он удалился из Афин в Македонию и умер там при дворе царя Архелая в один год с Софоклом.

Если в трагедиях Софокла торжествует всесильная судьба, то у Еврипида человек сам своими страстями и своими поступками определяет участь себе. Его персонажи наделены резко индивидуальными чертами, они полнокровнее и убедительнее, но мельче и приземленнее величавых героев Эсхила и Софокла. Трагедия Софокла — это драма положений, а Еврипида — характеров. И интрига еврипидовской трагедии, и действия персонажей, и в особенности произносимые ими монологи и реплики проникнуты психологизмом, сближающим этого трагика с Шекспиром или даже со слегка помешанным на женоненавистничестве, но гениальным Стриндбергом, и вообще с новоевропейской драмой. Свои сюжеты Еврипид, как и его предшественники, черпал из мифологии; но если Эсхил и Софокл, облекая голый остов мифа в плоть и кровь, озвучивая миф языком высокой поэзии, оставляли его при этом мифом в его архетипической универсальности, то Еврипид, заимствуя из мифов сюжеты, вливал в их старые меха новое вино психологической драмы. Фабулу его трагедий составляют перипетии семейных конфликтов, истории измен и обольщений, ревности и мести.

Разительное отличие трагедий Софокла и Еврипида особенно очевидно при сопоставлении «Царя Эдипа» и еврипидовского «Ипполита». Эдип вступает в кровосмесительный брак

по неведению, по роковому стечению обстоятельств и содрогается от ужаса и отвращения к самому себе, узнав о содеянном, а у Еврипида супруга Тесея Федра увлечена преступной страстью к своему целомудренному пасынку Ипполиту, правда, внушенной ей богиней Афродитой.

Вершина трагической поэзии Еврипида — «Медeia», сюжет которой взят из истории путешествия Ясона в Колхиду за золотым руном. Преданная своим мужем Ясоном, ради которого она не пожалела своего брата, зарезанного ею у алтаря, Медeia мстит ему чудовищным образом, убивая не только его новую невесту, юную дочь коринфского царя, вместе с ее отцом, но и нежно любимых ею собственных детей, которых она родила от Ясона, в мстительной надежде заставить оставившего ее мужа пережить хотя бы часть тех мук, которые претерпела она. Перед тем как заколоть своих сыновей, сжигаемая безумной ревностью, мать в душевном смятении, которое с изумительной психологической достоверностью передано ее прерывистой, словно задыхающейся речью, прощается с ними, не подозревающими о своей близкой смерти от материнской руки: «О, сладкие объятья, щека такая нежная, и уст отрадное дыханье... Уходите, скорее уходите.. Силы нет глядеть на вас. Раздавлена я мукой.. На что дерзаю, вижу.. Только гнев сильнее меня, и нет для рода смертных свирепей и усердней палача...»

Совершив месть, Медeia, которую эллины считали колдуньей, уносится от Ясона на волшебной колеснице, запряженной драконами, вместе с телами убитых детей, которых она, охваченная мстительной яростью, так и не позволила увидеть отцу. Пропитанные кровью страстей, лишенные заоблачной выпренности, трагедии Еврипида тем не менее не обходятся без появления в их финале «бога из машины»; с его помощью драматург находит развязку, не всегда вытекавшую из самой фабулы трагедии, — прием, который современными Еврипиду зрителями воспринимался как слишком искусственный у него, отчего они предпочитали ему Эсхила и Софокла. Торжественная иератичность их драм более органично сочеталась с театральной теофанией.

Этот прием с бурлескным блеском пародировался в площадных комедиях Аристофана. Он значительно моложе великих трагиков, родился в 446 и умер в 385 г. до Р.Х., был свидетелем упадка как могущества Афин, так и добрых старых

нравов и в этом полисе и во всей Элладе. Человек консервативных и патриархальных взглядов, приверженец старины, Аристофан хлестко издевался над жалкими под его пером вождями афинской демократии вроде Клеона, надуто тщеславными, наглыми и алчными. От злых насмешек Аристофана не застрахован никто, в его комедиях нет добродетельных резонансов, но это не значит, что комедиограф был нигилистом или циником, хотя бы и в исконно диогеновском стиле; он всегда был патриархально благочестив, с народной безыскусностью верил в национальных богов, а положительный герой его комедий — это здравый смысл, и им изобильно одарен простой аттический крестьянин, перед трезвой мудростью которого приобретают карикатурные черты такие знаменитые умники, как Сократ.

Античный театр был религиозен, но у эллинов существовал и такой вид искусства, религиозный характер которого самоочевиден — это храмостроительство. В V столетии до Р. Х. в Элладе были воздвигнуты всемирно значимые памятники священного зодчества: храм Зевса в Олимпии, ныне лежащий в руинах, и лучше сохранившиеся храмы Аполлона в Бассах на Пелопоннесе, Посейдона в Аттике на мысе Сунний и Немезиды в Рамнунте. В азиатских полисах эллины соорудили такие архитектурные шедевры, как храмы Афины в Милете и Артемиды в Эфесе. Сожженный Геростратом и потом вновь отстроенный в классическую эпоху, но не сохранившийся до наших дней, храм Артемиды был причислен к 7 чудесам света. В ионийском Галикарнасе воздвигнуто было погребальное сооружение над могилой правителя Карии Мавзола, имя которого стало впоследствии названием гробниц — еще одно не сохранившееся чудо света. Среди лучших архитектурных творений классической эпохи в Сицилии — храм Афины в Сиракузах, позже перестроенный в христианский собор, и Деметры в Акраганте.

Как и в других сферах человеческой мысли и творческого вдохновения, в зодчестве первенство среди эллинских городов также принадлежало Афинам. В век Перикла там вблизи агоры был воздвигнут хорошо сохранившийся дорический храм Гефеста, который до недавних пор считали посвященным Тесею. Все остальные архитектурные шедевры Афин эпохи высокой классики построены на акрополе после того, как прежние сооружения на нем сожгли персы.

Скала акрополя с юга возвышается над морем, а с остальных сторон окружена холмами, на которых ныне, как и в древности, теснятся жилища горожан. Доступ на крутую скалу существует лишь с запада, вершина акрополя — плоская, удобная для размещения на ней строений. Акрополь укреплен, помимо природного рельефа, крепостными стенами, часть которых, циклопической кладки, восходит к доахейской древности. После персидского разорения восстановили стены с северной и потом, при Кимоне, с южной стороны. Затем уже, при Перикле, сооружены были в разной мере сохранившиеся донные строения, каждое из которых представляет собой архитектурный памятник самого высокого достоинства. Вход на акрополь открывается с пологой западной стороны парадными воротами — Пропилеями с их мощной дорической колоннадой из пентелийского мрамора, построенными архитектором Мнесиклом. После смерти Перикла Калликратом было завершено строительство миниатюрного четырехколонного ионического храма богини победы — Ники Аптерос (бескрылой), воздвигнутого на пиргосе — 8-метровой башне перед Пропилеями.

За воротами начиналась священная дорога, по которой шествовали торжественные процессии в религиозные и гражданские празднества, особенно в Панафинеи. В этот день совершалось перенесение вновь сшитого покрывала богини — пеплоса, украшенного роскошной вышивкой, изображавшей бой олимпийских богов с гигантами. Слева, у северной кромки скалы, стоит изящный асимметричный храм ионического ордера Эрехтейон, сооруженный в честь древнего афинского царя и героя Эрехтея. Под Эрехтейоном находился проход в расположенную под храмом пещеру, где, по древнему преданию, жила священная змея богини Афины. В Эрехтейоне находились могилы Эрехтея и древнего царя Аттики Кекропса, надгробием над могилой Кекропса служил обращенный к югу портик кариатид. 6 статуй прекрасных девушек — кор вместо колонн поддерживают аттаблемент портика — композиция отличается гармонией и покоем. Фигуры кариатид поражают естественностью: они стоят опираясь на одну ногу и несколько согнув другую, в позе спокойно отдыхающего человека. Кариатиды изображают юных служительниц Афины — аррефоров, которые избирались из лучших афинских семей сроком на один год и участвовали в изготовлении священного пеплоса богини.

Центр притяжения на акрополе — это храм в честь Афины Девы — Парфенон, сооруженный Иктином и Калликратом за 10 лет, в 447–437 гг. до Р.Х. Он простоял без значительных повреждений более двух тысячелетий, до конца XVII века, но сильно пострадал от артиллерийских снарядов во время осады Афин венецианцами. В византийскую эпоху это был христианский храм в честь Успения Пречистой Девы, сохранивший свое древнее, но иначе, по-христиански осмысленное наименование. Впрочем, его исконное название связано не прямо с именованием Афины Девой, а с тем, что внутри храма, рядом с целлой, где находилась статуя богини, было еще одно помещение, опистодом, которое служило храмовой сокровищницей и одновременно местом, где девушки аррефоры ткали и вышивали священный пеплос; оно собственно и называлось парфеноном.

Храм представляет собой периптер — целла и парфенон окружены внешней дорической колоннадой размером по стилобату 31 метр на 70 — размеры внушительные, это самый большой дорический храм в Элладе, но им не свойственна подавляющая грандиозность египетских пирамид и храмов. Как все создания эллинского архитектурного гения, Парфенон отличается человекообразностью, антропоморфностью в своих размерах и пропорциях. Колоннада увенчана аттаблементом с дорическим фризом, за ней по верхней части целлы и опистодома помещена лента ионического фриза. До разрушения в опистодоме, поддерживая его перекрытие, стояли 4 колонны ионического ордера, в то время как собственно целла, расположенная в восточной части храма, была разделена на три нефа двухъярусной колоннадой дорического ордера.

Беспримерная красота Парфенона основана на математически выверенных соотношениях его размеров, объемов, пропорций. Его сооружению предшествовали исследования древних архитекторов, которые одновременно были и геометрами и инженерами. Они прекрасно знали свойства материалов, с которыми они работали, и им удалось отыскать идеальные пропорции между шириной, длиной и высотой храма, между высотой колонны и ее диаметром — в основе этих пропорций лежит «золотое сечение». Но Парфенон — это не только архитектурный триумф математики. Его одухотворенная пластичность произрастает из приспособления всех его размеров к особенностям зрительного восприятия. В нем нет абсолютно прямых

линий: так, угловые колонны утолщены и наклонены к центру, стволы колонн имеют энтазис — припухлость, ступени стилобата имеют разную высоту: первая, лежащая на скале, — самая низкая, а верхняя, третья, чуть выше средней, в результате они кажутся на глаз равными, а неодинаковая их высота ощущается не зрением, но ступнями, кроме того, ступени не совершенно плоские, но имеют легкую выпуклость. Ни одна из колонн не поставлена строго вертикально, и ни одна из них не расположена в строгой параллельности с другими, колонны также различаются между собой по высоте, но различаются ровно настолько, чтобы возникал оптический обман их равномерности. Одним словом, как писал знаток античной культуры А. Боннар, «нет ни одной цифры в этой поэме цифр, выраженных в мраморе, которая была бы идентичной и в идентичном положении. В этом творении, словно дающем нам залог незыблемости вечного, нет ничего, что бы не было изменчивым и непостоянным. Мы тут безусловно прикасаемся к вечному, но это не вечность абсолюта, а вечность жизни» (Боннар, цит. изд., с. 258).

Общий надзор над строительством Парфенона и других сооружений акрополя осуществлял друг Перикла Фидий. Им, вероятно, был начертан и новый план акрополя. Его творением была и хрисозлефантиновая статуя Афины Парфенос. Лицо и руки богини выполнены из слоновой кости, а длинное и пышное одеяние, шлем и круглый щит с изображением на внутренней стороне боя богов с гигантами, а на внешней — битвы греков с амазонками — из золота. Эта скульптура Фидия утрачена и известна лишь по несовершенным копиям и описаниям. Такая же участь постигла и фидиевскую Афину Проммахос — предводительницу в сражениях, выполненную из бронзы; эта 10-метровая статуя возвышалась между Пропилями и Парфеноном. Погибла и самая прославленная скульптура Фидия, которую древний мир включил в список 7 чудес света, — Зевс Олимпийский, украшавший в свое время город общегреческих празднеств и спортивных игр.

Из всех творений великого ваятеля сохранились фрагменты фронтонов и фриз, купленные англичанином Эльджином у османских хозяев Афин за бесценок, содранные с Парфенона и перемещенные в Британский музей. Восточный фронтон воспроизводит миф о рождении Афины. Справа и слева от центральных фигур фронтона — Зевса, восседающего на троне, и только что

рожденной из его головы Афины в боевом снаряжении — Фидий поместил других олимпийцев: вестницу Ириду, летящую, чтобы сообщить богам о совершившемся чуде рождения, поднимающегося из морских волн Посейдона, Гелиоса и богиню ночи Селену, спускающуюся в эти волны. Основная часть этой композиции утрачена, и в Британском музее хранятся лишь ее фрагменты. Лучше сохранились фрагменты западного фронтона, сюжет композиции которого составляет миф о соперничестве богов Афины и Посейдона за власть над Аттикой. Этот спор должны были решать старейшины города, которым предстояло оценить, дары какого божества ценнее: Посейдон ударом трезубца извлек из скалы источник воды, а Афина ударом копья произвела из земли оливковое дерево. Ее дар старейшины оценили выше и вручили ей власть над городом и всей Аттикой.

Метопы дорического фриза представляют сюжеты борьбы олимпийцев с гигантами, эпизоды греко-тройанской войны, битвы афинян с амазонками и лапифов с кентаврами. Лучше всего сохранились сцены кентавромахии, в которой участвовал обожествленный царь Аттики Тесей. Английский художник начала XIX века Б. Хейдон, впервые увидевший доставленные в Лондон барельефы Парфенона, был ошеломлен непревзойденным искусством скульптора в воспроизведении анатомии человеческого тела в динамике. О барельефном изображении Тесея он писал: «Каждая телесная форма изменяется от того, находилась ли она в действии или отдыхала... одна сторона спины отличалась от другой: первая, начиная от лопатки, тянулась вперед, вторая оттого, что тело опиралось на локоть, сокращалась между позвоночником и прижатой лопаткой, живот же оставался плоским, поскольку внутренности, повинаясь садящемуся движению, вваливались в таз» (Осборн Роджер. Цивилизация. Новая история западного мира. М., 2007, с. 108).

Ионический фриз, украшавший наружные стены целлы, фрагменты которого помимо Британского музея находятся также в Лувре и музее Акрополя, представляет Панафинеи — торжественную процессию, которая завершалась перед восточным фасадом Парфенона, у алтаря Афины, вручением обновленного пеплоса жрецам богини. Позы отдельных фигур этого шествия схожи, но из четырехсот участников процессии нет ни одного, который бы повторял другую фигуру: бесконечное разнообразие вносится по-разному лежащими складками

одежд, отличающимися движениями рук, поворотами головы. С поразительным мастерством передано замедление ритма движения: в начале процессии на западной стороне фриза, где изображены всадники, порывистого и стремительного и торжественно-величавого в его восточной части, где шествие заканчивается.

Парфенон построен из белого мрамора, но фронтоны и фриз были некогда полихромными — фон фронтонов и метоп был окрашен в темно-красный цвет, а фриза — в синий. Беломраморные фигуры фриза имели окрашенные или позолоченные детали.

Создатель скульптурного фриза и фронтонов Парфенона великий ваятель Фидий столкнулся с неблагодарностью сограждан, для проявления которой он дал повод тем, что включил в изображение сражения афинян с амазонками на внешней стороне щита Афины фигуры Перикла в виде воина с копьем и самого себя — лысого старика, замахнувшегося камнем. Сограждане усмотрели в этих двух фигурах кощунство. К обвинению в поругании святыни присоединили затем обвинение в краже драгоценных материалов, выделенных на сооружение статуи, возможно несправедливое. Скульптор был осужден и подвергся заключению в тюрьму, где и скончался в 431 г. до Р.Х.

В историю мирового искусства Фидий вошел как великий скульптор, сопоставимый разве только с Микельанджело. Но классическая Эллада дала миру и других гениальных ваятелей — создателя сохранившегося в копиях «Дискобола» афинянина Мирона, с поразительным мастерством передавшего предельное телесное напряжение атлета перед метанием диска, которое однако, при всей своей динамике, не нарушает впечатления возвышенного классического покоя, чуждого барочной дисгармонии или болезненного напряжения, аргосца Политекта, который ваял идеально гармоничные, совершенные в своих строго рассчитанных пропорциях человеческие тела. Особенно великолепны такие его бронзовые статуи, как «Дорифор» (копьеносец), «Диадумен» — юноша, надевающий повязку победителя в атлетическом соревновании, «Раненая амазонка», Гера, которая изваяна была из хрисолита для храма этой богини в Арголиде. Поликлет был не только ваятелем, но и теоретиком скульптуры, он составил трактат «Канон», в котором изложил основные принципы ваяния человеческого тела.

Крупнейшим скульптором IV века до Р.Х. был Скопас, ему принадлежала часть скульптурных композиций разрушенного Мавзолея Галикарнасского и множество других скульптур, большая часть которых утрачена. Одно из самых совершенных его созданий — это «Менада», в которой с захватывающей убедительностью выражено состояние экстаза, граничащего с безумием. Фигуры Скопаса отличаются напряженным динамизмом и экспрессией, не свойственными скульптуре высокой классики предшествующего столетия. Современник Скопаса Пракситель создавал фигуры, отмеченные тонкой красотой и грациозным изяществом, в них передано состояние спокойной созерцательности и безмятежной неги, которое отличается от мужественного покоя фигур, созданных Поликлетом. Сохранились прекрасные копии Афродиты с острова Книда, изваянной Праксителем. До нас дошел и его подлинник — Гермес с младенцем Дионисом.

Современный мир знает только монохромную древнюю скульптуру — мраморную и, реже, из бронзы, но археологические открытия XX века с очевидностью доказали, что в действительности античные статуи чаще были полихромными, и не с пустыми глазницами, какими мы видим их ныне в музеях, но с инкрустированными глазами из самоцветов, так что классические интерпретации античного искусства, принадлежащие новому времени, основанные, в частности, и на мнимой монохромности древней скульптуры, даже такие глубокие, как у Лессинга, Винкельмана или Гегеля, оказались замешанными на археологическом и эстетическом недоразумении.

Сохранились лишь фрагменты древнегреческой мозаики, в основном напольные, хотя, конечно, в свое время мозаикой украшали и стены храмов, палестр, частных домов состоятельных людей, но время их не пощадило. В древней Элладе существовало и живописное искусство, однако до нас не дошли творения таких прославленных художников классической эпохи, как Полигнот, который, заимствуя сюжеты своих картин из троянского цикла и истории Эллады, моделировал фигуры контурными линиями и использовал всего четыре краски: белую, черную, красную и желтую, или Аполлодор, который первым применил светотень, так что судить о них можно лишь по литературным описаниям и вазописным копиям.

Вазопись представлена великим множеством заурядных ремесленных изделий, но также и изрядным числом изделий

высокого искусства. На вазопись — искусство прикладное и потому массовое по самому своему назначению, легла печать неизбежного тиражирования и даже стандартизации, свойственной всякой развитой цивилизации.

Этой же чертой в эпоху классики отмечена массовая архитектура — строительство жилых зданий и градостроительство. В этом отношении характерным явлением стали проекты правильной застройки городов, которые были выработаны впервые в V столетии до Р. Х. Появление градостроительных теорий и изобретение регулярного городского плана обусловлено было необходимостью ускоренного восстановления городов после их сожжения персами. Аристотель называет первым автором регулярного градостроительного плана выходца из Милета Гипподама, который однако большую часть жизни провел в Афинах. Правда, Афины и после него остались нерегулярным городом, но афиняне отстроили по системе Гипподама Пирей и свою колонию в Великой Греции — Фурии. По плану Гипподама выстроены были основанные в V веке Олинф и Родос, а также восстановлены разрушенные персами Милет и Книд.

Восстановленный Милет, руины которого хорошо сохранились и позволяют с изрядной точностью представить городскую планировку, располагался на полуострове и занимал площадь около одного квадратного километра. Он состоял из двух частей, разделенных широким пространством, на котором размещались сооружения общественного значения. Там находились храм Афины, булевтерий, театр и стадион. Улицы в обеих частях города представляли две не связанные между собой прямоугольные структуры. Рынки располагались и в северной и в южной части города неподалеку от городского центра. Со стороны и моря и суши город был окружен крепостной стеной, в которую посредством мола включена была одна из двух его бухт — Львиная, другая, расположенная в центре города, возле театра, так и называлась Театральной.

В классическую эпоху характерные черты древнегреческой цивилизации проявились с особой полнотой и отчетливостью. В Афинах в век Перикла ярче всего обнаружил себя самый тип античного человека, уже сложившийся и еще не подвергшийся деформации, — с его религиозными воззрениями, нравственными идеалами, правилами и запретами, с его эстетическими вкусами, образом мыслей и чувств, психологическим складом.

Самую смелую попытку реконструкции морфологии античного мирозерцания предпринял О. Шпенглер. Сравнивая античную цивилизацию с западноевропейской, философ ради заострения контраста допускал парадоксальные преувеличения. Так, реконструируя античное восприятие времени, он подчеркивает отсутствие у древнего грека интереса к истории и даже утверждает, что само протекание времени его мало интересовало, поэтому он прекрасно обходился без часов; в то время как в действительности греки для счета времени изобрели часы разных конструкций, и в частности водяные — клепсидры, которые первоначально употреблялись для того, чтобы на суде отмерять установленную сторонам продолжительность обвинительных и защитительных речей. Греки не только вели летосчисление по Олимпиадам, но и первыми стали пользоваться солнечным календарем, который, благодаря своей точности, удобней для хронологии ранее применявшихся лунных календарей.

И все же, при всех преувеличениях, О. Шпенглер метко и верно обозначил особенности античного мирозерцания, его, как он выражался, морфологию; если отбросить гиперболические заострения, то он был прав даже и в своей парадоксальной характеристике особого восприятия времени в античном мире. Греческая цивилизация по уровню своего развития не менее древнеегипетской, древнекитайской или средневековой европейской была вооружена для строгой хронологической фиксации исторических событий. Между тем вполне достоверно и подробно известна история Эллады на глубину лишь до начала персидской войны. Фукидид и Ксенофонт писали по живым следам событий, как, впрочем, и Геродот, поскольку более древняя история у него не утратила мифологических черт, и доверять ей можно в той мере, в какой заслуживает доверия миф как исторический источник, хотя при этом встают серьезные затруднения в отношении хронологии. Одним словом, как писал Шпенглер, египтяне «с такой добросовестностью оберегали свое прошлое в памяти, в камне и иероглифах, что мы и сегодня еще, спустя четыре тысячелетия, можем установить даты правления их царей... Мы с точностью знаем даты рождения и смерти почти всех великих людей, начиная с Данте... Но уже во времена Аристотеля, в самом расцвете античного образования, мало кто мог сказать с уверенностью, жил ли вообще Левкипп, основоположник атомизма и современник

Перикла, — хотя речь шла об интервале в едва ли одно столетие. Этому в нашем случае соответствовало бы то, если бы мы не были уверены в существовании Джордано Бруно» (Шпенглер Освальд. Закат Европы. Т. 1. М., 1993, с. 294) — в действительности время, разделяющее Бруно и Шпенглера, многократно более длительное — не одно, а целых три столетия. С точки зрения абстрактной хронологии, сравнение было бы более точным, если бы вместо Бруно Шпенглер назвал Гегеля.

Погруженность в настоящее и насущно необходимое, которое, с одной стороны, приближается к эгоистической максиме «*sacre diem*», а с другой созвучно евангельскому изречению «довлеет дневи злоба его», было свойственно античному человеку в несравненно большей мере, чем людям иных цивилизаций — китайской, древнеегипетской или западноевропейской, напряженно озабоченных не только ближайшим будущим, но и отдаленными перспективами и поэтому способных к осуществлению масштабных проектов, рассчитанных на длительный срок, вроде нильских пирамид, великой китайской стены, средневековых соборов или современных индустриальных гигантов.

Даже религиозность античного грека, пронизанная живым чувством присутствия в мире высших сил, не вырывала его из состояния погруженности в переживание настоящего, в восприятие текущего момента. Грек способен был к молитвенному умилению, но его обращение к богам было выражением либо благодарности за уже оказанные благодеяния, либо просьбой о помощи во вполне земных попечениях и заботах; он верил в загробную жизнь, но думал о ней с тоской, потому что представлял свое вечное бытие как дурную бесконечность прозябания в виде бесприютной тени, сохранившей смутные воспоминания о радостях и горестях насыщенной ими земной жизни во плоти. Мысль о бессмертии души стала одной из самых важных идей греческой философии, но при этом языческое царство мертвых, аид, стало для греков, принявших учение Христа, названием ада, потому что и мыслилось подобным аду, так что древний эллин не стремился к вечности, но страшился ее.

Мировосприятие грека, воспитанное созерцанием гармоничных, соразмерных человеческому зрительному восприятию ландшафтов: невысоких гор, морского пространства, ограниченного узнаваемыми на горизонте островами, — отличалось

поразительной пластичностью, которая обнаруживала себя не только в высоком совершенстве архитектуры и скульптуры, успехи которых несомненно превосходили достижения античного музыкального искусства, оставшегося для нас практически неизвестным, что, разумеется, не могло быть делом случая, но также и в философских построениях — в атомах Левкиппа и Демокрита, в индивидуализированных идеях Платона, в учении Аристотеля о форме, в античной математике с ее преимущественным интересом к геометрии, а не к алгебре, с ее своего рода идиосинкразией по отношению к иррациональным и мнимым, даже к отрицательным числам, так что максимальным по сути приближением античной математики к этой теме явилась геометрическим языком выраженная проблема квадратуры круга. С той же особенностью античного мышления связано и то обстоятельство, что чрезвычайно изобретательный в механических находках греческий гений оказался бессилён в отыскании способов эксплуатации новых видов энергии, которые были бы неизвестны человечеству до рождения античной цивилизации. «Греческий огонь» изобретен уже в Византии. С пластичностью мировосприятия древних эллинов связан политеизм и антропоморфизм их религии, а также полисное устройство их государственности, когда, поднявшись на вершину горы, отделявшей один миниатюрный полис от другого, можно было одним взглядом обозреть пределы всего своего государства, что делало его очевидной даже для глаз, родной и домашней реальностью, а не некоей абстракцией или внешней и чуждой силой, каковыми для многих являются большие национальные государства или мировые империи. С этой же особенностью ментального склада эллинов связана и их увлеченность спортивными играми, которая далеко выходила за границы потребностей в физической тренировке будущих воинов. Гимнасии, палестры, стадионы, Олимпийские, Пифийские и Истмийские игры были столь важным, общенационально значимым делом, что за всенародным захватывающим интересом к ним стоит культ человеческого тела.

Эллинской цивилизации, складу личности грека был свойствен своего рода эстетизм. Высшая ценность для эллина заключалась в красоте: характерно, что понятие «калос», по первоначальному значению «прекрасный», употреблялось также

для обозначения нравственно одобряемого, или доброго. Тожество красоты и добра, причем с аксиологическим перевесом эстетического над этическим обнажает глубинную суть эллинской души.

Культура древней Эллады носила подчеркнуто устный, речевой характер, в отличие от китайской, египетской и даже наследовавшей ей византийской. Конечно, просвещенные эллины читали книги, которые имели форму папирусных свитков, и хранили их в своих домашних библиотеках, но гораздо больше информации они принимали на слух — отсюда и важность ораторского искусства в общественной жизни; оно на-сущно необходимо было не только в суде, в народном собрании, но и на поле битвы, где полководец не ограничивался приказом, но должен был зажигательной речью вселять в души воинов мужество и волю к победе. При этом ценилась продуманная, искусно построенная и хорошо аргументированная речь — трезвый и рассудительный грек не поддавался массивному давлению на психику; чтобы его подвигнуть, требовалось его прежде убедить и вызвать у него эстетический восторг. Основные жанры античного словесного искусства — эпос, лирика и драма — предназначались не для домашнего чтения, а для пения или декламации.

Для нравственного облика античного человека характерна общественная или даже узко политическая мотивировка его поступков. Поговорка «на миру и смерть красна» придумана была не в Элладe, но она замечательно точно объясняет самую суть эллинского героизма. Конечно, нравственно развитый и благородный грек готов был и к безвестному подвигу самопожертвования, но при этом он жертвовал собой, движимый не кантовским нравственным императивом, свободным от всякого рассуждения о пользе и целесообразности, и не из христианской любви к Богу и ближнему, кем бы тот ни был, хотя бы и варваром, иноплеменником, но вполне прагматически: ради защиты своей семьи, своей филы или фратрии, своего полиса, в самом отвлеченном, но еще внятном душе случае ради Эллады, но уж точно не из любви к варварам, если, конечно, те не были его личными друзьями или благодетелями.

Полисным и этническим патриотизмом эллинов объясняется и своеобразие их отношения к рабам. Раб, «говорящее орудие», по определению Аристотеля, чаще всего

по происхождению был из варваров, реже из граждан враждебного полиса либо родившимся от рабов; поэтому он не мог пользоваться никакими правами и юридически не представлял собой человеческую личность, но реальное отношение к рабу могло быть и вполне гуманным и дружественным, равно как и со стороны раба по отношению к господину часто обнаруживалась искренняя преданность. Такие отношения рождались однако не в правовом поле, а складывались из личных контактов и, конечно, всякий здравомыслящий эллин прекрасно понимал, что не юридически, а, если так можно выразиться, онтологически и антропологически рабы не отличаются от полноправных граждан. Особенным доверием пользовались рабы, не купленные на невольничьем рынке, но рожденные и воспитанные в доме господина.

Характеризуя положение рабов и иностранцев в Аттике, «Афинский аноним» V века писал не без легкого сарказма и преувеличений: «Рабы и осевшие на постоянное жительство иностранцы пользуются всеми афинскими правами. По закону их нельзя оскорблять, а раб не уступит вам дорогу на улице. Следует объяснить причину этого местного обычая. Если бы можно было узаконить право избивать рабов, чужеземцев и вольноотпущенников, то, наверное, афинянам самим бы досталось, потому что их часто по ошибке принимали за рабов. Свободные афинские неимущие люди одеваются не лучше, чем рабы или чужестранцы, да и внешность у них не особенно почтена. Если кого-нибудь из читателей удивит то обстоятельство, что в Афинах рабам разрешают жить в роскоши и иногда владеть большим хозяйством, нам не трудно будет показать здравомыслие такой политики. Дело в том, что в любой стране, имеющей флот, экономически целесообразно платить рабам за их труд, чтобы хозяин мог оставлять за собой часть прибыли, а это требует хотя бы формального освобождения раба. Но если рабы богатеют, становится нежелательным держать их в страхе перед своими господами, как, например, в Лакедемонe. Если раб боится своего господина, он не может спокойно работать, не опасаясь лишиться всего заработанного. Вот почему рабы были поставлены на один социальный уровень со свободными, и именно поэтому даны равные права иностранцам. Ибо много требуется труда, чтобы содержать флот» (цит. по: Тойнби, *цит. изд.*, с. 382–383).

Тот же глубокомысленный Аноним остроумно и язвительно иронизировал по поводу манер своих сограждан: «Пусть простят нас за тривиальность суждений, но следует сказать, что следствием афинского господства на море стала прежде всего редкостная эклектика в манерах высшего класса, и произошло это оттого, что представители его вбирали бுவально все, что они только могли усвоить от общения с иностранцами. Их господство на море дало им возможность подбирать объедки на столах Сицилии, Италии, Кипра, Египта, Лидии, Понта, Пелопоннеса» (цит. по: Тойнби, цит. изд., с. 380).

В античном обществе, с его прагматической трезвостью и здравомыслием, с его нечувствием ко всякого рода абстракциям и иррациональным мотивам, были совершенно невозможны рыцарский поединок или дворянская дуэль, которая, знай о ней древний грек, воспринималась бы им как крайне нелепое проявление варварской спеси, потому что самые поводы дуэли расценивались бы в большинстве случаев как совершенно неосновательные, несоразмерные с последствиями смертельного поединка, обнаруживающие в тех, кто из-за них подвергает опасности свою и чужую жизнь, драгоценную для того, кто ею пользуется, и нужную для родного полиса, странную ребячливость, недостойную взрослого разумного человека. В случае же действительной обиды пострадавший эллин предпочел бы действовать через суд, подобно современным североамериканцам, либо, желая отомстить собственными силами, он ни за что не стал бы ставить себя в одинаково рискованное положение с обидчиком, а попытался бы восстановить справедливость убийством из-за угла, как поступали в XIX веке американские ковбои или корсиканцы, как принято мстить среди горцев Кавказа или бедуинов Аравии и Сахары.

При этом месть по личным мотивам в сознании эллина никаким образом не связана была с его честью — честь и бесчестье, как и в допетровской России, имела у древних отношение к совсем иным вещам: к заслугам перед государством, перед полисом, к религиозному долгу. В связи с этим забавным анахронизмом представляется этос и этикетная мишура трагедий Корнеля или Расина, в которых персонажи, заимствованные из античной истории или мифологии, ведут себя с гипертрофированно щепетильным соблюдением кодекса чести, который чтился, но отнюдь не всегда в действительности соблюдался

при Версальском дворе. Между тем различать нравы древние и новые очень хорошо умел задолго до эпохи классицистической драмы пылкий и умный почитатель античности Монтень.

Своеобразная гражданственность полисной этики характерным образом проявлялась и в таком явлении, как сикофантия. Этимологически это слово восходит к смоквам, по-гречески сикос, вывоз которых из Аттики запрещался. Сикофантами первоначально называли тех, кто доносил о нарушении этого экспортного запрета. По другой версии, впервые сикофантами назвали в Афинах свидетелей по делу о преступниках, которые во время голода сорвали плоды со священной смоковницы. Как бы там ни было, впоследствии этой кличкой стали удостоивать доносчиков, обвинявших перед судом сограждан в нарушении законов. Поскольку в случае доказательства вины имущество осужденного часто подвергалось конфискации и часть отнятого выдавалась в качестве вознаграждения сикофанту, многие из них действовали по корыстным мотивам, заслуживая общественное презрение, но несмотря на стремление некоторых политиков, на которых сикофанты обрушивались с особым остервенением, изжить это явление, прекратив выдачу вознаграждений за доносы, сикофантия процветала, потому что справедливо считалась неотъемлемым демократическим институтом. Поощрение сутяжничества и корыстного клеветничества не представлялось слишком дорогой ценой, уплачиваемой за сохранение народовластия и поддержание правопорядка. Между тем в новоевропейской лексике само слово «сикофант», не однозначное в античном мире, приобрело исключительно бранное и оскорбительное значение. Тоталитарный характер эллинской демократии обнаруживается вполне очевидным образом в этих контрверсах на тему о вреде и пользе сикофантии.

Одним из проявлений глубокого кризиса эллинского общества после Пелопоннеской войны явилось нарастание своекорыстных мотивов у сикофантов, вытеснявших прежние, по преимуществу патриотические, пружины доносительства. Еще одним свидетельством надлома общественной морали стало распространение наемничества, вызванное не только нехваткой боеспособных граждан, но и угасанием патриотической жертвенности. В эпоху поздней классики, в IV веке до Р.Х., в нравах общества произошла и такая глубокая

перемена, что крестьянский труд, ранее вполне почтенный, стал восприниматься, наряду с ремеслами, как недостойный полноправных граждан, единственно уместным занятием которых стала считаться политика: участие в принятии решений государственного значения на народном собрании, в других коллегиальных органах власти, а также прямое исполнение административных обязанностей. Конечно, не все граждане имели рабов, и нужда заставляла малоимущих изнурять себя и пахотой и уходом за домашней скотиной, заниматься ремеслами и даже, при крайней бедности, наниматься в батраки или подмастерья в эргастерии, вербоваться в воинские отряды к кондотьерам, но делалось это ввиду суровой необходимости. С распространением наемничества состоятельные или родовитые граждане даже на воинской службе стали считать достойным своего статуса лишь исполнение командных ролей, а не службу рядовым гоплитом или всадником, не говоря уж о легкой пехоте.

Древние эллины были на редкость общительными людьми, но их семейная жизнь протекала в тиши жилищ, добропорядочные женщины не часто выходили из гинекея, и по мере развития цивилизации и отхода от патриархальной простоты нравов жены и даже незамужние дочери становились все большими затворницами: в Афинах жены и дочери меньше могли распоряжаться собой, чем в Спарте, в деревне женщины чаще появлялись на людях, чем в городах, в богатых семьях не было необходимости в дополнительном заработке для содержания семьи, в то время как жены бедняков порой нанимались для услужения в домах состоятельных граждан, в классическую эпоху женщины стали большими домоседками, чем в век архаики. Но даже самые почтенные дамы могли без урона для своей репутации посещать представления трагедий, они также участвовали в религиозных празднествах. Простолюдинки в отсутствие мужа ходили на рынок покупать провизию и другие необходимые в домашнем хозяйстве вещи. И все же большую часть времени женщины пребывали в тиши гинекея. Зато домоседство не свойственно было мужчинам, которые весь день проводили вне дома — находясь в пути, усердно посещая агору с ее рынком, театр, палестру, стадионы, участвуя в религиозных праздниках или в дружеских симпозиумах, так что мужчины и женщины отличались

даже цветом лица — бледным у затворниц гинекея и загорелым у их мужей, отцов и сыновей.

В V столетии до Р.Х. кое-что изменилось в бытовом укладе эллинского мира в сравнении с эпохой архаики. Греки стали носить более простую и менее яркую одежду, вместо длинного ионийского хитона стали надевать короткий дорийский хитон, доходивший только до колен. Старинный хлен был вытеснен гиматием, ставшим на века обычной верхней одеждой грека. В классическую эпоху мужчины стали короче подстригать волосы. Длинные волосы в этот период носили только философы и щеголи, а также женщины, которые либо стягивали их в узел на затылке, либо распускали по спине в виде конского хвоста. Коротко стриглись рабыни или старухи. Короткая стрижка была также знаком траура. Женщины часто красили волосы, предпочитая выглядеть блондинками.

В V столетии до Р.Х. греки стали жить просторнее и с большим комфортом, чем в эпоху архаики. Впрочем, меньше всего это относится к самому цивилизованному полису Эллады — Афинам. Перенаселенность Аттики не позволила в этом городе воздвигать более вместительные жилища, чем те, что строились в предшествующий век, в то время как во многих других городах ситуация в этом отношении изменилась радикально. Если в Афинах даже состоятельные граждане могли ютиться в тесных жилищах из трех–четырёх комнат, где, кроме семьи, жили также домашние рабы, то в таком новом, построенном по регулярному плану городе, как Олинф на Халкидике, хорошо сохранившиеся руины которого тщательно исследованы, типичный дом имел площадь до 300 квадратных метров.

Внутри такого дома был двор, мегарон, окруженный со всех сторон постройками и служивший своего рода световым колодцем. Небольшие окна имелись лишь на втором этаже. С улицы был проход в мегарон, через который только и можно было попасть в жилые помещения. Основные комнаты располагались в два этажа на северной стороне — благодаря этому летом они были лучше защищены от жарких солнечных лучей, а зимой, когда солнце ниже, в них попадало больше тепла и света. Со двором комнаты были соединены галереей, которая называлась пастадой. Перекрытие пастады поддерживалось деревянными колоннами. Южная половина дома строилась в один этаж, чтобы в зимнее время не заграждать проникновение солнечных лучей

в его северную часть. На первом этаже находилось до 10 комнат. Главным помещением был андрон — мужская комната, которая располагалась на южной стороне и предназначалась для приема гостей и симпозиумов. Середина пола в андроне была украшена галечной мозаикой, вдоль стен шла паннель — возвышение, на котором устраивались лежа для участников симпозиумов. По полу проходили водоотводные канавки для удобного его мытья. В еще одной комнате находился очаг и кухня. Очаг служил для приготовления пищи. Отопительных печей в домах не было. В зимнее время для обогрева комнат пользовались двуручными переносными сосудами, в которые клали раскаленный древесный уголь. На первом этаже, рядом с кухней, устраивалась ванная, сама ванна заглублялась в землю, делалась она из камня или терракоты. Ванная подогревалась, под ее полом проводился гипокауст — трубы, в которые поступал горячий воздух из очага. Дома снабжены были водопроводом из обожженной глины и канализацией. Самая большая комната чаще всего отводилась под мастерскую. Внизу располагались также другие служебные помещения, кладовые и комнаты, в которых жили рабы. Спальни и гинекей устраивались наверху, на втором этаже. В вечернее время, после заката, комнаты освещались масляными светильниками, переносными, подвешенными или поставленными на подставки — канделябры.

Особенно большие дома строились на окраине Олинфа, за границами регулярных кварталов. В одной из таких вилл, которая археологами была названа «домом доброй судьбы», на полу андрона сохранились мозаичные изображения Диониса на колеснице, запряженной пантерами, свое название дом получил потому, что на полу были выложены надписи: «доброе счастье», «благосклонная судьба», «любовь прекрасна». В еще одной загородной вилле — «Комедийного актера» мегарон был украшен многоцветной мозаикой, и в нем находился бассейн; на этой вилле был не один, как обычно, но два андрона.

Большим богатством отличались жилища некоторых городов хлебородной Сицилии. Платон, посетив Акрагант, сказал о его жителях, что они строят себе дома так, будто собираются жить вечно, а едят так, словно завтра расстанутся с жизнью. Богатство и любовь к роскоши жителей южноитальянского города Сибариса сделала само наименование его граждан «сибариты» нарицательным понятием. Экономическому расцвету

Сицилии способствовала глубокая специализация ее расчитанного на экспорт сельского хозяйства — из Сицилии вывозили пшеницу, вино и масло. Разбогатевшие на производстве экспортных товаров землевладельцы в целях дальнейшего обогащения устраивали обширные латифундии с интенсивной эксплуатацией дарового рабского труда, которые, успешно конкурируя с мелкими крестьянскими хозяйствами, приводили их к разорению; и в результате города Сицилии наполнились избытком свободных пауперов, ищущих заработка и находящих его чаще всего в качестве наемников в отрядах своего рода кондотьеров либо прямо криминализирующихся и пополняющих собой пиратские и сухопутные разбойничьи шайки.

Более комфортный быт классической эпохи в сравнении с архаикой связан был с экономическим ростом и техническим прогрессом. Одной из самых важных новаций в земледелии стало применение плуга, который тянула пара волов. Плуг вытеснял рало — аротрон, только рыхливший почву, не переворачивая земли. Ксенофонт в своем «Домострое» писал, что плуг переворачивал землю, и солнце прогревало ее глубину, выжигая корни сорняков, что повышало урожайность вспаханной земли (цит. по: Античная цивилизация. М., 1973, с. 26). Той же цели служило более интенсивное употребление удобрений — помимо навоза, удобрением служил компост из грязи с сорняками, перепревшая солома, использовались также и минеральные удобрения: селитрой поливали капусту, щелочью смачивали семена бобовых. В сельском хозяйстве в классическую эпоху доля крестьянского труда сокращалась за счет труда рабов, наряду с мелкими фермами, на которых трудилась крестьянская семья, одна или вместе с двумя-тремя рабами, появились настоящие латифундии с десятками, иногда даже сотнями невольников.

Подобное укрупнение предприятий происходило и в ремесленном производстве, в особенности в Афинах. В V веке до Р.Х. не редкостью стали эргастерии, в которых заняты были десятки рабов или наемных работников; так, в мастерской, которая принадлежала отцу афинского оратора Лисия, занято было 120 невольников.

Число рабов в греческих полисах оценивается историками по-разному. Наиболее достоверными представляются выкладки, которые сделал на рубеже XIX и XX столетий немецкий

историк Ю. Белох, насчитавший в Коринфе в середине V века до Р.Х. 80 тысяч рабов, а в Афинах — 100 тысяч, при этом во всей Аттике число рабов было, вероятно, в два раза выше, что составляло около трети всего ее населения; поскольку однако Аттика была самым рабовладельческим полисом Эллады, рабы составляли не более четверти населения эллинского мира. Их труд был существенным элементом античной экономики, но он не преобладал в ней, тем более что значительная часть рабов составляла домашнюю челядь своих богатых господ. Своеобразным разрядом государственных рабов в Афинах были пленные скифы, которые, одетые в свое национальное платье, выполняли полицейские обязанности, наводя ужас на свободных жителей полиса, державших нарушать установленный правопорядок. Более продуктивным, чем труд невольников, не только по своей индивидуальной производительности, но и по доли в валовом продукте был труд крестьян и ремесленников — владельцев маленьких мастерских, а также наемных работников эргастериев.

Владельцами эргастериев чаще бывали не граждане, но метеки или периеки, которые в одних полисах были лишены права приобретать землю, в других ограничены в этом праве, и потому, разбогатев и не имея возможности вкладывать капитал в землю, вынуждены были продолжать заниматься более рискованным предпринимательством — промышленностью или торговлей.

Качество ремесленных изделий и объемы производства в Элладe росли, причем этот рост продолжился и в период политического кризиса эллинского мира, последовавшего за Пелопоннеской войной. Выигравшие в этой войне Спарта и Фивы в IV веке стали, несомненно, богаче, чем они были столетием раньше, но экономический рост происходил и в потерпевшей поражение Аттике. Сравнивая свое время с эпохой Греко-персидской войны, знаменитый афинский оратор Демосфен в 341 г. до Р.Х. говорил, что современная Греция богаче и военными кораблями, и финансовыми ресурсами, и изобилием припасов, чем она была в прошлом (см.: Хаммонд, цит. изд., с. 551). В эллинских полисах изготавливали прекрасные ткани, высококачественные железные и бронзовые изделия, ювелирные украшения, а также замечательную керамику и терракоту. В эргастериях производили превосходную черепицу для кровли,

в IV столетии в практику входит клеймение черепицы, свидетельствующее о конкуренции мастерских.

В классический период выросли масштабы экспортно-импортных торговых операций. Быстрый демографический рост требовал расширения объемов ввозимого хлеба, поскольку, кроме плодородной Фессалии, другие регионы Эллады снабжать себя хлебом не могли. В свою очередь расцвет промышленности, рост производства вина и масла побуждал к расширению вывоза продукции. Хлеб ввозили из Северного Причерноморья, Сицилии и Египта, из Фракии везли строительный и корабельный лес, из Испании — олово, из Кипра — медь, из Африки — слоновую кость. Подсчитано, что «годовые поставки только зернового хлеба в одни лишь Афины составляли в IV в. ... около 8000 000 медимнов, т.е. около 33 600 т» (Д. Б. Шеллов. Торговля и денежное обращение. — Античная цивилизация, цит. изд., с. 53), что при средней грузоподъемности судов в 100–150 тонн требовало нескольких сотен рейсов из хлебных стран в Пирей.

В связи с этим возникла насущная необходимость в увеличении количества судов, повышении их грузоподъемности, их техническом усовершенствовании и развитии искусства навигации, в улучшении технического оснащения портов и расширении портовых складов. В V и IV веках до Р.Х. в результате прогресса в искусстве судоходства была увеличена продолжительность навигационного сезона, корабли стали плавать не только в теплое время года, но и зимой. Развитие астрономических знаний позволило морякам лучше ориентироваться в открытом море по звездам.

Масштабные торговые операции предполагали концентрацию капитала в руках крупных торговцев. Купцов, которые занимались экспортно-импортной торговлей, называли эмпорами. Они либо сами владели судами, либо фрахтовали корабли у судовладельцев — навклеров. Эмпор обыкновенно закупал в своем полисе или соседних городах экспортный товар — вино и оливковое масло в амфорах, ткани, оружие, керамические и ювелирные изделия, терракотовую мелкую пластику, мраморные плиты, загружал их на суда и вез для продажи в страны, где он, в свою очередь, покупал зерно, лес, рыбу, кожу, скот или рабов. Такие операции были опасными из-за морских штормов, а также из-за войн, которые часто велись между греческими полисами, в том числе и на море, по пути следования торговых

судов, и из-за пиратства, побуждавшего нанимать вооруженную охрану, но приносили колоссальный доход. Этим прибыльным бизнесом занимались не только полноправные граждане, но и метеки, иногда даже вольноотпущенники.

Еще большие доходы получали банкиры — трапезиты, которые назывались так потому, что денежные операции проводились на специально приспособленных для этого меняльных столах — трапезах. Ремесло менялы, граничащее с ростовщичеством, не пользовалось уважением в обществе, поэтому граждане его избегали, предоставляя заниматься этим сверхвыгодным делом метекам и вольноотпущенникам. Интенсивная торговля с варварами, а также торговля с единоплеменниками, но через границы полисов при разнообразии денежных систем в самой Элладе, с одной стороны, порождали постоянную потребность в кредите, а с другой — делали совершенно необходимым обмен одной валюты на другую. Тем и другим как раз и занимались трапезиты древнего мира: продажа денег приносила им колоссальный доход, и в их руках концентрировался финансовый капитал.

Глава 3. Эпоха Александра Македонского

1. Северные соседи Эллады

На севере Эллада соприкасалась с территориями близко родственных ей македонцев, а также иллирийских и фракийских племен.

Иллирийцы населяли западную часть Балкан — Адриатическое побережье, от Эпира до Альп, и среднее Подунавье, а также гористую страну в глубине Балканского полуострова, на северо-запад от Фессалии. Начало заселения Балкан иллирийцами относится к середине II тысячелетия до Р.Х., и завершилось оно в конце тысячелетия. Иллирийцы, вероятной прародиной которых был регион Унетицкой культуры, расположенный к северу от Праги, представлявший собой восточный ареал культуры полей погребальных урн, продвинулись на юг, войдя в соприкосновение с эллинами, некоторые из иллирийских племен — певкеты, или пицены, япиги, давны, пелигны — переселились через Адриатику в Италию, заселив западный берег Адриатического моря. Часть иллирийского племени дарданцев вместе с фракийскими народами переселились через Босфор и Дарданеллы, которым они сообщили это название, в Малую Азию,

составив господствующий элемент в населении Трояды — древнего Илиона. Но по преимуществу в середине и во второй половине I тысячелетия иллирийцы обитали на Балканах, так что одно из наименований полуострова, Иллирик, происходит от этого этнонима.

Иллирийский мир представлял собой совокупность многочисленных и разноименных племен, стоявших на разных стадиях культурного развития, что главным образом зависело от интенсивности их контактов с эллинами. Но и племена, жившие на севере Иллирика и менее других соприкасавшиеся с греческой цивилизацией, умели выплавлять железо и пользоваться изделиями из него, в особенности оружием. Во главе племен и племенных союзов стояли наследственные вожди, которые имели укрепленные резиденции, где, кроме дружины правителя, жили также ремесленники и торговцы; такие поселения были своего рода протогородами, но значительное большинство народа, занимаясь земледелием, скотоводством, рыбной ловлей, пиратством и разбоем, обитало в деревнях.

Наиболее цивилизованной областью Иллирика был Эпир, южная часть которого издавна заселена была эллинами, а в его северной части — новом Эпире устроены были греческие колонии Эпидамн, или Диррахий, Амбракия, Аполлония и Левкас. В окрестностях этих колоний обитали иллирийские племена автариатов и дасариатов, а к северу от них, в гористой стране, непригодной для земледелия, воинственные племена даоризов, плереев и ардиев, которых впоследствии называли вардеями. Эти древние племена, вероятно, связаны ближайшим родством с сохранившимся доныне иллирийским народом албанцев, или шкиптаров.

Севернее, на изрезанном удобными для морского разбоя, глубокими извилистыми бухтами побережье, жили многочисленные далматы, у которых, по характеристике Страбона, некогда, до их разгрома римскими легионами под командованием Публия Сципиона, «было до 50 значительных поселений и даже несколько городов, как Салон, Приамон, Ниния и Синотий... Здесь находится, кроме того, укрепленное место Андетрий, а также Дальмий — большой город, по которому названо племя. ...У далматов есть своеобразный обычай производить передел земли каждые 7 лет» (Страбон, цит. изд., с. 288).

На далматинском побережье выращивали виноград и масличные деревья, ловили рыбу, пиратствовали. Особенностью далматов, отличавших их от других племен, населявших адриатический берег, было то, что они не использовали чеканную монету.

Севернее далматов обитали либурны, а далее в том же направлении по побережью, а также на юго-восточных отрогах Альп, жили яподы, которые на побережье занимались рыбной ловлей и виноделием, а в горах с их каменистой почвой разводили скот и сеяли полбу и просо. Далматы, либурны и яподы заселили также многочисленные острова в Адриатике с их прекрасным мягким климатом и занимались там не только рыболовством и виноделием, но и мореходством. На крайнем севере адриатического побережья и на Истрийском полуострове обитало соприкасавшееся с италиками племя истров, которое и дало название занятому ими полуострову.

В высокогорных долинах восточных Альп, севернее яподов, ютились скотоводы норики, к востоку от них, между Дунаем и его притоком Савой, обитали многочисленные и разрозненные племена паннонцев, или, как их называли греки, пеонов, которые стояли на более низком уровне цивилизации, чем приморские иллирийцы. По характеристике Аппиана Александрийского, «пеоны жили не в городах, а в полях и деревнях родовыми общинами, они не сходились в общие дома советов, и начальники у них были не для всех. Молодежи военного возраста у них было до ста тысяч (эта оценка относится к I столетию до Р.Х. — В.Ц.). Но и эти не собирались вместе вследствие отсутствия единой власти» (с. 249). Страбон перечисляет названия паннонских племен: «бревки, андизетии, датионы, пирусты, мазеи, деситиаты... и другие маленькие племена, области которых тянутся вплоть до Далмации, а к югу — почти что до земли ардиев» (Страбон, цит. изд., с. 287). Одно из пеонских племен, которое лучше других было известно эллинам, обитало значительно южнее — в Родопских горах.

Между Паннонией на севере и Македонией на юге находилась область дарданцев, к которым Страбон причисляет также галабриев и фунатов. О них он пишет так: «Хотя дарданцы были совершенно дикими, так что вырывали пещеры под навозными кучами и там жили, однако проявляли интерес к музыке, играя на музыкальных инструментах: на флейтах и на струнных инструментах» (Страбон, цит. изд., с. 288).

Восточную часть Балкан занимала Фракия. В середине II тысячелетия до Р.Х. фракийские племена, обитавшие ранее в Паннонии, составлявшей юго-восточный ареал культуры полей погребальных урн, продвинулись вслед за ахейцами на юг и расселились во второй половине тысячелетия в Трансильвании, на склонах Карпатских гор, в северном Причерноморье — от Прута до Днестра, а также на западном побережье Понта.

Часть фракийцев перебралась через проливы в Азию и расселилась там рядом с анатолийцами — лидийцами и лувийцами. Страбон считал народами фракийского происхождения не только азиатских мисийцев, поскольку часть их, сохранив такое же название, осталась на Балканах, но также вифинцев и фригов и менее известных бригийцев, бебриков, финов, медовифинов, мигдонов и мариандинов (см.: Страбон, цит. изд., с. 270). Несомненно, что в Малой Азии фракийцы смешались с потомками хеттов и родственных им анатолийских народов. Это в особенности относится, очевидно, к фригийцам, или фригам, о принадлежности языка которых к фракийской или анатолийской семье судить, ввиду отсутствия лингвистического материала, затруднительно. Принадлежность к фракийской языковой семье, скудное представление о которой дают лишь сохранившиеся в иноязычных текстах отдельные слова, а также ономастический и топонимический материал, поскольку живых фракийских языков не сохранилось и нет текстов, которые бы были написаны на одном из них, — киммерийцев, о чем гипотетически писал Ростовцев, тем более армян, — подобная точка зрения высказывалась лингвистами на рубеже XIX и XX веков, — сомнительна.

В культурном отношении фракийцы, тесно контактировавшие с эллинами, стояли на более высокой стадии культурного развития, чем иллирийцы: в середине I тысячелетия это был уже порог цивилизации. Но такая оценка относится по преимуществу к Фракии в тесном смысле слова, территория которой простиралась от северного побережья Эгейского моря и берегов Пропонтиды до придунайской равнины и с востока на запад от Черного моря до реки Стримона. Там обитали фракийские племена одрисов, медов, бизалтов, астов, сапеев и, к северу от них, мисийцев и трибалов. Культурно отсталую периферию Фракии составляли племена даков, живших за Дунаем в Трансильвании, а также близкородственных, а по другой версии

тождественных им гетов, обитавших по обеим берегам нижнего Дуная, в соседстве с мисийцами, и терегетов, селения которых простирались от устья Днестра до Днепровского лимана.

В «Географии» Страбона приведены любопытные сведения о нравах некоторых фракийских племен. Ссылаясь на Посидония, он пишет, что «мисийцы из благочестия воздерживаются употреблять в пищу живые существа, поэтому не едят и домашних животных. Они питаются медом и сыром, ведя мирную жизнь» (Страбон, цит. изд., с. 231). Страбон сообщил не лишённые, вероятно, легендарных черт сведения о знаменитом Замолксии — гете, который побывал рабом у Пифагора, в своих странствованиях доходил до Египта и многому научился. «По возвращении на родину Замолксий достиг почёта у правителей и в народе как толкователь небесных явлений. В конце концов ему удалось убедить царя сделать его соправителем как человека, обладающего способностью открывать волю богов. Сначала ему предоставили лишь должность жреца наиболее почитаемого у них бога, а потом его самого объявили богом. Замолксий избрал себе местожительством какое-то пещерное место, недоступное для всех прочих людей, и проводил там жизнь, редко встречаясь с людьми, кроме царя и своих служителей. Царь поддерживал его, видя, что народ теперь гораздо охотнее прежнего повинуетя ему самому в уверенности, что он даёт свои распоряжения по совету богов. Этот обычай, продолжает Страбон, сохранился даже до нашего времени, так как у них всегда находится человек такого склада, который в действительности является только советником царя, у гетов же почитается богом» (Страбон, цит. изд., с. 273).

О весьма своеобразном общении гетов со своим богом писал Геродот, ради занимательности рассказа, возможно, усугубляя экзотичность религиозных обычаев этого народа: «Каждые пять лет геты посылают к Салмоксису вестника, выбранного по жребию, с поручением передать богу все, в чем они нуждаются в данное время. ...Выстроившись в ряд, одни держат наготове три метательных копьё, другие же хватают вестника к Салмоксису за руки и за ноги и затем подбрасывают в воздух, так что он падает на копьё. Если он умирает, пронзенный копьёми, то это считается знаком божьей милости, если же нет, то обвиняют самого вестника. Его объявляют злодеем, а к богу отправляют другого человека. Тем не менее поручения ему дают еще

при жизни. Эти же самые фракийские племена во время грозы, когда сверкает молния, пускают стрелы в небо и угрожают богу, так как не признают иного бога, кроме своего» (Геродот, цит. изд., с. 211).

В долинах фракийцы занимались пашенным земледелием, виноградарством и коневодством. В горах сеяли просо, разводили овец и свиней, рубили строительный лес. Во Фракии развиты были ремесла, добывали железную руду и серебро, плавил железо и изготавливали из него орудия труда и оружие, там существовали города, племенная знать фракийцев держала рабов. Отношения с греческими колониями во Фракии — Абдерой, Маронеей, Перинфом, Селимбрией, Византием, Аполлонией, Месембрией, Одессом — складывались по-разному: время от времени случались войны, в мирную пору торговали. Фракийцы, поселявшиеся в колониях, подвергались эллинизации. По отцу великий историк Фукидид был фракийцем.

В первой половине V века до Р. Х. самое многочисленное и воинственное фракийское племя одрисов во главе с царем Тересом подчинило себе другие южнофракийские племена, власть царя распространилась и на припонтийские греческие полисы, которые вынуждены были платить ему дань. При его сыне и преемнике Ситалке, правившем с 431 по 424 г. до Р. Х., государство одрисов усилилось и распространилось территориально в северном и западном направлении. Ситалк вмешался в политическую борьбу внутри Эллады и во время Пелопоннесской войны заключил союз с Афинами, в благодарность за что его сыновьям было предоставлено афинское гражданство. При царе Севте I, который правил с 424 по 410 г., когда государство усилилось еще больше, одрисы стали чеканить собственную серебряную монету. По сообщению Фукидида, от одних только зависимых греческих городов в царскую казну ежегодно поступало по 400 талантов серебра. Тесные дипломатические и торговые отношения с Элладой влекли за собой эллинизацию высшего слоя одрисов — свободное знание греческого языка в этой среде стало нормой, усваивались и некоторые обычаи греков. После смерти Севта I между его сыновьями началась борьба за власть, которая привела к разделению государства на две части: побережье оказалось под властью Севта II, а севером страны правил его брат Медок. Афины вмешались тогда в междоусобицу и примирили братьев.

Наибольшего могущества государство одрисов достигло в правление царя Котиса I, которое продолжалось четверть века, с 383 по 359 г. до Р.Х. В целях укрепления союза с Афинами одна из дочерей царя была выдана замуж за афинского стратега Ификрата. Но впоследствии отношения одрисов с Афинами испортились. Попытка Афин захватить город Амфиполь в соответствии с решением общегреческого конгресса, состоявшегося в 371 г., привела их к войне с Котисом, который считал этот город своим данником. В этой войне Афины потерпели поражение. В 360 г. Котис захватил афинскую колонию Сест и затем осадил Херсонес Фракийский. Но осаду прекратила смерть царя.

Его сыновья разделили государство на три части. Старший сын Керсobleпт попытался восстановить единое государство, но этому воспрепятствовали Афины, направившие во Фракию войска, которые действовали неудачно и были заменены наемной армией под командованием Хареса. Этот полководец одержал победу над Керсobleптом, и в 357 г. был заключен договор, по которому Херсонес Фракийский передавался Афинам и закреплялось разделение государства одрисов на три отдельных царства. Вскоре после этого перед лицом общей угрозы для афинян и одрисов они возобновили союзнические отношения. Их общим противником стало Македонское царство, могущество которого тогда стремительно росло.

2. Македония

Македония расположена к западу от Фракии и к северу от Фессалии. Самое имя стране дал народ македнов, или македонцев, хотя и близкородственный эллинам, но некогда, до позднейшей его ассимиляции, отличный от него. Македония делится на горную часть, расположенную на севере, и узкую равнину на берегу Эгейского моря. Границы Верхней Македонии образуют высокие края Родоп, а Нижняя Македония — это плодородная равнина, лежащая по берегам Термейского залива. Летом в Македонии так же жарко, как и на Пелопоннесе, а зимой там, как и на севере Балкан, часто дуют прохладные северные ветры. В горах Македонии разводят скот, на равнине выращивают злаки, виноград, фрукты и овощи. Верхняя Македония до сих пор богата лесом, а в древности ее лесные массивы были более обширны и этот лес употреблялся для строительства домов и в кораблестроении.

Характеризуя эту страну, историк Хаммонд писал: «В горах Македонии еще сохранились остатки девственных лесов, намного более обширных в древности, когда важными продуктами экспорта были деготь и древесина всевозможных сортов. На равнинах с их болотами и озерами паслись огромные стада лошадей, коров и овец, аллювиальные почвы позволяли выращивать зерно на экспорт. Благодаря садам, виноградникам и розариям, первую македонскую столицу Эдессу называли “сад Мидаса”. В реке Андий и в наши дни моют в небольших количествах золото, а на севере и западе Македонии добывалось серебро» (Хаммонд, *цит. изд.*, с. 565).

Исторически к Македонии принадлежала и Халкидика, в классическую эпоху совершенно колонизованная греками. В Халкидике с ее тремя узкими и длинными полуостровами: Актой, на южной оконечности которой находится Афонская гора, достигающая около 2 км высоты, Ситонией и Палленой — климат средиземноморский, поэтому и культивируемые там растения типичны для Средиземноморья — виноград, оливки, злаки. «В древности наилучшие порты размещались на Халкидийском полуострове» (Хаммонд, *цит. изд.*, с. 565).

Македонцы — народ, близкородственный эллинам, из Македонии в начале II тысячелетия пришли в Элладу ахейцы, новыми пришельцами из горной Македонии в конце этого тысячелетия была разрушена микенская цивилизация. Дорийцы, согласно Геродоту (*см.*: Геродот, *цит. изд.*, 26), когда они поселились у Пидна, называли себя македнами. Таким образом, древнемакедонский язык был, очевидно, тождествен первоначальному языку дорийцев, пока он, после смешения дорийцев с ахейцами в Элладе, не стал субстратом дорийского диалекта общеэллинского языка. Впоследствии язык македонцев, обитавших в соседстве с Фессалией, подвергся влиянию фессалийского диалекта. Македонцы, сознавая свою обособленность в эллинском мире, все же стремились к тому, чтобы греки признавали их принадлежность к нему, а те предпочитали отказывать им в этом признании, но не считали их и вполне варварами. Обитая в близком соседстве с иллирийскими и фракийскими племенами, македонцы, с одной стороны, ассимилировали некоторые из них, а с другой — подверглись их влиянию, которое затронуло и македонский язык.

По словам Хаммонда, «македонцы отличаются более крепким телосложением, чем южные греки, вследствие суровой

жизни для крестьян и горцев более характерна угрюмость, чем жизнерадостность» (Хаммонд, *цит. изд.*, с. 565). В Македонии, писал И. Г. Дройзен, «существовали обычаи весьма старинного склада. Кто не убил еще ни одного врага, должен был ходить подпоясанный недоуздкой, кто не убил еще ни одного кабана в открытом поле, не имел права возлежать на пиру, но должен был сидеть на пиру, при похоронах дочь умершего должна была тушить костер, на котором был сожжен труп» (И. Г. Дройзен. *История эллинизма*. Т. I, М., 2003, с. 66). Близкие параллели с суровыми нравами скифов уводят историческое воображение к действительно глубокой, праиндоевропейской старине. Выделившимися из материнского лона македнов ахейцами, а потом и дорийцами под влиянием высокоразвитой культуры автохтонов Эллады были утрачены свирепые и героические обычаи их дальних предков — кочевников, сохранившиеся у самих македнов.

В VI столетии до Р. Х. политическое устройство Македонии мало отличалось от того, какое существовало у предков дорийцев, пока они не вышли из Македонии и не завоевали Элладу. Существовали отдельные племена со своими вождями и родовой знатью. Но в начале V века в приморской, или Нижней Македонии началось объединение племен в единое государство. Первым македонским царем — василевсом, власть которого распространилась за пределы его племенной территории, был Александр I из династии Аргеадов, правивший с 498 по 454 г. Его резиденцией был город Эги с пригородом Эдессой. Аргеады своей прародиной считали Аргос и усваивали себе происхождение от Геракла и, значит, от Зевса. Основателем династии, захватившим власть в македонской Эдессе, был Пердикка, который, по Геродоту, бежал вместе с братьями из Аргоса. В своей «Истории» Геродот приводит родословную Александра, вполне возможно, что достоверную: «Александр был сыном Аминты, Аминта — сыном Алкета, отец Алкета был Аероп, сын Филиппа, Филиппов же отец был Аргей, внук Пердикки, который завладел македонским престолом» (Геродот, *цит. изд.*, с. 414). Судя по числу колен, основатель династии мог жить в начале VII века до Р. Х. На Олимпийских играх в начале V века Аргеады были признаны эллинами и получили право участвовать в них. Греческое происхождение действительно имели или приписывали себе и другие княжеские династии в Македонии. Так, правители

Линкестиды — области в верхней горной Македонии возводили себя к беженцам из Коринфа Бакхиадам.

Во время греко-персидской войны, когда в Македонию вторглись полчища Мардония и потом самого шаха Ксеркса, Александр вынужден был признать верховную власть царя царей, снабжал его войска продовольствием и предоставил в его распоряжение воинский отряд, но после поражения и ухода персов из Европы он стал проводить политику сближения с греческими полисами и получил репутацию, а затем и прозвище Филэлина. Александр свободно говорил по-гречески и всячески способствовал распространению в стране эллинских обычаев и культуры. Но филэллинизм не удержал его от военного противостояния с Афинами, которые имели колонии на Халкидике, в то время как Александр стремился расширить македонское присутствие на побережье. Эта борьба оказалась для него неудачной, зато он с успехом действовал на севере Македонии, который ему удалось завоевать и таким образом объединить страну. Свою резиденцию Александр перенес из Эги в Пидну, но Эги осталась столицей.

Царство Александра и его преемников не было монархией восточного типа; его устройство скорее напоминало раннесредневековые европейские королевства. В подчиненных областях сохранялись местные династии, которые выплачивали дань царю и предоставляли в его распоряжение для ведения войны свои дружины. Кроме того, царь мог включать в собственную дружину воинов из родовой знати всех зависимых племен. Эти знатные воины именовались гетайрами — товарищами царя. Гетайры обладали обширными земельными владениями. По словам Феопомпа, 800 гетайров имели больше земли, чем 10 тысяч самых богатых эллинов (см.: Сергеев, *цит. изд.*, с. 382). Земледельцы, жившие на этих землях, были свободными арендаторами. В мирное время гетайры выполняли по поручению царя административные обязанности, вместе с царем участвовали в рассмотрении судебных дел. Из числа гетайров царь подбирал себе ближайших советников, которые под его председательством коллегиально обсуждали важнейшие государственные дела, образуя учреждение, подобное древнерусской боярской думе. В одежде царь не отличался от гетайров, и в общении с ними не соблюдался дворцовый этикет, так что всякий гетайр мог запросто, без восточных церемоний, обратиться к царю, возражать ему и даже

высказывать критические замечания по поводу тех или иных его действий. В этом отношении македонские правительственные обычаи были подобными тем, какие существовали в греческих полисах в общении между архонтами и носителями высших должностных полномочий, хотя родовой и династический характер власти сближал Македонию все же не столько с полисами классической Эллады, сколько с ахейцами времен похода на Трои. И царь и племенные вожди избирались народным собранием, в которое входили все, кто способен носить оружие, но традиция требовала, чтобы избирались лица династические и те из них, кому власть переходила по праву наследования.

Василевс считался верховным собственником всей земли, так что реальные землевладельцы были своего рода держателями наследственных ленов. Он являлся также высшим жрецом, главнокомандующим вооруженными силами, верховным судьей и распорядителем государственной казны. Изображение царя чеканилось на монетах, которые стали выпускаться в Македонии после греко-персидской войны. Но василевс не обладал неподсудностью, которая принадлежит обыкновенно монархам. Его самого можно было обвинить в измене и в других тяжких религиозных и государственных преступлениях, и в этом случае гетайры от лица македонского народа судили своего царя.

Преемники Александра Филэллина с успехом продолжили его дело, укрепляя единство страны и умножая ее богатства и военную мощь. Развивая торговые и культурные контакты с Элладой, правители Македонии научились безопасно проходить между Сциллой изоляции, которая бы препятствовала ее экономическому и культурному росту, и Харибдой пренебрежения национальными традициями и интересами, угрожавшего утратой независимости.

Искусным политиком был сын Александра Пердикка I. Он не остался в стороне от Пелопоннеской войны, но, легко меняя союзников в зависимости от складывающейся конъюнктуры, извлекал из союзнических отношений выгоду для Македонии. Выдающихся успехов в государственном строительстве добился сын Пердикки от невольницы Архелай, вступивший на престол в 413 г. до Р.Х., после того как он организовал убийство законных наследников. По всей стране он строил дороги и сооружал крепости. Этот царь реформировал войско, создав тяжелую гетайрскую кавалерию, для которой он позаботился обзавестись

более сильными лошадьми, чем те, что разводились в Элладе в Фессалии, приобретая их в Малой Азии и вообще на Востоке. Всадники стали носить тяжелые доспехи, которые хорошо защищали тело в бою. Архелай перенес свою резиденцию из Пидны в Пеллу, расположенную поблизости от моря, в экономически самой развитой части страны, и основательно укрепил этот город. При дворе Архелая нашли гостеприимство вылающиеся художники и поэты Эллады, и среди них Еврипид, Зевксис, Агафон.

Архелай провел денежную реформу, уменьшив вес серебряных монет, увеличив их количество и введя разменную медную монету. Царю удалось укрепить единство государства, крепче привязав к себе удельную знать и самих удельных правителей, которых он привлекал к своему двору и включал в число своих гетайров — процесс, подобный тому, что происходил на Руси при Иване III, перемещавшем владетельных князей в Москву, где они становились князьями.

Но эти меры царя вызывали сопротивление. В 399 г. до Р.Х. Архелай был убит заговорщиками. В стране началась смута. За власть боролась антиэллинская династия правителей Линка Линкестидов. На короткое время в Македонии воцарился организатор заговора из этой династии Аэроп, но когда он умер в 392 г., власть захватил Аминта II, его в том же году умертвил Дерда, и царем стал сын Аэропа Павсаний. Его в свою очередь устранил сын Арридея Аминта III, принадлежавший к старшей линии царского дома и правивший с 390 по 369 г.

Ослабленная в результате междоусобицы Македония стала объектом экспансии со стороны греков и варваров: иллирийцы захватили большую часть страны. После этого Аминта III вынужден был уступить часть македонской территории Халкидийскому союзу в обмен на его нейтралитет и с помощью Фессалии вытеснил иллирийцев из Македонии. Затем он заключил союз с Халкидикой, но когда в 382 г. иллирийцы вновь вторглись в Верхнюю Македонию, Халкидика, воспользовавшись моментом, захватила значительную часть Нижней Македонии. Усиление Халкидийского союза побудило доминировавшую тогда в Элладе Спарту к вмешательству. Спарта потребовала распустить союз, и халкидийские полисы вынуждены были подчиниться. Но когда, воспользовавшись падением могущества Спарты, халкидийские полисы вновь объединились, Аминта заключил оборонительный союз с Афинами.

После смерти Аминты в 369 г. на престол взошел его старший сын Александр II, который в свое кратковременное царствование провел военную реформу. Александр создал регулярный корпус тяжеловооруженной пехоты, в который набирались выходцы из состоятельных семей, не принадлежавших, подобно гетайрам, к родовой знати, — пезетейры. Образцом для вооружения, воинского строя и боевой тактики пезетейров служила эллинская фаланга. В результате этой реформы Македония, военным преимуществом которой всегда была конница, теперь обзавелась и хорошо вооруженной, обученной пехотой, не уступавшей гоплитам.

В 368 г. Александр был убит заговорщиками; во главе заговора стояла его родная мать Эвридика из рода Линкастидов и ее любовник и зять Птолемей. Поставленный царем, Птолемей в течение трех лет удерживал престол, пока не был изгнан братом Александра Пердиккой III. Афинский полководец Тимофей, действуя против Фив, которые, как и Афины, стремились подчинить Македонии своему влиянию, и Халкидики, вынудил Пердикку заключить союз с Афинами и начать военные действия против Халкидики и Амфиполя. Но в 362 г. Пердикка перешел на сторону Амфиполя и предоставил ему военную помощь. В 359 г. царь во главе своего войска выступил в поход против иллирийцев, стремясь обезопасить свое государство со стороны севера, но в этом походе и сам он, и 4 тысячи его гетайров и пезетейров пали в бою с противником.

Народное собрание в Пелле избрало царем малолетнего сына павшего василевса — Аминту IV, регентом при нем стал его дядя, 22-летний Филипп. Опираясь на гетайров и войско, Филипп вскоре после этого совершил государственный переворот, устранив малолетнего племянника и провозгласив себя царем. Когда Аминта вырос, Филипп женил его на своей дочери Кинане.

3. Царь Македонии Филипп II

В правление узурпатора Птолемея юного Филиппа выдали заложником в Фивы, и он провел там 3 года — с 367 по 364. В Фивах он близко познакомился с Эпаминондом, усвоив приемы воинского искусства этого полководца. Филипп сумел оценить преимущества эллинской цивилизации перед полуварварским бытом его родины, но эллинофильство царя прекрасно уживалось с его македонским патриотизмом. Между тем доставшаяся

ему страна находилась в бедственном состоянии. Она была расчленена: Линком владели иллирийцы, Пидна, Метона, Энея, Калиндея отделились от столичной Пеллы, братья Филиппа, родившиеся от наложниц Аминты — Архелай, Арридей и Менелай, — готовы были к междоусобной борьбе за власть, Афины поддерживали уже выступивших и потенциальных сепаратистов. Союзником Филиппа оставалась только Халкидика.

В этой крайне опасной ситуации Филипп II начал действовать с молниеносной решительностью. Жертвами нанятых им убийц пали его брат и соперник Архелай и правитель Калиндеи Павсаний, претендовавшие на власть в Македонии. Выступивший из Афин с отрядом нанятых гоплитов еще один претендент на царский престол Аргей был разбит Филиппом в сражении. После этого царь начал приводить к повиновению и других сепаратистов и заодно нанес сокрушительные удары по вторгшимся в Македонию иллирийцам, захватив часть их территории.

Чтобы завершить объединение страны, Филипп приступил к реформам, призванным укрепить мощь государства. Важнейшей из них была реформа воинского строя. Ядром армии стала тяжеловооруженная пехота, которая в бою действовала как особого рода фаланга, получившая у военных историков название македонской. Она отличалась от греческой фаланги компактностью и большой глубиной построения — не менее 16 рядов. В отличие от греческой строя, когда в сражении действовала одна фаланга, растянутая по фронту, Филипп расчленил боевое построение на несколько фаланг, которые находились на незначительном расстоянии друг от друга. Пезетейры Филиппа в бою употребляли двуручные копья — сариссы, длина которых зависела от шеренги, в которой находился воин, достигая в задних шеренгах 5 метров, так что бойцы могли поражать ими противников из-за спин товарищей, в результате чего усиливалась мощь удара. В армии Филиппа действовал также элитный корпус щитоносителей — гипаспистов и легкая пехота — пелтасты, лучники, пращники, метатели легких копий. Это были маневренные подразделения, которые начинали атаку, затем освобождали место для решительного удара фаланг, которые они прикрывали по флангам.

Усилив значение тяжелой пехоты, Филипп избежал рабского подражания воинскому строю эллинов и сохранил в своей армии важную роль гетайрской конницы, которая

взаимодействовала с фалангами, а также выполняла самостоятельные операции. Кроме того, царь усилил мощь вооруженных сил Македонии тяжелыми метательными и стенобитными орудиями — катапультами, баллистами, таранами, передвижными осадными башнями, предназначенными для разрушения крепостных стен. В его штабе имелись технические специалисты: топографы, интенданты, военные инженеры. Наконец, он позаботился об увеличении числа находившихся на вооружении флота боевых кораблей, нехватка которых ранее составляла слабое место вооруженных сил Македонии. Филипп дал войску «нужную дисциплину и военную выправку... В пехоте он уничтожил ненужный обоз и телеги с поклажей, всадникам позволил иметь только по одному конюху... и часто, даже в летнюю жару, он заставлял их маршировать и делать нередко переходы в 6–7 миль с полным багажом и провиантом на несколько дней» (Дройзен, цит. изд., т. 1, с. 73). Главное преимущество македонской армии в сравнении с войсками эллинских полисов заключалось в том, что греки к тому времени вынуждены были перейти к найму дорогостоящих и ненадежных наемников, а македонцы — знатные гетайры и простые крестьяне — воевали защищая интересы родины и обнаруживали превосходную дисциплину и преданность своему царю. Это была армия сражающегося народа, которая знала, за что она воюет.

Укрепляя центральную власть, подавляя остатки феодальной фронды, Филипп действовал решительно и гибко. Подростки — выходцы из знатных семей, в том числе и из правивших ранее удельных династий, приглашались ко двору царя пажами, где они воспитывались в духе преданности общенациональным интересам и верности монарху. Придворная знать, гетайры, составляли царскую лейб-гвардию — агему, из их числа назначались должностные лица в администрации и армии, в то же время в число царских друзей — гетайров включались и способные лица незнатного происхождения.

Захват пангейских серебряных рудников и увеличение добычи золота из Стримонского речного песка позволили Филиппу впервые в мировой истории денег перейти к системе биметаллизма с точно установленным соотношением ценности золотых и серебряных монет, которые стали называть филиппиками, хотя на них не чеканилось изображения царя — на лицевую

сторону монеты наносился лик Аполлона, а на реверс — несущая колесница.

Создав мощную армию, Филипп приступил к проведению активной внешней политики. Важнейшей задачей было расширение приморской территории государства. Заключив союз с Олинфом, Филипп осадил Амфиполь, который был связан союзным договором с Афинами. Чтобы предотвратить вмешательство Афин, царь пообещал им вернуть Амфиполь после его захвата, но когда Амфиполь был взят штурмом, царь оставил за собой этот стратегически важный город, лежащий на берегу моря у устья Стримона, и в результате оказался в состоянии войны с Афинами. Затем он возвратил в состав Македонии Пидну, где раньше находилась царская резиденция, и ряд других городов на границе Македонии и Эллады. Чтобы успокоить олинфян, встревоженных захватом Амфиполя, и предотвратить их переход на сторону Афин, Филипп овладел союзной Афинам Потидеей, жителей которой, кроме афинских клерухов, он велел продать в рабство, а город передал Олинфу, после чего тот вступил в союз с Македонией и объявил войну Афинам.

Вслед за тем Филипп начал войну с фракийцами, захватив значительную часть их страны. На реке Несте во Фракии в 356 г. им был основан город Филиппы. На фракийском побережье Эгейского моря он завоевал города Абдеру и Маронию. Чтобы остановить экспансию Македонии, Афины заключили союз с правителями фракийских и иллирийских племен; к этому союзу присоединились и халкидические полисы во главе с Олинфом, недавним союзником Македонии. Во Фракию направлена была афинская армия, но захват Сеста Херсонского афинским полководцем Харесом в 353 г. лишь задержал продвижение македонцев во Фракию. В следующем году Филипп возобновил военные действия, принудив одрисских царей к неравноправному союзу с ним. В результате Халкидика оказалась в изоляции и уже не представляла опасности для Македонии.

Объединив страну, раздвинув ее границы, включив в состав своих владений ряд греческих полисов, покорив несколько иллирийских и фракийских племен, Филипп сделал Македонию самым мощным государством Балкан, которое нависало над эллинскими полисами, раздираемыми застарелой враждой и постоянно возникавшими новыми конфликтами, представляя серьезную угрозу независимости Эллады. И Филипп не замедлил

начать действия, направленные на ее покорение. Поводом для вмешательства в ее внутренние дела послужила священная война, которая началась в 355 г.

Война вспыхнула после захвата Фокидой участка земли у своей границы, который принадлежал храму Аполлона в Дельфах. Фокидян обвинили в святотатстве, Фивы настояли на созыве дельфийской амфикистии, которая наложила на Фокиду огромный штраф, а та отказалась платить его. И тогда Фивы объявили Фокиде священную войну. Фокидский полководец Филомел в ходе этой войны взял Дельфы и захватил сокровищницу Дельфийского храма, на конфискованные средства он нанял армию в 20 тысяч гоплитов. Греческий мир разделился в противостоянии. Фокиду поддерживали Афины и Спарта, а города Локриды выступили на стороне Фив. В Фессалии одни полисы взяли сторону Фокиды, другие — Фив: так, Ларисса присоединилась к Фивам, а давно соперничавшие с нею тираны города Фер стали союзниками фокидян. Перевес сил был на стороне союзников Фокиды, и тогда члены амфикистии обратились за помощью к Филиппу. Тот внял призыву и ввел свою армию в Фессалию, начав боевые действия против корпуса под командованием фокидского стратега Ономарха. Вначале Филипп терпел неудачи. Дважды над его армией одерживал победу Ономарх, но в третьем сражении, в 352 г., получив значительное подкрепление из Македонии, Филипп одержал победу над противником. Погибло 6 тысяч фокидян, на поле битвы пал и сам Ономарх. Взятых в плен Филипп велел как святотатцев утопить в море, а тело погибшего в сражении Ономарха было распято на кресте. После этой победы Фессалия оказалась под контролем Филиппа, некоторые из ее полисов он присоединил к Македонии. В фессалийских городах, оставшихся юридически независимыми, были размещены македонские гарнизоны. С этих пор Филипп действовал уже не только как царь Македонии и верховный правитель вассальных иллирийских и фракийских княжеств, но и как архонт союза фессалийских полисов.

Ближайшей задачей Филипп считал теперь экспансию в область центральной Эллады. Чтобы предотвратить захват Аттики, афинские войска заняли Фермопильское ущелье. И Филипп, всегда трезво оценивавший соотношение сил, стратегическую и политическую ситуацию, решил приостановить продвижение на юг, вновь занявшись расширением своих владений во Фракии

и на Халкидике с ее греческими колониями. Граждане в прошлом союзного Македонии Олинфа, самого крупного халкидического полиса, обратились за помощью к Афинам.

Между тем во всей Элладе, и в особенности в Афинах, отношение к македонской экспансии стало острой дискуссионной темой. Одни политики и простые граждане видели в ней смертельную угрозу самому существованию эллинской цивилизации — для них Филипп был новым Ксерксом и Дарием, новым Варваром, против которого греки должны сражаться, чтобы спасти свое общее отечество. Но существовала и другая, македонофильская партия. Для нее Филипп был не варваром, но эллином и, главное, Македония оставалась в ее представлении единственной реальной силой, способной объединить Грецию, прекратить нескончаемую вражду, грозящую ей совершенным разложением и поражением в противостоянии действительным варварам. Идея возобновления общеэллинской борьбы с империей Ахеменидов, которая после Пелопоннесской войны стала вновь бесцеременно вмешиваться во внутренние дела Эллады, продиктовав ей Анталкидов мир, овладевала умами греков, и эта идея подталкивала тех, кто ее разделял, к признанию гегемонии Филиппа.

Сторонниками союза с Македонией и признания македонского протектората в Афинах были Эвбул, заведовавший финансами полиса, стратег Фокион, философ Аристотель, адвокат и политический оратор Эсхин. Но самым последовательным и влиятельным македонофилом, своего рода идеологом этой партии стал плодовитый писатель Исократ, который прожил на редкость долгую жизнь. Родившись в 436 г. до Р.Х., он скончался столетие спустя, в 337 г. Среди сохранившихся сочинений Исократа его политическая позиция с особой ясностью, последовательностью и отточенностью аргументов изложена в «Панегирике», «Ареопагитике» и «Филиппе». Бедствием Эллады Исократ считал вражду полисов и избыток бездомного, неустроенного, бродячего элемента, находящегося в постоянной готовности к возмущениям. Из этой среды выходили ненавистные Исократу алчные сикофанты, доносительство которых, считал он, угрожало нравственным разложением эллинского общества. Единственным средством изъять горячий элемент было бросить его в пекло войны с внешним противником, вековым азиатским врагом Эллады — Персией. Восток сказочно богат,

и его покорение обогатит греков несметными сокровищами. Война сплотит враждующие эллинские полисы: «Греция может сохранить состояние мира только в том случае, если величайшие государства, примирившись между собой, решат перенести войну в Азию и те выгоды и преимущества, которые они сейчас стремятся получить от эллинов, захватят у варваров». (цит. по: Сергеев, цит. изд., с. 387). Но одержать победу над персами без Македонии Эллада не в силах. Поэтому Исократ прямо обращался к Филиппу с призывом объединить Элладу под своей гегемонией и провести победоносную войну в Азии: «Какова же будет твоя слава, — писал он, — если ты осуществишь это на деле и главным образом попытаешься полностью сокрушить это царство или, по крайней мере, захватить как можно больше земли и занять Азию, как говорят, от Киликии до Синопы, кроме того, основать города на этой территории и поселить там тех, кто скитается теперь за неимением необходимых средств к жизни и вредит всем встречным» (цит. по: История Древней Греции, цит. изд., с. 233–234). На первый взгляд, неисполнимый авантюрный проект, но в действительности он был выполнен и перевыполнен с лихвой при сыне Филиппа.

К партии македонофобов принадлежали афинский богач Ликург и судебный оратор Гиперид. Рупором этой партии стал блестящий демагог Демосфен. Красноречие, искренний пафос, искусство аргументации этого оратора, с особой яркостью обнаружившие себя в его «Филиппиках» — речах против македонского царя и в других его записанных и сохранившихся словах, сделали их высокой классикой ораторского искусства. Демосфен родился в Афинах в 384 г. до Р.Х. в знатной и богатой семье. С ранней юности он мечтал о карьере политического деятеля, которая в Элладе, в особенности в Афинах, была немыслима без умения произносить убедительные и увлекательные речи на народном собрании. Но физические качества этого честолюбца представляли, казалось бы, неодолимое препятствие для того, чтобы стать успешным оратором. У него был слабый голос и короткое дыхание, косноязычие делало произношение его невнятным, к тому же у него подергивалось плечо, в то время как взыскательная публика ожидала от оратора и внешней импозантности. Но комплекс неполноценности часто прокладывает самый верный путь к успеху. Демосфен обнаружил фантастическое упорство и трудолюбие в освоении приемов ораторской

техники и преодолении косноязычия. Он учился произносить речи, набирая в рот камешки и черепки, упражнялся перед зеркалом, контролируя мимику, в ветреную погоду декламировал на берегу моря, стремясь перекрыть шум волн, подобный шуму толпы, неодобрительно встречающей выступление оратора. Чтобы отучить свое плечо от подергивания, он подвешивал над собой низко опущенный меч, который больно колол его при каждом движении плеча. Изучая лучшие образцы ораторского искусства, поэзии и прозы, Демосфен неделями не выходил из помещения, а чтобы не было соблазна выйти из дома и показаться на люди, он приводил себя в безобразный вид, обривая себе половинку головы.

Первые его речи были произнесены в суде по частным делам и оказались провальными, но затем он научился говорить убедительно и стал выигрывать в судах. И только преуспев в судебных речах, он стал потом политическим оратором. Его «Филиппики» получили известность не только в Афинах, но стали предметом обсуждения и пререканий по всей Элладе. Политические противники Демосфена были искренними македонофилами, но не отказывались от щедрых вознаграждений, которые присылал им Филипп. Демосфен обвинил их, в особенности Эсхина, который также был талантливым политическим оратором, в том, что они подкуплены Филиппом. Более того, он сумел настоять на привлечении Эсхина вместе с его единомышленником Филократом к суду по обвинению в подкупе. Испугавшись предстоявшего процесса, Филократ бежал из Афин, а Исократ сумел оправдаться на суде.

Филиппа Демосфен обвинял в том, что он стремится покорить Элладу и править в ней как тиран, в том, что он враг демократии и национальной независимости эллинов. И Демосфен, подобно своему оппоненту Исократу, стремился к объединению Греции, но не под протекторатом Филиппа, а в борьбе против него. Он давал себе отчет в печальном состоянии нравственно разлагающегося эллинского общества, но не терял надежды, что страшная опасность, идущая с варварского, как он считал, севера Балкан, способна сплотить греков и подействовать очистительно на моральный климат в Элладе. Сравнивая героизм своих предков с мизерабельными нравами современников, Демосфен говорил в третьей «Филиппике»: «А теперь все это распродано, словно на рынке, а в обмен привезены вместо этого

такие вещи, от которых больна вся Греция. Что же это за вещи? Зависть к тому, кто получил взятку, смех, когда он сознается, снисходительность к тем, кого уличают, ненависть, когда кто-нибудь за это станет порицать, — словом, все то, что связано с подкупом. Ведь что касается триер, численности войска и вообще всего, по чему можно судить о силе государства, то теперь у всех это есть в гораздо большем количестве и в больших размерах, чем у людей того времени. Но только все это становится ненужным, бесполезным и бесплодным по вине этих продажных людей» (цит. по: Сергеев, цит. изд., с. 390). И все же Демосфен не терял надежды и произносил вновь и вновь зажигательные речи против Филиппа и его приверженцев и клеветников в Афинах и всей Элладе, призывая афинян направить все средства полиса на строительство и вооружение мощного военного флота, в котором залог независимости Афин и последнее средство спасения Эллады.

Во время осады македонской армией Олинфа Демосфен призывал сограждан к незамедлительной военной помощи осажденному городу. Реакция на этот призыв была сдержанной. Афины направили в Халкидику отряд наемников, но он не в состоянии был снять осаду. Когда же, вняв аргументам Демосфена, афиняне направили на север более существенную военную силу — 17 триер, 300 всадников и 4 тысячи гоплитов, — было уже поздно. В 348 г. до Р.Х. Олинф был взят и разрушен Филиппом, его жители либо перебиты, либо проданы в рабство и все побережье Фракии, от Геллеспонта до Пидны, заняли македонские гарнизоны.

Падение Халкидики отрезвляюще подействовало на афинян. Теперь уже и Демосфен осознал ограниченность военных ресурсов Афин и всей Эллады и произнес тогда знаменитую речь «О мире», в которой допускал компромисс и признавал целесообразность переговоров с Филиппом. Из Афин к Филиппу была направлена для переговоров о мире делегация во главе с македонфилом Филократом, в посольство включили лидера промакедонской группировки Эсхина, но для баланса также и Демосфена. В 346 г. мирный договор был подписан. В историю он вошел с именем Филократова мира. Филипп пошел на него, потому что считался с тем, что Афины с их мощным флотом из 350 триер все еще представляли собой серьезного противника; к тому же он все-таки был искренним эллинофилом и предпочитал войне

мирный, дипломатический путь интеграции Македонии и Эллады под своей гегемонией. По договору Афины признавали власть Филиппа над всем фракийским побережьем, кроме Херсонеса Фракийского, который был оставлен за ними. Афинская делегация вынуждена была также признать независимость отложившейся от Афин островной Эвбеи, снабжавшей их зерном.

Заклучив мир с Афинами, Филипп по просьбе из Фив вновь отправился в поход против беотийской Фокиды. Взяв город, македонцы разрушили его стены, жителям, переселившимся из разоренного города в деревни, запрещено было впредь поселяться в городах. 3 тысячи фокидян, обвиненных в святотатстве, сбросили со скалы в море, граждан полиса принудили вернуть Дельфийскому святилищу отнятые у него средства, а поскольку они были уже потрачены, фокидян обязали ежегодно и в течение нескольких лет выплачивать храму по 60 талантов. Фокиды были исключены из дельфийской амфикистии, и их место в ней занял Филипп, получивший почетное звание иеромнемона.

В 344 г. до Р.Х. с просьбой о помощи в войне против Лакедемона обратились к Филиппу Аргос и еще несколько полисов Пелопоннеса. Демосфен тщетно советовал им отказаться от такой помощи, губительной, как он считал, для свободы Эллады. Македонские войска вошли в Пелопоннес. Затем Филипп распространил свою гегемонию на города Эпира, так что его власть простиралась теперь до берегов Ионического моря. Но Демосфен не отчаивался, продолжая предпринимать титанические усилия по сколачиванию антимакедонской коалиции: ему удалось вовлечь в нее Коринф с его колониями, Керкиру и эвбейские полисы.

Денежную помощь антимакедонской коалиции обещала оказать Персия, встревоженная стремительным ростом могущества Македонии. Об этой помощи взывал Демосфен, который обвинял македонофилов в измене общегреческому делу, и другие застрельщики антимакедонского противостояния. Персидские деньги потекли в греческие полисы, готовые к борьбе с Филиппом. Агитация Демосфена возымела успех в его родном городе — Афины направили армию во Фракию, где она начала боевые действия против полисов, подчинившихся Филиппу. В ответ на это македонские войска осадили Византий и Перинф, контролировавшие проливы, через которые Элладу снабжали жизненно необходимым ей причерноморским зерном. Перед лицом

угрожающей блокады к антимакедонской коалиции присоединились новые союзники — островные полисы Хиос и Родос. Соединенный флот этих городов вместе с афинскими триерами, внезапно появившийся перед Византием, значительно превосходил военно-морские силы Македонии, и флот Филиппа был разбит. После поражения на море царь вынужден был прекратить осаду Византия. Свою армию он повел в поход против еще не покоренных фракийских племен.

В 342 г. Филипп подчинил внутренние земли фракийцев. В долине реки Гебра он основал город и назвал его своим именем Филиппополем (ныне Пловдив). Вслед за тем его протекторат признали понтийские греческие колонии Аполлония и Месембрия. На покоренной территории он образовал Фракийскую стратегию, которая выплачивала ему дань. Затем македонские войска вторглись в страну гетов, и те без сопротивления признали его власть, заключив с Македонией неравноправный союз.

Между тем северное Причерноморье находилось тогда под властью скифов, которые незадолго до этого объединились в единое государство с царем Атеем во главе. Воспользовавшись слабостью фракийских племен, скифы начали экспансию в их земли: вначале они захватили дельту Истра (Дуная), а потом, переправившись на правый берег реки, подчинили себе всю Добруджу. Прибрежные греческие полисы признали над собой верховную власть Филиппа, надеясь на его защиту от скифов. Между тем Атей, которому тогда исполнилось уже 90 лет, столкнувшись с жестким отпором со стороны одного из фракийских племен, попросил Филиппа о помощи, пообещав в благодарность за нее завещать ему свое царство. Филипп откликнулся на эту просьбу и прислал Атею вспомогательный воинский отряд, но когда угроза со стороны фракийского племени для скифов миновала вследствие смерти их царька, Атей отослал македонский отряд на родину и велел передать Филиппу, что он пересмотрел свое обещание завещать ему свое царство, потому что у него есть другой наследник — его собственный сын. В гневе за злую насмешку Атея Филипп в 339 г. снял осаду с Византия и Перинфа и двинул свою армию на север, к Дунаю. Произошло сражение, в котором скифы были разбиты; Атей погиб, а Филипп захватил богатую добычу: женщин и детей, которых скифы по обычаю держали при себе во время военных походов и сражений, прекрасных лошадей, рогатый скот. Но на обратном

пути войско Филиппа подверглось нападению из засады со стороны трибаллов. Захваченные врасплох, понесшие значительные потери в бою со скифами, уставшие от горных переходов, перегруженные обозом, македоняне потерпели поражение. Сам Филипп был ранен, скифская добыча досталась трибаллам, и Филипп вынужден был уйти из Фракии.

Поражение во Фракии обнаружило уязвимость Филиппа, которая внушила его противникам надежду на его скорое падение. Но они просчитались. В 338 г. до Р.Х. в Греции началась новая священная война. Жители локрийского полиса Амфиссы запахали землю, преданную проклятию, что расценено было амфиктионией как религиозное преступление. Амфиссе была объявлена война, в которую немедленно вступил Филипп. Его армия стремительным броском переместилась из Фракии в центральную Грецию, беспрепятственно пройдя через Фермопильское ущелье, которое заграждало путь в Аттику. Города центральной Эллады и Аттики увидели нависшую над ними опасность. Против Македонии объединились разделяемые вековой враждой Афины и Фивы, а также Эвбея, Мегары, Акарнания. Битва македонской армии с объединенными силами эллинских полисов произошла у беотийского города Херонеи. В этом сражении отличился юный сын Филиппа Александр, который командовал левым крылом. Блестящие действия этого крыла, обнаружившие незаурядный полководческий дар Александра, решили исход сражения. Тысяча эллинов пала в битве, вдвое больше было взято в плен, остальные разбежались.

После поражения эллинских полисов под Херонеей исчезла надежда остановить Филиппа. Афинский оратор сказал тогда, что вместе с телами павших при Херонее была погребена свобода эллинов. Настроения народа в большинстве городов, в том числе и в Афинах, склонялись к признанию гегемонии Филиппа. В Демосфене видели уже виновника всех бед, обрушившихся на Аттику и всю Элладу, виновника напрасно понесенных жертв; и Демосфен вынужден был бежать из Афин. Расположение эллинов к Филиппу особенно укрепилось ввиду того, что, проявляя дипломатический такт гибкого политика, он действовал в Элладе без нахрапа, являя в начавшихся переговорах уважение поверженному противнику и свое искреннее эллинофильство. Афинам он вернул все их прежние владения, кроме Херсонеса Фракийского, утрату которого он компенсировал

Аттике беотийским Оропом. Пощажена была и Амфисса, бывшая виновницей священной войны, за что благодарные граждане воздвигли в Дельфах статую Филиппа. Суровее он поступил с Фивами: демократическое правительство в них заменено было олигархическим и промакедонским. Впрочем, олигархические македонофильские партии тогда пришли к власти в большинстве полисов. В Фивах оставлен был македонский гарнизон. Эллинские полисы сохранили юридическую независимость, но они должны были признать гегемонию македонского царя в Элладе, подобно тому как после Пелопоннесской войны была признана гегемония Лакедемона.

По инициативе Филиппа в 337 г. до Р.Х. в Коринфе состоялся Общегреческий конгресс, который должен был водворить мир в Элладе. На нем подтверждена была свобода эллинских полисов и принято решение, запрещавшее войну между ними. Большое внимание конгресс уделил совместной борьбе с пиратством, представлявшим большую опасность для торгового мореплавания. В целях укрепления сложившихся в Элладе режимов конгресс запретил конфискации имущества, отмену долгов и освобождение рабов на волю для использования вольноотпущенников в политической борьбе. Но самое главное решение Коринфского конгресса было о войне с Персией. Эта война объявлена была религиозной — ее собирались вести для того, чтобы отомстить за осквернение святынь Эллады Ксерксом во время греко-персидской войны, которая закончилась более ста лет назад. Но у этой войны были и менее возвышенные цели: грабеж несметных азиатских сокровищ, расширение плацдарма для эллинской колонизации, выдавливание из Эллады безземельных, обнищавших соплеменников, в которых виделась угроза общественной стабильности, — одним словом, Элладе предстояло реализовать программу, давно уже намеченную проницательным политологом Исократом. Образованный на конгрессе пан-эллинский союз был назван просто «Греки», в него вошли все балканские полисы, кроме Спарты, эпирские племена с их царями, а также многие островные полисы — общим счетом около 100 государств. Правящим органом союза стал «Совет греков», члены которого избирались союзными полисами в числе, пропорциональном их военным силам. Решения совета принимались большинством голосов и становились обязательными для союзных государств, так что союз имел характер федерации,

а не конфедерации. В компетенцию совета входило объявление войны и заключение мира, сбор налогов, назначение арбитров для решения споров между союзниками, суд над нарушителями союзного договора.

Формально Македония не вошла в федерацию, но «Греки» в Коринфе заключили «вечный союз» с «Филиппом и его наследниками». Филиппа провозгласили гегемоном союза и верховным стратегом объединенных вооруженных сил. Греческие города истощили себя в нескончаемой междоусобице, и доминировать в Элладе стала полуварварская, но искренне приверженная эллинской цивилизации Македония с ее нерастраченными свежими силами, с ее здоровым государственным строем, выгодно отличавшимся и от восточной деспотии и от эллинской раздробленности и политической неустойчивости, чреватой нескончаемой чередой переворотов, частыми переходами от демократии к олигархии, от олигархии к тирании и снова к демократии после свержения краткосрочных тиранов.

Филипп энергично принялся к подготовке военных действий. 10-тысячный отряд во главе с царским тестем Атталом был направлен им в Малую Азию и расквартирован в греческих полисах, которые формально признавали верховную власть персидского царя. В разгар военных приготовлений, в 336 г. до Р.Х., Филипп II в возрасте 45 лет был убит.

Это был полководец и государственный деятель большого масштаба, который сделал свою ранее политически незначительную страну великой региональной державой, доминировавшей на Балканах, покорившей Элладу с ее блистательной культурой и бросившей вызов могущественной империи Ахеменидов. Он был человеком сильного и гибкого ума, развитого эллинским образованием, трезвый, расчетливый, хладнокровный политик, способный к компромиссам, к продуманным, но для других часто неожиданным изменениям политического курса, так что бывшие союзники становились по его воле внезапно для них противниками, а противники союзниками; ему свойственно было поразительное трудолюбие и неумная энергия, упорство в достижении цели, хладнокровная методичность и осторожность, сочетавшаяся со способностью, когда нужно, быстро принимать решения и действовать без промедления.

При этом Филипп отличался несдержанностью в житейских удовольствиях, любил шумные пиршества не в эллинском,

а скорее в варварском вкусе, с обильными возлияниями. В отличие от греков, полигамия была в обычаях у македонской знати. Филипп имел 6 жен. Первой его женой была Филадельфия из македонского княжеского дома, он женат был также на знатной фессалиянке Филиппе, которая родила ему сына, названного в честь отца Филиппом Арридеем, в отрочестве заболевшего падучей, отчего он стал слабоумным. Но самой знаменитой из царских жен была Олимпиада, дочь царя молоссов Неоптолема, с которым Филипп заключил союз, чтобы укрепить свое влияние в Эпире. Молоссы были греческим племенем, самым многочисленным в Эпире, но обитая в соседстве с иллирийцами, на периферии эллинского мира, они, как и македонцы, воспринимались во внутренней Элладе как своего рода полуварвары. «Прекрасная собой, необщительная, полная внутреннего огня, она, — по характеристике И. Г. Дройзена, — была горячо предана таинственному служению Орфея и Вакха и темному волшебству фракийских женщин, во время ночных оргий, гласит предание, она впереди всех носилась по горам в диком исступлении, потрясая фирсом и змеей, в ее снах повторялись те же фантастические картины, которыми был полон ее ум, за день до свадьбы... она видела во сне, что вокруг нее шумит грозная буря, что яркая молния ударила в ее чрево, что затем из него блеснул яркий огонь, пожирающее пламя которого широко распространилось и затем исчезло» (Дройзен, цит. изд., т. 1, с. 77–78).

Олимпиада родила Филиппу великого Александра. Высокомерная царица ставила себя выше других царских жен. По ее настоянию Филипп в 342 г. поставил царем Эпира ее брата Александра. Филипп тяготился требовательностью капризной жены. В семейных спорах сторону матери часто брал подросший сын Александр. На пиру, устроенном в связи с новым браком царя, на этот раз с Клеопатрой, племянницей македонского полководца Аттала, Александр поссорился с отцом, вызвав его гнев. Опьянев, Аттал призвал участников пира молить богов о том, чтобы у новобрачных родился законный наследник престола. «Александр вспылил и вскричал: “А меня, негодяй, ты считаешь незаконнорожденным, что ли?”. С этими словами он бросил в него чашей. Филипп вытащил меч и замахнулся на сына, но, к счастью обоих, от раздражения и вина споткнулся и упал. “Посмотрите, друзья, — сказал, насмехаясь над ним Александр, — тот, кто приготовился переправиться из Европы в Азию, растянулся,

шагая от стола к столу”» (Плутарх, цит. изд., с. 778). После этого Олимпиада уехала в Эпир к своему брату, а Александр в Иллирию, но вскоре сын помирился с отцом и вернулся к нему в Пеллу. Олимпиада же продолжала питать враждебные чувства к вероломному мужу и обдумывала месть, пытаясь возбудить против него своего брата, но Филипп возобновил союз с ним, отдав ему в жены свою дочь от Олимпиады Клеопатру.

Во время бракосочетания эпирского царя со своей племянницей, совершенного против воли ее матери, Филипп появился на театральном представлении в древней столице Македонии Эгах без телохранителей и был заколот Павсанием. Народная молва возложила вину за этот заговор на Олимпиаду, подозрение коснулось и ее сына. Павсаний, жестоко оскорбленный Атталом и Клеопатрой, пожаловался Филиппу, но не нашел справедливости и у него. Встретив Александра, он пожаловался ему, а тот ответил строчкой из еврипидовской «Медеи»: «И тестя, и жениха, и невесту» (см.: Плутарх, цит. изд., с. 779).

Тело Филиппа II было погребено в гробнице македонских царей. Несмотря на подозрения в причастности сына Олимпиады к заговору, гетайры провозгласили его царем Македонии.

4. Александр Македонский и Эллада

Александр родился в Пелле 21 июля 356 г. до Р.Х. Его воспитателями были родственник по матери Леонид, Лизимах, а также Аристотель, которого нанял учителем сына Филипп. И Александр получил прекрасное образование: Аристотель обучал его философии и естествознанию, от него же он получил основательные познания в медицине, которыегодились ему в его походах, когда надо было лечить раненых воинов. Александр читал труды Платона и своего учителя, хорошо знал греческих лириков и трагиков, часто перечитывал поэмы Гомера — список «Илиады», исправленный Аристотелем, он всегда держал под подушкой вместе с кинжалом. В жизни своей он стремился подражать Ахиллесу. Наследник престола, он получил замечательную боевую выучку, включая и физическую подготовку, так что способен был и командовать войсками и сам сражаться, действуя всеми видами оружия, переносить тяготы суровой походной жизни.

В ранней юности Александр обнаружил редкую храбрость и находчивость, когда укротил необъезженного коня Букефала,

который, взвиваясь на дыбы, никому не позволял сесть на него верхом. «Александр подбежал к лошади, схватил ее за узду и поставил против солнца. Он догадался, вероятно, что лошадь, видя перед собой свою дрожащую тень, пугалась. Несколько времени он бегал рядом с нею рысью и гладил ее рукой. Заметив, что она разгорячена и тяжело дышит, он тихо сбросил с себя плащ, вскочил на нее и твердо сел... Отец же, говорят, заплакал от радости. Когда Александр прыгнул с лошади, он поцеловал его в голову и сказал: “Дитя мое, ищи себе подходящее царство — Македония для тебя мала!” (Плутарх, цит. соч., с. 776).

Любовь к славе, которую Александр хотел стяжать на века, была главным мотивом его поступков. Отец вовлекал сына в обсуждение политических тем, и когда Филипп отправился в поход против Византия, он оставил правителем Македонии Александра, которому тогда исполнилось 16 лет. Два года спустя в битве при Херонее Александр обнаружил незаурядный полководческий талант, командуя конницей гетайров на левом фланге македонского войска и действуя против решающей силы противника — фиванцев.

Вступив на престол через два года после этой битвы, он велел казнить убийцу отца Павсания. Затем умерщвлены были подозреваемые в соучастии в заговоре два отпрыска из знатной македонской династии Линкастидов и сын Пердикки Аминта, свергнутый Филиппом в самом начале его царствования, когда он был ребенком. По приказу Александра был также умерщвлен дядя Клеопатры Аттал, который командовал македонским отрядом в Малой Азии. Позже Олимпиада велела убить малолетнюю сестру Александра, рожденную Клеопатрой, когда мать держала младенца у себя на груди, а самой Клеопатре она приказала задушить себя своим поясом. Олимпиада сделала это без соизволения сына, и тот выразил ей за это свое неодобрение.

После восшествия на македонский престол Александр в речи перед послами союзных греческих государств призвал их хранить верность союзу. Но известие о гибели Филиппа многими в Элладе встречено было с нескрываемым энтузиазмом. Юного и неопытного царя там не считали способным продолжить политику отца. Демосфен в знак радости о смерти врага появился перед народным собранием с цветочным венком на голове, и он сумел повести собрание за собой — оно присудило венец убийце Филиппа Павсанию. Брожение охватило и другие полисы.

Амбрактия заявила о выходе из союза и изгнала македонский гарнизон. О намерении распустить союз объявили Фивы. Фессалия блокировала узкую Темпейскую долину, через которую шел путь в Македонию.

Стремительным броском с небольшим отрядом Александр проник в центральную Грецию через Темпейскую долину, миновав позиции фессалийцев, для чего понадобилось вырубить ступени на крутом склоне горы Оссы, по которым спустились его воины, и затем провел войско через Фермопильское ущелье и осадил Фивы. Устрашенные внезапным появлением македонцев в самом сердце Эллады, греки пали духом, и верх во всех полисах, кроме Спарты, взяли македонофильские партии. По приказу Александра в Коринфе был созван новый конгресс, и на нем Александра признали гегемоном союза, пожизненным архонтом и командующим объединенными войсками, которые должны были выступить против Персии. После конгресса Александр пожелал побеседовать с Диогеном, который жил поблизости от Коринфа, в Крании. Когда Александр со свитой приблизился к нему, тот лежал и грелся на солнце. Поздоровавшись, царь спросил Диогена, «не желает ли он попросить от него чего-либо». «Да, — ответил философ, посторонись немного от солнца» Говорят, — продолжает свой рассказ Плутарх, — его слова произвели на Александра глубокое впечатление. Он был поражен гордостью и величием души философа, отнесшегося к нему с презрением, и, уходя, заметил на смех и шуточки свиты: «Если бы я не был Александром, я желал бы быть Диогеном!»» (Плутарх, цит. изд., с. 373).

Из Коринфа Александр вернулся в Македонию и, оставив править в самой Македонии Антипатра, а командовать гарнизонами в Азии Пармениона, которому персы не смогли помешать укрепиться на азиатском берегу Геллеспонта, отправился в поход против отложившихся после смерти Филиппа и угрожавших македонской границе трибаллов и иллирийцев. В его распоряжении было три полка тяжелой пехоты — гипаспистов по тысяче воинов в каждом, один из них, самый лучший, отборный, назывался агемой, несколько полков фаланги по полторы тысячи человек, два полка легкой пехоты по тысяче воинов и два эскадрона гетайров по 200 всадников, а также около 2 тысяч всадников из легкой кавалерии, набранной в Македонии и в покоренных странах. Путь в землю трибаллов проходил

через земли еще одного фракийского племени, которых называли независимыми фракийцами. С ними он встретился после перехода через реку Несс, у горы Гем. Фракийцы, вооруженные лишь кинжалами и легкими дротиками, а на голове имевшие, вместо шлемов, шапки из лисьих шкур, заняли вершину горы, собрав там большое число телег. Они замыслили, когда македонцы станут взбираться на гору, обрушить на них эти телеги. Проницательный полководец разгадал их замысел и немедленно принял меры, призванные обезопасить его армию. «Он отдал гоплитам следующий приказ: когда телеги начнут валиться на них, пусть солдаты в тех местах, где дорога широка и можно разбить строй, разбегаются так, чтобы телеги падали в промежуток между людьми, если же раздвинуться нельзя, то пусть они падают на землю, прижавшись друг к другу и тесно сомкнув свои щиты: тогда телеги, несущиеся на них, вследствие быстрого движения скорее всего перепрыгнут через них и не причинят им вреда. Как Александр указывал и предполагал, так и случилось» (Арриан. Поход Александра. СПб., 1993, с. 15). Пытавшиеся сопротивляться варвары были перебиты и пленены, оставшиеся в живых рассеялись. В этом своем победоносном походе Александр дошел до Истра, где обитали геты, покорил их и затем пошел воевать в земли автариотов и других иллирийцев. Во всех столкновениях с противником македонцы одерживали победы.

Между тем в Греции вновь подняли голову македонофобы, их финансировала персидская агентура, подстрекавшая эллинов против Александра. Демосфен получил от Дария 300 талантов; на эти деньги он вооружил изгнанников из Фив, живших в Афинах, для войны с Александром. Его враги особенно приободрились, когда вдруг распространился слух о его гибели в Иллирии. К войне с Македонией стали готовиться Фивы, Афины и несколько пелопоннесских полисов. Фиванцы осадили расквартированный в их городе на акрополе македонский гарнизон. Узнав о случившемся, Александр во главе македонского войска за 14 дней преодолел путь до Фив и начал штурм города. Овладев Фивами, Александр разрушил город, а его жителей продал в рабство. Пощажен был только дом Пиндара, которого царь высоко ценил, и потомки поэта. После катастрофы одного из самых могущественных полисов Эллады другие города притихли и покорились своему гегемону, и тот поступил с ними великодушно, не карая своих противников. От Афин

царь потребовал выдать Демосфена, но затем по просьбе своих сторонников в Афинах он отказался и от этого требования. От эллинов затребовано было лишь признание гегемонии Македонии и участие в походе против Персии. В этом ему отказал лишь Лакедемон, представители которого заявили, что Спарта никогда не признавала над собой ничьего верховенства, потому что издавна она сама занимает в Элладе первенствующее положение. Александр не стал принимать мер, чтобы привести в повиновение Спарту, и, вернувшись в Македонию, вплотную занялся подготовкой азиатского похода.

5. Восточный поход Александра

На подготовку к войне с персами ушла осень 335 г. и последовавшая за ней зима. В Персии тогда правил Дарий III Кордоман. Держава Ахеменидов находилась в состоянии полураспада. Сатрапы мало считались с верховной властью царя. Население Египта, Финикии, Малой Азии, включенное в орбиту средиземноморской торговли, тяготилось зависимостью от далекой столицы империи; и Александр рассчитывал, что при вторжении македонской армии оно отложится от Персии.

Перед походом Александр раздал своим друзьям богатые дары: имения, деревни, доходы с гавани. Когда же почти все царское достояние было роздано, Пердикка спросил его: «Царь, что же оставляешь ты себе?». Тот ответил, что надежду. «Тогда и мы, — сказал Пердикка, — разделим свою собственность, отправляясь с тобою в поход» (Плутарх, *цит. соч.*, с. 787). В царской казне оставалось лишь 70 талантов, на что можно было содержать армию в течение одной недели. Продажа в рабство фиванцев за 440 талантов позволила Александру расплатиться по долгам отца. Можно предполагать, что получившие царские дары со своей стороны подарили царю средства, на которые войска могли существовать до тех пор, пока в их руки не попадет военная добыча. Управление Македонией и Элладой в свое отсутствие царь возложил на Антипатра, запретив ему слушаться советов царицы Олимпиады.

В поход Александр повел около 40 тысяч пехоты и свыше 5 тысяч всадников. Основу кавалерии составляли гетайры под командованием сына Пармениона Филота и фессалийские всадники. Эскадроном царской лейб-гвардии из 300 всадников командовал Клит. По Диодору, у Александра было 13,5 тысячи

македонских воинов, 14 тысяч греков из разных полисов, включая наемников, и около 7 тысяч варваров — фракийцев и иллирийцев. Большую часть армии составляли македонцы, но были также отряды, присланные греческими полисами. Главный штаб армии возглавлял опытный поководец Парменион. При штабе состоял секретариат во главе с греком Эвменом, который командовал разведкой, управлял снабжением войск и вел дневник военных событий.

Войско направилось к Сесту, чтобы оттуда переправиться через Геллеспонт. Переплыв через пролив на триерах и транспортных судах, оно высадилось в Абидосе, откуда Александр направился в Илион, где возложил венок на место, которое почиталось могилой Ахиллеса, а его друг Гефестион — на могилу Патрокла. Ахиллеса Александр назвал тогда счастливцем, потому что о его подвигах возвестил такой поэт, как Гомер. Из Илиона царь прибыл в Арисбу, где лагерем стояла вся его армия. Оттуда он повел ее через Лампсак к берегам реки Гарника, впадавшей в Пропонтиду. Когда войско уже приблизилось к Гарнику, разведчики, которыми командовал Аминта, донесли, что за рекой стоят персы — до 20 тысяч пехоты и столько же конницы во главе с зятем Дария Митридатом, Арсамом, Реомифром и Петинотом. Опытный военачальник Парменион советовал царю укрепиться на берегу и тщательно подготовиться к переправе, но Александр предпочитал начать переправу с марша, считая, что в противном случае персы воспрянут духом, видя нерешительность и осторожность противника. Переправлялись всадники вплавь на конях, а пехота вброд.

Выбравшиеся первыми на занятый противником берег были изрублены врагом. Александр вел за собой правое крыло кавалерии, и, выскочив из воды, он вместе с отрядом всадников направился туда, где были сосредоточены лучшие силы персов и где находились их военачальники. В горячей сече македонцы обнаружили превосходство и в боевой выучке и в вооружении. Их оружием были не дротики, а копья с древками из кизила. Увидев Митридата, Александр бросился на него и в поединке нанес ему удар копьем в лицо, сбросив его на землю. Тогда персидский воин, ударив царя кинжалом по голове, разрубил шлем, однако Александр копьем поразил его в грудь. Перс Спитридат сзади замахнулся на царя кинжалом, но Клит опередил его и отсек Спитридату руку вместе с кинжалом и тем спас жизнь царю. Тем

временем продолжалась переправа; натиск македонской конницы и пехоты на противника оказался столь сильным, что персы дрогнули и отступили, а затем обратились в бегство. В бою погибло около тысячи персидских всадников. Наемная пехота, парализованная ужасом, осталась на месте сражения, но почти не оказывала сопротивление и была изрублена конницей гетайров. В плен было взято около 2 тысяч персов. В сражении пали сын Дария Арбулал и его зять Митридат. Македонцы потеряли 25 гетайров, 60 других всадников и около 30 пехотинцев.

Царь с почестями похоронил павших, и по его приказу Лисипп, которому удалась лучшая скульптура самого Александра, изваял статуи 25 павших на берегу Гарника гетайров. Вдовы, родители и дети погибших были щедро вознаграждены Александром. Царь позаботился о раненых, сам осмотрел их раны и давал при этом дельные советы врачам. По его приказу были похоронены павшие персидские военачальники и наемники-эллины, но пленных эллинов, служивших врагу, он велел заковать в кандалы и отправить в Македонию. В Афины в благодарность за участие ее граждан в сражении царь выслал 500 комплектов персидского воинского снаряжения в дар Палладе. Этот дар сопровождался надписью: «Александр, сын Филиппа, и все эллины, кроме лакедемонян, взяли от варваров, обитающих в Азии» (см.: Арриан, цит. изд., с. 31).

Сатрапом занятой территории он поставил Калата, велел ему платить Македонии такие же взносы, какие ранее платились Дарию. Пармениону с отрядом воинов Александр велел занять город Даскалий, покинутый персами, а сам направился в Сарды и без боя взял их, позволив лидийцам, столицей которых был ранее этот город, жить по своим старинным законам. Начальником крепости в Сардах он назначил гетайра Павсания, оставив в его распоряжении гарнизон, а сам направился в Эфес, в котором устранил правивших там олигархов и установил демократию. Олигархические правительства ставленников Персии были смещены и в островных полисах Хиоса и Лесбоса. В Эфесе Александр познакомился с художником Апеллесом, который написал его портрет с молнией в руках, помещенный в храме Артемиды. Послы Магнессии и Тралл пришли в Эфес, чтобы сдать Александру свои полисы.

Из Эфеса Александр повел армию в Милет, персидский гарнизон которого решил сопротивляться, обнадеженный тем,

что главные силы персов находились недалеко, и, кроме того, рассчитывая на помощь флота, но греческие корабли опередили противника и вошли в милетскую гавань первыми, заперев ее. Персидский флот превосходил македонский и числом кораблей, и боевой выучкой. Тем не менее Парменион советовал дать морской бой, но Александр не внял его совету, считая безумием со своими 160 кораблями и неопытными моряками сражаться со значительно превосходящим по силам персидским флотом, в котором служили настоящие морские волки — киприоты и финикийцы. Македоняне, считал он, непобедимы на суше, поэтому они не должны приносить себя в жертву варварам на чуждом им море. Проигрыш сражения послужит сигналом к отпадению эллинов, а выгоды от победы, на которую нет надежды, не могут быть велики, так как ход операции на суше сам собою уничтожит персидский флот, лишив его базы снабжения. Таким образом решено было не выводить македонские корабли из гавани, а держать оборону на случай, если неприятельский флот попытается высадиться в городе.

После недолгой осады войска Александра взяли Милет. Более трудным делом оказался захват Галикарнаса, гарнизон которого, заняв акрополь, готов был к длительной осаде. Но Александр решил не тратить время на Галикарнас и ограничился разорением нижнего города, после чего оставил в нем отряд для продолжения осады акрополя, а главные силы повел вдоль побережья, чтобы занять прибрежные эллинские города и тем самым лишить персидский флот гаваней. Греческие колонии Александр объявлял свободными, и эллины с готовностью принимали его сторону, отказывая в поддержке персидской администрации и гарнизонам, пытавшимся противодействовать.

Не встречая серьезного сопротивления, Александр дошел до памфилийского города Сиды, а оттуда повернул в глубь полуострова, с боями прошел через Писидию, воинственные горные племена которой оказывали ожесточенное сопротивление, и остановился на зимний отдых во фригийском городе Гордионе, родине лидийского царя Мидаса. Там ему показали колесницу, дышло которой было связано с ярмом запутанным узлом, и рассказали предание о том, что тому, кто сумеет развязать этот узел, суждено стать царем всего мира. «Большинство писателей, — как пишет Плутарх, — рассказывает, что концы узла были спрятаны и переплетались один с другим самым хитрым образом.

Александр не мог развязать узла и разрубил его мечом... Аристокбул, напротив, рассказывает, что царь очень легко развязал узел, вынув из дышла крючок, которым прикреплялся ремень, затем вытащил и само ярмо» (Плутарх, цит. изд., с. 378).

Перезимовав, македонцы в начале 333 г. до Р.Х. двинулись на север, в Каппадокию, а затем повернули на юг, в Пафлагонию. Между тем с запада к Александру пришли тревожные вести: персидский флот под командованием грека Мемнона захватил Хиос, Лесбос и ряд других островов Эгейского моря и намеревался высадиться на полуострове, чтобы поднять греков против Македонии. Антипатр, оставленный Александром управлять Македонией, начал уже снаряжать суда для защиты побережья. Но внезапная смерть Мемнона отодвинула угрозу. Войска Александра перешли Таврский хребет и, спустившись в Киликию, заняли Тарс. Из Тарса царь повел их берегом моря в северную Сирию, где сосредоточены были основные силы персов: полчище Дария, по, возможно, преувеличенным сведениям греческих историков, насчитывало до 600 тысяч человек.

Осенью 333 г. около города Иссы, в узкой долине между горами и морем, произошло генеральное сражение. Противников разделяло устье реки Пинар, форсировать которую начала македонская кавалерия, а вслед за нею переправилась и пехота. Стремительным ударом македонцы атаковали левый фланг и центр персидского войска, где находился сам Дарий. Персы не выдержали натиска, и левое крыло обратилось в бегство, но на другом фланге греческие наемники Дария теснили македонцев. На помощь им двинулись македонцы, воевавшие на левом фланге, и войско Александра перешло в наступление. Между тем персидская конница, поставленная против фессалийской кавалерии, первой перешла Пинар и атаковала фессалийцев, но донесшийся до нее слух о бегстве Дария вызвал замешательство, и персидские всадники, ранее храбро сражавшиеся, вначале отступили, а потом обратились в беспорядочное бегство, давя обезумевших наемников-пехотинцев. Дарий бежал вначале на колеснице вместе со своими вельможами, а когда на пути его началось горное бездорожье, он сел верхом на коня и умчался, убегая от Александра далеко на восток, за Евфрат. Вначале Александр пытался догнать и захватить его, но потом оставил погоню.

В сражении при Иссе пало до 100 тысяч персов, погибли са-трап Египта Савак, полководцы, проигравшие сражение при

Гранике — Арсам, Реомифр и Аттизий. Войска Александра потеряли около 300 пехотинцев и полтораста всадников. Победители захватили лагерь Дария, в котором нашли лишь часть казны — 3000 талантов: большую часть денег и драгоценной утвари Дарий отправил в Дамаск, но и эти сокровища были перехвачены отрядом, посланным Александром, который велел хранить их в Дамаске. Теперь у Александра не было недостатка в средствах на финансирование похода.

По рассказу Плутарха, Александр, войдя для омовения в купальню Дария, «увидел множество сосудов, кувшинов, ванн, флаконов с духами — все из золота, прекрасно сделанных. В бане разливался сильный запах ароматов и духов. Затем Александр вошел в царскую палатку, замечательную своей высотой, размерами, великолепными кроватями и столами со столовыми приборами. Он взглянул на друзей и сказал: “Вот, по-видимому, как он царствовал!” (Плутарх, цит. изд., с. 786). В лагере находились мать, жена и сестра бежавшего царя, его малолетний сын и две дочери, а также жены знатных персов. Услышав женский плач, Александр узнал, что это близкие Дария оплакивают царя, считая его погибшим. Александр велел успокоить их, сообщив им, что Дарий жив. Кроме того, он приказал обращаться с пленницами с почестями, какие подобают царицам. Царственного мальчика он обещал воспитать как собственного сына, а царевнам подобрать лучших женихов. Как пишет Плутарх, несмотря на дивную красоту жены и дочерей Дария, Александр, «не коснулся ни одной из них, как и вообще не знал до брака другой женщины, кроме Барсины. По-видимому, он считал более приличным для царя побеждать свои страсти, нежели побеждать врагов» (Плутарх, цит. изд., с. 786). Барсина была взята в плен в Дамаске, но Дамаск еще был впереди.

В сражении Александр был ранен мечом в бедро, тем не менее наутро после битвы он «обошел раненых, велел собрать трупы убитых и торжественно похоронил их в присутствии всего войска, выстроенного во всем блеске, как для сражения. Он воздал в своей речи хвалу всем, чьи подвиги в сражении видел сам или о чьих был наслышан со стороны, и почтил денежными подарками каждого по его чину» (Арриан, цит. изд., с. 56). Дарий прислал Александру письмо, прося вернуть ему его семью. Предлагая мир, он готов был отдать ему все земли до Галиса и обещал своего рода контрибуцию в 2 тысячи талантов,

но Александр отклонил предложение, называя себя владыкой всей Азии. Победа под Иссой, отдавшая в руки Александра всю Малую Азию и Сирию, захват казны Дария позволили Александру за год набрать многочисленную армию, которая в 20 раз превосходила войско, с которым он одержал победу под Граником. По, вероятно, преувеличенным данным Диодора, «у него собралось 800 тысяч пехотинцев, 20 тысяч всадников, было еще много колесниц с серпами» (цит. по: Арриан, цит. изд., с. 291).

Из Иссы Александр повел армию по финикийскому побережью, захватывая города и оставляя в них гарнизоны. Без боя были взяты Арад, Библ, Сидон, но самый сильный из городов Финикии Тир, расположенный на острове возле побережья, готов был к сопротивлению. В ответ на пожелание Александра принести жертвоприношение тирийскому Гераклу — Мелькарту встретившиеся с ним на пути его войска в их город послы тирийцев предложили совершить жертвоприношение их богу в старом храме на материке, но город на острове должен остаться закрытым как для персов, так и для македонцев. Александр не принял этих предложений и немедленно прервал дальнейшие переговоры. Нейтральный Тир, обладавший сильным флотом, считал он, мог стать центром притяжения и опорой для всех недовольных македонским господством на греческих островах и в самой Элладе.

Тириане, отказавшиеся впустить Александра в свой город, оказали мужественное сопротивление, задержав продвижение македонцев на 7 месяцев, пока продолжалась осада. Финикийцы защищали его с ожесточением отчаяния. По рассказу Диодора, ими «изобретен был.. хитрый способ сломить мужество македонцев и подвергнуть самых храбрых воинов мучениям, которые нельзя было облегчить. Изготовлены были медные и железные щиты, в них насыпали песку и долго нагревали на сильном огне, так, что песок накаливался. С помощью какого-то механизма они бросали этим песком в тех, кто сражался всех мужественнее, и подвергали свои жертвы жесточайшим страданиям. Песок проникал через панцирь и рубаху, жег тело, и помочь тут было нечем.. и они кончались, впадая в неистовство от страшной боли» (цит. по: Арриан, цит. изд., с. 294). Чтобы взять город, расположенный на острове, Александр велел насыпать дамбу, соединившую его с материком, но тирийцам удалось ее разрушить. Пришлось строить новую дамбу, в гавань вошли военные суда Александра, к стенам крепости были подведены

стенобитные машины. Город был взят в 332 г. одновременным ударом с суши и с моря и затем подвергся жестокому разгрому и грабежу. 8 тысяч тирийцев погибло при взятии города, 13 тысяч было взято в плен; всех юношей, а их оказалось более 2000, повесили, а женщин и детей продали в рабство.

Собрав рассеянные остатки войск, разгромленных под Иссой, персидские военачальники попытались вернуть власть над Лидией, где расквартированы были лишь малочисленные македонские гарнизоны, и выйти к Эгейскому морю, в котором персидский флот еще удерживал несколько островов. Но назначенный Александром сатрап Фригии Антигон разбил наспех собранное персидское войско.

Новая опасность для Александра возникла тогда в самой Элладе. Спарта, не признавшая гегемонии Македонии, попыталась поднять эллинские полисы против нее. Царь Лакедемона Агис III просил о помощи Дария, и персы предоставили ему 10 триер и 30 талантов. Во главе отряда спартанцев Агис высадился на Крите и заставил большинство критских полисов отложиться от Македонии и признать верховную власть Дария. Но на сторону Македонии перешли финикийский и кипрский флот, и с их помощью персидские гарнизоны были изгнаны из Лесбоса, Хиоса, Тенедоса и Коса. К началу 331 г. контроль Македонии на островах Архипелага был полностью восстановлен.

Между тем войско Александра двинулось из Тира по побережью на юг. Из прибрежных городов сопротивление ему оказала только Газа, но и эта считавшаяся неприступной крепость была взята после 2-месячной осады. Завоевав Газу, Александр с небольшим отрядом направился в сторону Иерусалима. Об этом его посещении святого города умалчивают греческие авторы, вероятно, не придавая ему важного значения, но о нем рассказывает Иосиф Флавий. Первосвященник Иаддуй, узнав о приближении Александра, растерялся от страха и «принеся жертву Предвечному, стал умолять Господа защитить иудеев и оградить их от надвигающейся опасности. И вот, когда Иаддуй после жертвоприношения прилег отдохнуть, Предвечный явился ему во сне и повелел ему не робеть, а украсив ворота города венками, открыть эти ворота, всем облачиться в белые одежды, ему же и прочим священникам встретить царя в установленных ризах и не бояться при этом ничего, так как Господь Бог заботится о них» (Иосиф Флавий. Иудейские древности. Т. 1. М.,

1994, с. 468). Когда Александр приблизился к встречавшим его священникам и народу, то, как пишет Флавий, он неожиданно для всех, — для македонцев, сирийцев, финикийцев и следовавших за Александром хуфейцев, то есть самарян, — первым приветствовал первосвященника. «Тогда Парменион, — продолжает Иосиф Флавий, — подошел к царю и на вопрос, почему он теперь преклоняется перед первосвященником иудейским, когда обыкновенно все преклоняются перед Александром, получил следующий ответ: “Я поклонился не человеку этому, но тому Богу, в качестве первосвященника которого он занимает столь почетную должность. Этого старца мне уж раз привелось видеть в таком убранстве во сне в македонском городе Дии, и когда я обдумывал про себя, как овладеть мне Азией, именно он посоветовал мне не медлить, но смело переправляться через Геллеспонт. При этом он обещал мне лично быть руководителем моего похода и предоставить мне власть над персами... Ныне же, увидав этого человека, я вспомнил свое ночное видение и связанное с ним предвещание и поэтому уверен, что я по Божьему велению предпринял свой поход, что сумею победить Дария и сокрушить могущество персов и что все мои предприятия увенчаются успехом”» (Иосиф Флавий, цит. изд., с. 468–469). Затем Александр вошел в Храм и по указанию Иаддуга принес жертву Предвечному.

Александр не раз поклонялся богам покоренных им народов Азии и Египта, но есть основания полагать, что этот бесстрашный и великодушный воин, охваченный неумемным порывом вдаль, к убегающему горизонту, к завоеванию всего мира, словно ему мало было земли и в его сердце полыхала жажда бесконечного и вечного, под оболочкой идолов силился разглядеть отблеск славы единого Бога, Творца неба и земли. И в Иерусалиме сердца всемирного завоевателя, чрез которого Промысл Божий устраивал судьбы мира, коснулась благодать Творца.

«Когда же ему, — рассказывает далее Иосиф Флавий, — была показана книга Даниила, где сказано, что один из греков сокрушит власть персов, Александр был вполне уверен, что это предсказание касается его самого» (Иосиф Флавий, цит. изд., с. 469). По просьбе первосвященника Александр позволил иудеям Святой земли и рассеяния в Персии и Мидии сохранить свои старые законы и даровал им освобождение от податей каждый седьмой год. По предложению Александра многие из иудеев вступили

в ряды его армии, при этом им была гарантирована свобода соблюдать свои древние обычаи.

После падения Газы сатрап Египта Мазак, не располагая средствами для обороны страны, изменил Дарию и без боя сдал Египет, население которого тяготилось персидским владычеством. Особенно ревностными сторонниками перемены правления в Египте были жрецы, возмущенные пренебрежением персов к древним святыням страны. Из пограничной Пелусии Александр во главе войска направился в древнюю столицу Мемфис. Затем он посетил Сиутский оазис, путь к которому пролегал по безводной пустыне. В оазисе находился храм Амона, в котором Александр принес жертву божеству, а жрецы провозгласили его сыном Амона и наследником древних фараонов. Вернувшись в Мемфис, царь с частью своего войска по Нилу спустился вниз, в дельту; и на побережье, напротив острова Фароса, который впоследствии был соединен с берегом молотом, между морем и озером Мареотидой, основал город, названный его именем. Александрия стала вскоре крупнейшим политическим, культурным и экономическим центром Средиземноморья. Основанием этого города завершался длительный процесс превращения Восточного Средиземноморья во внутреннее море эллинского мира во главе с Македонией.

Оставив в Египте гарнизоны и назначив туда чиновников для управления и взимания податей, Александр с армией вернулся в Финикию. В это время Дарий прислал еще одно посольство к Александру, предлагая ему теперь все земли до Евфрата, 10 тысяч талантов и дочь свою в жены, но Александр не принял и этих условий. Когда послы Дария изложили предложение своего царя Александру и его гетайрам, Парменион сказал, что «если бы он был Александром, то с радостью прекратил бы войну на этих условиях и не подвергал бы себя в дальнейшем опасностям. Александр ответил, что он так бы и поступил, если бы был Парменионом, но так как он Александр, то ответит Дарию следующим образом: он не нуждается в деньгах Дария и не примет вместо всей страны только часть ее: и деньги, и вся страна принадлежат ему. Если он пожелает жениться на дочери Дария, то женится и без согласия Дария. Он велит Дарию явиться к нему, если тот хочет доброго к себе отношения. Дарий, выслушав это, отказался от переговоров и стал вновь готовиться к войне» (Арриан, цит. изд., с. 69). Вскоре после этого в родах

умерла жена Дария. Ее смерть глубоко огорчила Александра, который пожалел о том, что не отпустил ее к мужу, и велел устроить ей пышные царские похороны.

Получив подкрепление из Македонии, присланное Антипатром, Александр в начале 331 г. во главе войска направился из Финикии через Палестину и Сирию в Месопотамию. Дарий готовился к отражению противника. В Месопотамии, в Мидии и в Персии его власть имела более прочную опору, чем в Малой Азии, Египте и Сирии, и поэтому он быстро сумел набрать армию числом до миллиона человек. Его надежда на военный успех подкреплялась новыми осложнениями для Александра на Балканах.

Весной 331 г., после неудачного похода македонского наместника Фракии Зопириона в Северное Причерноморье против скифов, закончившегося гибелью стратега и всего его отряда, во Фракии восстали одрисы во главе со своим царем Севтом III. Александру изменил назначенный им новый наместник Фракии Мемнон, и Антипатр вынужден был со всем македонским войском, находившимся на родине, отправиться в поход во Фракию. Одновременно на Пелопоннесе спартанский архагет Агис III призвал эллинов восстать против Македонии и начал успешные военные действия против македонских гарнизонов, размещенных в городах Пелопоннеса. К нему присоединились полисы Ахеи, Элиды и Аркадии. Но Афины и другие государства центральной Греции не поддерживали Спарту. Афины замечательно наживались на поставках военного снаряжения для армии Александра, а успех его восточного похода сулил им колоссальное расширение сферы экономической активности на богатом Востоке. Поэтому афиняне были заинтересованы в сохранении македонской гегемонии в Элладе, партия македонофилов там держала верх, так что даже Демосфен в этот критический момент не стал призывать сограждан к борьбе с сыном ненавистного ему Филиппа. Закончив войну во Фракии, Антипатр направил свои войска в Пелопоннес, пополнив их воинами из союзных эллинских полисов. Спартанцы и присоединившиеся к ним ахейцы и аркадяне были разгромлены. После победы Антипатра на синедрионе членов Коринфского союза было решено отправить послов к Александру и просить его о прощении пленных противников. Александр по обыкновению своему обнаружил великодушие к побежденным, но Спарта потеряла

в результате этой войны Мессению и вынуждена была присоединиться к Коринфскому союзу.

Война в Греции, по противоречивым сведениям древних историков, закончилась накануне или уже после состоявшегося в октябре 331 г. сражения Александра с Дарием при Гавгамелах, около города Арбел, расположенного за Тигром, на территории древней Ассирии. На поле битвы Дарий вывел около миллиона пехотинцев, до 40 тысяч конницы, 200 колесниц с косами и 15 боевых слонов. Войска он расставил по племенам и народам. Бактрийцами, согдианами и индами командовал сатрап Бактрии Бесс, скифской конницей, вооруженной луками, — Мавак, парфянами и гирканами — Фратаферн, мидянами вместе с кавказскими албанцами — Атропат, ариями — Сатибарзан, вавилонянами — Бупар, армянами — Оронт, каппадокийцами — Ариак, сирийцами — Мазей. Войско Александра, также смешанного состава, — помимо македонян, эллинов, фракийцев и иллирийцев, оно включало в себя египтян и выходцев из покоренных стран Азии — числом более чем в два раза уступало противнику.

В начале сражения левое крыло македонцев, которым командовал Парменион, дрогнуло под натиском бактрийской конницы. Сирийцы под командованием Мазея, обойдя фланги, напали на обоз. Встревоженный этим Парменион просил Александра направить отряд для защиты обоза, но Александр не видел в этом опасности, потому что одержанная победа решит все проблемы снабжения армии. Он отдал войскам приказ атаковать врага. Александр, по описанию Плутарха, выходя из палатки, «надел на голову шлем... Его нижнее платье с кушаком было сицилийской работы. Поверх он носил двойной холщовый панцирь, один из предметов добычи, взятой при Иссе. Шлем его, железный, работы Теофила, сиял, однако, как чисто серебряный. К нему был приделан также железный ошейник, осыпанный драгоценными камнями. У него был замечательной закалки и легкости меч, подарок ему китийского. В сражениях Александр действовал обыкновенно мечом. Верхнее его платье было великолепной работы... Древней работы Геликона, оно было подарено городом Родом... В бою он надевал и это платье. Пока Александр выстраивал фалангу, отдавал какие-либо приказания.., он ездил на другой лошади, не на Букефале, которого берег, так как тот был уже старым. Но перед самым сражением

его подвели к нему. Он сел на него и немедленно начал нападение» (Плутарх, цит. изд., с. 795).

Перед сражением Александр произнес речь перед эллинами, вдохновляя их на битву с варварами. «Фаланга, — пишет Плутарх, — как морская волна, двинулась бегом на неприятеля» (Плутарх, цит. изд., с. 795), и тот обратился в бегство. Александр погнал бежавших к центру боевых рядов противника, где находился сам Дарий, красивый, рослый, видный издали, окруженный несколькими рядами «бессмертных». Александр, вид которого, по словам Плутарха, «наводил на них ужас», «опрокинул беглецов на тех, которые оставались еще в рядах. В испуге большинство из них обратилось в бегство. Но самые храбрые и знатные из них, убиваемые в глазах царя и падавшие друг на друга, мешали преследованию. Борясь со смертью, они цеплялись за всадников и лошадей. Все эти ужасы происходили в глазах Дария. Солдат, которые должны были защищать его, отбросили к нему, вследствие чего ему было трудно как повернуть колесницу, так и проехать, — кучи трупов удерживали колеса и марили их кровью. Лошади, окруженные и почти заваленные мертвыми телами, становились на дыбы, пугая кучера. Царь бросил свою колесницу вместе с оружием, сел, как говорят, на молодую лошадь и бежал» (Плутарх, цит. изд., с. 795–796). К вечеру персы были окончательно разбиты.

Разгромив основные силы противника, оставившего на поле битвы около ста тысяч трупов, Александр повел войско в Вавилон. «Здесь войскам был дан продолжительный отдых, это был первый виденный ими настоящий восточный большой город. Громадный по своим размерам, он был полон самых изумительных строений, исполинские стены, висячие сады Семирамиды, кубическая башня Бела... и все это наполняли бесчисленные массы народа, стекавшегося из Аравии и Армении, Персии и Сирии. Здесь царила чрезмерная роскошь и нега жизни... все это сказочное очарование восточного пыла страстей досталось здесь сынам Запада в награду за их труды и победы» (Дройзен, цит. изд., т. 1, с. 244).

Овладев страной, многократно превышавшей и размерами, и численностью населения, и богатствами его родную Македонию, Александр убедился в том, что с успехом править ею он сможет только в том случае, если сумеет явиться в глазах ее жителей не поработителем, а скорее освободителем от прежнего

порабощения. И Александр «приказал снова украсить разграбленные Ксерксом храмы, восстановить башню Бела и отныне отправлять богослужение вавилонским богам со свободой и роскошью времен Навуходоносора. Таким образом он приобрел симпатии народа, возвратив его самому себе и его народной жизни, он давал им этим возможность в качестве непосредственно деятельного элемента вступить в организм государства, которое он замыслил основать, — государства, в котором различия между Западом и Востоком, между греками и варварами, как они до сих пор существовали в истории, должны были исчезнуть в единстве всемирной монархии» (Дройзен, цит. изд., т. 1, с. 246).

После отдыха в Вавилоне войска Александра отправились в Сузы. И эта столица, как и Вавилон, сдалась без сопротивления. В Сузах была захвачена царская казна, которая, по Арриану, насчитывала 40 тысяч талантов и множество сокровищ, среди которых были и ценности, увезенные персами из Эллады во время греко-персидской войны, в том числе хорошо сохранившиеся пурпурные ткани из Гермियोны, пролежавшие без малого 200 лет.

Из Суз Александр направился во внутренние области Персиды, путь в которую лежал через узкие горные ущелья, которые храбро защищали самые мужественные персидские воины — за ними была их родина. Но нашелся проводник, который провел армию Александра по обходной дороге. В Персеполе в руки Александра попала главная казна персидских царей, в которой хранилось 120 тысяч талантов. Для вывоза этой добычи понадобилась тысяча пар мулов. В Персеполе на пиршестве Александра с друзьями гетайрами афинянка Фаида, любовница телохранителя царя Птолемея Лага, потеряв рассудок от опьянения, сказала, что ей после долгих скитаний по Азии доставило бы радость сжечь дворец Ксеркса, который сжег Афины. Раздались одобрительные возгласы, и участники пиршества во главе с Александром с факелами в руках окружили древний дворец. Македонцы с радостью подожгли его, надеясь, что Александр, сжигая дворец, который стал его резиденцией, собирается на этом закончить поход и теперь поведет их с награбленными сокровищами на родину — в Элладу и Македонию. Но протрезвев, царь пожалел о том, что поддался безумному порыву, и велел тушить пожарище. Руины дворца Ксеркса сохранились до наших дней.

Из Персеполя царь повел войско не на родину, как надеялись уставшие от тягот походной жизни ветераны, а на северо-запад — в Мидию. Захватив мидийскую столицу Экбатаны, Александр отпустил эллинов домой, щедро вознаградив их, в особенности фессалийцев. В войске остались только те греки, которые захотели добровольно служить за плату как наемники. Получив известие об этом, Греческий союз удостоил Александра звания пожизненного гегемона, а царь более не требовал уже от союза присылать ему пополнение. Разгромив полчища персов и тем самым гарантировав Элладу от новых вторжений с востока, он считал завершенным общегреческую борьбу с вековым врагом. Но как царь Македонии, он оставил при себе для продолжения войны македонских воинов, и некоторые из них роптали по этому поводу. Сподвижники царя, обогатившись военной добычей, утопали в роскоши. Как писал Плутарх, «Теосец Гагنون носил, например, в башмаках серебряные гвозди, Леоннату привозили из Египта на нескольких верблюдах песок для гимнастических упражнений. У Филота было для охоты сетей на сто стадий. Некоторые, не имевшие раньше и простого масла, мазались перед тем как идти мыться или купаться смирной и возили с собой банщиков и постельничих» (Плутарх, *цит. изд.*, с. 800). Александр укорял своих соратников, предававшихся неге, но впоследствии и сам не смог удержаться от восточной роскоши.

Разгромив Персию, он стал сознавать себя наследником персидских царей. Он отнял у них престол, стремясь к политическому соединению под своей властью Европы, которой правил как царь Македонии и гегемон эллинов, и Азии, права на которую приобрел победой над Дарием, а значит, он стал законным повелителем всего известного тогда в Греции цивилизованного мира. Его войско стало теперь пополняться выходцами из покоренных персами народов и из самих персов. Высокопоставленных слуг Дария Александр назначал на административные и военные должности, чем раздражал гетайров, испытывавших острую ревность к новым и иноплеменным выдвиженцам. Общение с ними приучало царя к восточному этикету, правила которого к тому же все более распространялись и на гетайров, непривычных к принятым на востоке знакам рабской покорности царю.

Но Дарий не был окончательно раздавлен, он располагал еще властью над восточными сатрапиями. Продолжая преследовать

его, Александр прошел через Каспийские ворота и Гирканию, преодолев труднодоступные горные перевалы, в Парфию. Там Александр узнал, что скрывавшийся от погони Дарий захвачен изменившим ему сатрапом Бактрии Бессом. Когда Александр почти настиг Бесса и плененного им царя, Бесс велел убить Дария, после чего провозгласил себя царем с именем Артаксеркс IV. Захваченные им при преследовании Бесса останки Дария Александр велел с почестями похоронить в царской усыпальнице в Персеполе. Узурпатора захватил телохранитель Александра Птолемей Лаг. Александру Бесс был передан голым и в ошейнике. Царь велел подвергнуть его бичеванию и затем предал суду, обвиняя его в убийстве своего царя и благодетеля. Судили Бесса, по повелению Александра, аристократы Бактрии, и он приговорен был к мучительной казни, которая незамедлительно и была совершена: вершины двух рядом растущих деревьев пригнули к земле, привязали к ним тело предателя, затем ветви отпустили, и они разорвали его надвое. Труп Бесса был затем отдан брату Дария, который велел разрезать его на мелкие куски и расстрелять их из пращей во все стороны.

Династия Ахеменидов прервалась гибелью Дария Кордамона, и Александр был провозглашен персидской аристократией «великим царем», «царем царей» — шахиншахом. Мать Дария Сисигамбиду Александр стал именовать с тех пор своей приемной матерью. Персидское окружение Александра стало еще более плотным и многочисленным, углубив недовольство старых соратников Александра гетайров.

Со своей родной матерью Олимпиадой и правителем Македонии Антипатром Александр вел регулярную переписку. В своих письмах царю они обвиняли друг друга: Антипатр Олимпиаду — в попытках вмешиваться в дела государственного правления, Олимпиада Антипатра — в том, что он слишком много берет на себя и непочтителен с царицей. И, как пишет Плутарх, «матери он посылал много подарков, но не позволял ей вмешиваться в политику или давать ему советы в походе. Он спокойно слушал упреки оскорбленной женщины. Только раз, когда Антипатр написал ему длинное письмо с жалобами на нее, он прочел его и сказал, что “Антипатр не знает, что одна слеза матери уничтожает тысячи таких писем” (Плутарх, цит. изд., с. 799–800).

Вслед за Парфией Александр, продолжая двигаться со своей теперь разноплеменной армией на восток, покорил Ариану,

где им основан был город Александрия (ныне Герат) с греческой планировкой, первыми поселенцами которого стали наемники-эллины. Александр стремился сблизить своих старых подданных — македонцев и греков с новыми — персами, мидянами, парфянами и бактрийцами. Для этого он велел отобрать 30 тысяч мальчиков из местных племен и обучать их греческому языку. Так положено было начало языку койне — упрощенному греческому, которым пользовались народы Востока, и такому явлению в истории мировой культуры, как эллинизм. Причем сближение европейцев и азиатов мыслилось им не как односторонний цивилизаторский процесс в духе новоевропейского колониализма, а как двустороннее движение к сближению, как своего рода культурный синтез. Александр сам давал пример такого сближения своим македонским сподвижникам. Он надевал на себя персидскую диадему, белый хитон, персидский пояс, но не стал носить ни штанов, ни кафтана, которые носили персы и мидяне. Своим гетайрам он велел облачаться в багряные одежды, а на лошадей надевать персидскую сбрую. Подражая Дарию, Александр окружил себя наложницами, а ему уже подражали в этом сподвижники. При его дворе был введен персидский обычай кланяться царю в ноги, что смущало и отталкивало многих гетайров, особенно из старых соратников Филиппа, считавших проскинезис уместным только по отношению к богам, а земные поклоны царю воспринимались ими как позорное самоуничижение. Из близких друзей царя лишь немногие одобрительно относились к такой перемене. Среди них был Гефестион, который первым из македонцев совершил этот, на взгляд своих соплеменников, а также греков, варварский обряд. Александр назначал знатных персов на ключевые должности: брата Дария Оксафра включил в число высших по положению сановников — 7 своих телохранителей, сатрапом Вавилонии поставил перса Мазея, опытному полководцу и начальнику штаба Пармениону Александр велел передать казну новому казначею персу Гарпалу, назначив Пармениона сатрапом новозавоеванной Гиркании.

Вслед за этим назначением, в 330 г., обнаружен был заговор сына Пармениона Филота. Когда поступили на него доносы, Александр не хотел им верить, но передал дело на суд гетайров. Доносчики выступили на суде с обвинением. Подвергнутый допросу, Филот не признался в том, что сам участвовал в заговоре,

но не отрицал своей осведомленности о готовящемся покушении на царя, о котором он однако не донес, хотя по два раза в день заходил в палатку Александра. Филота вместе с участниками заговора приговорили к смерти, и они поражены были дротиками. По указанию Александра убит был и отец заговорщика, старый и опытный полководец Парменион, против которого улик обнаружено не было, но оставлять его в живых Александр счел опасным.

Из Гиркании военные действия были перенесены в Бактрию и затем в Среднюю Азию, где македонцам оказали более ожесточенное сопротивление, чем на западе и в центральной части Ирана. Войска Александра перешли Окс (Аму-Дарью) и завоевали Согдиану. На некоторое время своей резиденцией царь сделал Мараканд (современный Самарканд). Усталость армии, а также то обстоятельство, что в окружении царя все больший вес приобретали новые сановники из числа персидской знати, усиливало раздражение среди его старых сподвижников — гетайров. На одном из пиршеств Клит, спасший жизнь Александру в сражении при Гарнике, стал похвастаться этим своим подвигом, превозносить царя Филиппа и укорять Александра в сыновней неблагодарности: «Кровью македонян и этими ты сделался так велик, что выдаешь себя за сына Амона, не признавая своим отцом Филиппа». Продолжая препираться с царем, он продолжал: «Счастливы те, кто уже умер и не увидел, как мидийские палки гладят македонцев и как македонцы просят персов пустить их к царю!» (Плутарх, *цит. изд.*, с. 806). Потеряв душевное равновесие от возмущения дерзкими укорами гетайра, Александр схватил копье и в гневе пронзил им Клита, вероятно не до конца сознавая, что он совершает убийство, — Клита за мгновение до этого рокового удара гетайры вытолкали за дверь, но когда Александр взял в руки копье, он, возвращаясь, проходил через дверной проем, сокрытый от обезумевшего от ярости царя занавеской. Потрясенный содеянным, Александр выхватил копье из тела пронзенного им друга и хотел пронзить им свою шею, но от этого его удержали плотно обступившие его гетайры. После этого трагического происшествия Александр три дня не выходил из своей палатки, не принимал пищи, вначале громко стона, а потом не подавая звуков. Испуганные предположением о его смерти, гетайры ворвались к нему и почти принудили царя вернуться к исполнению своих обязанностей.

Вслед за тем открыт был новый заговор: юные пажи Александра, отпрыски знатных македонских родов, намеревались убить царя за то, что он вводит варварские обычаи при дворе и, как им казалось, предпочитает гетайрам своих новых друзей — мидян и персов. Юноши перед судом гетайров признались в своем умысле, были приговорены к смерти и, по македонскому обычаю, побиты камнями. Подозрение в организации заговора пало на учителя казненных пажей грека из Олинфа Каллисфена, философа, ученика и родственника Аристотеля, и он был подвергнут аресту: Александр хотел судить его после похода, в присутствии Аристотеля. Об обстоятельствах его смерти существуют разные версии: по одной из них Александр, переменяя свое прежнее намерение, велел его повесить, а по другой — он «умер от водянки и вшивой болезни» (Плутарх, *цит. изд.*, с. 810).

Из Мараканда Александр направился с армией на северо-восток, в сторону верхнего течения Яксарта (Сыр-Дарьи), по берегам которой обитали азиатские скифы — саки и массагеты. На берегу Яксарта он основал самый северный из созданных им городов — Александрию Крайнюю (современный Ходжент). Но в тылу у его армии вспыхнуло восстание, в котором участвовали согдийцы, бактры, саки и массагеты, объединившиеся под командованием согдийца Спитамена, который в прошлом действовал заодно с Бессом. Восставшими были перебиты малочисленные македонские гарнизоны в Согдиане. Но гарнизон в Мараканде оказал энергичное сопротивление. На помощь осажденным Александр направил отряд, которому Спитамен, сняв осаду, устроил засаду и весь его уничтожил, после чего возобновил осаду, которая продолжалась до прибытия главных сил македонцев во главе с самим Александром. Спитамен ушел из Согдианы на север, в пустыню, где кочевали массагеты. Подавив сопротивление согдийцев, Александр сурово наказал их, велел казнить несколько тысяч пленных.

Разместив часть войска по гарнизонам Согдианы, Александр с основными силами армии провел зиму 329–328 гг. в Бактрии. Воспользовавшись этим, Спитамен снова стал поднимать согдиан на борьбу с завоевателями. Для подавления нового восстания Александр направил отряд во главе с назначенным им правителем Согдианы Кеном, который нанес смертельный удар по восставшим. Оставшиеся в живых согдийцы и бактрийцы сдались

Кену, а саки и массагеты во главе со Спитаменом бежали в пустыню, к своим кочевьям. Когда однако до массагетов дошла весть, что сам Александр собирается со своим войском идти в пустыню к их кочевьям, они, чтобы предотвратить этот поход, схватили Спитамена, отрезали ему голову и послали ее Александру.

Последним очагом сопротивления оставалась Согдианская Скала с неприступными отвесными скалами, которую защищал отряд согдийцев и бактрийцев. Осадив Скалу, Александр предложил ее защитникам сдаться, пообещав им свободу. Но, как пишет Арриан, «те с хохотом, на варварский лад, посоветовали Александру поискать крылатых воинов, которые и возьмут ему эту гору» (Арриан, цит. изд., с. 117). Александр решил брать Скалу ночью и пообещал первому, кто поднимется на Скалу, награду в 12 талантов, второму — меньшую, а последнему — 300 дариков. «Собраны были солдаты, привыкшие во время осад карабкаться по скалам, числом около 300. Они заготовили небольшие железные костыли, которыми укрепляли в земле палатки, их они должны были вколачивать в снег по тем местам, где снег слежался и превратился в лед, а там, где снега не было, прямо в землю. К ним привязали прочные веревки из льна и за ночь подобрались к самой отвесной и потому вовсе не охраняемой скале... Во время этого восхождения погибло около 30 человек, и даже тел их не нашли для погребения: они утонули в снегу. Остальные уже на рассвете заняли верхушку горы» (Арриан, цит. изд., с. 117–118).

Пораженные появлением на Скале «крылатых» воинов, ее защитники сдались. В плен помимо мужчин были взяты женщины и дети. Среди них находились жена и дочь одного из бактрийских вождей Оксиарта, который продолжал сопротивление. Дочь Оксиарта Роксана отличалась редкой красотой, и Александр захотел взять ее в жены. Узнав об этом, Оксиарт прекратил борьбу и стал со своим отрядом служить Александру. Свадьбу отпраздновали в крепости согдианского вождя Хориена, который покорился после того, как узнал о взятии Скалы. После этого Согдиана и Бактрия, равно как и другие восточные сатрапии — Маргиана, Ариана, Дрангиана и Арахозия, подчинились новому царю царей, преемнику власти древних Ахеменидов.

Для удержания завоеванных стран Александр создавал укрепленные города, в которых размещал греко-македонские гарнизоны, но где поселялись также персы, мидяне, арии, согдийцы

со своими семьями, где через браки завязывались родственные связи между ветеранами и туземцами. Эти города, большей частью названные именем самого царя, вроде Александрии Арриан или Александрии Крайней, управлялись муниципальными учреждениями по образцу эллинских полисов и становились очагами эллинистического сплава греческих и восточных культурных традиций.

Александр всерьез собирался покорить весь мир. Он намеревался для этого повести войска на север, чтобы обезопасить свою империю от нападений кочевников, но европейские, причерноморские скифы прислали к нему послов и просили заключить с ними договор о дружбе и союзе, и когда такой союз был заключен, Александр отказался от намерения идти против них войной. Для овладения всем миром, как он считал, осталось только завоевать Индию. По существовавшим тогда у эллинов географическим представлениям, за Индией лежал океан, простирающийся оттуда до Гадесского пролива — Гибралтара.

Перед началом похода в Индию Александр велел сжечь избыточный обоз, размещенный на телегах, вместе с телегами. Зрелище грандиозного пожара огорчило одних, но обрадовало других, самых смелых и отчаянных, готовых на любые авантюры. По берегам Инда и его притоков жило многочисленное разнородное население, управлявшееся своими царями — раджами. В поход отправилась армия, большинство которой составляли уже прежние подданные Ахеменидов, но элитой войска оставались македонцы и греческие наемники. Перебравшись через казавшийся непреодолимым горный хребет Гиндукуш, армия Александра спустилась в долину реки Кабул, которая впадает в Инд. Правитель этой страны Таксил, наслышанный о подвигах непобедимого полководца, заключил с Александром союз, обменявшись с ним подарками. Затем Александр разделил армию на две части, во главе одной из них поставил Гефестиона, который вместе с союзным раджей Таксилем должен был наводить переправу через Инд, а сам двинулся во главе войска на север для покорения горных племен. В сражениях с ними Александр дважды был ранен. При захвате неприступной горной крепости Аонт особенно отличились скалолазы.

Покорив горцев, Александр повернул на юг и догнал армию Гефестиона. Для переправы через Инд был построен мост и сооружены небольшие деревянные суда. Александр переправился

через великую реку весной 326 г. На левом берегу был расположен большой город Таксил, который покорился Александру. В этом городе царь подкрепил свое войско боевыми слонами и 5 тысячами наемников-индийцев. Свою конницу Александр разделил на 5 гипархий, в которые набраны были в основном иранцы, но которой командовали гетайры. Чтобы продолжить продвижение на восток, Александру предстояло разбить армию царя Пенджаба Пора, имевшую численное превосходство, к тому же Пор заручился поддержкой со стороны раджи Кашмира Абисара. Александр через своих посланников передал Пору приказ прибыть в македонский лагерь с изъявлением покорности. Тот отказался подчиниться, и войска Александра двинулись в сторону притока Инда Гидаспа, на берегу которого и состоялось последнее большое сражение Александра.

Его войска должны были вступить в бой сразу после переправы. Пор поместил кавалерию по флангам бежавых порядков, а слонов в центре, между ними он расставил пехотинцев. «Вся расстановка в целом, — по словам Диодора Сицилийского, — напоминала укрепленный город: слоны стояли как башни, солдаты между ними играли роль простенков» (цит. по: Арриан, цит. соч., с. 321). Как пишет тот же историк, в начале сражения македонская конница уничтожила почти все колесницы противника. Затем в дело вступили слоны Пора. Одни воины «гибли под их ногами, растоптанные вместе с оружием, других они обхватывали хоботом и, подняв вверх, швыряли на землю: люди умирали страшной смертью, многие были насквозь пронзены клыками и тут же испускали дух. Македонцы мужественно противостояли всем страхам, перебив сарисами воинов, стоявших между животными, они уравнивали боевые силы. После этого они стали дротиками и стрелами поражать слонов, животные, покрытые ранами, обезумели от боли. И инды, ходившие за ними, не могли уже их удержать, повернув, они неудержимо понеслись на своих, топча и давя их» (цит. по: Арриан, цит. изд., с. 321).

Решающее значение для перелома в ходе сражения имела стойкость тяжелой пехоты, действовавшей под командованием Селевка. Несмотря на беспорядочное бегство своих солдат, Пор сумел собрать вокруг себя 40 слонов, сохранивших спокойствие и управляемость, и устремился с ними на македонцев. Много противников было перебито стрелами и дротиками и затоптано

грозными животными. Александр велел тогда своим лучникам целить в самого Пора, который виден был издали из-за своего гигантского роста, и Пор, израненный стрелами, скатился на землю. Среди индов разнеслась весть о гибели царя, и все войско обратилось в бегство. Потеряв много крови, Пор однако остался жив и вскоре исцелился, но сражение им было безнадежно проиграно. В битве пало 12 тысяч индов, и среди них два сына царя и главные военачальники, в плен взяли 9 тысяч воинов, захватили 80 уцелевших слонов. Александр потерял 280 всадников и 700 пехотинцев. Захватив изобильные съестные припасы побежденного противника, войска отдыхали в течение месяца, проводя его в пиршествах. Пора Александр оставил правителем Пенджаба, заручившись от него обещанием покорности. На обоих берегах Гидаспа Александр основал два города, один из них был назван Александрией-Никеей, а другой — в память издохшего там 30-летнего боевого коня — Букефалией.

После продолжительного отдыха Александр повел войска по плодородной и густо населенной стране в сторону еще одной великой реки — Ганга. Но когда армия дошла до реки Гифвсиса, начался сезон тропических ливней. В войске вспыхнули эпидемии. Затопленная водными потоками земля кишела змеями, наносившими смертоносные укусы солдатам. Армия начала редеть. Остававшиеся живыми и здоровыми страдали от усталости, от недостатка продовольствия. По словам Диодора, «у лошадей от непрерывного пребывания в пути поистирались копыта, оружие в большей части своей уже никуда не годилось, эллинская одежда изорвалась, и солдаты вынуждены были одеваться по-варварски, они только укорачивали индийские плащи» (цит. по: Арриан, цит. изд., с. 325). В войсках усиливался ропот, армия не видела больше смысла в продолжении похода, отказываясь понимать безмерное честолюбие своего вождя. Солдаты стояли на пороге бунта, который грозил полным крахом всему грандиозному предприятию Александра, делу всей его жизни; и тогда после трехдневного безвыходного пребывания в палатке он принял наконец тяжелое для него, но неизбежное решение — и отдал приказ возвращаться. Армия вернулась к берегам Гидаспа, где Александр подтвердил царские права Пора и принял изъявление покорности от царя Кашмира Абисара, назначив дань этим двум вассальным раджам, и оттуда повел армию

к Инду, где завершалось строительство городов-колоний — Александрии Nikeйской и Букефалии.

Оставив в этих городах гарнизоны и получив подкрепление из Македонии, Александр велел построить тысячу кораблей, на которых часть армии вместе с самим царем начала спуск вниз по Инду. По берегу двигалась другая половина войска под командованием Гефестиона и Кратера. Дойдя до середины реки, Александр отправил отряд Кратера с обозом на запад через Аррахозию и Дрангиану. В низовьях Инда царь столкнулся с ожесточенным сопротивлением со стороны местных дравидских племен, которых призывали к борьбе с завоевателями брахманы. Отражая нападения дравидов, Александр действовал с большей жестокостью, чем раньше. Возможно, что причиной этого была ожесточенность уставшей армии либо даже экзотический на взгляд европейцев внешний вид дравидов. Сопrotивлявшиеся племена подвергались резне и массовому обращению в рабство. Во время осады крепости малиев — одного из дравидских народов Александр был ранен стрелой в грудь, потерял сознание, и по войску пронесся ужасный слух о его гибели. Но придя в чувства, Александр приподнялся в лодке и поприветствовал свою армию поднятой рукой, вызвав громкое ликование воинов.

Спуск на судах продолжался 9 месяцев. В июле 325 г. до Р.Х. македонская армия достигла города Патталы, где начиналась дельта Инда. Покоренную часть Индии Александр разделил на сатрапии, в которых основано было несколько новых Александрий со смешанным населением из туземцев, иранцев, македонцев и греков, но с греческим полисным устройством городского самоуправления и с официальным употреблением в них греческого языка. По границам империи располагались вассальные владения местных раджей, вроде Пора. В Индии Александр потерял значительную часть своей армии, там умер и его сын Геракл, рожденный Роксаной. Завершив плавание по Инду, Александр вышел на судне в море, чтобы принести в жертву Посейдону дары, и среди них — драгоценную золотую чашу, брошенную в морскую пучину.

В сентябре 325 г. половина войска под началом Неарха на судах была отправлена из Новой Александрии, построенной на морском берегу (ныне Карачи), к устью Евфрата. По пути Неарх должен был исследовать морское побережье, с тем чтобы впоследствии наладить регулярное морское сообщение с Индией.

Сам Александр с остальным войском двинулся на запад по суше, вдоль побережья, чтобы можно было снабжать флот и находившихся на нем солдат продовольствием и пресной водой. Двигаясь на запад, Александр оставил в Оре, где была основана еще одна Александрия, большой гарнизон во главе с Леоннатом и продолжил путь с отрядом в 10 тысяч воинов и сопровождавшими их гражданскими лицами, покоряя по пути местные племена: одни из них подчинялись добровольно, другие после поражения в стычках с македонцами.

Достигнув устья реки Хингол, Александр, чтобы обогнуть преградившие путь горы, двинулся в глубь материка; проводники заблудились, и армия оказалась в безводной Гедросийской пустыне — в Белуджистане. «Жгучий зной и отсутствие воды, — пишет Арриан, — погубили много людей и еще больше животных, которые падали, увязая в раскаленном песке, много умирало и от жажды. На дороге встречались целые холмы сыпучего песка, который нельзя было утоптать: в него проваливались как в густую грязь или, вернее, как в рыхлый снег. Лошадям и мулам приходилось подниматься и опускаться, и они очень страдали вдобавок от неровной и непротопанной дороги. Длинные переходы очень утомляли войско, но потребность в воде гнала и гнала вперед» (Арриан, цит. изд., с. 175–176) «Много людей погибло и оттого, — продолжает историк, — что, измученные зноем и жаждой, они, встретив много воды, пили без меры. Александр поэтому обычно ставил лагерь не у самой воды, а стадиях в 20 от нее, чтобы не все сразу накидывались на воду, губя этим и себя, и животных, и особенно, чтобы невоздержанные не входили сразу же в ручей или поток и не грязнили воду остальному войску» (Арриан, цит. изд., с. 176–177). Сам Александр вынужден был спешиться и шел впереди своего отряда, бросив свой личный багаж. Он отказывался от воды, когда ее не хватало для всех. Измученные жаждой воины ложились посреди дороги под испепеляющими лучами солнца и умирали. Особенно велики были потери среди менее выносливых гражданских лиц, сопровождавших солдат.

Мучительная и губительная часть перехода закончилась, когда войска вошли в Карманию. Туда к Александру явился Кратер с отрядом воинов и армейским обозом. В Кармании Александр встретился с той частью войска, которая под началом Неарха переправилась из Индии в устье Евфрата океаном. Флот Неарха

также столкнулся с лишениями — нехваткой воды и съестных припасов и понес потери — в пути потонуло четыре корабля.

В 324 г. Александр по Тигру приплыл в Сузы, туда прибыл уже и Леоннат со своим отрядом. В Сузах царь наградил его и Неарха золотыми венцами. Десятилетний восточный поход, перекроивший политическую карту мира, закончился; и Александр занялся обустройством своей империи с неуемной энергией и политической мудростью, явив себя столь же великим государственным деятелем, каким он был полководцем.

Своими размерами его империя превосходила все прежде существовавшие государства, включала в себя, помимо державы Ахеменидов, Элладу, Македонию и примыкавшие к ней территории зависимых иллирийских и фракийских племен, а также западную Индию. Его властные права в созданной им империи складывались из таких его должностей, как наследственный вассилевс Македонии, впрочем, ограниченный в этом качестве македонским народным собранием и советом гетайров, гегемон Греческого союза, фараон и царь царей с неограниченной властью в Египте и Иране, сюзерен для вассальных раджей Индии и племенных вождей иллирийцев и фракийцев.

Первым делом Александр позаботился о замене провинившихся или негодных сатрапов новыми чиновниками. Сатрапы грабили храмы, вскрывали и расхищали гробницы, притесняли подвластное население. Царь велел их арестовать. Лишь один из сатрапов, Гераталк, сумел оправдаться и был освобожден, четыре сатрапа персидского происхождения были, по повелению царя, казнены за притеснения подвластного народа и самоуправство, а заодно и по подозрению, что они стремятся отложиться, вместе с ними было зарублено на месте около шестисот человек из их сообщников-солдат. Совершив скорую расправу над обидчиками подвластных людей, Александр стяжал у покоренных народов Востока славу справедливого правителя, защитника всех несправедливо обижаемых. Вместо казненных сатрапами были назначены македонцы, которым однако царь повелел с уважением относиться к местным традициям и порядкам. Выполняя наставления царя, Певкет, поставленный сатрапом в Персию и Сузиану, даже стал носить персидские одежды, чем заслужил особую преданность подвластного народа. Чтобы предотвратить сепаратистские поползновения, Александр велел распустить нанятые прежними сатрапами отряды

наемников и твердо придерживался унаследованной у Ахеменидов политики отделения гражданской администрации, которая и была в руках сатрапов, не только от военных, но и от финансовых властей.

Мысль о возможно более тесном сплочении македонцев с персами привела Александра к устройству в Сузах грандиозного празднества, посвященного браку его самого и 80 гетайров с невестами из персидских и мидийских аристократических семей. Сам царь при этом взял в жены старшую дочь Дария Статиру, а его ближайший друг Гефестион женился на ее сестре Дрипетиде. Затем македонские солдаты, имевшие восточных наложниц, одновременно отпраздновали женитьбу на этих женщинах, а Александр вознаграждал новобрачных свадебными подарками и освобождением от дальнейшей службы. В Сузах Александр принимал парад 30 тысяч юных воинов персидского происхождения, обученных греческому языку и проходивших службу в македонском строю.

Иранофильство царя вызывало раздражение среди его старых боевых спутников. Летом 324 г. в Описе Александр объявил об увольнении и щедром вознаграждении ветеранов, которые по возрасту или из-за перенесенных ран стали негодными к воинской службе. Когда-то во время похода в Индию эти люди стремились скорее вернуться на родину, но теперь они иначе отреагировали на решение своего вассала. В толпе солдат раздались крики возмущения — македонцы обвиняли царя в том, что он хочет избавиться от них и взамен набрать азиатов. По указанию царя 13 зачинщиков бунта были схвачены и немедленно казнены, а затем Александр обратился к солдатам с укоризненной речью: «Филипп застал вас нищими бродягами; одетые в кожухи, пасли вы в горах по несколько штук овец и с трудом отстаивали их от иллирийцев, трибаллов и соседей-фракийцев. Он надел на вас вместо кожухов хламиды, свел вас с гор на равнины, сделал вас грозными противниками для окрестных варваров... Над теми самыми варварами, которые раньше уводили вас в плен и уносили ваше добро, он поставил владыками вас, прежних рабов и подданных; присоединил к Македонии большую часть Фракии... Он вручил вам власть над фессалийцами, а вы раньше умирали от страха перед ними; унизив фokeйцев, открыл вам широкий и удобный путь в Элладу... Все это было сделано моим отцом для вас; дела его, если

рассматривать их сами по себе, велики, но они ничтожны, если их сравнивать с нашими. Я... распахнул перед вами дорогу через Геллеспонт... Победив с помощью конницы сатрапов Дария, я прибавил к вашим владениям всю Ионию, всю Эолиду, обе Фригии, Лидию; осадил и взял Милеет. Все остальные земли, добровольно присоединившиеся, я отдал в пользование вам. Блага Египта и Кирены... принадлежат вам; Келесирия, Палестина и Междуречье — ваши владения; Вавилон, Бактры и Сузы — ваши; вы — сатрапы; вы — стратеги; вы — таксиархи. Что досталось мне от этих трудов, кроме этой порфиры и этой диадемы? ...Я ем тот же хлеб, что и вы, и сплю так же, как вы. Думаю, впрочем, что я не ем так, как некоторые любители роскоши среди вас, и знаю, что я бодрствовал затем, чтобы вы могли спокойно спать... У меня на теле спереди нет живого места; нет оружия.., которое не оставило бы на мне своих следов. Я был ранен мечом, в меня попадали стрелами с лука и с машины; много ударов нанесли мне камнями и бревнами — за вас, за вашу славу, за ваше богатство. Я провел вас победителями через всю землю, через море, через все реки, горы и все равнины» (Арриан, *цит. изд.*, с. 188–190).

Этой речью, сказанной из глубины негодующего сердца, а не с холодным расчетом демагога, Александр успокоил возмущение, убедив соотечественников, что он ценит и любит их не меньше, чем своих новых подданных. Волнения закончились пиршеством в честь достигнутого примирения, в котором участвовало 9 тысяч македонцев, греков, персов, мидян. Все получили щедрые вознаграждения; сироты павших воинов и дети македонских солдат, рожденные от азиаток, были за счет Александра приняты на обучение воинскому делу. После этого ветераны спокойно ушли на родину вместе с Кратером, которого царь назначил правителем Македонии. Антипатр должен был привести оттуда воинские подкрепления; временные вакансии в войсках, в том числе на командных должностях, Александр заполнил персами.

Одним из самых ненадежных элементов среди зависимых от Александра народов оставались греки. При этом в его войсках было много греческих наемников, которые по большей части были изгнанниками из своих полисов. И вот на Олимпийских играх в августе 324 г. от лица Александра было объявлено, что все эллины, служившие в его армии, и все вообще

изгнанники могут свободно вернуться в свои полисы. Царь стремился таким образом прекратить нескончаемые гражданские войны в Элладе. Но он предвидел, что против этой меры могут выступить отдельные города, поэтому своему заместителю по гегемонии в Греческом союзе Антипатру он приказал быть готовым к подавлению возможных возмущений в Элладе. Одновременно от эллинов в благодарность за великие благодеяния им, которые заключались не только в возвращении изгнанников, но также в отмщении персам за оккупацию и разорение Греции при Ксерксе, в основании многочисленных греческих колоний на Востоке, в сооружении храмов в честь эллинских богов в Египте и далекой Азии, в даровании грекам мира, было затребовано воздать Александру «божеские почести». Это вовсе не значило, как превратно поняли дело некоторые современники, и как это представляют часто историки, что он хотел, чтобы его самого объявили богом. Божественные почести, которые ранее в эллинском мире оказывали Лисандру, Диону, Тимолеону Сиракузскому, призваны были выразить мысль о том, что Александр пользовался в своих свершениях покровительством богов. Поэтому изданный в ответ на это требование в Спарте лаконичный указ: «Поскольку Александр хочет быть богом, пусть он будет богом» (см.: Хаммонд, цит. изд., с. 671) — представлял собой не столько выражение покорности, сколько злую насмешку.

6. Смерть Александра и его наследие

Зимой в Экбатанах, где тогда находился Александр со своим двором, умер его ближайший друг Гефестион. Царь был до такой степени подавлен этой утратой, что в течение трех дней не принимал пищи, и затем во всей империи был объявлен траур. В знак траура Александр приказал остричь гривы всем лошадям и мулам и даже сломать зубцы городских стен. «Всем обитателям Азии, — по словам Диодора, — царь приказал загасить до окончания похорон так называемый священный огонь: персы это обычно делают при похоронах царей» (цит. по Арриан, цит. изд., с. 339). Врач, не сумевший вылечить друга царя, был по его приказу распят. Останки Гефестиона сожгли на погребальном костре в Вавилоне. В память о нем были проведены игры. Когда вскоре после этого Александр покорил племя коссеев, он велел перебить все племя, назвав это свое злодеяние жертвоприношением за Гефестиона.

В 323 г., перебравшись из Экбатан в Вавилон, который Александр решил сделать столицей империи, и получив воинские подкрепления из Персии, Кари, Лидии и из Европы, он занялся реорганизацией армии. Царь решил перемешать этнические ее части и подразделения. В каждом отделении пехоты впредь полагалось быть 4-м македонским фалангистам и 12 выходцам из других народов — лучникам или метателям дротиков. Командовал отделением македонянин. Восточную границу он собирался охранять местными силами, которым придавалось лишь 2 тысячи всадников и 13 тысяч пехотинцев из Греции и Македонии. А основные силы Александр предназначал для новой кампании. В Вавилоне был вырыт огромный водоем на тысячу кораблей, устроена верфь и на ней строились корабли, которые должны были перебросить войска вниз по Евфрату для дальнейшего освоения морского пути в Индию, колонизации побережья и островов Персидского залива и, главное, для исследования и завоевания Аравийского полуострова. Кроме того, Александр стремился исследовать и освоить берега Гирканского залива, как называлось тогда Каспийское море — предполагалось, что на севере оно имеет выход в океан. Кроме того, царь имел намерения и относительно покорения запада — Сицилии, Ливии и Карфагена и всей Африки. Помимо военной экспансии Александр проявлял большой интерес к научному исследованию уже завоеванного и еще не покоренного мира, а также к техническим усовершенствованиям в разных частях освоенной земли. Он намеревался усовершенствовать ирригационные сооружения в Месопотамии, осушить болота в Беотии, разводить породистый индийский скот в Македонии.

В Вавилоне после ночного пиршества с гетайрами Александр заболел лихорадкой, которая развивалась стремительно. На второй день болезни он утратил способность говорить. В его покои допустили солдат, они проходили около его одра, и царь прощался с ними мановением головы и глазами. 28 даисия (13 июня) 323 г. до Р. Х. после 10 дней болезни Александр Македонский скончался в возрасте 32 лет. Двор и армия поверглись в искреннюю скорбь. Многие говорят об этом человеке то обстоятельство, что пользовавшаяся сыновним почтом при его дворе мать поверженного им Дария Кордамона Сисигамба, узнав о кончине названного сына, от горя уморила себя голодом.

Александр Македонский был одним из самых великих в мировой истории полководцев и государственных деятелей. Человек удивительного ума, проницательности, предусмотрительности, он обладал в политике беспримерной творческой фантазией, которую при всей ее безмерной дерзости умел превращать в жизнь, решительно отличаясь в этом от прожектеров и утопистов. Имея нервную и порывистую натуру, граничившую с болезненной неустойчивостью, временами терявший контроль над собой в припадках необузданной ярости или печали, доходившей до отчаяния, Александр в то же время был трезвым и расчетливым стратегом, ему свойственно было редкое упорство в достижении намеченной цели. Его храбрость, боевая выучка и воинское мастерство, незаурядная физическая сила в самом деле сближают Александра с любимым его героем, гомеровским Ахиллесом. Воин, беспощадный в сражениях, он вместе с тем обнаруживал благородство и великодушие, способность прощать противника и преступника, испытывал искреннее сердечное сострадание к человеческому несчастью, легко приближал к себе прежнего врага, и не только из политических расчетов, но мог искренне полюбить его. Александр отличался чрезмерной эмоциональностью и чувствительностью, которую не страшился обнаруживать открыто, чего обыкновенно избегают политики, закованные в броню железного самообладания; в этом отношении сердце его казалось сделанным не из металла или камня, а из воска. При всей жестокости, на которую Александр бывал способен в гневе, руководствуясь при этом не холодным и безжалостным расчетом, но слепой страстью, он в целом все-таки относился к побежденному противнику человечней и сострадательнее, чем это было принято по законам войны его эпохи, и тем на века заслужил благодарную и легендарную память у потомков покоренных им народов Востока, для которых имя Александра, Искандера, прославленного в бесчисленных народных дастанах и сказаниях, в героических поэмах, написанных на фарси, стало эпонимом мудрого и благородного правителя.

Свою молниеносно пронесшуюся жизнь он закончил, совершив дело в своем роде противоположное той цели, с какой начал восточный поход. Александр поднял тогда Македонию и Элладу на войну с вековым врагом — Персией и всем подвластным ему Востоком, а оставил после себя мировую державу, под скипетром которой и персы и носители более древних

цивилизаций Востока могли ощущать себя столь же защищенными, как и эллины. Великий философ и учитель Александра Аристотель «советовал ему держать себя относительно эллинов как гегемон, а относительно варваров — как повелитель, и обращаться с эллинами как с друзьями и единоплеменниками, а с варварами — как с животными и растениями» (Дройзен, т. 1, цит. изд., с. 287). Александр однако не считал ни северных варваров, ни высококультурных варваров Египта и Азии недостойными столь же человеческого к ним отношения, какое он всегда обнаруживал к эллинам. При этом он вовсе не помышлял ни о том, чтобы из варваров сделать греков или македонцев, ни о варваризации, или ориентализации Эллады. Он только стремился к тому, чтобы покоренные народы, сосуществуя в единой империи, взаимно обогащали друг друга такими своими достижениями, которые не несли на себе печати этнической или культурной исключительности, а были приемлемы и полезны для других или даже для всех.

Суровая действительность не вполне совпадала с его идеалистическим видением, но высокие помыслы царя влияли и на его деяния, диктовавшие, конечно, не столько заранее продуманными проектами, сколько железной необходимостью реагировать на реально складывающуюся и постоянно меняющуюся ситуацию, задавая им вектор, а значит, они отразились и на картине мира, из которого он ушел в столь раннем возрасте. В этом мире навсегда остался след его дел, на нем запечатлелся благородный склад его ума и души.

Созданная Александром империя распалась политически через несколько лет после его смерти, но несравненно более прочным феноменом оказалась рожденная его гением, сложившаяся на пространстве этой империи эллинистическая цивилизация, которая просуществовала несколько столетий и наследие которой оказалось неистребимым в позднейшей истории мира. И что важнее всего, этот эллинистический мир, в котором греческая культура породнилась с культурой Востока, стал поприщем евангельской проповеди. Семя христианского благовестия падало на всем пространстве империи Александра Македонского на хорошо удобренную почву, в то время как за ее пределами оно чаще оказывалось брошенным на камни или в тернии. В этом мире возник язык койне, на котором написано Евангелие.

Глава 4. Эпоха эллинизма

1. Диадочи

Умирая, уже утратив дар речи, Александр вручил свое кольцо Пердикке — одному из 7 царских телохранителей, занимавших самое высокое положение в иерархии македонских чинов, в знак того, что он передает ему власть. Через день после кончины царя гетайры собрались на совет около останков Александра, облаченных в пурпур. В их присутствии Пердикка положил кольцо царя на трон и предложил дожждаться, когда Роксана родит ребенка — если это будет мальчик, то он и станет наследником. Но командующий фалангами Мелеагр высказался за возведение на престол брата Александра, слабоумного Филиппа Арридея. Рожденный Барсиной сын Александра Геракл не считался наследником, потому что его мать не была законной женой царя и ко времени смерти Александра он жил с матерью далеко в Пергаме. Гетайры решили передать решение вопроса о престолонаследии македонскому народу, то есть воинам македонского происхождения, которые находились в Вавилоне. Конница поддержала предложение Пердикки, а пехота, где было больше ветеранов, сплотилась вокруг Мелеагра. Противостояние приняло опасный оборот, пролилась кровь; и тогда принято было предложение секретаря Александра Евмена — признать царем Филиппа, а затем, в случае рождения Роксаной мальчика, возвести и его на царство.

Простатом, регентом при слабоумном Арридее был поставлен Кратер, который во время раздела наследия находился вместе с уволенными от службы ветеранами на пути в Македонию. Пердикка взял на себя командование вооруженными силами, расквартированными на востоке, а Мелеагр, начальствуя над пехотой, стал его заместителем. Но через несколько дней Пердикка воспользовался обстоятельствами для расправы над Мелеагром и теми, кто поддержал его, когда вспыхнули волнения. Поскольку во время замешательства одни македоняне пролили кровь других, решено было совершить обряд очищения. Для этого по старинному македонскому обычаю полагалось разрезать собаку пополам и положить половинки в поле на значительном расстоянии одну от другой — между ними должно было пройти все войско. По окончании прохождения устраивалась игра в сражение. И на этот раз, как рассказывает о произошедшем

И.Г. Дройзен, после очищения «обе линии стояли выстроившись, с одной стороны конница и слоны под предводительством царя и Пердикки, с другой — пехота под предводительством Мелеагра: когда конница пришла в движение, то пехота, как говорят, начала беспокоиться, предполагая, что с ней хотят сыграть дурную шутку... Пердикка рядом с царем подскочил во главе одного отряда к рядам пехоты, потребовал именем царя у каждого лоха выдачи зачинщиков последнего мятежа и при малейшем колебании пригрозил ударить на них со своей конницей и пустить на фланги слонов. Пехота... исполнила то, что ей было приказано, было выдано около 30 человек, которые были брошены под ноги слонам и раздавлены ими» (Дройзен, цит. изд., т. 1, с. 515). Мелеагра обвинили в злоумышлении на жизнь Пердикки, он был извлечен из храма, в котором искал убежища, и умерщвлен на ступенях алтаря.

После этой расправы на совете гетайров, созданном Пердиккой, были сделаны новые назначения: за Кратером оставили его полномочия простата, но командующим вооруженными силами в Македонии и Элладе и правителем этих стран был назначен Антипатр, Фракию передали Лисимаху, сатрап Фригии Антигон Одноглазый получил в управление также Ликию и Памфилию, Евмен был назначен правителем Пафлагонии и Каппадокии, Египет передали в управление Птолемею Лагу. Восточные сатрапии оставлены были под властью ранее назначенных Александром сатрапов, при этом под их начало были поставлены и прежде подчинявшиеся не им, а стратегам, местные вооруженные силы, что коренным образом меняло государственное устройство и обрекало империю на распад. Командование кавалерией гетайров под высшей властью Пердикки было возложено на Селевка. Так поделена была власть между преемниками Александра, названными диадохами. Кроме грека Евмена, это все были македонцы из знатных родов и ранее отличившиеся в сражениях полководцы. Бальзамированное тело Александра решено было переправить в Македонию для погребения в царской гробнице.

При поддержке Пердикки Роксана расправилась со своей соперницей, дочерью Дария Кордамона Статирой. Действуя при поощрении Пердикки, она заманила ее вместе с ее сестрой Дрипетидой к себе в гости и убила их обеих, а трупы велела бросить в колодец. Вскоре за тем, в августе 323 г., Роксана родила

мальчика и тот был провозглашен царем с именем Александра IV.

Смерть Александра Великого не стала поводом для восстаний азиатских народов против македонской власти, зато волнения охватили греков, которые, несмотря на эллинофильство Александра, оставались самым ненадежным элементом в его империи. В Бактрии греческие наемники — 3 тысячи всадников и 20 тысяч пехоты — сосредоточились в одном месте и решили самовольно двинуться на родину, в Европу, но по приказу Пердикки греческий отряд был перехвачен превосходящими силами македонской армии и азиатской конницы под командованием сатрапа Мидии Пифона и сдался без боя, затем все греки были вероломно перебиты. Правитель Каппадокии Ариараф отказался подчиняться диадохам. Положение Каппадокии угрожало коммуникациям Европы с Азией. Пердикка приказал полководцам Антигону Одноглазому и Леоннату помочь Евмену покорить Каппадокию, но те отказались выполнять его приказ. В связи с началом военных действий на Балканах Леоннат со своим отрядом был переброшен туда, и покорение Каппадокии было отложено до весны 322 г., когда туда выступил со своей армией из Вавилона сам Пердикка, имея при себе царя Филиппа Арридея и действуя именами Филиппа и Александра IV. Каппадокия была покорена, Ариараф схвачен и казнен.

Весть о смерти Александра Македонского пробудила в греческих полисах стремление к независимости. В Греции оставались сторонники тесного союза с Македонией под ее протекторатом, в особенности среди метеков и перизков, а также в аристократических и олигархических кругах; преданы Македонии были и бывшие изгнанники, возвратившиеся по указанию Александра домой и вернувшие себе гражданские права в родных полисах. Но на народных собраниях верх одерживали македонофобы. В Афинах народное собрание поддержало упорного противника Македонии Гиперида. Демосфен, находившийся в изгнании, с триумфом вернулся в Афины и в пламенных речах призывал эллинов к войне за свободу. В разные полисы из Афин направлены были посольства, которые призывали к войне с Македонией. Эти призывы возымели действие — против Македонии выступили Локрида, Фокида, Этолия. Афинский совет 500 с успехом провел переговоры с Леосфеном, командиром отряда наемников, участвовавшего в азиатском походе Александра и теперь

расквартированного в южной Лаконии — в Тенароне. Афины надеялись на успех, рассчитывая на блестящее положение городской казны, созданное благодаря финансовому гению Ликурга, который управлял казной в течение 12 лет и сумел накопить 18 тысяч талантов; ежегодные поступления в бюджет доходили до 1200 талантов — Афины стали богаче, чем когда-либо в своей прошлой истории, афинский военный флот насчитывал 400 кораблей, а на верфи в Пирее строились новые боевые суда. Поэтому Афины надеялись с помощью союзников освободиться от гегемонии македонцев, которые после смерти Александра из-за конкуренции диадохов погрязли во внутренних ссорах.

В октябре 323 г. Леосфен с армией наемников, а также с ополчением из Фокиды и Локриды занял Фермопильское ущелье. Ему на помощь отправилось войско из Афин, но оно было остановлено македонскими гарнизонами, действовавшими в союзе с Беотией и Эвбеей. Однако с помощью отряженного Леосфеном отряда афиняне прорвались и соединились с основными его силами. Антипатр немедленно двинулся из Македонии с 600 всадников и 13 тысячами пехоты. Вместе с ним выступила фессалийская конница, которая однако внезапно перед началом боевых действий перешла на сторону Афин. В результате Антипатр потерпел поражение, вынужден был отступить и укрылся за стенами Ламии, по названию которой и вся эта война получила название Ламийской. Антипатр предлагал переговоры о мире, но греки, обуянные надеждой на полный успех, требовали от него капитуляции.

После первых неудач Македонии к Афинам присоединились Аргос и Коринф. С наступлением зимы отряд этолийцев ушел домой. В одной из стычек с македонцами погиб главнокомандующий Леосфен, сменивший его афинянин Антифил не сумел объединить все вооруженные силы — греки стали действовать разрозненно, ополчение каждого полиса под началом своего командира. Афинский флот не сумел овладеть союзной Македонии Эвбеей и перерезать коммуникации противника с Азией, и оттуда весной 322 г. прибыло подкрепление под командованием Леонната числом в 2 с половиной тысячи всадников и 20 тысяч пехотинцев. Теперь численное преимущество перешло к македонцам. Сняв осаду Ламии, Антифил, в распоряжении которого находилось 3 с половиной тысячи всадников и 22 тысячи пехотинцев, в Фессалии напал на армию Леонната, двигавшуюся

на соединение с Антипатром. В сражении македонцы потерпели поражение, Леоннат пал на поле боя, но остатки разбитой армии соединились с войсками Антипатра и отступили в Македонию. Македонский флот под командованием Клита, сразившись с флотом Афин при Абидосе, одержал над ним победу, взяв под контроль проливы. Летом 322 г. еще один афинский флот был разгромлен в морском бою при Аморгосе — Афинам угрожала блокада.

Тем временем из Азии к Антипатру пришла еще одна армия, под началом Кратера. Теперь под верховным командованием Антипатра сосредоточилось уже около 50 тысяч всадников и пехотинцев; кроме македонцев, это были также персы. Решающее сражение произошло в Фессалии при Кранионе. Македонская армия в два раза превосходила греческую. Первый день битвы не дал результата. Потери обеих сторон были невелики. Антифил предложил заключить мир, но Антипатр отказывался вести переговоры с коалицией, предлагая вести их с каждым полисом отдельно. Антифил прервал переговоры, после чего македонская армия стала захватывать один полис за другим, диктуя им условия мирных договоров, снова ставивших их в зависимость от Македонии.

Оставшись в одиночестве, Афины капитулировали. На город была наложена грабительская контрибуция, в пригороде Афин Мунихии размещен македонский гарнизон. В полисе было установлено олигархическое правление. Политические права признавались лишь за гражданами, имущественный ценз которых превышал 20 мин — таковых в Аттике насчитывалось только 9 тысяч. 12 тысяч малоимущих афинян были переселены во вновь основанный полис во Фракии. По требованию Антипатра, народное собрание приговорило Гиперида и Демосфена, бежавших из города, а также их ближайших сторонников, к смертной казни. И этот приговор был приведен в исполнение. Демосфена нашли в храме Посейдона в Калаврии. Он принял яд. Чтобы не осквернить храма, он попытался выйти из него, но пал замертво около алтаря.

Афинского македонофила оратора Динарха Антипатр назначил губернатором, и ему вынуждены были подчиниться и Спарта и другие города Пелопоннеса. Дольше других полисов сопротивлялась Этолия. Антипатр уже собирался умирить голодом осажденных этолийцев, но отвлеченный соперничеством

с другими диадохами, зимой 322–321 гг. он заключил с Этолией мир на условиях, более благоприятных для этого полиса, чем он мог рассчитывать. Так закончилась Ламийская война, которая принесла Элладу зависимость несравненно более тяжелую, чем та, которую навязали ей в свое время эллинофилы Филипп и Александр. Антипатр оказался реальным политиком и прагматиком, чуждым всяких сантиментов и идеализма, который был пружиной военных и политических акций Александра Великого.

Тем временем Лисимах вел во Фракии войну с царем одрисов Севтом III, чтобы вновь подчинить как одрисов, так и другие народы Фракии.

Между тем в 322 г., по приказу правителя Египта Птолемея, его отряд остановил в Дамаске траурный кортеж, который сопровождал бальзамированные останки Александра, переносимые в Македонию, отнял тело царя, переправив его в Александрию, где для него выстроена была грандиозная гробница. Пердикка в ответ на это самоуправство попытался наказать Птолемея и лишить его власти над Египтом. Но военные действия против Птолемея, предпринятые им, натолкнулись на сопротивление коалиции диадохов, опасавшихся усиления его власти — против Пердикки выступили Антипатр, Антигон Одноглазый и Кратер. Пердикка разделил подчинявшиеся ему войска на две армии: во главе одной Евмен действовал против Кратера в Малой Азии, а во главе другой он сам отправился в поход в Египет, имея при себе обоих царей. Войска Кратера были разбиты, и сам полководец погиб в бою. Пердикка, встретив сопротивление со стороны Птолемея, не сумел переправить армию через Нил; его войска понесли большие потери, в результате вспыхнул мятеж. Пердикка был убит в своей палатке, а взбунтовавшиеся войска перешли в подчинение Птолемею Лагу, что позволило ему укрепить свою власть в Египте и править там фактически самостоятельно.

После гибели Кратера и убийства Пердикки в сирийском городе Трипаридисе в 321 г. состоялось совещание диадохов, на котором по-новому была пересpreadелена власть во все еще единой империи, из которой, правда, без формального провозглашения независимости выделился Египет. Новым регентом — простатом был поставлен Антипатр, к которому переправлены были и цари. Под его непосредственным управлением

остались Македония и Греция. Антигон получил должность стратега-автократора Азии вместе с командованием всеми вооруженными силами Востока. Ему же поручено было довести до конца войну с Евменом и всеми прежними сторонниками Пердикки. Сатрапом Вавилона и всей Месопотамии назначили Селевка. Фракия, Пропонтида и часть Малой Азии передавались во власть Лисимаха.

В 319 г. до Р.Х. умер состарившийся Антипатр. Свою верховную власть он передал перед кончиной опытному и популярному в армии поководцу Полисперхонту, но сын Антипатра Кассандр не признал его полномочий и получил в этом поддержку со стороны Антигона Одноглазого; в свою очередь Полисперхонт вступил в переговоры с Эвменом, которого уже добивал Антигон. Именем царей он уволил Антигона, назначив вместо него автократором Азии Эвмена. Опираясь на поддержку из Македонии, тот набрал новую армию и в войне с Антигоном добился перелома.

Но эпицентром междоусобицы диadoхов стала теперь Эллада и сама Македония. Опору Кассандра составляли гарнизоны, расквартированные в греческих городах. Чтобы привлечь их на свою сторону, Полисперхонт от имени царей издал указ, которым объявлено было восстановление свободы в Элладе — под этим подразумевалось возвращение полисам того статуса, который они имели при Александре и до Ламийской войны. Расчет правителя оправдался: в Афинах и других городах произошли антиолигархические перевороты; гарнизоны, преданные Кассандру, подверглись нападениям со стороны эллинов, и многие солдаты были перебиты.

В Македонию тогда явилась жена Филиппа Арридея Евридика — дочь македонского царя Аминты IV и внучка по матери Киннане Филиппа II, который в свое время отнял у ее отца престол. Она стала править именем своего слабоумного мужа, отстранив от власти Полисперхонта. Чтобы расширить круг своих сторонников в самой Македонии, Полисперхонт пригласил мать Александра Олимпиаду, жившую при дворе своего брата в Эпире, возвратиться в Македонию и заняться воспитанием внука. Олимпиада откликнулась на приглашение и вернулась с отрядом эпиротов. Она немедленно расправилась со своими противниками из македонской знати, велев казнить многих из них. По ее приказу были схвачены ее пасынок Филипп III Арридей

и его жена Евридика. «Она приказала замуровать Арридея и Евридику в тесное пространство и подавать им скудную пищу через небольшое отверстие, чтобы голодная смерть не прекратила их мучений слишком рано... Это возбудило жалость даже в огрубевших сердцах воинов, скоро недовольство сделалось всеобщим. Чтобы прекратить худший исход, царица приказала нескольким фракийцам пронзить своими стрелами царя в его башне» (Дройзен, цит. изд., т. 1, с. 667), а Эвридике она «послала меч, веревку и яд, предложив ей выбор между ними. Без слова жалобы, умоляя богов, чтобы впоследствии Олимпиада получила такие же дары, она осмотрела рану своего пораженного насмерть супруга и, прикрыв его плащом, прикрепила свой пояс к карнизу и повесилась» (Дройзен, цит. изд., т. 1, с. 667). Затем Олимпиада велела умертвить брата Кассандра Никанора, которого обвинили в том, что, будучи кравчим Александра Великого, он отравил царя.

Узнав о происшедшем, Кассандр двинулся с войском из Эллады в Македонию. Олимпиада укрылась с небольшим отрядом в Пидне. После долгой осады в 316 г. Пидна была взята. Захватив Олимпиаду, Кассандр предал ее суду гетайров, среди которых было много родственников казненных по ее приказу знатных македонцев. И суд приговорил ее к смерти. «Двести человек было послано для приведения приговора в исполнение, им было приказано заколоть ее без всякого промедления. Они отправились в замок, где находилась Олимпиада, украшенная пурпуром и диадемой, опираясь на двух женщин, она вышла к ним навстречу, они отступили назад, не решаясь наложить руки на мать Александра. Тогда Кассандр поручил исполнение этого кровавого дела родственникам казненных македонян, пав на землю под ударами камней, которым она подставила свою грудь, без слова жалобы и слез, она оправила свои седые волосы, завернулась в облачение и испустила дух» (Дройзен, цит. изд., с. 672–673). По приказу Кассандра тело казненной царицы было брошено без погребения.

При себе Кассандр держал Роксану вместе с мальчиком-царем, но царственная семья не пользовалась уже почестями и была по сути дела в положении заложников. Защитником прав Александра IV выступил тогда Антигон Одноглазый. Чтобы стяжать популярность в Элладе, Кассандр приказал восстановить Фивы, разрушенные Александром Великим. Вступив

в брак с единокровной дочерью Филиппа Македонского Фессалоникой, Кассандр возымел надежду на провозглашение себя царем Македонии.

Ввиду того, что Полисперхонт потерпел неудачи в войне с Кассандром и не сумел оказать помощь греческим полисам, в частности Афинам, представители этого города вступили в переговоры с Кассандром, гарнизон которого стоял в Пирее. Стороны достигли соглашения, по которому македонский гарнизон в Аттике был сокращен численно, ценз для полноправного участия в решении государственных дел, введенный по указанию Антипатра, снижался вдвое, а македонским наместником (эпимелетом) Афин назначался философ и ученик Аристотеля Димитрий Фалерский, который пользовался широкой поддержкой в городе.

Эту популярность правитель снискал тем, что экономил средства на военные расходы, зато щедро тратил их на каждодневные пиршества, на которые приглашались многочисленные гости. «Зала окроплялась нардом и миррою, пол был усыпан цветами, дорогие ковры, живопись украшали комнаты, его стол был так богат и расточителен, что его повар-раб, которому доставались остатки, на вырученные за их продажу деньги мог купить себе через два года три поместья» (И. Г. Дройзен. История эллинизма. Т. 2. СПб., 2003, с. 86). О нравах этого философа при власти, а еще больше о нравах афинян той поры многое говорит и такое продолжение рассказа о нем: «Деметрий любил вступать в тайную связь с женщинами и посещать по ночам красивых мальчиков, он насиловал свободных мальчиков и соблазнял жен даже самых знатных граждан, все юноши завидовали Феогниду, служившему предметом его противоестественной любви, отдаться ему казалось такой завидной участью, что каждый день, когда он после обеда выходил гулять на улицу треножников, там собирались самые красивые мальчики, чтобы быть замеченными им. Он одевался весьма изысканно, красил свои волосы белой краской и натирал свое тело драгоценными маслами, он всегда улыбался и желал нравиться каждому» (Дройзен, цит. изд., т. 2, с. 86). Благодарные граждане воздвигли Димитрию в Афинах 360 статуй, по числу дней в году. Когда этот любвеобильный правитель был изгнан из Афин сыном Антигона Димитрием Полиоркетом, афиняне долго потом сожалели о такой потере. Впоследствии он был радушно принят в Египте

Птолемеем Лагом, который поставил его во главе основанного им знаменитого Александрийского музея.

Между тем в Азии Антигон, тщетно пытавшийся после смерти Антипатра привлечь в союзники Евмена, заключил союз с сатрапами Вавилонии Селевком и Мидии Пифоном и, действуя вместе с ними, в 316 г. одержал победу над армией Евмена. После этого в войсках правителя Каппадокии произошел бунт, в результате которого Евмен был взят в плен и казнен. Дройзен считал его самым талантливым полководцем из диадохов. «Положение вещей, — писал историк, — принудило его всецело посвятить себя служению царскому дому, которому он оставался верен до последней минуты... Он служил погибшему делу. ...Вся его слава, все отличающие его превосходные качества не могут заставить македонян, как знатных, так и простых, забыть, что он все-таки грек, что бы он ни совершил, какой бы выход он ни нашел из самой серьезной опасности, какими бы смелыми комбинациями ни выиграл победы — все это было только на одну минуту. Постоянно снова начинает свою сизифову работу, с невероятной ловкостью и смелостью подчиняет обстоятельства своей воле..., осыпается почестями и выражениями доверия, становится руководителем и полновластным вождем, делается победителем, — и снова тот позорный недостаток, что он только грек, становится ему на пути, преграждает его победоносное шествие и вызывает его падение» (Дройзен, цит. изд., т. 1, с. 714–715).

После поражения и гибели Евмена в руках Антигона сосредоточилась огромная власть. Он распоряжался большей частью имперской казны. Но страшась дальнейшего усиления его власти, против него заключили союз другие диадохи: Птолемей, Кассандр, Селевк и Лисимах. Действуя против Лисимаха в Европе, Антигон договаривается о союзе с царем одрисов Севтом, подстрекает против соперника западнопонтийские колонии греков, фракийские и скифские племена. Однако Лисимах сумел справиться с опасностью, угрожавшей ему отовсюду.

С переменным успехом продолжалась война в Элладе, Малой Азии и Месопотамии, а также на море. В 311 г. противники заключили мир, которым Антигон признавал Кассандра стратегом Европы, а Кассандр соглашался с предоставлением греческим полисам независимости, Лисимах отказывался от претензий на Геллеспонтскую Фригию, а Птолемей от притязаний

на Сирию. Царем Македонии все еще признавался Александр IV, но фактически диадохи и их наследники эпигоны действовали уже как самостоятельные автократы. Заключение мира не удерживало их от интриг, направленных против бывших соперников, в которые впутывались и зависевшие от них правители и политики меньшего масштаба.

Когда Птолемей получил известие о тайных переговорах царя кипрского Пафоса Никокла с Антигоном, он приказал немедленно устранить его, опасаясь, что примеру Никокла последуют другие автократы Кипра. На острове находился гарнизон под командованием брата Птолемея Менелая; отряженный из этого гарнизона отряд окружил дворец царя, и ему было передано повеление Птолемея лишить себя жизни. Тщетно попытавшись оправдаться, Никокл вынужден был исполнить приказ — он повесился, вслед за тем и его братья лишили себя жизни. Узнав о происшедшем, царица Аксиофея заколола кинжалом спящих дочерей, а затем призвала в свои покои зятьев, и те, бросившись на кровлю дворца, на глазах собравшейся толпы задушили своих детей, подожгли стропила и одни бросились в огонь вспыхнувшего пожара, а другие закололи себя кинжалами, вместе с ними покончила с собой и Аксиофея. Беспощадное истребление царского дома Пафоса удержало других династов Кипра от измены Птолемею.

В 307 г. по приказу Кассандра царь Александр IV и его мать Роксана были убиты. Это преступление стало поводом для возобновления войны Антигона против Кассандра. Чтобы перетянуть на свою сторону греческие полисы, он провозгласил их свободными, и греки на этот раз поддержали Антигона. Своего сына Димитрия он направил во главе мощного флота к Афинам. Действуя вместе с городским ополчением, Димитрий изгнал гарнизоны Кассандра из Аттики, бежавший из Афин Димитрий Фалерский заочно был приговорен к смертной казни. В Афинах было восстановлено демократическое правление, в благодарность за это народное собрание постановило воздать Антигону и Димитрию божеские почести. Распространение власти Антигона и его сына на Элладу побудило Птолемея Лага встать на сторону Кассандра — помимо мощного флота, базировавшегося у берегов Египта и Сирии, у Птолемея были сильные эскадры в союзных с ним островных и балканских полисах. Но в 306 г. в морском сражении у Саламина Димитрий разгромил флот Птолемея.

Получив известие об этой победе, Антигон немедленно усвоил себе и своему сыну царские титулы. Его примеру тотчас последовали Кассандр, Птолемей, Селевк и Лисимах — таким образом единая империя, давно уже разорванная на части междоусобной борьбой, была теперь разделена и юридически на отдельные царства. Правда, в отличие от других диадохов, Антигон претендовал на полное преемство власти Александра Македонского и своих бывших соратников объявил узурпаторами.

Новые монархии принципиально отличались как от восточных царств, так и от македонского государства или сохранявшихся еще в Элладе крошечных царств, правители которых наследовали древним василевсам. Выросшие не из наследственной власти над племенем, но из военной диктатуры, они больше похожи были на давно известные в греческом мире тирании, которые и ранее нередко облекались в царскую порфиру, но отличались от тираний, державшихся в границах старых полисов, своими масштабами, своими обширными территориями и многочисленностью разноплеменных и разноязыких подданных, среди которых в разных пропорциях присутствовал греко-македонский и восточный элемент. Несмотря на позднейшее обожествление царской власти, все-таки главной ее опорой оставалась армия, и эллинистические монархи оставались прежде всего верховными вождями вооруженных сил, тем самым обнаруживая свое исконное происхождение от стратегов Александра Великого, культ которого поддерживался во всех этих государствах.

По мысли Дройзена, переход к монархической форме правления в эллинском мире был исторически неизбежным. Он писал, что городские республики Эллады «были слишком бедны для того, чтобы содержать значительные войска, слишком завистливы и враждебны друг другу, чтобы соединяться между собой честно и открыто, и состав граждан в них был слишком испорчен для того, чтобы можно было надеяться на радикальное улучшение положения вещей. Пора их миновала, чтобы сдерживать эту слишком подвижную силу, разрушающую саму себя жизнь, необходимы были прочные монархические формы, но все предпринимаемые в этом смысле попытки не могли пустить корней в Греции с ее партикуляристическим строем» (Дройзен, цит. изд., т. 2, с. 81–82). Эти формы пришли в Элладу со стороны, от ее северного соседа, монархическое правление

в эллинистических державах получило к тому же крепкую за-
васку восточных деспотий.

Между тем война между облекшимися в царскую порфи-
ру диадочами продолжалась. Чтобы задушить главного своего
противника Птолемея в его собственном логове, Египте, Анти-
гон предпринял поход в эту страну, который кончился неудачей.
После этого он попытался отнять у Птолемея его главного со-
юзника из числа островных полисов — Родос, который занимал
ключевое стратегическое положение в Восточном Средиземно-
море. В 305 г. сын Антигона Димитрий осадил Родос, и после
двухлетней осады, за успех которой полководец получил про-
звище Полиоркета, Родос заключил мир с Антигоном, признав
свою зависимость от него. После этой победы Димитрий выса-
дился в Пелопоннесе, изгнал оттуда гарнизоны Кассандра, объ-
явил всю Элладу свободной и ввел свои войска в Фессалию.

Пока Антигон и Димитрий заняты были военными действи-
ями в Европе и на Архипелаге, Селевк из Вавилона совершил по-
ход на восток до самой Индии, где тогда правил могуществен-
ный царь Чандрагупта, подчинивший себе раджей западной
Индии. Одержав несколько побед над ним, за что удостоился
прозвища Никатор, Селевк заключил с ним мирный договор,
которым закреплена была граница между владениями двух ца-
рей. Селевк признал власть Чандрагупты в Пенджабе, а также
на востоке Гедрозии и Арахозии, получив в благодарность бо-
гатые дары, в том числе 500 боевых слонов, роль которых в бою
можно сравнить со значением танков в войнах XX века. Укре-
пив чрез договор свою власть над Бактрией, Парфией, Гиркани-
ей и другими восточными сатрапиями, заодно обогатив свою
казну, Селевк Никатор теперь решил включиться в борьбу про-
тив Антигона и его сына.

В 301 г. до Р.Х. враги Антигона Селевк, Лисимах и Кассандр
встретились с Антигоном и Димитрием на поле битвы при Ип-
се в Великой Фригии. В этом сражении войска Антигона Одно-
глазого, которому в ту пору шел 82-й год, были разбиты превос-
ходящими силами противника — престарелый полководец пал
на поле битвы, а сын его Димитрий с остатками разбитой армии
отступил к Эфесу. В его власти осталось еще несколько городов
на малоазийском и финикийском побережье, а также в Элладе.
Почти вся европейская Греция отошла Кассандру. Азиатские вла-
дения Антигона были поделены между Селевком и Лисимахом.

При этом Селевку, уже ранее владевшему восточными сатрапиями, досталась Сирия и восточная часть Малой Азии, а ее западная часть, до Галиса и Тавра, отошла к Лисимаху, который ранее владел также Фракией. Птолемей Лаг, союзник победителей при Ипсе, но сам в сражении не участвовавший, закрепил за собой власть в Египте, Киренаике, которую он присоединил к своим владениям в 308 г., а также в Палестине и южной Сирии, или Келесирии. Птолемей Лаг скончался в 283 г., передав престол своему сыну Птолемею Филадельфу, который получил такое прозвище, потому что, по примеру древних фараонов, был женат на своей сестре.

Кассандр умер в 296 г., передав престол сыну Филипу IV, который также вскоре скончался, после чего в Македонии началась междоусобица. За власть боролись брат Филиппа Александр и его сын Антипатр. Воспользовавшись этим, в борьбу вмешался потерпевший поражение при Ипсе Димитрий Полиоркет, который вторгся в Македонию, устранил от власти и убил Александра, арестовал Антипатра и в 294 г. провозгласил себя царем Македонии. Он правил до 287 г., когда недовольные им македонцы призвали зпирского царя Пирра, который владел страной в течение последовавших полутора лет, после чего он потерял власть в Македонии, уступив ее правителю Фракии Лисимаху. Ранее, в 292 г., Лисимах совершил неудачный поход за Дунай против гетов, но его войска были там разбиты, и он попал в плен вместе с большей частью своего войска, однако царь гетов освободил его, отдав ему в жены свою дочь. Убив из-за подозрительности своего сына Агафокла, Лисимах нажил себе могущественного врага в лице Селевка Никатора, к которому бежали приверженцы убитого Агафокла.

Вступив в борьбу с Селевком, Лисимах назначил комендантом Пергама военачальника Филетера; в 284 г. Филетер отложился от Лисимаха, завладев казной царя, которому он изменил и стал править самостоятельно. В битве на равнине Корево Фригии в 281 г. Лисимах потерпел поражение от Селевка и был убит. Армия Селевка отправилась в поход для завоевания Македонии и Эллады, но бежавший из Египта в 285 г. старший сын Птолемея Лага Птолемей Керавн, недовольный тем, что отец провозгласил своим соправителем его младшего брата Филадельфа, и пользовавшийся покровительством Селевка, устроил против него заговор и предательски убил великого

полководца. Так в 280 г. ушел из жизни последний диадох. Как заметил Полибий, диадохи, Птолемей сын Лага, Лисимах и Селевк, как, впрочем, и погибший вскоре после них, в 279 г., эпигон Птолемей Керавн, умерли в одну, 124 олимпиаду (см.: Полибий, цит. изд., т. 1, с. 136). Селевку Никатору наследовал его сын Антиох. В том же году Птолемей Керавн с верными ему войсками высадился в Херсонесе Фракийском и двинулся в Македонию, где его провозгласили царем.

Так империя Александра Великого оказалась разделенной теперь уже между эпигонами на царства Птолемея Филадельфа в Египте, Птолемея Керавна в Европе и Антиоха Селевкида в Азии. Помимо этих великих держав, существовали и другие государства эллинистического мира: Эпир, Пергам, Родос, Армения, Каппадокия, Коммагена, Боспор, Сиракузы, самостоятельные полисы в Элладе и Великой Греции и союзы полисов. Не все эти государства являлись прямыми наследниками империи Александра Македонского — Сиракузы и Боспор никогда не входили в его владения. Эллада и Македония, в отличие от Египта и царства Селевкидов, никогда не принадлежали восточным цивилизациям — египетской, сирийской, месопотамской, мидо-персидской, синтез которых с эллинской цивилизацией составляет главную черту эллинистического мира, но и эти страны оказались включенными в единую политическую и экономическую систему, в единый культурный мир, который возник в результате восточного похода Александра Македонского.

1. Египет Птолемеев

Египет, составивший основу державы потомков Птолемея Лага, находится вне Европы, но его история в период эллинизма составляет органическую часть европейской цивилизации, потому что именно столица Египта Александрия на несколько столетий стала культурной метрополией эллинистического мира. Помимо Египта, в государство Лагидов в период его максимального могущества входили также Киренаика (Ливия) и Нубия (Эфиопия) на Африканском континенте, Синай, Палестина, Финикия и Келесирия, а также Киликия, Памфилия, Ликия, Кария и Иония и Трояда в Азии, Кипр и Кикладские острова и прилегающее к Геллеспонту и Боспору фракийское побережье, что позволяло Птолемеям контролировать коммуникации Восточного Средиземноморья. Но ядром империи и ее наиболее устойчивой

частью, оставшейся во владении династии Птолемеев после всех понесенных ею утрат до самого конца существования этого государства, оставался Египет. К тому же это та часть государства, история которой известна лучше всего благодаря хорошо сохранившимся многочисленным папирусам, тексты которых проливают обильный свет на деятельность центральной и местной администрации, на хозяйственную жизнь, на частный быт жителей этой страны в эллинистическую эпоху.

Население Египта состояло тогда из трех основных элементов: туземцев — прямых потомков носителей блестящей культуры эпохи фараонов, но переживших затем череду завоеваний, последним из которых было персидское, колонистов из Европы — македонцев и греков, а также евреев и финикийцев диаспоры, при этом еврейское рассеяние многократно превосходило финикийское. Колонисты сосредоточены были в трех городах, в которых туземный элемент решительно уступал пришлому: основанной Александром Великим Александрии, выросшей в самый грандиозный по своим размерам город Средиземноморья — число его жителей уже в эллинистическую эпоху доходило до миллиона человек, расположенном неподалеку от этого мегаполиса, в дельте Нила, Навкратисе, старой греческой колонии, и основанной в верхнем Египте, ниже древних Фив по течению Нила, Птолемаиде. Вне этих городов жили только те греки и македонцы, которые были чиновниками, офицерами и солдатами, расквартированными по гарнизонам, разбросанным по всей стране.

Туземное население лишено было права занимать военные и высшие административные должности, в Александрии оно лишено было гражданских прав и повсеместно было обременено тяжелыми налогами. Влиятельное положение занимало лишь египетское жречество, располагавшее значительными земельными владениями — завоеватели оставили за храмами их богатства и в своей внутренней политике считались с влиянием местного жреческого сословия на народ. Большими, чем туземцы, правами обладали финикийцы и евреи, которые допускались до государственных должностей, часто назначались сборщиками налогов, царской властью евреям позволено было в 160 г. до Р.Х. построить свой храм в Илиополе, где, после Александрии, была самая многочисленная еврейская колония в Египте, и на содержание этого храма шли городские доходы Илиополя. Разрешение на воздвижение этого храма призвано было,

по политическим соображениям египетских властей, оторвать местных евреев от их единоверцев и соплеменников, живших в подвластной Селевкидам Палестине, для которых священным был лишь один Храм — Иерусалимский. Полнотой прав в государстве Лагидов обладал греко-македонский элемент, который постепенно сливался в единый этнос, говоривший на греческом языке. Преимущества македонцев заключались однако в том, что они составляли в Египте своего рода аристократию, служившую при царском дворе, занимавшую высшие правительственные и военные должности.

Несмотря на свое бесправное положение, туземцы оказали большое культурное влияние на завоевателей. Египтяне воздавали царям и царицам, одинаково с древними фараонами, божеские почести, и те принимали их. Обожеествлен был уже основатель династии Птолемей Лаг, той же чести удостоилась и его супруга Арсиноя. Обожествление царей отражалось в их именах — Сотир (спаситель), Эвергет (благодетель), Эпифан (явленный). Сохранился документ — выполненная в 239 г. до Р.Х. по решению жрецов в Канопе надпись в трех вариантах: по-гречески и по-египетски иероглифами и демотическим письмом, запечатлевшая обожествление царей из династии Лагидов: «Царь Птолемей и царица Береника, его сестра и супруга, боги Эвергеты, делают много великого, оказывая благодеяния храмам страны и постоянно усугубляя почести богам, и всячески заботятся об Аписе и Мневисе и других уважаемых священных животных страны, не жалея расходов» (см.: Б. А. Тураев. История Древнего Востока. Минск, 2004, с. 651). По меткому замечанию Б. А. Тураева, «казалось, противоестественный союз эллинистических государей с египетскими жрецами был заключен. Первые объявили египетскую религию государственной наравне с греческой и согласились кланяться быкам, баранам и кошкам, вторые — служить опорой их трона и признавать богами, подобно древним фараонам» (Б. А. Тураев, *цит. изд.*, с. 651).

Церемониальный придворный этикет со сложной лестницей придворных чинов: камерариев, виночерпиев, охотничиев, — к которым присоединились новые македонские чины, или ранги — царских родственников (сингеннис), что вовсе не непременно подразумевало действительное родство, главных друзей и просто друзей — гетайров, или, по-гречески, филов, принял египетские черты, и, что еще важнее, административное

устройство Египта в значительной мере воспроизводило древний порядок управления. Эллинистический Египет сохранил исконный дуализм: центром Верхнего Египта оставались древние Фивы, а центром Нижнего стала вместо пришедшего в упадок Мемфиса новая столица Александрия, в которой располагался царский дворец. Сохранилось и административное деление на номы, которые в основном имели те же границы, что и до македонского завоевания; в течение двух с половиной столетий правления Лагидов их число держалось в пределах от 40 до 45.

Высшим чиновником государства был диойкет, который возглавлял финансовое ведомство. Под началом диойкета состоял многочисленный и ранжированный по чинам штат чиновников-казначеев. В номах ему подчинялись иподиойкеты, которым, в свою очередь, были подчинены сборщики податей в туземных городах и селах. Гражданскую администрацию в номе возглавлял номарх, но со временем он был поставлен в зависимое положение по отношению к стратегу, который первоначально осуществлял в номе лишь военно-полицейскую власть. Ближайший помощник стратега именовался царским грамматеем. Другие чиновники, ведавшие разными отраслями администрации в номе, назывались экономами, агораномами. Высшая судебная власть в номе осуществлялась эпистатами, от них зависели мировые судьи — хрематисты, судившие колонистов по греческим законам, и лаокриты, разбиравшие дела туземцев по древним законам Египта; судебной автономией обладали египетские евреи, право которых основано было на Торе. Номы делились на топы (округа), состоявшие, в свою очередь, из комов — поселений, или общин. Для управления топами назначались топархи и их помощники топограмматеи, а комы управлялись комархами и комаграмматеями, или сельскими писарями.

В греческих городах Египта — Александрии, Птолемаиде и Навкратисе — имелись элементы самоуправления, там существовали выборные органы, но не было ни народного собрания, ни ареопага, или сената, и высшая власть принадлежала назначенным чиновникам. Самоуправление было более широким в тех владениях Лагидов, которые находились за пределами Египта. Широкой автономией пользовались колонизованная греками Киренаика и издавна грекоязычный Кипр, но и там, разумеется, находились представители царской власти в роли своего рода генерал-губернаторов: на Кипре он назывался стратегом,

навархом и архиереем, в Киренаике — ливиархом — начальником Ливии, в Келесирии — тетагменом.

Армия Египта состояла из воинов разных категорий, которые разделялись по этническому принципу: на диадохов — македонцев, катехов — греков, эпигонов — метисов, происходивших от отцов колонистов и туземных матерей, разноплеменных наемников и в очень ограниченных пределах привлекавшихся к воинской службе автохтонов, которые в эту эпоху ею тяготились больше, чем самым тяжелым земледельческим трудом, если не сказать, испытывали к ней отвращение, связанное, очевидно, с давней утратой ими своей национальной независимости. В армии был и своего рода танковый полк — около 300 боевых слонов. Флот Египта был сильнейшим в Восточном Средиземноморье.

Опираясь на сильную армию и на тысячелетние традиции правления обожествляемых фараонов, Птолемеи сосредоточили в своих руках абсолютную власть. Важным фактором ее неограниченности было то обстоятельство, что македонские цари сохранили в стране юридические основания древнего аграрного устройства: как и при фараонах, вся земля признавалась собственностью царя, но часть ее так и оставалась в прямом царском, или государственном, владении, а другая часть считалась уступленной, при этом уступленные владения делились на три категории: дарственные земли, которые принадлежали царским родственникам и друзьям, придворным, военачальникам и высокопоставленным чиновникам, храмовые имения и земли клерухов — военных поселенцев, обычно македонского или греческого происхождения.

Собственные земли царя, а также и уступленные земли, как и при фараонах, сдавались в аренду общинам мелких наследственных арендаторов: царских, храмовых или своего рода частновладельческих крестьян. Аналогия с российскими государственными, или скорее, удельными и помещичьими крестьянами, при радикальном отличии земледельческой поливной технологии и крошечности исключительно плодородных наделов, представляется все-таки уместной, при этом клерухии можно уподобить поместным дачам мелкого служилого люда — однодворцев. Эти параллели идут так далеко, что даже, как и у нас до Столыпина, выход из крестьянской общины не дозволялся, а за исправное несение повинностей перед царской казной

общины отвечали по закону круговой поруки. А повинности эти были не только продовольственные — строго расчисленные по разнарядке поставки хлеба, фруктов, овощей, мяса, — и денежные, но и трудовые, из которых самой важной была расчистка каналов. Государственным крестьянам семена, племенной скот, хозяйственный инвентарь выдавали по распоряжениям местных чиновников — грамматеев, которые осуществляли административный контроль над земледельцами и рассматривали судебные дела по тяжбам между крестьянами или по уголовным обвинениям против них. Учет всей хозяйственной деятельности на земле велся с такой канцелярской дотошностью, которая была совершенно несопоставима с патриархальной бюрократической культурой и напоминает скорее лучшие образцы австро-венгерского канцелярского творчества.

Владельцы уступленных земель, подобно российским помещикам, обыкновенно разделяли свои имения на две части и одну из них сдавали крестьянам-арендаторам, а на другой устраивалось собственно барское хозяйство, в котором заняты были наемные батраки или рабы. На арендованных землях выращивался хлеб, а в хозяйстве самого землевладельца — маслины, финики, виноград, фрукты, миндаль, а также технические культуры: лен, конопля, хлопок. На аграрную технологию проливают свет сохранившиеся папирусы. В одном из них высокопоставленный чиновник Аполлоний, который владел поместьем около Мемфиса размером в 30 тысяч арур (примерно 8 тысяч гектаров), писал своему управляющему: «Царь приказал нам дважды засеять поля. Посему, как только будет собран урожай, немедленно же орошай землю или ручным способом, или же при помощи водоподъемной машины (мало отличавшейся от тех колесных устройств, которыми пользуются современные феллахи в Египте). Ни в коем случае не держи воду на полях более 6 дней» (цит. по: Сергеев, цит. изд., с. 416).

Разноплеменные клерухи, по большей части из ветеранов греческого или македонского происхождения, но также постепенно эллинизовавшиеся ливийцы, персы, фракийцы, иллирийцы, наделы которых составляли не более 100 арур, но обыкновенно были многократно меньшими, получали во временное пользование неудобные земли; но если они приводили их в цветущее состояние, то из временных держателей клера они переходили в состояние бессрочных его владельцев — эмфитевтов.

В самом блестящем состоянии были в минимальной степени обложенные податями огромные по своим размерам земельные владения храмов, на которых не только крестьяне, но и многочисленный административный штат состоял из туземного элемента. Жречество было для египтян, устранившихся от воинской и государственной службы, самым блестящим социальным статусом.

Могущество Египетского государства росло в правление преемников основателя династии: при Птолемеях II Филадельфе и в особенности при Птолемеях III Эвергете, который правил с 246 по 221 г. до Р.Х. Воюя с державой Селевкидов, которая понесла тогда тяжелые территориальные потери, лишившись Парфии и Бактрии, Эвергет на короткое время овладел Месопотамией и вынашивал планы сокрушить соперничающее Сирийское царство, восстановить империю Александра Македонского и, повторив его восточный поход, дойти до Индии. Индийский поход не состоялся, а при преемнике Эвергета Птолемеях IV царство Селевкидов перешло в наступление, стремясь отнять у Птолемеях Финикию и Келесирию, но в 217 г. в битве при Рафии в Келесии Антиох III потерпел поражение от Птолемея IV, однако за эту победу Египет заплатил дорогой ценой — его военные и финансовые ресурсы были истощены и Птолемеи вынуждены были отказаться от продолжения экспансии на востоке.

В самом Египте начали развиваться деструктивные процессы. В среднем Египте и в дельте Нила вспыхивают восстания — недовольство крестьян налоговым гнетом и беспросветной бедностью использовала туземная аристократия, которая тяготилась зависимостью от инородной по своему происхождению власти. В правление Птолемея VI Филометора, в 165 г., в самой столице вспыхнуло восстание под предводительством эллинизированного египтянина и высокопоставленного чиновника при царском дворе Дионисия Петосараписа. Опираясь на перешедший на его сторону отряд наемников, состоявший из туземцев, он долго держал оборону от верных правительству войск в предместье Александрии. После поражения в сражении с царскими войсками Петосарапис бежал на юг и поднял восстание в Верхнем Египте. Лишь в 164 г. бунт был подавлен. Филометор жестоко расправился с бунтовщиками, подвергнув вовлеченное в восстание население массовому истреблению, так что на юге страны стала остро ощущаться нехватка рабочих рук.

Во II столетии Египет пережил еще несколько восстаний, хотя и не столь масштабных и опасных.

В стремлении опереться на влиятельные силы среди туземцев македонские правители Египта предоставляли широкие льготы жреческому сословию — земельные владения храмов росли, увеличивалось число крестьян и рабов, работавших на этих землях. Одновременно цари вынуждены были идти на встречу греко-македонской знати и наемникам. Владения аристократов и земельные наделы простых клерухов приобретают статус частной собственности. И все же удержать царскую власть от постепенной деградации не удалось. В I столетии до Р.Х. последние Птолемеи из автократов, наделенных неограниченной властью, превращаются в марионеток в руках греко-македонской феодализованной знати и могущественного туземного жречества, пока, наконец, в середине этого века Египет не стал легкой добычей Рима.

2. Эллинистический Восток

Диадоху Селевку Никатору досталась самая обширная по территории и самая населенная часть империи Александра. Он правил Бактрией, Парфией, Мидией, Персией, Месопотамией, Ассирией, Арменией, Сирией, Киликией. В Малой Азии соседствовали владения Селевкидов и Лагидов, но это не было мирным соседством, граница часто становилась военной: переходя из рук в руки, пограничные территории образовывали своего рода чересполосицу. Пергам, Понт, Вифиния, Каппадокия, пользуясь соперничеством великих держав, добивались фактической независимости. Предметом военного соперничества между двумя державами были также Келесирия и Палестина. Столица государства Селевкидов Антиохия, названная именем отца-основателя династии Антиоха, была выстроена на севере Сирии, на берегу Оронта, поблизости от морского побережья. В пригороде Антиохии Селевкии Приморской был построен замечательный порт.

Свою национальную политику основатель державы Селевк сформулировал лаконично и недвусмысленно в речи, которую он произнес перед войсками по случаю брака своего сына Антиоха со Стратоникой, дарования ему титула царя и статуса соправителя: он создал свою империю для блага своих македонских подданных, и царская семья считает своим долгом быть гарантом македонской гегемонии в Сирии. До высоких постов

допускались и греки, и даже туземцы, но в дозированном числе и при условии эллинизации автохтонов сирийского, армянского или иранского происхождения.

Верховная и неограниченная власть в империи принадлежала царю. основополагающий принцип государственного строя сам Селевк Никатор определил так: «Всегда справедливо то, что постановлено царем» (см.: История Древней Греции, цит. изд., с. 308). Как и египетские Птолемеи, Селевкиды обожествлялись: греко-македонскими городами собственным волеизъявлением, в благодарность за благодеяния, а на покоренной территории царскими указами. Впоследствии стали обожествляться и царские жены — впервые издал указ о введении культа царицы Антиох III Великий, правивший на рубеже III и II веков до Р.Х. Как и Лагиды, Селевкиды носили имена, к которым добавлялись культовые эпитеты, — Сотир, Эвергет, Дикейос — справедливый, и даже Феос, что значит «бог».

Ближайшее окружение царей составляли, как и в Египте, царские родственники, которые часто были таковыми только по титулу, и гетайры, из которых выделялись иерархически стоявшие на разных ступенях «высокопочитаемые», «самые почитаемые» и «первые друзья». Из их числа формировался верхний слой административного и командного персонала. Высшими должностными лицами были ведающий делами, своего рода глава правительства, глава царской канцелярии и финансовый контролер империи.

Вооруженные силы империи, верховным главнокомандующим которых был царь, насчитывали до 100 тысяч воинов; на две трети они состояли из тяжеловооруженной пехоты, в армии были также легкие пехотинцы — лучники и пращники, кавалерия, на вооружении состояли боевые слоны и военно-морской флот. Основу войска составляла македонская фаланга, в которой помимо македонских колонистов служили также греки, обученные македонскому строю. Элиту тяжелой фаланги составляли аргироспиры (воины с серебряными щитами), которые в сражении действовали в первых шеренгах. Из числа аргироспиров пополнялся командный состав и других частей. Главной ударной силой кавалерии были катафрактарии — всадники, защищенные тяжелой броней, подобной средневековым рыцарским доспехам, доспехами защищены были и их боевые кони. Конная лейб-гвардия называлась агемой. Военным центром империи

был сирийский город Апамея, расположенный вблизи столицы — в Апамее находились генеральный штаб, военные школы и государственные оружейные мастерские, там расквартирована была значительная часть войска, там содержались и боевые слоны. Легкую кавалерию составляли по преимуществу племенные отряды местных династов, которые не входили в регулярные войска, а привлекались для участия в военных действиях в регионах обитания этих племен. В пограничных крепостях и в городских акрополях размещены были гарнизоны, находившиеся под командованием наместников, стратегов или ипархов. Во флоте служили в основном греки и финикийцы. Главной военно-морской базой служила Селевкия Пиерийская, прикрывавшая столицу с моря. В отличие от Египта, в войсках Селевкидов наемники не играли важной роли. Основным ресурсом армии были военные колонисты и военнообязанные граждане греко-македонских полисов.

Селевк Никатор разделил государство на 72 области, которые назывались, как и при Ахеменидах, сатрапиями. Правителем области, обладавшим административной, судебной и военной властью, был сатрап, или, по-гречески, стратег; входившие в состав сатрапии округа управлялись епархами. Финансовое ведомство действовало независимо от сатрапов и епархов, располагая своей агентурой на всей территории империи. На окраинах государства сатрапии были объединены в наместничества, в отдельных случаях наместники удостаивались статуса соправителя и даже титула царя. Столицей Восточного наместничества была Селевкия — город, выстроенный на берегу Тигра, там, где русло этой реки сближается с Евфратом, и носивший имя основателя династии. Числом своих разноплеменных жителей — Страбон насчитывал их там 600 тысяч — Селевкия превосходила столицу Сирии Антиохию, приближаясь к Александрии. Город населяли колонисты из Эллады и Македонии, арамеи и иудеи, персы и мидяне, парфяне и армяне, бактры и индийцы. Центром Малоазийского наместничества была древняя столица Лидии Сарды. В состав империи входили пользовавшиеся правами городского самоуправления греко-македонские полисы, а также территории племен, которыми правили местные династы, подчинявшиеся сатрапам или напрямую центральной власти.

Правительство Селевкидов проводило политику привлечения колонистов в свою империю. Помимо македонцев и греков,

составлявших большую часть переселенцев, это были также фракийцы и иллирийцы. В городах везде присутствовала также еврейская диаспора. В Малой Азии это были в основном выходцы из Вавилонии. Военные колонисты при поселении получали из казны ссуду на обзаведение, и им предоставлялась земля, разделенная на три участка: один — под дом, другой — под пахоту и третий — под виноградник и сад. Этой землей колонист владел под условием службы, вначале действительной, затем в запасе, когда он мог быть привлечен только в случае крайней необходимости и, наконец, становился отставным ветераном. При переходе отца в запас на действительную службу призывался сын колониста. Земельные наделы в военных колониях находились в собственности царской казны и не подлежали отчуждению. Размеры наделов были таковы, что они не могли быть обработаны руками одной семьи — военные поселенцы владели рабами, которые им, вероятно, предоставлялись в количестве, соответствовавшем их рангу и заслугам. Обязанные своим благополучием царю, колонисты отличались особой преданностью династии.

Помимо военных колоний, расположенных по преимуществу по окраинам империи, привязанных к крепостям и подчиненных местным сатрапам, в империи Селевкидов существовали и такие колонии, устройство которых повторяло греческие полисы, 75 из них основаны были самим Селевком. К этому числу принадлежали, кроме столицы, еще 15 Антиохий, 9 Селевкий, 5 Лаодикий, 3 Апамеи. Среди крупнейших полисов, помимо Антиохии на Оронте и Селевкиды на Тигре, были также Дура-Европос, Эдесса, Бероя. Эти полисы обладали широкой автономией и зависели только от центрального правительства. Полис всегда владел обширной хорой — округой с деревнями, населенными туземными крестьянами, зависевшими от городской власти. Управление полисами осуществляло народное собрание (эκκλησία) и совет (ареопαγ), но гражданские права имела лишь небольшая часть городского населения — потомки первых колонистов — македонцев и тех греков, которые этими правами обладали в своих родных полисах, но при выходе в отставку гражданские права могли получить также чиновники и офицеры, ранее ими не обладавшие, и даже те из них, кто по происхождению были автохтонами — арамеями, персами или мидянами; поскольку государственным языком был греческий, эти

лица за время службы подвергались глубокой эллинизации. И все же гражданскими правами обладала лишь малая часть горожан. В Пиерийской Селевкии «в 219 г. ... насчитывалось 6 тысяч граждан при общей численности населения в 30 тысяч человек. В огромном городе, столице государства — Антиохии на Оронте было всего 10 тысяч граждан» (История Древней Греции, цит. изд., с. 312). В столичном полисе жили потомки выходцев из Афин, Эвбеи, Аргоса, из городов Кипра и Крита, а также, конечно, македонцы, евреи, финикийцы и арамеи. При этом почти все могли говорить по-гречески, и постепенно этот язык становился родным и для тех, кто имел восточное происхождение. Эллинизации подвергались и древние восточные города, в особенности финикийские, вроде Библа или Баальбека, причем их эллинизация была настолько глубокой, что граждан этих городов даже стали допускать до участия в Олимпийских играх.

Восточный характер сохраняли города Месопотамии, наследовавшие традиции древней вавилонской культуры. Там сложились своеобразные городские общины, связанные с местными храмами. Вавилон, Ниппур, Урук так и назывались «городами людей храма», хотя большинство их жителей не принадлежало к жреческому сословию, но граждане таких городов снабжались продуктами из храмового хозяйства. Власть в этих общинах принадлежала городскому собранию во главе с экономом. Селевкиды покровительствовали храмовым городам, дарили им большие территории с местным сельским населением, которое вместе с горожанами, не имевшими гражданских прав, и рабами находилось под властью «людей храма». В отличие от греческих полисов, владевших землями, титульная собственность на которые принадлежала царю, храмовые города Вавилонии имели свою землю в собственности, в то же время граждане этих городов фактически не привлекались к государственной административной и военной службе, составляя своего рода обособленные *status in statu*, которому они при этом были вполне лояльны.

Особыми привилегиями пользовались исконно греческие города Малой Азии вроде Лаодикии, Смирны, Лампсака или Писидии, вошедшие в состав империи Селевкидов, но при этом сами эти полисы считали себя только союзниками царей, а не их подданными. Соперничество за власть в Малой Азии между Селевкидами и Лагидами открывало этим городам пространство

для политических маневров и заставляло династов относиться к ним с большей деликатностью, чем к городам колонистов.

После гибели основателя империи Селевка Никатора в 280 г. до Р.Х. престол перешел к его сыну Антиоху I, рожденному Аламой, которая происходила из племени саков. Антиох правил до своей смерти в 261 г. В его царствование самой большой опасностью для государства был натиск кельтского племени галатов, прорвавшихся из центральной Европы на Балканы, пронесшихся опустошительным смерчем по Македонии и Фракии, перебравшихся в 278 г. через проливы в Малую Азию и вторгшихся в Каппадокию. Там Антиох I, действуя в союзе с малоазийскими полисами, одержал над ними победу, главным образом благодаря использованию в сражении, состоявшемся в 277 г., боевых слонов. Кельты были отеснены на северо-запад от Каппадокии, где они и осели, дав свое племенное имя заселенной ими стране — Галатии. За эту победу Антиоха называли Сотиром (спасителем). Затем он вел неудачные войны с правителем Пергама Евменом, который добился полной независимости для своего полиса, и царем Египта Птолемеем II. Несмотря на помощь македонского царя Антигона Гоната, Антиох потерпел поражение в этой войне, названной Сирийской, поскольку велась она за обладание Сирией, и вынужден был признать власть Птолемея над южной Сирией, уступив противнику и часть своих владений в Малой Азии.

Сын Антиоха I Антиох II, который был прозван Феосом (богом), возобновил войну с Египтом, названную Второй Сирийской. Она закончилась заключением мира, гарантией которого стал брак Антиоха с дочерью Птолемея Береникой. Чтобы жениться на Беренике, Антиох развелся со своей первой женой Лаодикой, от которой он уже имел двоих сыновей.

В царствование Антиоха Феоса, продолжавшееся до 247 г., держава Селевкидов понесла большие территориальные потери. От нее отпали Парфия и Бактрия. В 256 г. царю изменил правитель Парфии Андрагор, его примеру последовал сатрап Бактрии Диодок, провозгласивший себя царем. При сыне и преемнике Антиоха II Селевке II Каллинике Бородатом (247–226 гг.), родившемся от первой жены Антиоха Лаодики, иранское племя парнов, кочевавшее в Закаспии, южнее Кара-Бугаза, во главе со своим вождем Аршаком вторглось в Парфию и овладело ею, после чего парнов стали называть парфянами. В 247 г. Аршак

был провозглашен царем Парфии. Его преемники носили имя основателя династии в качестве титула, подобно позднейшим цезарям или августам. Хотя Парфия, распространившая впоследствии свою власть на значительную часть империи Селевкидов, принадлежала по преимуществу иранской цивилизации, она не выпала до конца из эллинистического мира. Во всяком случае парфянские монеты чеканились с греческими надписями и большая часть сохранившихся парфянских документов составлена на греческом языке.

Селевк Каллиник разбил конницу Аршака, но, потерпев поражение, тот сумел восстановить свое войско и, заключив союз с Диодором II Бактрийским, одержал затем победу над Селевком, заставив его уйти в Месопотамию. Продолжая экспансию, Аршак овладел Гирканией. Он погиб в одной из стычек, воюя с местными племенами Гиркании, и его погребли в Нисе, расположенной поблизости от современной столицы Туркмении. Наследником основателя династии стал его брат Тиридат, принявший имя погибшего — Аршак II. Тиридат расширил территорию подвластной ему Парфии, но в 228 г. Селевк II во главе многочисленного войска пришел в Парфию, и Тиридат отступил в Среднюю Азию, в страну саков, но когда из-за династических конфликтов Селевк вынужден был вернуться в Антиохию, Аршак II снова покорил Парфию.

Между тем Селевк нес потери по всем границам своих владений. Его сторонниками была убита мачеха царя Береника. В ответ на это злодеяние ее брат Птолемей III Эвергет начал военные действия против Селевка, которые получили название Третьей Сирийской войны, или войны Лаодики. В ходе этой войны Египет овладел всей Сирией, включая столицу Антиохию. Заключив союз с правителями Понта и Каппадокии, Антиох сумел вернуть себе большую часть Сирии, однако у противника осталась Селевкия Пиерийская, важнейший порт, через который столица имела выход к морю. Поражением и территориальными утратами в Малой Азии закончилась и его война с Пергамом. Селевк долго воевал со своим единокровным братом Антиохом Иераксом (коршуном), родившимся от Береники. Междоусобица закончилась убийством претендента на престол Иеракса его собственными наемниками. За этим последовала смерть Селевка II, который передал своему сыну Селевку III Сотиру, или Керавну, государство, понесшее значительные территориальные

потери — утрачены были земли, лежащие к востоку от Мидии и Персиды; в Малой Азии во владениях Селевкидов остались лишь Киликия и Лаодикия Приморская, но Селевк III за короткое время своего правления (с 226 по 223 г.) отвоевал у Пергама с помощью своего дальнего родственника Ахея большую часть Малой Азии.

Настоящий реванш и восстановление былого могущества державы Селевкидов приходится на царствование младшего брата Селевка Антиоха III Великого, продолжавшееся с 223 по 187 г. до Р.Х. Через несколько лет после поражения от египтян в 217 г. в битве у Рафии Антиох отнял у Египта Келесирию, Палестину и Финикию. Он отстранил от власти наместника Малой Азии Ахея, заподозренного в стремлении отложиться и оказавшего сопротивление царю. Захваченный в плен в Сардах, Ахей был предан мучительной казни. Укрепив свою власть в Азии, Антиох переправился через проливы на Балканы и присоединил к своей империи Фракию.

Затем он подавил мятеж сатрапов Мидии и Персиды Молона и его брата Александра, после чего отправился в поход на восток, вновь покорив Парфию и Бактрию, цари которых однако сохранили свою власть, признав себя вассалами Антиоха. Повторяя деяния Александра Македонского, Антиох совершил поход через горный хребет Гиндукуш в Индию. Там он заключил договор с местным раджей Софагесеном, получив от него в дар боевых слонов. Антиох совершил также разведывательный поход в Аравию, которому придавал столь важное значение, что именование Великий он принял как раз после этой экспедиции.

Овладев Фракией, Антиох стал проводить активную политику на Балканах, привлекая на свою сторону те греческие полисы, которые готовы были к противостоянию экспансии Рима, но в этом не преуспел — лишь один город Этолия стал на его сторону, в то время как Рим сумел объединить против Антиоха давнего противника Селевкидов Пергам, а также незадолго до этого воевавшую с Римом Македонию и самый мощный из островных полисов Родос. В сражении со своими противниками при Фермопилах Антиох потерпел поражение и вынужден был вернуться в Азию, где продолжились военные действия. В генеральном сражении под Магнесией, состоявшемся в 190 г. до Р.Х., войска Антиоха были наголову разбиты римлянами, и по условиям мирного договора он отказался почти от всех владений в Малой

Азии; военный флот, кроме 10 судов, был передан Риму. Антиох выдал Риму также и боевых слонов и обязался уплатить огромную контрибуцию в 15 тысяч талантов.

Чтобы найти средства на эту выплату, он решил ограбить храмы в Елиманде, что спровоцировало бунт, при подавлении которого Антиох Великий был убит. Престол перешел к его сыну Селевку IV Филопатору, правление которого продолжалось с 187 по 175 г.. После грандиозного провала Антиоха от империи Селевкидов снова стали отпадать окраины: Парфия, Бактрия и на этот раз даже Персида. Войны с соседями, междоусобные распри и мятежи вконец истощили силы империи. Процесс распада не удалось остановить и при его преемниках, хотя некоторые из них пытались обратить печальное для династии развитие событий вспять.

Правивший после своего старшего брата Селевка IV (187–175 гг.) Антиох IV Эпифан отличался экстравагантным поведением. Предвосхищая причуды халифа Гаруна аль Рашида и английского короля Генриха VII в пору его юности, он, по словам Полибия, «иногда без ведома придворных слуг скрывался из дворца и бродил там и сям по городу... Он болтал с резчиками и иными рабочими и расспрашивал их об их мастерстве. Потом он заводил знакомства и разговоры с первым встречным из простонародья и бражничал с беднейшими из чужеземцев... Антиох ходил мыться в народные бани, когда они бывали переполнены простонародьем» (Полибий. Всеобщая история. Т. 2, М., 2004, с. 284–285). Этот царь предпринял две успешные войны с Египтом. Попытка раздавить соперников и присоединить Египет к державе Селевкидов не удалась, но оба похода против Египта принесли Антиоху территориальные приобретения и обогатили государственную казну. Лучшим средством для предотвращения распада своей многонациональной, религиозно и культурно плюралистической империи Антиох Эпифан считал ее ускоренную эллинизацию. Городам, местное население которых усваивало греческий язык и эллинские верования и обычаи, предоставлялось самоуправление, каким обладали в империи македонские и греческие колонии. Так, статус полиса получил один из крупнейших городов на востоке государства — Вавилон, население которого по происхождению своему было, конечно, по преимуществу арамейским. Соппротивление приверженцев местных религиозных традиций и культов со стороны

языческих народов Востока было инертным, лишенным отчаянной отваги и потому не создавало серьезных проблем для эллинизаторской политики царя.

Но попытка эллинизации очага иудейского народа Священного Иерусалима закончилась крахом. Иерусалим и Иудея были утрачены Птолемеями и перешли во власть Селевкидов в 203 г. до Р.Х., при Антиохе Великом, после чего иудеи оказались в бедственном положении, которого они не знали, когда входили в состав государства покровительствовавших им Птолемеев. Сын Антиоха Селевк Филопатор велел ограбить Иерусалимский храм для пополнения имперской казны. А Антиох Эпифан предпринял уже решительный шаг к устранению религиозной обособленности иудеев, веровавших в единого Бога и отвергавших всякое идолопоклонство как ложь и богохульство, и внедрению у них эллинского многобожия. При этом он нашел опору в самой иудейской среде, склонив на сторону этого проекта брата первосвященника Онии по имени Иисус, который с помощью своих македонских покровителей добился низложения Онии и сам стал первосвященником, приняв греческое имя Ясон. Вероотступник начал решительно навязывать иудейскому народу языческие обряды. В этом с ним соревновался второй первосвященник, также назвавший себя по-гречески, Менелай, враждовавший с Ясоном в стремлении угодить правителю и снискать его благоволение. Возвращаясь из египетского похода, Антиох, переименованный иудеями из Эпифана в Эпимана (безумного), осквернил и ограбил Иерусалимский храм и устроил в городе и во всей Иудее резню, приказав убивать всех, кто противился религиозным нововведениям, насаждавшимся Ясоном и Менелаем. Религия царя была объявлена официальной в Палестине, и уклонение от языческого культа стало караться смертной казнью. Доказательство отказа от прежней веры иудеи должны были предъявлять вкушением свиного мяса, запрещенным Законом — Торой. Многие иудеи обнаружили слабость и покорились насилию.

Но против религиозного насилия восстали мужественные исповедники. За отказ вкусить запрещенную Законом свинину был умерщвлен 90-летний книжник Елеазар. За веру в единого Бога по прямому приказу царя была предана мучительной смерти благочестивая вдова вместе с ее семьей сыновьями: «Царь, озлобившись, приказал разжечь сковороды и котлы. Когда они

были разожжены, тотчас приказал принявшему на себя ответ отрезать язык и, содрав кожу с него, отсечь члены тела, в виду прочих братьев и матери. Лишенного всех членов, но еще дышущего, велел отнести к костру и жечь на сковороде» (2 Мак 7, 3–5). С таким же мучительством один за другим были умерщвлены все братья и последней их мать, которая, пока казнили ее сыновей, убеждала их вытерпеть все муки и внушала им надежду на воскресение: «Я не знаю, как вы явились во чреве моем, не я дала вам дыхание и жизнь, не мною образовался состав каждого. Итак Творец мира, Который образовал природу человека и устроил происхождение всех, опять даст вам дыхание и жизнь с милостью, так как вы теперь не щадите себя за Его Законы» (2 Мак 7, 22–23).

Большинство священников мужественно противилось введению в иудейском народе эллинского культа. Престарелый священник Маттафия Асмонеи, живший в городе Модине, убил первого из иудеев, кто, подчинившись царскому указу, приблизился к языческому жертвеннику, а затем поразил присутствовавшего при этом чиновника и бежал в горы вместе со своими сыновьями и теми из иудеев, кто отважился, следуя его призыву, до конца стоять за веру отцов. Из горного укрытия Маттафия вместе со своими сторонниками стал совершать набеги на македонские гарнизоны и разрушать языческие алтари. После наступившей вскоре смерти исповедника дело отца продолжил его сын Иуда, который за свое мужество и полководческий талант получил прозвище Маккавея, «молота на врагов».

Потерпев ряд чувствительных поражений, которые Иуда Маккавей нанес войскам Антиоха Епифана, тот пошел на заключение мира. Царь разрешил возобновить богослужения в Иерусалимском Храме, но вскоре после этого гонения и война возобновились. Иуда погиб в сражении, его борьбу продолжили его братья Ионафан и Симон. Совершивший святотатство Антиох Епифан умер от мучительной болезни — «он упал с колесницы, которая неслась быстро, и тяжким падением повредил все члены тела. И тот, который только что мнил по гордости, более нежели человеческой, повелевать волнам моря и думал на весах взвесить высоты гор, повержен был на землю, и несен был на носилках, показуя всем явную силу Божию, так что из тела нечестивца во множестве выползали черви, и еще у живого

выпадали части тела от болезней и страданий, смрад же зловония от него невыносим был в целом войске» (2 Мак 9, 7–9).

После смерти Антиоха Епифана в 163 г. до Р.Х. Маккавеи воевали с войсками его преемников Антиоха V Евпатора (163–162 гг.), Димитрия Сотира (162–150 гг.), Александра Вааса (150–145 гг.) и Антиоха VI Епифана (145–142 гг.). В 142 г. Иудея совершенно отпала от империи Селевкидов, и брат Иуды Симон стал основателем правившей в Иудее династии, названной по имени их отца Асмонеиской.

Распад империи продолжался при преемниках Антиоха VI, носивших имена Антиох, Селевк, Филипп и Димитрий, враждовавших между собой и ведших нескончаемые династические войны — все 19 Селевкидов, правивших после Антиоха VI, погибли насильственной смертью. Помимо внутренних распрей, самой серьезной угрозой для Селевкидов оставалась экспансия парфян. На рубеже II и I столетий до Р.Х. парфяне отняли у них Мидию и Месопотамию. Парфянское завоевание восточных пределов империи Селевкидов лишило расположенные там греческие полисы их привилегий; македонцы и греки поднимали восстания против парфянских властей и звали на помощь Селевкидов.

В 130 г. Антиох VII, воспользовавшись тем, что с востока на Парфию напали кочевники саки и массагеты, под напором которых рухнула эллинизированная Бактрия, откликнулся на призыв греческих полисов Месопотамии и отправился в восточный поход во главе многочисленного и хорошо обученного войска. Полисы Месопотамии и Мидии немедленно восстали против парфянского господства и присоединились к армии Антиоха. И в трех последовавших одно за другим сражениях парфяне, которыми правил тогда сын Митридата, при котором Парфия стала великим государством, распространившимся на большую часть древних владений Ахеменидов, от Вавилонии до Бактрии, Фраат, были вконец разбиты. Антиох не только восстановил контроль над Месопотамией, Вавилонией с их многочисленными колонистами из Македонии и Эллады, но и продвинулся далеко за Тигр, в Парфию и Гирканию, местное население которых видело в его армии не освободителей, а завоевателей и поработителей. Штаб армии Антиох квартировал в Экбатанах. Против македонцев поднято было хорошо спланированное восстание, начавшееся одновременно в разных городах нападением на македонские гарнизоны.

Справиться с восстанием Антиох не смог. Сам он погиб в бою, его сын Селевк был взят в плен, а царскую племянницу Фраат взял в свой гарем. Македонская армия была разбита, обескровлена и очистила страну; потерпевшие тяжелое поражение войска ушли далеко на запад, унося с собой тело погибшего царя, помещенное в серебряном гробу.

В 83 г. до Р.Х. большую часть рунированной империи Селевкидов завоевал царь эллинистической Армении Тигран II. Царствованием Антиоха XIII Азиатского заканчивается история этой державы. Ее остаток в 63 г. был включен в состав Римской империи, составив в ней Сирийскую провинцию.

3. Пергамское царство

В эпоху эллинизма в Малой Азии сложилось несколько мелких государств, самостоятельность которых поддерживалась соперничеством великих держав Лагидов и Селевкидов. Это были Пергам, Вифиния, Каппадокия и Понт, с которыми на востоке граничила Армения. В самом центре полуострова возникла кельтоязычная, но постепенно эллинизовавшаяся Галатийская тетрархия.

При распаде империи Александра Македонского город Пергам со своей хорой вошел во владения Лисимаха. В 284 г. до Р.Х., во время войны Лисимаха с Селевком, грек Филетер, который командовал гарнизоном в Пергаме, изменил Лисимаху, завладел его казной и стал править городом самостоятельно. Перед смертью он завещал город и его округу вместе с казной своему племяннику, сыну Атталы Эвмену, правление которого продолжалось с 263 по 241 г. Сын Эвмена Аттал I, правивший почти полстолетия, до 197 г., одержал в окрестностях Пергама победу над галатами, после чего он освободился от фактически и ранее лишь номинальной зависимости от Селевкидов и провозгласил себя царем. В этом его поддержал Рим, главным соперником которого на востоке была империя Селевкидов. После поражения Антиоха III от римлян в сражении при Магнесии, которое произошло в 190 г., когда в Пергаме царствовал Эвмен II (197–159 гг.), независимость Пергама получила надежную гарантию, но достигалась она ценой односторонней ориентации на могучего союзника — Рим. Ядром Пергамского государства была Азиатская Мизия, но при Эвмене и Атталы II пределы царства были значительно расширены и включили в себя Троаду, Лидию,

Карию, Ликию, а затем также Памфилию на юге Малой Азии и Фригию, расположенную в центре западной части полуострова.

Особенность Пергамского государства, отличавшая его от монархий Селевкидов и Лагидов, заключалась в том, что оно сложилось на издревле эллинизированной земле, поэтому в Пергаме греческий язык был родным для большинства населения. На государственное устройство мало влияли политические и религиозные обычаи Востока. Цари Пергама не обожествлялись, они даже, подобно римским принцепсам, называли себя всего лишь первыми гражданами. Как в столице, так и в провинциальных полисах сохранилось городское самоуправление, которое осуществлялось через народное собрание — экклисию; при этом экклесия столичного города разделяла с царем власть над всем государством. Высшие чиновничьи должности были избираемыми, правда, сам круг граждан был ограничен, составляя меньшинство населения. Верховная власть и военное командование принадлежали царю. Как и в птолемеевском Египте, царь был собственником всей земли, которая арендовалась крестьянами и крупными держателями земельных наделов. Из царского земельного фонда выделялись клерухии для военных поселенцев.

Почва Пергамского царства отличалась замечательным плодородием, и по вывозу хлеба Пергам уступал в Восточном Средиземноморье только Египту, но экономика Пергама была сбалансированной: развито было виноградарство, садоводство, выращивались плантации масличных деревьев, на замечательных пастбищах паслись кони и высокопородные овцы, из шерсти которых прялась ткань, употреблявшаяся внутри страны и шедшая на экспорт. Из кожи в Пергаме выделяли пергамент, который, несмотря на свою дороговизну, успешно конкурировал с египетским папирусом. Большой популярностью в Средиземноморье и на Востоке пользовалась продукция красильных эргастериев Пергама.

Казна Пергама, помимо доходов от царских имений и мастерских, арендных платежей держателей поместий, пополнялась пошлинами, которые платили частные ремесленники и владельцы эргастериев, а также купцы, осуществлявшие внутреннюю и экспортную торговлю, в том числе морскую. В казне не было недостатка средств, доходы казны при этом шли не только на содержание войска, двора и администрации, но и на развитие

городского хозяйства, в частности на постройку и содержание водопровода, на храмостроительство, на украшение Пергама, который со своим знаменитым алтарем, воздвигнутым перед храмом Зевса на Акрополе, стал одним из самых прекрасных городов эллинистического мира. Пергам был крупным культурным центром Средиземноморья, в его библиотеке хранилось более 200 тысяч манускриптов. Замечательные сооружения воздвигались и в других благоустроенных городах царства — в Приене, Эфесе, Милете, Галикарнасе. На берегу Средиземного моря, в Памфилии, был выстроен портовый город, названный именем царя Атталией (современный курорт Анталия), через который велась морская торговля с Египтом, на берегу Пропонтиды был построен порт Геленополь, связавший Пергамское государство с Северным Причерноморьем.

В середине II столетия до Р.Х., при царе Аттале II (160–139 гг.), международно-политическое положение Пергама ухудшилось — против него сложилась коалиция соседних государств: Галатии, Вифинии, Каппадокии и Понта. Опасность для самого существования Пергама нарастала в правление его сына Аттала III, единственной гарантией для которого был союз с Римом; в рамках этого союза Пергам по существу дела утратил политическую независимость. Поэтому перед смертью, наступившей в 133 г. до Р.Х., этот царь составил завещание, которым он передавал Пергамское царство Римской республике. Римская армия вошла в Пергам.

Малоимущие граждане оккупированной страны, а также горячие патриоты из всех классов общества были возмущены происшедшим. Волнения переросли в вооруженное восстание, во главе которого встал незаконнорожденный сын Аттала II Аристоник. К восставшим присоединились рабы. Свободные и рабы действовали солидарно. Борцы с оккупантами называли себя гелиополитами, то есть гражданами солнца — они вдохновлялись не только патриотическими чувствами, но и утопическими социальными идеями, мечтали о всеобщем равенстве и братстве. Рим не без труда подавил восстание — сопротивление продолжалось до 129 г. Участники борьбы подверглись жестоким репрессиям — смертным казням, продаже в рабство. Аристоник был пленен и затем удушен в римской тюрьме. Рим образовал из полученной в наследство, а потом завоеванной страны провинцию с названием Азия.

4. Понтийское царство

Основателем Понтийского царства, образовавшегося в 302 г. до Р.Х., в момент крайнего обострения борьбы диадохов за наследие Александра Македонского, явился Митридат Ктист, что значит «основатель», который воспользовался крайним ожесточением этой борьбы. У него было восточное, вероятно иранское, происхождение, а выдавал он себя за потомка Ахеменидов, может быть и имея на то основание. Но впоследствии его собственные потомки, понтийские цари, породнились с Селевкидами. Таким образом, у династии было типично эллинистическое этническое лицо с преобладанием восточного элемента, что воспроизводилось и в культурно-этническом типе самого государства, сближавшем его с такими странами, как Армения, Парфия и Бактрия. Понтийское царство было расположено в центре южного побережья Черного моря, которое греки так и называли Понтом. Под властью царей находились прибрежные греческие полисы, которые сохранили широкую автономию. Древней столицей царства был город Газиура, позже переименованный в Севастополь.

В первый период своей истории Понтийское государство не принимало участия в большой политике эллинистического мира, но соперничало с соседними и подобными ему миниатюрными царствами Вифинией и Каппадокией. Резкая активизация внешней политики Понта произошла в правление Фарнака I (185–170 гг. до Р.Х.), при котором был захвачен важнейший черноморский порт Синопа, ставший новой столицей царства. Овладение Синопой побудило соседние государства Пергам, Вифинию и Каппадокию заключить между собой союз и начать военные действия против Понта. В этой войне Фарнак потерпел поражение, понес территориальные потери, однако сумел удержать в своей власти Синопу. Как и соседний Пергам, Понт вступил в союзнические отношения с Римом, которые, конечно, из-за неравенства сил не могли быть равноправными, но политический расчет требовал этой жертвы ради успешного противостояния соперничавшим соседям, а Риму такой союз нужен был для предотвращения союза всех или большинства эллинистических государств, направленного против римской экспансии в Азии. Рим не препятствовал Фарнаку развивать дружественные торговые связи с полисами Западного и Северного Причерноморья.

Политику Фарнака продолжил его сын Митридат V Эвергет (150–120 гг.) С помощью династического брака Митридат усилил свое влияние в Каппадокии. Исполняя союзнические обязательства перед Римом, он направлял воинский отряд для участия в войне с Карфагеном, помог Риму подавить восстание гелиополитов в Пергаме. Во внутренней политике Митридат более, чем его предшественники, стал опираться на греческий элемент, сосредоточенный в основном в приморских городах. Усиление Понта вызвало подозрения у Римского правительства. После присоединения Пергама Рим ближайшей задачей на Востоке считал уже полное подчинение Понта. Митридата V такая перспектива не устраивала, и он пытался высвободиться из удушающих объятий своего могучего союзника, но в результате интриг Рима при дворе царя образовалась партия прямых коллаборационистов и Митридат пал жертвой заговора.

Наследовавший престол сын убитого царя Митридат VI Евпатор, правивший с 120 по 63 г. до Р.Х., продолжил политику отца, которую тот проводил в последние годы своего правления. Имея смешанное ирано-эллинское происхождение, Митридат стремился объединить вокруг себя как эллинов, так и восточные народы: персов, мидян, армян, сирийцев — для сопротивления экспансии Рима. Воспользовавшись трудной ситуацией, которая сложилась для Рима на западе, где он вынужден был напрягать все силы для отражения экспансии германских племен, Митридат расширил пределы царства: Пафлагонский царь передал ему свое государство по завещанию, затем Митридат присоединил к своим владениям северную часть Каппадокии до реки Тавр, а также часть Галатии и Фригии; его протекторат признали причерноморские полисы от Босфора до Трапезунда.

В конце II века до Р.Х. помощь у Митридата просят города Северного Причерноморья, которым грозит завоевание со стороны кочевников скифов и сарматов, эти полисы признали над собой протекторат понтийского царя, затем в состав Понтийского государства вошел и Боспор Киммерийский. В 80-е гг. протекторат Митридата распространяется на полисы Западного Причерноморья: Аполлонию, Месембрию, Одессос, которым угрожают скифы, обосновавшиеся в Добрудже, и фракийцы. На востоке Митридат присоединил к Понту завоеванную Колхиду. Так сложилось могущественное государство в бассейне Черного моря, территория которого включала в себя почти половину Малой

Азии. К тому же Митридат заключил союзные отношения с Арменией и Парфией.

На огромные средства, которые скопились в его казне, Митридат нанимает, вооружает и обучает многочисленную армию, готовую бросить вызов Риму, война с которым явилась тяжким испытанием на прочность для самого Рима, и все-таки он победил в этой войне, составившей целую эпоху в его истории. Престарелый царь Митридат Великий, преданный своими союзниками и собственным сыном, закололся в 63 г. до Р.Х. Рим включил утраченные Митридатом владения в свою империю.

5. Северное Причерноморье в эпоху эллинизма

В северном Причерноморье в эллинистическую эпоху самым крупным государством оставался Боспор Киммерийский, или Пантикапея. Хотя прямо его не затронул ни поход Александра Македонского, ни междоусобная война диадохов, но и он, как и соседние полисы, расположенные на побережье Тавриды и в устьях Днепра, Южного Буга и Днестра, был вовлечен в орбиту эллинистической цивилизации. В Боспоре по-прежнему царствовала династия Спартокидов — во время войн диадохов это были последовательно Евмел (309–304 гг.) и Спарток III, правивший по 284 г. до Р.Х. Как и прежде, Боспор поддерживал тесные экономические отношения с Афинами, от которых он раньше зависел политически и для которых служил поставщиком хлеба, а также рыбы, кожи, пушнины и рабов и своего рода агентом по закупкам этих товаров в соседних государствах и у варваров. Одновременно Боспор торговал с Родосом, Делосом и другими островными полисами. В свою очередь в Боспор из Эллады ввозились оружие, керамические и ювелирные изделия.

В III столетии, после царствования Перисада II (284–252 гг.), для Пантикапеи наступают трудные времена. Скудные эпиграфические источники доносят до нас имена правителей, не принадлежавших к династии Спартокидов — архонта Гигиенота и царя Агиса. В государстве началась междоусобица. Как писал М. М. Ростовцев, «еще более смутно предание о последних годах самостоятельного существования Боспора, о первых трех четвертях II в. до Р.Х. Появляется ряд династов, которых мы знаем только по монетам и надписям, все они носят фракийское имя Перисад. Весьма вероятно, что это последние отпрыски Спартока. Их монеты, как и монеты Гигиенота, являются рабской

копией, и притом довольно плохой, с золотых статеров Лисимаха, полководца Александра, основателя недолговечного фракийского царства... Общий облик этих правителей — облик второстепенных эллинистических монархов, второстепенные цари вроде царей Вифинии, Понта или Армении, но рангом пониже. При их дворе и в их политике, как и во всем мире эллинизма того времени, крупную роль играют местные подданные этих царей — скифы и меоты, по мере эллинизации все более насыщающие собой когда-то чисто греческое гражданство городов Боспора» (Ростовцев, *цит. изд.*, с. 74–75).

В это время и Боспор и другие государства северного Причерноморья оказались перед лицом опасности, угрожавшей самому их существованию, которая исходила из радикальных перемен, происходивших в их варварской периферии. Из-за Волги на запад перекочевали иранские племена, общим наименованием которых было сарматы; некоторые из древних авторов неосновательно отождествляют их с обитавшими ранее в этих краях савроматами. Предгорья Кавказа и берега Кубани освоило сарматское племя сираков, к северу от них, в низовьях Дона, кочевали аорсы, степные просторы северного Приазовья и далее на запад до Днепровского лимана стали пастбищами для стад, принадлежавших роксоланам, а в междуречье Днепра и Дуная, вблизи Ольвии, пришли языги.

О политическом устройстве сарматских племен сохранившиеся документы не дают вполне отчетливых представлений; и все же известно, что их цари были скорее племенными вождями, чем настоящими автократорами. Существовала знать, родовая или выделившаяся в результате военных подвигов и успешных грабежей покоренного местного населения, в особенности земледельческого. У знатных сарматов были своего рода крепостные крестьяне из автохтонов, в том числе и скифов, а также рабы. Особенно разбогатело племя аорсов, кочевавшее вблизи древнего торгового пути, который вел из Индии и Месопотамии через Армению в Европу. Древние авторы пишут, что у аорсов одежда была украшена золотым шитьем, а оружие золотой чеканкой.

По словам М. И. Ростовцева, в религиозном отношении «возможно, сарматы, как нам сообщает один достоверный и ранний свидетель, были огнепоклонники» (Ростовцев, *цит. изд.*, с. 94). И образ жизни, и нравы, и вооружение сарматов были подобны скифским, какими те оставались до их соприкосновения

с эллинским миром. Как и скифы, они были кочевниками и воинами, употреблявшими кибитки и сражавшимися верхом на конях. Главным оружием сарматов служили длинные и тяжелые копья, подобные казачьим пикам, но в их вооружение входили также мечи и луки. Сарматские воины были защищены чешуйчатыми железными или костяными кольчугами, чешуйчатые панцири покрывали и их боевых коней. Реже использовались кожаные шлемы и плетеные щиты, а также неизвестная скифам кольчатая броня. Подобно скифам, сарматы отпускали длинные волосы, не брили бород, надевали на себя кафтаны и штаны.

Ранее обитавшие в Причерноморских степях скифы, родственные сарматам, но уже подвергшиеся поверхностной эллинизации, были либо истреблены, либо ассимилированы новыми пришельцами из Азии; сопротивлявшихся до конца сарматы отеснили в Добруджу и в глубину степного и предгорного Крыма. Там, в Добрудже и в Крыму, сложилось два скифских царства. Присутствие в их культуре греческого элемента позволяет и эти государства считать частью эллинистического мира. Столицей Крымской Скифии был город с греческим названием Неаполь, археологические раскопки которого находятся на невысоком плато, на окраине современного Симферополя. Скифы поставили в зависимое от себя положение Керкенитиду (Евпаторию) на западном берегу Тавриды, отнятую ими у Херсонеса, и даже относительно далекую Ольвию. Самым известным из скифских царей Неаполя был Скилур.

Особенный интерес для скифов представлял процветавший в эллинистическую эпоху Херсонес с его прекрасной гаванью, через свой порт эта колония Гераклеи Понтийской осуществляла интенсивные и выгодные для нее морские торговые операции. Скифы часто нападали на полис, пытаясь прибрать его к рукам. Поэтому он вынужден был обзавестись мощной крепостью с высокими башнями, построенной в соответствии с новейшей теорией фортификации. И все же надеяться только на крепость было нельзя. Без защищенного и надежного выхода во внешний мир в ней можно было задохнуться экономически. Херсонес искал помощи у своей метрополии Гераклеи, но она к тому времени уже утратила самостоятельность, подчинившись понтийским царям, а также у Боспора, который ослаб из-за надвинувшейся на него сарматской опасности, вынуждавшей тратить огромные усилия на оборону границ, а также и по той

причине, что в результате завоевания Египта Александром Македонским берега Нила стали главной житницей Эллады, из-за чего бывшее значение Боспора в хлебной торговле, составлявшей львиную долю его доходов, упало и масштабы экспортных операций резко сократились.

В этой трудной ситуации Херсонес в 179 г до Р.Х. заключил союзный договор с понтийским царем Фарнаком I. Союз заключен был и с Боспором. И все-таки военная помощь, которая оказывалась этими государствами Херсонесу в виде присланных ими для обороны города небольших отрядов, оказалась недостаточной, когда агрессивное давление со стороны скифов усилилось. Поэтому в конце II века, во время очередной осады города, народное собрание Херсонеса решило поступиться суверенитетом полиса ради его сохранения. Сылаясь на заключенный ранее договор с Фарнаком, Херсонес обратился к понтийскому царю Митридату Евпатору с просьбой прислать свою армию и взять город под свой протекторат. Митридат, стремившийся к расширению сферы влияния и превращению своего государства в великую державу, способную противостоять Риму, откликнулся на эту просьбу. На помощь осажденным был направлен корпус под командованием Диофанта, который после трех лет войны отбросил скифское полчище, действовавшее под командованием сына Скилура Палака, от стен Херсонеса и возвратил под его контроль ранее принадлежавшие ему территории, включая и город Керкентиду, после чего в Херсонесе, включенном в Понтийское царство с сохранением самоуправления, был оставлен понтийский гарнизон.

Аналогичные события происходили и в Боспоре, внутри которого находилось многочисленное скифское и сарматское население. Воспользовавшись ослаблением государства, местные скифы и сарматы в 107 г. до Р.Х. подняли восстание, во главе которого встал Савмак — скиф, воспитанный при дворе боспорского царя Перисада V. Отчаявшись самостоятельно справиться с восставшими, Перисад просит помощи у Митридата Великого, пообещав в благодарность за это признать верховную власть понтийского царя. Митридат приказал Диафанту, отбросившему скифов от стен Херсонеса, ввести свой отряд в Боспор. До прихода Диофанта восставшие, к которым присоединились и освобожденные ими рабы, захватили дворец и убили Перисада. На короткое время Савмак стал правителем царства, но Диофант

справился со своей задачей, и нестройные полчища восставших были им разгромлены, Савмак пленен и казнен, а Боспор включен в государство Митридата.

По просьбе ольвиополитов Митридат направил свои войска и для защиты их города от угрозы со стороны сарматов. Ольвия получила защиту и также, подобно Херсонесу, была включена в состав Понтийской державы с сохранением автономии в виде городского самоуправления.

Таким образом, вся территория эллинизированного Причерноморья оказалась под властью Митридата Великого, но сложившаяся там в результате происшедших событий ситуация обернулась для греков глубоким разочарованием. «Митридат, нуждавшийся в людях для своего войска, все теснее сходил с когда-то подчиненными Боспору меотами, с его врагами — скифами и сарматами, вступая с их династиями в брачные союзы (и лично, и через своих многочисленных сыновей и дочерей) и политические договоры. Эллинству как раз тогда, когда оно надеялось, при посредстве Митридата, укрепить свое первенство перед иранством, грозила опасность быть окончательно поглощенным иранством, которое успело уже к тому времени значительно изменить раньше греческий облик населения греческих городов Причерноморья. С другой стороны, иранство встретило, очевидно, Митридата как объединителя и вождя, несмотря на удары, нанесенные им первоначально скифам, и окружило его долго сохранявшимся ореолом национального вождя» (Ростовцев, *цит. изд.*, с. 78–79).

В развернувшейся затем борьбе Митридата с Римом греческий элемент Причерноморья не стал надежной опорой царя. Когда, окончательно вытесненный Помпеем из Малой Азии, Митридат Великий перебрался со своей армией в Пантикапею, замышляя поход на Рим через южнорусские степи, он уже встретил там в лице местных греков врагов. Предавший отца Фарнак II, к которому после самоубийства Митридата в 63 г. перешел престол, признал зависимость Понтийско-Крымского царства от Рима, поддержанный в этом своими греческими подданными. Когда же и этот «друг и союзник римского народа» — таким званием он был награжден Римом за предательство и выдачу римлянам тела заколовшегося в Пантикапее отца, — воспользовавшись гражданской войной в Риме и его неудачами в Египте, попытался править как суверенный царь, таврические

греки оказались не на его стороне, предпочитая полуварварскому царю римскую власть, и Фарнак проиграл: он погиб в сражении с неприятелем в 44 г. до Р.Х., после чего Крым и Причерноморье вошли в состав Римской империи.

6. Македония и Греция в эпоху эллинизма

Прямым наследником империи Александра стало собственно Македонское царство, территория которого приблизительно заключалась в тех пределах, из которых выступил завоеватель Азии и Египта. Власть македонских царей, как и тогда, распространялась на примыкавшие земли фракийских и иллирийских народов и, с известными ограничениями, также на Элладу, одни полисы которой добровольно, другие невольно признавали македонский протекторат, в то время как еще некоторые не без успеха отстаивали свою независимость. Грандиозная победа, одержанная македонцами в мировой войне, обернулась для них хозяйственным упадком и демографическим провалом — страна была обескровлена не столько прямыми военными потерями, сколько оттоком из нее самого энергичного элемента, составившего господствующий слой на обширных территориях эллинистических монархий Востока и фактически утративших связь с исторической родиной.

Македонию выделяла из эллинистических монархий то обстоятельство, что она существовала на территории, где, в отличие от Египта или империи Селевкидов, не существовало ранее политической традиции абсолютизации и сакрализации царской власти. Поэтому македонские цари существенно отличались своим статусом от автократоров Египта и Востока. В Македонии не было монополии на земельную собственность — земля принадлежала крестьянам и крестьянским общинам, ветеранам, а также городам и крупным землевладельцам из знати. В царской собственности земля находилась в основном за пределами коренной Македонии, на завоеванных территориях Халкидики, Фракии, Пеонии. В результате гибели и выселения за пределы Македонии многих гетайров властные позиции родовой аристократии упали в сравнении с эпохой до восточного похода Александра. И все-таки и знать и армия сохранили участие во власти. Поставление царя требовало в соответствии с традицией волеизъявления вооруженного народа — армии. Принципиально гетайры сохранили за собой высшую судебную власть,

вплоть до права суда над монархом по обвинению его в государственной измене. Подобные установления были совершенно немыслимы в монархиях Селевкидов или Птолемеев. Кроме того, в Македонии не существовало многочисленного иерархически устроенного бюрократического аппарата, как в эллинистических государствах Востока и в Египте.

По преимуществу носителем власти в Македонии была армия, и царь был прежде всего ее верховным вождем. Войска состояли из трех элементов: гвардии царских телохранителей — агемы, народного ополчения, составлявшего основу фаланги, и наемников, среди которых преобладали греки, фракийцы, иллирийцы и кельты. Наемники размещались по гарнизонам в пограничных крепостях, а также в подконтрольных греческих полисах. Кроме того, Македония располагала высокоманевренным флотом, на вооружении которого были легкие галеры — лембы, подобные тем, какими пользовались морские разбойники иллирийцы.

Западным соседом Македонии был Эпир, который, как и Македония, явился одним из очагов эллинского этноса — фессалийцы несомненно вышли из Эпира. В историческую эпоху в Эпире обитали три племени: хаонов, феспротов и молоссов, каждое из которых образовывало своего рода государство во главе с царем, чья власть была подобна власти дорийских василеев эпохи завоевания ими Эллады. К династии самых сильных в Эпире молосских царей принадлежала мать Александра Великого Олимпиада. В правление Александра Молосское государство доминировало в Эпире, но в свою очередь зависело от Македонии.

В 307 г. царем Эпира с помощью Димитрия Полиоркета стал Пирр, сын царя Эакида, изгнанный из страны после смерти своего отца 8-летним мальчиком и нашедший приют у царя иллирийского племени тавлантиев Главкия. Еще раз он лишен был престола в 302 г., но в 296 г. с помощью Птолемея II вернул себе власть над Эпиром. Во время междоусобной войны диадохов Пирр на короткое время в 287 г. овладел Македонией, но вынужден был уступить ее Лисимаху и вернулся в родной Эпир. Затем этот талантливый и авантюрный полководец вовлек Эпир в военные действия с Римом на стороне греческих полисов Великой Греции, одно время был полновластным правителем Сицилии, но в конце концов потерпел поражение в Италии. Комментируя исход неудачной войны Пирра с Римом в Италии, Дройзен писал

с пафосом зрителя свершающихся над народами судов Божиих: «Ни величайший полководец, ни самое испытанное войско не в состоянии были одержать прочную победу над демонской силой римского духа, немощно опустилась рука, дерзнувшая нанести ему удар, столкновение с ним причинило как бы истощение и страх смерти, от его Медузина взора пошатнулся и стал распадаться эллинский мир, и как бы пораженный ужасом, он умер в немощных судорогах» (Дройзен, цит. изд., т. 2, с. 377).

После поражения в Италии Пирр вернулся на родину, воевал с Македонией при Антигоне Гонате, осаждал Спарту и был убит во время военных действий на Пелопоннесе в 272 г. О его смерти сохранилось такое предание. В сражении с македонцами и гражданами Аргоса на городской площади около храма Деметры Пирр снял с себя царский венец и уже не отличался видом от других воинов. Раненный копьем, он устремился на юношу, который напал на него, и тогда мать юного воина, наблюдавшая за схваткой с кровли, чтобы спасти сына, бросила на голову Пирра кирпич и поразила его им. Лишившись чувств, царь упал с коня, и по его телу пошли копыта боевых коней; почти бездыханного, его опознал македонец Зопир, который пытался мечом отрубить ему голову, но грозный взгляд царя смутил его, рука его дрогнула, и меч скользнул мимо рта и подбородка, и только особым усилием воли он сумел преодолеть страх и перерезать горло полководцу, армия которого наводила трепет на римлян и карфагенян.

Между тем в 280 г. до Р. Х. в Македонию вторглось кельтское племя галатов, продвинувшееся туда со среднего Подунавья. В течение трех лет они овладели страной, разгромив армию погибшего в сражении с ними Птолемея Керавна, который незадолго до гибели провозгласил себя царем Македонии. Кельтское нашествие обрушилось затем на северную Элладу. Но в битве возле Дельф объединенные силы беотийцев, фокидян и этолийцев нанесли поражение галатам, во главе которых стоял племенной вождь Бренн. Уцелевшие после поражения кельты разделились на два полчища: одно из них вторглось в Малую Азию и закрепилось там, а другое отступило на север — в Македонию. В 277 г. отряд сына Димитрия Полиоркета Антигон Гонат разбил кельтов и в результате стал правителем Македонии, провозгласив себя в следующем году царем и став основателем династии, которая затем в течение столетия правила в стране.

Антигон Гонат усилил свою армию, включив в нее, помимо македонцев, значительное число наемников из греков, иллирийцев и фракийцев. Наряду с прежней столицей Македонии Пеллой в царствование Антигона выросло значение нового основанного в 315 г. до Р.Х. города Фессалоники, ставшего крупнейшим портом в северной части Эгейского моря. Большие доходы государству стала приносить морская торговля. Другими источниками поступления средств в казну являлись добыча серебра, железа и других металлов в горных рудниках, приобретшая более масштабный характер после наступления относительно мирного времени, а также вырубка строительного и корабельного леса, которыми особенно богаты были Родопские горы и, наконец, работорговля.

Своей главной внешнеполитической задачей Антигон считал укрепление македонского доминирования в Элладе, которая рассматривалась по меньшей мере как сфера влияния или даже прямого протектората Македонии. Центральным опорным пунктом македонской гегемонии был занимавший ключевое стратегическое положение Коринф, в котором размещался македонский гарнизон. Такие же гарнизоны стояли и в других греческих городах, в том числе в Халкидике и в афинском порту Пирее. В ряде полисов: Элиде, Аргосе и Мегалополе — с помощью Антигона утвердились македонофильские тиранические режимы. Антигон подчинил себе Мегары и Эвбею.

Но большинство греческих полисов противилось македонской экспансии. Надежду на успех они приобрели, когда в балканскую политику вмешался египетский царь Птолемей II. Он сколотил антимакедонский союз, главными участниками которого стали Афины, Спарта и еще ряд полисов Пелопоннеса. В 257 г. коалиция врагов Македонии начала военные действия против нее. Прямым инициатором войны стал афинянин Хремонид, именем которого и была названа эта война, продолжавшаяся в течение 6 лет. Война закончилась поражением Египта и его союзников: египетский флот был разгромлен в битве у острова Коса. Отряд спартанцев во главе с царем Ареем тщетно пытался прорваться через Истмийский перешеек для соединения с армией Афин. Македонский гарнизон в Коринфе, действуя вместе с войском самого этого полиса, выдержал натиск лакедемонян, царь которых погиб у стен Акрокоринфа. Разгромив своих противников, Македония усилила свою гегемонию

в Элладе. Особенно тяжело пострадали Афины, куда в результате победы в войне, названной по имени ее зачинщика Хремонидовой, Македония ввела свой гарнизон, помимо того, который уже ранее был расквартирован в Пирее.

Но греческие патриоты не пали духом после очередного поражения в противостоянии мощному северному соседу. После Хремонидовой войны в Элладе центрами сопротивления македонской экспансии становятся два ранее сложившихся союза — Ахейский и Этолийский, которые однако, подрывая общегреческий потенциал, соперничали между собой.

В Этолийский союз, помимо полусельских общин самой Этолии, входили Беотия и часть Фессалии, под его контролем находилось святилище в Дельфах, которое этолийцы смогли отстоять во время кельтского нашествия. Одним из средств расширения союза было занятие многих этолийцев пиратством, пользовавшимся официальным покровительством властей полиса, так что это было узаконенное пиратство, и вот этолийцы привлекали в число своих союзников города, страдавшие от этого разбоя, тем, что даровали им в обмен за вхождение в союз асимию — гарантию от пиратства. И такие условия для многих полисов представлялись привлекательными. Высшая власть в Этолийском союзе принадлежала экклисии — народному собранию, в котором могли участвовать все граждане Этолии. Собрание созывалось не реже двух раз в году, оно решало вопросы о войне и мире, а также принимало общесоюзные законы. Кроме того, существовал совет, или буле, в который входило первоначально 550, а потом 1000 представителей союзных полисов — квота представительства была пропорциональна числу граждан каждого из этих полисов. Постоянно действующим органом буле являлась комиссия апоклетов, избиравшаяся полным составом буле. Комиссия осуществляла внешнюю политику и общее руководство союзными войсками. Исполнительная власть в союзе принадлежала стратегу, на которого возлагалось верховное командование вооруженными силами, а также менее важным магистратам: гиппарху (начальнику конницы), двум секретарям и 7 казначеям. Все эти должностные лица избирались ежегодно народным собранием.

Политические и в особенности военные обычаи этолийцев отличались особой архаикой, так что в эпоху эллинизма этолийское общество сохраняло некоторые черты, свойственные

эллинам героического века. Как писал русский историк Ф. Мищенко, их сближало с «гомеровскими ахеянами... искусство... сражаться врассыпную, один на один, а не в строю, равно как и тот обычай, в силу которого отдельные, наиболее предприимчивые личности независимо от общесоюзного постановления отправлялись во главе с верной дружиной за добычей и потом как бы в награду за смелость и удачу выбирались в союзные стратеги. Вожди этолян наподобие гомеровских басилеев получали большую часть добычи» (цит. по: Полибий, цит. изд., т. 2, с. 521).

В Ахейский союз, ядром которого была в ту пору экономически и культурно отсталая аграрная Ахея, в древние времена являвшаяся центром микенской цивилизации, сложившийся в классическую эпоху, затем распущенный и восстановленный в 280 г., со временем вошел весь Пелопоннес, кроме Спарты, и некоторые полисы Истмийского перешейка. Высшим органом власти в нем был синод, который, подобно Этолийскому народному собранию, объявлял войну и заключал мир, избирал магистратов. Со временем перестала регулярно созываться экклесия, а ее чрезвычайные собрания получили название синклита. Избрание магистратов перешло к буле, включавшему в себя несколько сот представителей союзных полисов, число которых, как и в Этолийском буле, было пропорционально числу граждан полиса. Высшими должностными лицами союза являлись стратег, который был главой союзной администрации и верховным главнокомандующим, а также гиппарх, наварх (командующий военно-морскими силами), секретарь и 10 демиургов, руководивших внешней политикой. Ахейский союз обладал мощными вооруженными силами и мог выставить до 40 тысяч воинов, но он представлял собой более рыхлое образование, чем соперничавший с ним Этолийский союз. Столицей союза был небольшой город Эгион.

В течение трех десятилетий, с 245 по 213 г., Ахейский союз в должности стратега возглавлял Арат. В 251 г. союзные войска под командованием Арата заняли родной город полководца Сикион, выбив из него македонский гарнизон. В 243 г. македонские гарнизоны были изгнаны из Мегар и Коринфа. После этого к союзу присоединились также Трезена и Эпидавр. Рост могущества Ахейского союза вызвал тревогу у соперничавшего с ним Этолийского союза, который вступил в союзнические отношения с Македонией. Этому блоку противостояла

коалиция Ахейского союза, Спарты и Птолемеевского Египта. Между противостоящими блоками начались военные действия, которые однако не привели к существенным изменениям политической карты Балкан.

В 239 г. умер основатель македонской династии Антигон Гонат. Престол перешел к его сыну Димитрию II, десятилетнее правление которого стало для Македонии временем поражений и территориальных утрат. Прежде враждовавшие между собой Этлийский и Ахейский союзы объединились для совместных военных действий против Македонии. Одновременно с севера напало илирийское племя дарданов, в сражении с ними царь погиб. Воспользовавшись тяжелым положением Македонии, от нее отделилась Фессалия, ранее состоявшая с нею в своего рода личной унии.

Новым царем в 229 г. был провозглашен малолетний сын Димитрия Филипп, а регентом при нем назначен племянник павшего царя Антигон Досон, который в том же году усвоил себе царский титул, объявив своего двоюродного брата Филиппа наследником престола. Антигон III Досон сумел отразить натиск дарданов и обезопасить северную границу, ему также удалось вернуть часть Фессалии, но в Центральной Греции и на Пелопоннесе позиция Македонии продолжала ухудшаться. Этолийский союз вытеснил македонские гарнизоны из всех полисов Центральной Греции, кроме Аттики, то же самое сделано было Ахейским союзом на Пелопоннесе. Более того, ахейцы заставили Македонию убрать свои гарнизоны из Афин и принадлежавших Афинам Пирея, Суниона, Мунихии. Афины вернули себе также и остров Саламин. Но в разгар поражений и неудач положение Македонии вдруг резко переменилось. Это стало результатом затянувшегося конфликта на Пелопоннесе — противостояния Спарты и государств Ахейского союза.

Предыстория произошедшего восходит к более раннему периоду, когда архагетом Спарты был Агис IV, взойшедший на престол в 245 г. до Р. Х. Это был юный, идеалистически настроенный правитель, приверженец учений стоиков и киников, которым он подражал даже своим внешним видом, так что носил короткий плащ и отпускал длинные волосы. Агис мечтал о восстановлении в Спарте древних порядков, основанных на ретре Ликурга. Настоящее положение полиса он считал жалким и бедственным. В государстве оставалось лишь 700 полноправных граждан,

а остальные утратили свой статус из-за обнищания. Все богатства сосредоточены были в руках нескольких разбогатевших семей, сколотивших состояние главным образом на ростовщичестве. Богатые землевладельцы использовали свои владения под приносявшие хороший доход пастбища для скота, тем самым сокращая земледельческий ресурс Лаконики, который служил источником существования ее граждан, и приводя страну к обезлюдению. Герусия и эфорат превратились в орудие олигархии, забывшей о былом величии полиса и помышлявшей главным образом о личном обогащении и об удержании уже накопленных богатств. Для оздоровления государства Агис наметил программу реформ, которая включала кассацию долгов, возвращение земли в собственность полиса и распределение ее мелкими клерами между гражданами, а также перизками. Эта мера призвана была значительно повысить мобилизационный потенциал Лаконики — до 4 с половиной тысяч спартанцев и 15 тысяч перизков, которые в результате реформы были бы включены в состав военнообязанных, благодаря чему Спарта могла избавиться от ненадежного наемничества и вернуть себе былую военную мощь и влияние.

Олигархическую оппозицию Агису возглавил второй архaget Леонид. Агис однако привлек на свою сторону не только бедных граждан и перизков, но и часть аристократии, разделявшей идеалистический и реформаторский пафос царя. Юного архagета в его начинаниях поддерживал его дядя Агесилай, а также пользовавшийся большим влиянием в полисе потомок героя Пелопоннеской войны Лисандра, который носил такое же имя. После долгой борьбы Леонида заставили сложить с себя царские полномочия и отправиться в изгнание. На его место вторым архagetом был поставлен поддерживавший реформы Клеомброт. По инициативе Агиса в 243 г. Лисандр был избран в коллегия эфоров, и он немедленно воспользовался своей должностью для того, чтобы провести реформы, начатые архagetом, который внес соответствующие проекты в совет старейшин — герусию. Но герусия отклонила эти законопроекты. Лисандр однако не был обескуражен первым поражением и перенес проекты в апеллу — народное собрание. В апелле пылким пропагандистом реформ выступил сам Агис, давший олигархам пример бескорыстия: он передал в казну свои земельные владения, которые оценивались в колоссальную

сумму 600 талантов. В ответ олигархи обвинили его в стремлении к тирании.

Через год прекратились полномочия Лисандра как эфора. В новый эфорат были избраны противники реформ. Тогда Агис пошел на крайние меры. Опираясь на своих сторонников и пользуясь поддержкой народа, он упразднил эфорат, являвшийся орудием олигархической партии, велел выпустить должников из долговых тюрем и срочно провел кассацию долгов. Но его предложение о земельном переделе не вызвало поддержки со стороны его более осторожного дяди Агесилая, который говорил, что к этой мере нельзя подходить немедленно, что ее нужно отложить, чтобы не вызвать жесткого противостояния со стороны землевладельцев. Но народ, составлявший главную опору Агиса, требовал черного передела. По словам Плутарха, Агесилай действовал исходя из корыстных побуждений: «У Агесилая была масса в высшей степени плодородных земель, но он был обременен долгами. Он не мог уплатить своих долгов и в то же время не желал потерять свою землю, поэтому убедил Агида, что если царь приведет одновременно в исполнение обе свои меры, в государстве могут произойти сильные волнения, но, если помещикам польстить сперва обещанием уничтожить их долги, они впоследствии легче согласятся на дележ земли. Так думал и Лисандр, в свою очередь обманутый Агесилаем» (Плутарх, *цит. изд.*, 933).

Начавшаяся война заставила Агиса с отрядом ополченцев удалиться из города на театр военных действий. Власть в полисе оказалась в руках Агесилая, который опирался на отряд наемников. Своей властью он воспользовался для ужесточения налогового бремени, которое отвратило от него и от его племянника бедноту, обманутую в своих надеждах на земельный передел. Агитация противников Агиса, обвинявших его в тирании, теперь уже не вызвала отторжения в народе. Враги его решили не медлить. «Они составили заговор, открыто привели Леонида из Тегеи в Спарту и вернули ему престол. Народ смотрел на это с удовольствием. — Он негодовал, что его обманули относительно раздела земли» (Плутарх, *цит. изд.*, с. 934). По возвращении в Спарту в 241 г. Агис был обвинен в стремлении к тирании и приговорен к смертной казни. Он сам, его мать Агесистрата, которая энергично поддерживала реформаторские начинания

сына, а также его бабка были задушены. В изгнание ушли брат Агиса Архидам, его дядя Агесилай и второй архагет Клеомброт.

Но через несколько лет дело Агиса продолжил новый царь Клеомен III, сын противника реформ Леонида, женатый на вдове Агиса. Он правил в Спарте с 235 по 221 г. Как и Агис, Клеомен был идейным политиком, убежденным сторонником реформ, необходимых для оздоровления полиса, но, наученный горьким опытом первого реформатора, исполненного высоких нравственных правил, Клеомен действовал с прагматическим и беззастенчивым цинизмом, не останавливаясь перед любыми средствами, какие находил полезными для дела, — иными словами, был настоящим политиком. Талантливый полководец, Клеомен стяжал популярность блестящими победами в войне с Ахейским союзом, начавшейся в 228 г. И вот после очередной победы над противником он внезапно появляется в родном городе с отрядом наемников. Наемники врываются в сисситии, где тогда находились эфоры, и убивают 4-х эфоров из 5. Затем царь велел изгнать из Спарты 80 самых влиятельных олигархов и объявил об упразднении эфората и герусии. В апелле, которая была им созвана, Клеомен необходимость упразднения эфората объяснил так: эфоры «благодаря своей самовольно присвоенной власти сделали царскую власть до того бессильной, что изгоняют одних царей или убивают без суда других.., грозят тем, кто желает видеть восстановленным прекрасное во всех отношениях, идеальное правление в Спарте, они становятся невыносимыми» (Плутарх, цит. изд., 942).

Повторяя опыт Агиса, Клеомен провел кассацию долгов, но, в отличие от своего предшественника, он не стал откладывать осуществление другой и главной реформы — передела земельных владений. Причем на новые клеры, образованные в ходе проведенной им реформы, были посажены не только малоимущие граждане, но и несколько тысяч периэков, получивших в результате этой меры гражданские права и таким образом значительно увеличивших численность спартанского ополчения. Пытаясь возродить древние нравы Спарты, Клеомен возобновил спартанскую систему воспитания молодежи гимнастикой, военными упражнениями и суровым бытом, пример которого подавал сам царь, избегавший всякой роскоши и изнеженности, столь обыкновенной в жизни не только царей, но и знати эллинистического мира.

Вооруженные силы Спарты значительно выросли, и ими под командованием Клеомена одержаны были новые победы в войне с Ахейским союзом. Более того, успешно проведенные реформы сделали имя спартанского царя исключительно популярным во всем Пелопоннесе, и на его сторону часто переходили жители полисов, находившихся в состоянии войны со Спартой. Малоимущие граждане Аргоса, Аркадии, Коринфа требовали от своих правительств кассации долгов, земельного передела; возник план избрания Клеомена вместо Арата стратегом Ахейского союза.

В такой обстановке Арат, выражая интересы состоятельных граждан союза, начал тайные переговоры с противником — царем Македонии Антигоном Досаном. Когда об этих переговорах стало известно, авторитет Клеомена на Пелопоннесе стал еще выше, и ему легко удалось захватить ряд городов Ахейского союза, в том числе Аргос и Коринф, граждане которых перешли на его сторону. Клеомен предпринял также дипломатические шаги для укрепления позиций Спарты: он заключил союз с давним противником македонских Антигонидов птолемеевским Египтом, который ранее поддерживал Ахейский союз в его противостоянии с Македонией; но помощь Лакедемону со стороны Птолемея Эвергета оказалась недостаточной. Между тем, переговоры Арата и Антигона Досона успешно завершились, и на Пелопоннес была введена 40-тысячная армия Македонии, которая один за другим овладела городами, ранее перешедшими на сторону Спарты. Пали Орхомен, Мантиней, Аргос и Коринф. Угроза порабощения нависла над самой Спартой. В этих условиях Клеомен прибег к крайнему средству, и в ополчение призваны были илоты, которые должны были предварительно купить свободу и гражданские права за установленную плату в 5 аттических мин. По разным версиям, 6 или 9 тысяч илотов влились в ряды ополченцев, но и эта мера не спасла Спарту. Генеральное сражение состоялось в ущелье Селласии, на подступах к Лакедемону, в 221 г., и в этом сражении войска Клеомена были наголову разбиты, а сам он бежал к своему союзнику Птолемею Эвергету и через несколько лет покончил с собой в Египте, обвиненный в заговоре против царя.

После вступления в Спарту войск Антигона в ней были отменены все реформы, проведенные Клеоменом, и восстановлено прежнее государственное устройство с ключевым положением олигархических учреждений: эфората и герусии. В Спарте

разместился македонский гарнизон, и этот полис вместе с государствами Ахейского союза был включен в новый Эллинский союз, гегемоном которого стал Антигон Досон, но в том же 221 г. Досон умер и македонский престол вместе с гегемонией перешел к Филиппу V, который провозглашен был царем ранее своего предшественника — по праву наследства, еще ребенком, но был отстранен от престола регентом Досоном, объявившим его тогда своим наследником. В течение трех лет, с 220 по 217, Эллинский союз во главе с Филиппом воевал против Этолийского союза, война закончилась подписанием мирного договора, которым восстанавливалось положение, существовавшее до начала военных действий. Этот мир нужен был Филиппу для того, чтобы выйти на арену большой мировой политики, эпицентр которой тогда перемещался на запад.

Вступив в союз с Карфагеном, Филипп V в 215 г. атаковал римские гарнизоны, расквартированные в Иллирии. Рим, не имея возможности направить значительные силы на Балканы, вовлек в войну против Македонии Этолийский союз и еще несколько полисов Эллады, а также малоазийское Пергамское царство. Союзником Рима стала также Спарта, где в 206 г. к власти пришел еще один продолжатель реформаторских идей Агиса и Клеомена тиран Набис, который действовал с беззастенчивым коварством и жестокостью не только против своих противников, но и против граждан Спарты. Полибий рассказывает об изобретенном им оригинальном способе выколачивания денег: «Он... велел изготовить следующую машину... Это была роскошно одетая фигура женщины, лицом замечательно похожая на супругу Набиса. Вызывая к себе того или другого гражданина с целью выжать у него деньги, Набис долгое время мирно уговаривал его... Если же кто начинал уверять, что денег у него нет, и отклонял требование тирана, Набис говорил...: “Кажется, я не умею убедить тебя, полагаю, однако, что моя Апега тебя убедит”. Так называлась супруга Набиса.... Взяв супругу за руку, Набис поднимал ее с кресла, жена заключала непокорного в свои объятия... Плечи и руки этой женщины, равно как и груди, были усеяны железными гвоздями, которые прикрывались платьем... Истязуемый испускал крики страдания» (Полибий, цит. изд., т. 2, с. 74–75). По характеристике А. Тойнби, Набис был одним из тех политических авантюристов, которые, наученные опытом поражений своих предшественников реформаторов, отождествляют

политический реализм с тоталитаризмом (Тойнби, цит. изд., см. с. 455). До решительного вмешательства римлян Набис имел успех, подавив сопротивление своих олигархических противников в Лакедемонии и подчинив своей тирании Мессению и Аргос.

В 205 г. балканская война завершилась победой Рима и его союзников. Македония лишилась выхода на Иллирийское побережье Адриатики. Пытаясь перекрыть потери на западе экспансией в восточном направлении, Филипп заключил союз с империей Селевкидов: союзники договорились о разделе между собой владений Птолемея на островах Эгейского моря и в Азии, после чего Антиох III занял всю Келесирию, а Филипп греческие города на побережье проливов и Карию.

Войну Македонии объявили Пергам, Родос, Афины и Византий, нанеся поражение союзнику Филиппа Антиоху в морском сражении у острова Хиос. Встревоженный укреплением антимакедонских сил, Антиох III разорвал союзнические отношения с нею, тем более что Рим признал принадлежность Келесирии его царству. В 200 г. римское войско высадилось в Греции и открыло военные действия против Македонии. Пергам, Родос и Византий блокировали Македонию с моря, а с севера на нее напали фракийцы. Македония стойко сопротивлялась, но к числу ее врагов присоединились Этолийский и Ахейский союзы, беотийские полисы и Спарта. В 197 г. при Киноскефалах римские войска разгромили армию Филиппа. Македония вынуждена была принять условия мирного договора, навязанные Римом: отказ от территорий, приобретенных в результате многовековой экспансии, утрату военного флота, кроме 6 судов, выплату контрибуции Риму размером в тысячу талантов, сокращение армии до 5 тысяч человек, Филипп лишен был права вести войну без санкции Рима.

На Истмийский играх 196 г. римский сенат объявил о даровании Элладе свободы, но это была номинальная, мнимая свобода. Рим усвоил себе право решать внутригреческие споры в роли арбитра. В нескольких полисах — Коринфе, Халкиде, Деметриаде — были расквартированы римские гарнизоны. Римское присутствие встречало поддержку в олигархических кругах Эллады, в то время как полисы с демократическим или тираническим правлением склонялись к сопротивлению оккупации. Поддерживая олигархические партии, Рим объявил войну спартанскому тирану Набису, социально ориентированные

реформы которого встречали сочувствие среди малоимущих граждан Аргоса и Микен, угрожавшее политическими переворотами и утратой власти олигархией. В 195 г. Спарта потерпела окончательное поражение, и Набис был изгнан; впоследствии, в 192 г., он был убит. В Спарте восстановлено было олигархическое правление, и она должна была заплатить разорительную контрибуцию в 500 талантов.

В 195 г. до Р.Х. Греция стала ареной борьбы между Римом и царством Антиоха III. Войска Антиоха вторглись во Фракию и начали военные действия. Его надежда на то, что этот поход станет сигналом для начала освободительной борьбы эллинов против Рима, не оправдалась. Правда, Этолийский союз поддерживал Антиоха, зато Ахейский взял сторону Рима, и, что было особенно обескураживающим для него, заодно с Римом действовал его недавний противник Филипп Македонский. В 192 г. армия Антиоха вместе с его союзниками этолийцами у Фермопил дала сражение римским легионам, которыми командовал Марк Атилий Глабрион. Рим и его союзники победили Антиоха, и он вынужден был оставить Европу. Этолийские полисы по требованию римского сената присоединились к Ахейскому союзу. Война была перенесена в Азию, и там в 190 г. в сражении при Магнезии войска Антиоха потерпели окончательное поражение.

Для упрочения своего доминирования в Элладе Риму оставалось только завершить разгром Македонии. После смерти Филипп V в 179 г. началось соперничество в борьбе за престол между двумя сыновьями Филиппа: Димитрием, которого поддерживал Рим, и Персеем. Македонская знать стала на сторону Персея. Димитрия казнили, а царем стал Персей, который по восшествии на престол создал антиримскую коалицию и вовлек в нее эпиротов, иллирийцев и несколько полисов из Ахейского союза. В 171 г. Рим и Пергам объявили Македонии войну. После ряда мелких неудач в битве при Пидне римские легионы разбили войска Македонии и ее союзников. Персей бежал, потом был схвачен и отправлен в Италию, где умер два года спустя.

Затем война была перенесена в Эпир, который подвергся страшному опустошению: разрушено было до 70 процветающих городов, 150 тысяч пленников были проданы на невольничьих рынках. В Элладе сторонников Македонии выявляли и арестовывали. Более тысячи граждан ахейских городов, и среди

них знаменитый историк Полибий, отправились заложниками в Рим. Рим разделил Македонию на четыре республики, объявленные независимыми государствами, но в действительности, конечно, подчиненные Риму. Однако надежда на освобождение от римского протектората не умирала ни в Греции, ни в Македонии. Отчаянную попытку восстановить независимость Македонии предпринял в 149 г. самозванец Адриск, объявивший себя сыном Персея. В подавлении этого восстания Риму помог Ахейский союз. Адриск был схвачен и казнен, а все четыре македонские республики реорганизованы в римскую провинцию Македонию, куда также вошли Эпир, греческие полисы Аполлония и Диррахий, Керкира и другие Ионические острова.

Обнадеженный союзничеством с Римом, Ахейский союз в 148 г. начал войну со Спартой, которая к тому времени вышла из его состава. Но на этот раз Рим встал на сторону Спарты и потребовал от Ахейского союза признать ее независимость, а также позволить выйти из союза и другим полисам, которые были включены в него после второй Македонской войны — Аргосу, Гераклею, Орхомену. Ахейцы не смирились с диктатом Рима и, приведя к власти в союзе самых радикальных противников Рима, объявили ему войну. Ахейцы призвали к борьбе за независимость всех эллинских патриотов, и провели ряд крайних мер, направленных на укрепление военной мощи союза: на состоятельных граждан был наложен чрезвычайный налог, вооружили всех, кто владел оружием, — для этого было даже освобождено 12 тысяч рабов. Но все эти меры оказались тщетными, силы были неравными, и в сражении на Истме в 146 г. до Р. Х. римские легионы разбили противника. Крупнейший город союза Коринф был захвачен и разрушен, а его жители проданы в рабство.

После этого Рим распустил Ахейский союз, такая же участь постигла и другие мелкие союзы эллинских полисов; все они были подчинены наместникам Македонской провинции. Во всех полисах вводилось однообразное олигархическое правление. Такое же правление введено было и в Афинах, где главным учреждением стал, как и в архаическую эпоху, ареопаг, и в Спарте с ее герусией. Формально эти два полиса сохраняли независимость, но по сути дела это было только самоуправление под римским протекторатом.

7. Сиракузы

В эллинистическую эпоху крупнейшим государством Великой Греции оставались Сиракузы, в которых после отставки и смерти Тимолента правил олигархический совет 600, но в 316 г. до Р.Х. власть в этом полисе захватил тиран Агафокл. Он был родом из сицилийского города Терм, и самого скромного происхождения, горшечник по своему ремеслу, название которого стало его прозвищем. Переселившись в Сиракузы, Агафокл сблизился с богатым аристократом Дамасом. Во время войны Сиракуз с другим сицилийским полисом Акрагантом Дамас был поставлен командовать наемниками, а своим помощником он назначил Агафокла, который выдвинулся на войне как талантливый военачальник, мужественный, изобретательный, с большой силой воли, умевший снискать популярность среди подчиненных. После смерти своего покровителя он женился на его вдове. Этот брак принес ему большое достояние, и он потратил его на сколачивание отряда наемников. В народном собрании Агафокл агитировал за снижение налогов, вызывая растущую поддержку бедноты. Аристократическая партия во главе с Сосистратом обвинила его в стремлении к тирании, и Агафокл Горшечник ушел в изгнание вместе с наемниками. На чужбине он нанял еще более многочисленный корпус наемников: кроме греков, это были также самниты, этруски, лигуры и кельты.

Ворвавшись с этим отрядом в Сиракузы, он при стечении поддерживавшей его бедноты потребовал, чтобы на спонтанно возникшее народное собрание явились два представителя совета 600. Те вынуждены были подчиниться, и Агафокл в их присутствии обвинил совет в пренебрежении интересами государства и его граждан, а также в стремлении свергнуть демократический строй. Воодушевленные зажигательной речью демагога, бедные сиракузяне и наемники начали громить дома олигархов. Погром продолжался два дня. Тысяча сиракузян была убита в эти бурные дни. Когда возбуждение погромщиков утихло, Агафокл созвал чрезвычайное народное собрание. На нем целью состоявшегося массового избиения сограждан Агафокл объявил устранение врагов демократии, обвиненных в стремлении к установлению диктатуры. Олигархический совет 600 был распущен, а Агафокл согласился принять на себя должность стратега-автократора с неограниченными полномочиями, которую на него возложило собрание. В Сиракузах

утвердилась тирания, но установленный режим носил и демократические черты: народное собрание созывалось часто, и важнейшие вопросы на нем обсуждались — популярность тирана, прославляемого как восстановителя народной свободы, позволяла ему проводить на нем все свои предложения.

Оказавшись у власти, Агафокл Горшечник стал осуществлять политику, соответствовавшую его обещаниям: он конфисковывал земельные владения олигархов и распределял их между своими сторонниками и бедными гражданами. При этом львиный куш доставался наемникам и в особенности их начальникам. Все наемники, даже те из них, кто не принадлежал к греческой народности, получили сиракузское гражданство.

Укрепив вооруженные силы Сиракуз, имея надежную поддержку народа, Агафокл с 316 по 313 г. успешно воевал с соседними полисами: Акрагантом, Месаной и Гелой, в результате территориальные пределы государства были расширены, охватив большую часть Сицилии. Но главным историческим противником Сиракуз и всех вообще греческих полисов в Сицилии был могущественный Карфаген, имевший на западном побережье острова свои колонии. Нападение Агафокла послужило для пунийцев поводом, чтобы направить на Сицилию дополнительные вооруженные силы для войны с Сиракузами. Военные действия шли с переменным успехом: одни колонии Агафоклу удалось захватить, другие нет, в сражении у южного мыса Эконом между Акрагантом и Гелой в 311 г. войско Сиракуз потерпело поражение.

И тогда Агафокл делает крайне рискованный шаг — в 310 г. он высадил свое 14-тысячное войско на африканском побережье и атаковал карфагенские гарнизоны. Более 200 городов оказались вскоре в его руках, были захвачены крупнейшие города Утика и Гадрумет, в Асписе Агафокл основал колонию, чтобы прочнее закрепиться в Африке, и его армия двинулась на столицу враждебного государства. Карфаген охватила паника. Золотые украшения из городских храмов были переправлены в метрополию — в Тир, чтобы предотвратить их захват противником. В народе стали говорить, что боги обрушили свой гнев на их государство, потому что, жалея своих детей, пунийцы откармливали и приносили в жертву Молоху детей чужеземцев. И тогда городские власти и жрецы отобрали для жертвоприношения 200 младенцев из самых знатных семейств, и они были

брошены в раскаленные печи, затем сами родители добровольно принесли в жертву Молоху еще 300 детей.

В этот критический для Карфагена момент его агентура сумела вызвать волнения в завоеванных Агафоклом городах Сицилии — противники Сиракуз захватили власть в Акраганте. Агафокл вынужден был вернуться в Сицилию. Значительную часть своего войска он не успел эвакуировать из Африки, и она была истреблена. Волнения в сицилийских городах Агафоклу удалось подавить, при этом он действовал и вооруженными силами, и репрессиями, и политикой, направленной на то, чтобы убедить сицилийцев в преимуществах жизни в едином государстве. В 305 г. с Карфагеном был заключен мирный договор, по которому Карфаген признал власть Агафокла над всей Сицилией, кроме карфагенских владений на острове, а Агафокл, в свою очередь, признавал принадлежность Карфагену западного побережья острова. В этом же году Агафокл был провозглашен царем.

После неудачной войны с Карфагеном территориальная экспансия Сиракуз не остановилась. Ряд греческих полисов юга Апеннин обратился к Агафоклу с просьбой о помощи против теснивших их бруттиев и луканов. И такая помощь им была оказана, ценой военной поддержки было признание протектората Сиракуз. В конце своего правления Агафокл поставил под контроль Сиракуз ключевой из островных полисов Ионического моря Керкиру. Став самым могущественным правителем Великой Греции, Агафокл оказался в одном ряду с диадохами, эллинистическими царями Восточного Средиземноморья — основатель египетской династии Птолемей Лаг выдал замуж за Агафокла свою падчерицу. В 287 г. до Р.Х. Агафокл, успешно правивший в Сиракузах 28 лет, скончался.

После его смерти между наследниками вспыхнули распри, в возникшей из-за этого междоусобице государство начало распадаться. Его бедственным положением воспользовался Карфаген, расширяя свои владения на Сицилии за счет вверженных в смуту Сиракуз. Тогда в развитие событий в Великой Греции, опасное для всего эллинского мира, вмешался Пирр, который ввел свою мощную армию на остров и остановил экспансию пунийцев. Но сиракузяне не хотели, чтобы ими правил царь Эпира, и начали войну с ним.

В этой войне отличился Гиерон, который ранее сам находился в армии Пирра, когда та воевала против пунийцев. В 270 г.

в Сиракузах вспыхнул мятеж демократической партии против олигархического правления, и Гиерон, избранный наемной армией командующим, усмирил мятеж. Город оказался в его власти. Затем он распустил наемников, вызывавших страх у сиракузян, и создал войско, состоявшее из граждан. Стремясь вернуть в лоно государства утраченные им в ходе смуты территории, Гиерон вступил в войну с так называемыми мамертинми, в прошлом наемниками Агафокла италийского происхождения, выходцами из Кампании — их наименование обозначало, что они сыновья бога войны италийских народов Марса. Мамертинцы овладели Мессаной и всей северо-восточной частью Сицилии. Первоначально война складывалась для Гиерона неудачно, но в 269 г. в сражении при реке Лонгане мамертинцы были разбиты и заперты в Месане. С этих пор Сиракузы восстановили свой протекторат над значительной частью сицилийских полисов. Повторяя опыт Агафокла, Гиерон принял царский титул, при этом было объявлено о его ранее никому не известном и, возможно, вымышленном происхождении от тиранов Сиракуз V столетия до Р.Х. Гелона и Гиерона I.

Вскоре после этого Сиракузы оказались вовлечены в борьбу двух крупнейших государств Рима и Карфагена за контроль над Западным Средиземноморьем, вылившуюся в Первую Пуническую войну. Гиерон выбрал сторону давнего противника Сиракуз Карфагена, и в 263 г. в сражении при Месане его армия была разбита римским полководцем Аппием Клавдием. Капитулировав, Гиерон обязался выплатить контрибуцию в 100 талантов, взял на себя обязательство снабжать действовавшие в Сицилии римские легионы продовольствием и оружием, и, что самое главное, его провозгласили «другом римского народа», а это была форма принятия римского протектората, и Гиерон впредь неукоснительно соблюдал условия договора. Со своей стороны, когда после захвата карфагенской части острова Сицилия получила статус римской провинции, Рим оставил вне ее пределов Сиракузы и подчиненные им полисы.

Несмотря на утрату суверенитета, Сиракузы экономически процветали после войны в долгое и мирное правление Гиерона II. Он поощрял развитие земледелия и ремесел, успешно пополнял казну за счет пошлин, взимаемых с торговых операций, и Сиракузы стали крупнейшим центром международной морской торговли. Кроме того, Гиерон впервые в греческом

мире ввел прямой подоходный налог — со всех доходов в царскую казну платили десятину. При нем Сиракузы стали одним из самых влиятельных культурных центров эллинистической икумены. Город украсили великолепные строения. На сиракузской верфи по проекту и под наблюдением Архимеда был сооружен огромных размеров корабль, который не мог поместиться ни в одной гавани Сицилии и был подарен царю Египта Птолемею. Когда разразилась Вторая Пуническая война, Гieron, несмотря на крайне трудное положение, в котором Рим оказался после поражения от Ганнибала в Каннах, не воспользовался несчастьем бывшего противника и сохранил ему верность. В 215 г. до Р.Х. он умер в возрасте, приближавшемся к девяностолетию.

Сиракузский престол перешел к его внуку Иерониму, который, пренебрегая политическими заветами деда, попытался воспользоваться тяжелым положением Рима для освобождения от его протектората и перешел на сторону Карфагена. Неспособность Иеронима к государственному правлению, достаточно объяснявшаяся его отроческим возрастом, привела к расстройству государственных дел. После 15 месяцев правления он был свергнут с престола и убит. Через два года после его смерти, в 212 г. до Р.Х., римские войска штурмом взяли Сиракузы, включив их затем в свою Сицилийскую провинцию.

8. Эллинистическая культура

Эллинистический мир, созданный восточными походами Александра Македонского, простирался от Сицилии на западе до Инда на востоке. При этом и в политическом и в культурном отношении он разделялся на две части, граница между которыми проходила в Малой Азии: западная Анатолия примыкала в этом отношении к Европе — в этой стране греческий элемент доминировал и до Александра, в то время как Восточная Анатолия и лежащие к востоку от нее страны, равно как и Египет, стали территорией культурно доминирующей греческой и политически господствующей македонской диаспоры в результате походов Александра; ранее эти страны были объединены Ахеменидами, но и при них и при Александре и его преемниках — диадохах и эпигонах в них продолжали существовать древние цивилизации Востока: египетская, месопотамская, сирийская, а также исторически синхронная греческой культура иранских

народов, на своей восточной периферии соприкасавшаяся с генетически родственным ей индийским миром.

Как писал Д. Шлюмберже, «принадлежность к грекам определялась теперь уже не по происхождению, точнее, этот признак больше не являлся основным. Вследствие глубоких изменений, происшедших с IV в. до н.э., греками постепенно стали называть тех, кто, независимо от происхождения, пользовался греческим языком и вел греческий образ жизни. Такие “греки” населяли, несомненно, Александрию, Антиохию, города Малой Азии, составляли образованный слой общества в Египте, Сирии, Анатолии, и вполне понятно, что «греческий Восток» ассоциируется у нас прежде всего с этими областями, ставшими затем римскими и явившимися колыбелью христианства. Однако не следует упускать из вида, что «греческий Восток» охватывал гораздо большую территорию. Очаги греческого образа жизни и греческой культуры существовали при дворе парфянских царей, называвших себя «филэллинами». Официальный язык в этих центрах был греческий. Традициям греческой культуры следовали также и в городах Парфянского царства: в Селевкии на Тигре, в Сузах, в Орхое... И, наконец, они могли сохраняться в городах и при дворах правителей далеких областей по Оксу и Инду... Македонское или греческое господство было кратким, но из этого вовсе не следует, что и эллинизм существовал столь же короткое время... Об этом свидетельствует устойчивость применения греческого языка на потерянных греками территориях» (Шлюмберже Даниель. Эллинизированный Восток. М., 1985, с. 20–21).

Само название культуры, сложившейся в распадавшейся на отдельные государства мировой империи Александра, говорит о доминировании в ней греческого элемента, и все же в действительности имело место не одностороннее поглощение Востока Европой, но взаимовлияние, хотя оно не было симметричным; причиной этому была не мнимая культурная отсталость покоренных народов Востока — в сравнении с прямыми господами положения македонцами они стояли на значительно более высокой ступени цивилизации, а динамизм эллинского элемента и еще то обстоятельство, что господствующий в эллинистических государствах македонский этнос, генетически родственный греческому, сам подвергся продолжавшейся не менее двух столетий до Александра эллинизации. По крайней мере это

произошло с его политической элитой. Государственным языком эллинистических монархий был греческий, и местная знать, инкорпорированная в правящий слой, добивалась этого ценной эллинизации, в иных случаях глубокой и даже доведенной до логического конца, до полной утраты прежнего национального самосознания, в других — более поверхностной, но предполагавшей в любом случае владение государственным языком и усвоение бытового уклада культурно доминирующего этноса. Но рядом с греками, и эллинизированными македонцами и автохтонами, в этих государствах сохранялись едва задетые эллинизмом или вовсе не тронутые им общества носителей древних культур Востока, а также не достигшие еще исторической фазы развития племенные миры восточных иранцев. Причем цивилизационной мутации избежали не только социально низшие слои общества, но и его наиболее культурный элемент — жрецкое сословие, независимо от того, что и египетские жрецы, и персидские или мидийские маги, и иудейские священники Единого Бога, как правило, хорошо владели греческим языком.

Взаимовлияние греческой и восточных культур называют синтезом или синкретизмом, но эти термины подразумевают более полное слияние составных элементов, чем это происходило в действительности. В эллинистическом мире разные культуры сосуществовали бок о бок, влияли одна на другую, в иных случаях имел место культурный эклектизм, но греческая культура оставалась греческой, а египетская — египетской. Другое дело, что греческая цивилизация разместила свои культурные колонии в Египте, Сирии, Месопотамии, Мидии, Бактрии, Согдиане и даже в восточной Индии, нигде не сливаясь вполне с потесненными местными мирами, оказывая поверхностное влияние на эти миры и претерпевая, в свою очередь, их влияние, которое занесено было и в саму Элладу, и в Македонию, и даже в Великую Грецию. Более того, в орбиту эллинистического мира вошли также этнически инородные и политически никогда не принадлежавшие ему великие державы западного Средиземноморья: Рим и Карфаген. Прямым предметом наших наблюдений является не мозаика культур эллинистического мира — это увело бы нас далеко от истории Европы, а собственно греческая культура, существовавшая как на своей исторической родине, так и в виде своего рода колоний на бескрайних восточных просторах, но характеризуя ее новые черты, понадобится,

конечно, затрагивать и окружавшее и влиявшее на нее культурное пространство.

Одним из следствий ориентализации эллинской культуры с внешней стороны, касающимся условий ее существования, стало то обстоятельство, что очагами ее развития стала не городская община, полис, но царский двор. В столичные города эллинистических монархий отовсюду приглашались выдающиеся философы, ученые, изобретатели, поэты, архитекторы, скульпторы, живописцы, и за свое творчество они получали щедрое вознаграждение. Крупными центрами эллинистической культуры стали Пергам, Сиракузы, Антиохия на Оронте, но самым блистательным двором был Александрийский. Лагиды привлекли туда созвездие выдающихся умов и талантов и не скупились на их поощрение.

Там, в Александрии, еще при основателе династии Птолеме-е Сотире появилось учреждение, которое на века стало прототипом подобных ему культурных центров. Оно было основано по совету бывшего эпимелета Афин Димитрия Фалерского. Посвященное 9 музам, оно получило название Музея, или Мусейона. Это была и высшая школа, своего рода университет, где читались лекции по всем отраслям знания, и научный центр, и музей в современном смысле слова, в котором выставлены были художественные сокровища, и библиотека, хранившая более полумиллиона папирусных свитков и других рукописей, привезенных со всего известного тогда мира. Ученик Аристотеля Димитрий Фалерский задался грандиозной коллекционерской целью собрать в ней все существовавшие тогда в мире книги. В комплекс строений Александрийского мусейона входили также помещения для проживания приглашенных ученых и художников. На содержание музея из царской казны регулярно отпускались средства. Цари Египта и лица, принадлежавшие к царскому дому, участвовали в жизни музея, в его научной деятельности и были прекрасно образованными людьми. Начальствовал над музеем хранитель библиотеки Каллимах, который одновременно по должности был воспитателем наследника престола. Заведую библиотекой и музеем, он составил «Каталог сочинений, просиявших во всех областях образованности», включавший описание 120 книг. После смерти Каллимаха музей возглавил Аполлоний Родосский. В III столетии до Р.Х. в Александрии творили такие знаменитости, как Эвклид и Эратосфен.

В эллинистическую эпоху известную ориентализацию претерпело духовное ядро эллинизма — религия греков. Конечно, народные верования остались прежними, мало что изменилось и в официальных культах полисов, но греческий пантеон обогатился новыми для него божествами, почитание которых было занесено в Грецию и Македонию ветеранами, возвращавшимися с Востока и из Египта.

Кульτ египетского Амона, отождествленного Александром Македонским с Зевсом, не укоренился в эллинском народе; зато среди греков, и даже в самой Элладе, распространилось почитание других египетских божеств — Озириса и Изиды, его сестры и супруги. В самом Египте Озирис почитался как бог Нила, разливающегося и потом возвращающегося в свои берега, заходящего и восходящего солнца и как бог смерти и вечной жизни за гробом. В мифологической истории, пересказанной Плутархом на основании египетских источников, Озирис представлен мудрым и кротким царем Египта. Коварный брат царя Сет обманом умертвил его, заключив в гроб, который он спустил в море, и гроб прибыл в Библос. Тем временем Изида родила сына Озириса Гора, после чего отправилась на поиски своего мужа и брата. Найдя гроб с телом супруга, она спрятала его, но он был обнаружен Сетом, который растерзал извлеченное из него тело брата и разбросал куски его повсюду. Но с помощью сына Гора и бога Анубиса, а также собственных чар Изида собрала разбросанные члены супруга, соединила и оживила их. Затем Гор победил дядю-братоубийцу, отомстив за отца, но в конце концов Сет и Гор примирились, разделив Египет на две части, в которых стали совместно править. Возвращенный к жизни Озирис почитался в Египте как царь мертвых, как друг усопших, именуемый «уннефером». В Египте его изображали в виде человека, спеленутого как мумия. Изиду в греческом мире отождествили с Герой, Деметрой, Афродитой, Артемидой; она воспринималась и как единое женское божество.

При основателе египетской династии Птолемеях Сотире, стремившемся к религиозному сближению своих подданных греко-македонского и египетского происхождения, был искусственно создан культ, получивший в Египте официальный статус, но через владения Птолемеях в Сирии и Малой Азии проникший и в другие страны эллинистического мира. По указанию царя жрецы египетский Манефон и элевсинский Тимофей выработали его

на основании культа Осириса, почитавшегося в Мемфисе как Осирис Апис, и некоторых черт из почитания Зевса, Плутона и Диониса. Нового бога называли Осораписом, или, как его стали позже именовать, Сераписом. В нем почитали единое верховное божество. Возможно, у властей Египта была надежда на то, что почитание единого божества, имевшее до известной степени монотеистические черты, сблизит с греками и автохтонами Египта многочисленную и влиятельную еврейскую колонию в столичной Александрии.

В военной среде эллинистических государств особенно прочно укоренился заимствованный у иранских народов культ Митры, которого, согласно «Авесте», создал Ахурамазда равным себе и достойным жертвоприношений. Митра, по религиозным представлениям иранских народов, податель света, доброй славы, мудрости и богатства; и одновременно, что особенно должны были оценить воины, — он дарует своим верным почитателям победу и беспощадно мстит клятвопреступникам. Культ Митры сопряжен был с жертвоприношением быков, и одна из распространенных тем эллинистической пластики — Митра в виде юного воина в греческих доспехах, убивающего быка.

Культ фригийской богини Кибелы — Великой Матери, широко распространившийся в Малой Азии и проникший в греческие полисы еще в эпоху архаики, в эллинистический период получил особую популярность. В посвященном ей мифе есть мотивы, роднящие его с почитанием Осириса и Изиды. Кибела полюбила прекрасного юношу Аттиса, который был пастухом. Из ревности она обрекла его безумию, и в этом состоянии он оскотил себя и умер, сидя под сосной, в которую вошел его дух; из крови Аттиса выросли фиалки. Охваченная раскаянием и любовью, Кибела воскресила его. Почитание Кибелы носило экстатические черты, сопровождалось жертвоприношениями быков и баранов, кровью которых окроплялись посвящаемые в этот культ. Празднества в честь Кибелы и Аттиса сопровождались оргиями и в случаях особого религиозного энтузиазма — самооскоплениями.

Экстазм и мистицизм, акцентированный интерес к загробной участи и напряженная жажда воскресения, особенно остро обнаружившиеся в культе божеств, заимствованном с Востока или из Египта, характеризуют лишь одну сторону эллинистической религиозности; существовала и противоположная

тенденция — своего рода богословский рационализм, граничащий со скептицизмом. Он обнаружился в сочинении писателя рубежа IV и III веков до Р. Х. Эвгемера «Священный список», или, как перевели это название на латинский язык, «Священная история». В ней автор рассказывает о том, как во время своих путешествий он посетил на острове Панхасе у берегов Аравии храм Зевса Трифиллия, и в этом храме стоял золотой столб с надписями, которые были начертаны самим богом. Из них он узнал родословную Зевса, который был одним из потомков Урана. Зевс, по Эвгемеру, умер на Крите, в Кноссе, где местные жители показывают его гробницу. Подобным образом произошли и иные божества. Подобное демифологизирующее богословие, впоследствии сочувственно воспринятое отвергавшими языческое суеверие христианскими апологетами, а позже также и Августинном Блаженным, получило наименование эвгемеризма. В этом русле Эола представляли искусным мореплавателем, а Атласа знатоком астрономии. Практика обожествления эллинистических царей — Лагидов и Селевкидов, именовавшихся сотирами, эвергетами и прямо феосами, естественно, наводила на подобные представления о происхождении богов.

Другим и более глубоким проявлением религиозного рационализма и своего рода богословской систематики была отразившаяся не только в философских сочинениях, но и в культовой практике тенденция к отождествлению богов разных народов, а также и отечественных эллинских божеств, в результате чего они утрачивали антропоморфные и личные черты, так что из живых существ превращались в олицетворение естественных или сверхъестественных энергий, сил и страстей. В связи с этим усиливается почитание таких божеств, которые самими именами выдают свой функциональный характер, плохо совместимый с представлением о личности, в особенности это касается богини Тихи (удачи, или судьбы), почитание которой сложилось в древние времена, но в эпоху эллинизма приобрело особое распространение. За всем этим очевидным образом угадывается стремление религиозно здорового человеческого сознания к монотеизму, к постижению единого истинного Бога.

Религиозный плюрализм эллинистического мира был настолько широк, что он вмещал и религию, которая распространилась по преимуществу на Дальнем Востоке. На крайнем востоке

эллинистического мира, в Арахозии, включенной в III столетии до Р. Х в империю Ашоки, получил распространение буддизм. В середине II века до Р.Х. буддизм принял бактрийский царь, который правил в эллинизированном государстве, носил греческое имя Менандр и по происхождению был греком; он интенсивно содействовал укоренению этой религии в своем государстве. Всемирно знаменитые статуи Будды в Афганистане, разрушенные талибами, восходят к миссионерской деятельности Менандра и его преемников. В конце II века греко-бактрийцы пересекли Гиндукуш и завоевали значительную часть северо-западной Индии, в которую за два столетия до этого уже вторгалась армия Александра Македонского. Историческим преемником этого завоевания стала империя кушанов — ирано-язычных и отчасти тохароязычных кочевников Средней Азии, в свою очередь одержавших победу над проникшими в Индию греко-бактрийцами и культурно ассимилированными ими. Греческая письменность, наряду с арамейской, сохранилась в Кушанской империи в официальном употреблении. В правление кушан в Индии на короткое время буддизм восторжествовал над древним индуизмом. При этом не только буддистское религиозное искусство, но и индуистская скульптура несут на себе явные черты эллинизма.

В Александрии в царствование Птолемея Филадельфа было совершено дело, последствия которого для мировой истории необозримо велики — перевод Священного Писания на греческий язык. Еврейское рассеяние, как известно, началось задолго до Александра Македонского, со времени переселения израильтян в Месопотамию ассирийским царем Саргоном, за которым 100 лет спустя последовало вавилонское пленение иудеев при царе Навуходоносоре. В эллинистических монархиях происходили многочисленные принудительные и добровольные переселения иудеев, и в конце концов евреи составили в них значительную часть городского населения. Еврейские колонии сложились во всех больших городах эллинистического мира: в Пергаме, Коринфе, Фессалониках, Афинах, Антиохии, Дамаске, Пальмире, Босре, Дуре Европосе, Селевкии, Вавилоне, Хатре. Из примерно 50 миллионов человек, проживавших в государствах, наследовавших мировой империи Александра, не менее десятой части принадлежало еврейской общине. В самом крупном мегаполисе Средиземноморья Александрии, население которого превышало

миллион жителей, еврейская колония составляла более трети городского населения.

В эллинистическую эпоху язык, на котором написаны священные книги, перестал быть живым языком общения. Евреи Палестины говорили по преимуществу на арамейском языке, различные диалекты которого были распространены также среди иудеев Месопотамии, в еврейской среде в употреблении были и другие языки — мидийский, каппадокийский, фригийский, персидский, но самым распространенным среди евреев эллинистического мира, в особенности обосновавшихся в Европе, Западной Анатолии и Египте, был греческий, в том упрощенном его варианте, который служил своего рода языком межнационального общения для этнически пестрого населения — койне. В Александрии евреи говорили по-гречески.

В монархии Птолемеев, по контрасту с империей Селевкидов, евреи пользовались покровительством властей. Они имели там ряд привилегий в сравнении с туземным населением — им дозволено было иметь не только многочисленные синагоги, но и храм, построенный при первосвященнике Онии в 150 г. до Р. Х. в Леонтополе, входившем в состав Илиопольского нома; и в нем, как и в Иерусалимском храме, совершались богослужения и жертвоприношения.

И вот за столетие до его сооружения, по сведениям, почерпнутым из письма Аристия Филократу, которое некоторые исследователи считают иудейским псевдографом, царь Птолемей Филадельф, выполняя своего рода заказ заведовавшего Александрийским музеем Димитрия Фалерского, повелел Иерусалимскому первосвященнику Елеазару выслать в Александрию иудейские книги с переводом их на греческий язык. Для этого в Иерусалим отряжена была специальная экспедиция, которая встретила там с первосвященником, и Елеазар исполнил повеление царя, отправив в Александрию и священные книги и переводчиков. По преданию, для этого дела из каждого колена было отобрано по 6 знатоков Писания. Они и совершили в Александрии свой боговдохновенный труд. От греческого обозначения числа переводчиков, 70, точнее 72-х, и пошло наименование греческого перевода Библии — Септуагинта. В христианской Церкви новозаветный Симеон Богоприимец почитается как один из этих 72 переводчиков, или, по-славянски, толковников. Святому старцу Симеону, усомнившемуся в правильности

текста при переводе того места из пророка Исаии, где говорится: «Се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил», что значит: «С нами Бог» (Ис 7, 14), — Промыслом Божиим суждено было дожить до глубокой старости, до рождения Девой Сына, приняв Которого в свои объятия, старец произнес слова: «Се ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром» (Лк 2, 29).

Переведенная на греческий язык, Библия приблизила эллинистический мир к принятию Евангелия. В этом значение Септуагинты *sub specie aeternitatis*, с точки зрения вечности, но и помимо того, в более эмпирическом и актуальном плане, библейский перевод, который через труды грекоязычных писателей еврейского происхождения — Аристовула, а в более поздний период — Филона и Иосифа Флавия, стал известен среди ученой элиты эллинистического мира, обогатил античную философию новыми для нее идеями.

В эллинистическую эпоху продолжали существовать школы последователей Платона — академиком и Аристотеля — перипатетиков, которых, впрочем, в демократических Афинах преследовали, подвергали изгнаниям как апологетов монархического правления, а также школы киников и элеатов, но самым влиятельным направлением в философии стала стоя. Основоположителем этой школы был Зенон, который родился в кипрском городе Китии около 340 г. до Р.Х. и скончался в 265 г., а ее название идет от цветного портика (стоа пикиле) на афинской агоре, где собирались философы этой школы. Ближайшим учителем Зенона был афинский киник Кратес, который Зеноном воспринимался не столько как ученик Диогена, сколько как последователь Сократа. Сочинения Зенона сохранились во фрагментах, как и труды его ученика Клеанфа, более полное представление о стоической философской системе дают теоретические и полемические трактаты Хризиппа, написанные во второй половине III века. Многочисленные последователи Хризиппа явились популяризаторами стоицизма и сделали его известным во всем эллинистическом мире: на западе и на востоке.

Вдохновляясь экзистенциальным пафосом Сократа и киников, стоики во главу угла ставили постижение истинного блага, которое для них было неотделимо от добродетели, и саму философию они именовали упражнением в добродетели. Первоначально Зенон вслед за Диогеном склонялся к пренебрежению

теоретическими знаниями — эту направленность его мысли доводил до крайности его ученик Аристон, но впоследствии Зенон исправил этот крен, сблизивший его с киниками, удержавшись и от противоположной крайности другого своего ученика, Герилла, который, вслед за Аристотелем, отождествлял высшее благо с истинным знанием. Систематизатор и популяризатор идей Зенона, Хризипп в своих сочинениях придерживался золотой середины в рассуждениях о соотношении знания и добродетели — целью философии он считал такое знание, которое ведет к истинной, что значит нравственной, деятельности и составляет, таким образом, существенно необходимый элемент человеческой жизни. Поэтому в трудах стоиков развиваются не только этические темы, которым придается ключевое значение, но также гносеология и онтология.

Единственным источником познания стоики считали опыт: все представления, составляющие содержание человеческого знания, рождаются из ощущений, или впечатлений от внешнего мира, которые вызывают движения души. Повторяющиеся однородные впечатления побуждают к умозаключениям, чрез которые создаются понятия. Являясь результатом повседневного опыта, эти понятия предшествуют всякому научному, или теоретическому познанию в качестве своего рода предвосхищений. Научное познание разрушает некоторые из них, развенчивая их как предубеждения, подтверждает другие и, наконец, создает новые и уже неопровержимые обобщения высшего порядка. Одним из критериев достоверности приобретаемых таким образом знаний, помимо их теоретической, логической достоверности, является общее согласие с их истинностью, исключающее влияние случайности единичного, индивидуального восприятия. Гносеология стоиков представляет собой сенсуалистическое упрощение построений Аристотеля.

Стоическая онтология последовательно пантеистична и этим решительно отличается от дуалистического учения Аристотеля. Мир, по учению стоиков, представляет собой живую и одушевленную разумную стихию. Все его элементы разумно согласованы между собой, физически они возникают в результате сгущений и разрежений огненного духа, пневмы. При первоначальном сгущении из пневмы образуется воздух, усиление этого процесса превращает его во влагу, в воду, из воды чрез дальнейшее сгущение возникает земля и вообще твердые

тела, а в процессе разрежения твердые элементы становятся жидкими, затем все вновь превращается в пар, воздух и огненную пневму. Во вселенной нет пустоты, которая простирается за ее пределами, и в процессе циклически чередующихся сгущений и разрежений мир пульсирует, пространственно расширяясь и уменьшаясь. Вселенная одновременно материальна, телесна, и духовна. В ней есть различие материи и формы, духовного и вещественного начал, но они пребывают в единстве и взаимодействии. Единство и стройность мироздания обнаруживает присутствие в нем разумной силы, которую стоики называли Логосом, божеством, мировым разумом. Логос, по их представлениям, — и физическая субстанция, и духовное начало, материя и форма универсума; он представляет собой и весь мир, и его лучший, превосходный элемент, он часть и целое, начало, конец и середина. Логос — и Промысл, правящий миром, и его закон, и его вещество, в котором соединяются все стихии. Подобно тому как вселенная образуется Единым Логосом, единичные вещи, или предметы, имеют свои частные логосы, или формы, это своего рода семена вещей — стоики так и называли их семенными логосами. Человек, подобно универсуму, представляет собой единство тела и семенного логоса — души, или теплой пневмы, которая растекается по всему телу, сообщая ему жизнь и способность к движению.

Все происходящее подчиняется неизменному закону, во всем царствует безграничный детерминизм, и человек, как существо разумное, должен познавать закономерность всего происходящего и повиноваться высшему закону. В отличие от неразумных животных, человек не может подчинять свои поступки прихотям и похотям, руководствоваться аффектами. Жить сообразно природе значит жить в покорности высшему Логосу. Истинное благо — в мудрости и творении добрых дел, а зло — в неразумии и пороке. Богатство, власть, почет и даже здоровье сами по себе безразличны и относительным благом могут быть лишь тогда, когда помогают человеку творить добро. Задача человека в том, чтобы подавить в себе болезни души: похоть, страх, раздражение, гнев и все вообще страсти, ведущие к порочным поступкам. Бесстрастие, апатия — высокий нравственный идеал стоической этики, в бесстрастии и заключается мудрость, к обретению которой призваны стремиться люди, наделенные разумом. Из высшей добродетели, мудрости, стоики выводили такие

ее частные проявления, как рассудительность, самообладание, или воздержание, мужество и справедливость. Высокий этический пафос — самое характерное в стоической философии. Очевидно, что некоторые из ее идей оказали влияние на христианскую патристическую мысль.

Что же касается отношения стоиков к народным религиозным верованиям, то подлинным богом они признавали только того, кто в мифологии был верховным божеством, — Зевса, аллегорически истолковывая его мифические приключения. В других олимпийских и хтонических божествах они находили лишь отражение народных представлений о божественных силах, стихиях или плод обожествления великих людей. В сочинении стоика Корнута Кронос и Гея — олицетворения времени и материи, Гефест — огня, Аполлон и Артемида — солнца и луны.

Когда античный мир принял Благоую Весть, для христианского богословия из всех традиций обращенной цивилизации самой ценной оказалось ее философское наследие. Как метко заметил Йозеф Ратцингер, ныне Бенедикт XVI, «раннее христианство смело и решительно сделало свой выбор, высказавшись за Бога философов и против бога религии. Когда встал вопрос, кому из богов соответствует христианский Бог — Зевсу, Гермесу, Дионису или еще кому, — ответ гласил: никому. Никому из богов, которым вы поклоняетесь, а единственно только Тому, Которому вы не поклоняетесь, Тому высшему, о Котором говорят ваши философы. Ранняя Церковь решительно отбросила весь космос античных религий, сочла его иллюзией и помрачением, а свою веру изъясняла словами: когда мы говорим о Боге, мы не разумеем и не почитаем ничего в этом роде, но единственно само бытие, то, что философы положили основой всего сущего и поставили как Бога надо всеми силами, — лишь это наш Бог» (Ратцингер Йозеф. Введение в христианство. М., 2006, с. 110–111). И хотя бог греческих философов все же самым очевидным образом отличался от единого истинного Бога Библии своей безличностью, своей неспособностью вступать в общение, слышать вопрошания и обращенные к Нему человеческие молитвы, на которые, по представлениям язычников, откликались и олимпийские и хтонические божества, в философском образе божества есть черты, позволившие евангелисту назвать одну из Божественных Ипостасей Логосом, а это был ключевой термин стои.

Параллельно со стоической философией в Элладе сложилась эпикурейская школа, названная так по имени своего основателя Эпикура, современника Зенона, жившего с 341 по 270 г. до Р.Х. Развивая идеи Левкиппа и Демокрита, Эпикур в своей физике исходил из атомистической теории. По его построениям, мир состоит из неделимых атомов, самодвижущихся в пустоте. Тела образуются из различных комбинаций атомов. Таково же и строение человеческой души. Эпикур не отрицал существования богов, но и в них он видел материальные существа, отличающиеся от людей большим совершенством и могуществом. Материальный мир вечен, не сотворен, неуничтожим, самодостаточен и не нуждается в сторонней творческой силе, или толчке. Во всем этот Эпикур не особенно оригинален и всего лишь один из последователей Демокрита, но имя этого философа в истории мысли связано с его этикой.

Смысл человеческого существования Эпикур находил в обретении счастья, но его представления о счастье расходятся с грубым гедонизмом, с каким отождествляет эпикурейство расхожая молва, выражающаяся в афоризмах — «ешь, пей и веселись, ибо завтра умрем» или «*carpe diem*». В своих рассуждениях о счастье Эпикур прибегал к отрицательным определениям: счастье — это отсутствие страданий, боли, и обретает его тот, кто удаляется от многмятежного житейского моря, уединяется в кругу своих близких и друзей, кто непритязателен и способен довольствоваться малым; подражания достоин тот, кто и само несчастье способен переносить терпеливо, без гнева и раздражения, усугубляющих несчастье, кто при любых обстоятельствах остается невозмутим, спокоен и хранит мирное состояние души. Высшее счастье, по Эпикуру, в атараксии, абсолютном покое души. Нравственное учение Эпикура сближает его и с Диогеном, и со стоиками, хотя этический пафос стоицизма ориентирован на более активную и деятельную жизненную позицию и поэтому совместим с принятием на себя ответственности за общественно значимые поступки, так что стоиками могли быть, не противореча своей философской совести, и политические деятели, и полководцы, и носители высшей государственной власти, а эпикурейцами были только философы, во всяком случае для последовательного эпикурейца частная жизнь, и при этом по возможности скромная и уединенная, была предпочтительней участия в большой истории, от которой ввиду ее

изнуряющей бессмыслицы он искал где укрыться. Этика Эпикура обнаруживает очевидные параллели с буддизмом, хотя, конечно, эпикуровская атараксия лишена тотальности и своего рода глубины буддистской нирваны. Эпикуровский индивидуализм, граничащий с тривиальным эгоизмом, предельно чужд христианской проповеди любви, но некоторые из частных моральных максим Эпикура соприкасаются с христианской аскезой, с учением «Добролюбия», а в позднейшие времена, и разумеется опосредованно, эпикурейское влияние сказалось на этике протестантского квиетизма.

Характерная черта эллинистической культуры — утрата классической целостности, универсальности знаний, когда математика, астрономия и физика воспринимались как составные части философии, как отрасли одного и того же любомудрия. В эпоху эллинизма накопление массы знаний о мире, о природе неизбежным образом привело к их специализации, к появлению позитивной науки, существовавшей теперь уже как совокупность самостоятельных отраслей научного знания. Причем в науке, наравне с дедуктивным спекулятивным дискурсом, который продолжает господствовать, складываются основы экспериментального метода, в результате чего она начинает влиять на технологию, или, говоря на современном языке, она становится источником инноваций. В эту эпоху на базе точных расчетов и экспериментов делаются технические изобретения, создаются машины.

В Александрии по приглашению Птолемея Сотира поселился великий математик Эвклид (315–255 гг.ю). Здесь он написал трактаты, одни из которых утрачены, а другие сохранились. Самый значительный его труд — «Элементы геометрии», в нем содержится систематическое изложение теории прямых линий, кругов, многоугольников, а также объемных тел — знаменитые теоремы Эвклида, отличающиеся поразительным изяществом математической мысли, безукоризненной логикой и доказательностью формул, лаконизмом и прозрачной ясностью изложения теорем; в заключительных главах трактата излагается теория чисел и учение о несоизмеримых величинах. Геометрия Эвклида до сих пор составляет основу школьного преподавания этой дисциплины.

Другой великий ученый эллинистической эпохи, Архимед, родился в 287 г., он был родственником сиракузского царя

Гиерона II и жил при его дворе. Его имя связано с эпохальными открытиями в математике и механике, и кроме того, он был гениальным изобретателем. Архимед с большой точностью вычислил число «пи» — соотношение диаметра и окружности, определил математическое отношение объема шара и описывающего его цилиндра, он заложил основы теории бесконечно малых и бесконечно больших величин, ему принадлежит открытие закона, ставшего основанием гидравлики и гидростатики — всякое тело при погружении в жидкость теряет в своем весе столько, сколько весит вытесненная им жидкость. Обстоятельства этого открытия сохранились в исторической памяти в виде забавного анекдота: Гиерон поручил своему родственнику открыть обман, в котором он подозревал придворного ювелира, который, как он считал, подмешал в золотой венок больше серебра, чем надлежало. Решением предложенной задачи и был знаменитый закон, который Архимед открыл во время купания. Пораженный пришедшей ему на ум идеей, он, не помня себя, не одевшись, побежал из купальни домой с криком «эврика» (нашел), чтобы скорее экспериментально проверить открытие, верность которого тут же блестяще подтвердилась. Одним из самых значительных его научных достижений в механике явилась теория рычагов, основанная на идее центра тяжести. Комментируя это свое открытие, он высказал знаменитый афоризм: «Дайте мне точку опоры, и я подниму земной шар».

Архимед изобрел так называемый «бесконечный винт», который был применен в Египте для осушки болот, им пользовались также для откачки воды из затопленных шахт и корабельных трюмов; он сконструировал планетарий, приводившийся в движение водой и изображавший движение солнца, луны и звезд, сложный блок для перемещения тяжестей — так называемую барулку, усовершенствовал метательные и осадные машины; он первым использовал в баллистике силу водяного пара.

При осаде Сиракуз римлянами в 212 г. до Р.Х. Архимед строил новые, более мощные метательные машины, сконструировал двояковыпуклые зажигательные стекла, которыми был сожжен римский флот. Кроме того, защитники города использовали сконструированные им механические орудия, зацеплявшие крюками корабли противника и топившие их. И все же сиракузяне не смогли спасти свой город. Когда противник захватил Сиракузы и легионеры начали грабить горожан, в дом Архимеда

ворвался разъяренный жадой добычи солдат. Ученый в это время сидел на полу, посыпанном песком, и чертил на нем геометрические фигуры. «Не трогай моих фигур», — сказал он грабителю, а тот убил его, не пощадив его старости. Комментируя это событие, знаменитый Шпенглер, одержимый маниакальной страстью к парадоксам, написал, что легионер, убивший Архимеда, был более великим историческим деятелем, чем убитый им ученый, полагая в странном ослеплении, вопреки очевидности, что его изобретения и открытия остались в области чистой теории или даже умственных забав, не имевших отношения к реальной жизни и истории.

Рядом с колоссальными фигурами Эвклида и Архимеда в истории математики эпохи эллинизма стоят имена других выдающихся ученых. Аполлоний из Перги разработал теорию конических сечений, заложил основы классификации иррациональных чисел. Поразительны достижения эллинистической астрономии: предвосхищая Коперника, Аристарх Самосский (310–230 гг.) предложил гелиоцентрическую модель вселенной, землю он считал одной из планет, вращающихся вокруг солнца. Более того, Аристарх, в духе современной космологии звезды считал телами, подобными солнцу, удаленными на громадные расстояния и потому воспринимаемыми как неподвижные. Но гелиоцентрическая система Аристарха, подобно позднейшей коперникианской, до открытий Кеплера, в прагматическом отношении уступала геоцентрической и не давала ключа для точной ориентировки на местности, прежде всего в море, по звездам — причина этого хорошо известна: и Аристарх и Коперник представляли орбиту вращения земли вокруг солнца в виде правильного круга, а не эллипса, рассчитанного впоследствии Кеплером, каковым она в действительности является.

Поэтому древние и после Аристарха продолжали пользоваться геоцентрической астрономией, опираясь на которую удавалось точнее ориентироваться на море по звездному небу. Систематизатором этой системы был Гиппарх Никейский, живший во II веке до Р.Х. Гиппарх, уточнив астрономическую продолжительность года и месяца, внес уточнение в действующий календарь. Путем астрономических наблюдений и математических выкладок он определил величину солнца, луны и земли, измерил расстояние небесных светил от земли. Он составил замечательно полный для своей эпохи атлас звездного неба,

в который поместил описание более 800 звезд с указанием их долготы и широты и с разделением их по яркости на три класса. Младший современник Гиппарха александрийский астроном и математик Клавдий Птолемей внес существенные уточнения в геоцентрическую систему Гиппарха, изложив свои расчеты в трактате «Великое собрание», или «Алмагест». От имени этого ученого пошло общепринятое название астрономической системы, основы которой заложены были Гиппархом, Птолемеевой.

Крупнейшим ученым в области астрономии, математики и географии был Эратосфен из Кирены (275– 200 гг.). Наблюдая движение небесных тел и используя тригонометрический метод, он вычислил протяженность экватора — 39700 км, что незначительно отличается от его величины, установленной средствами современной техники измерений; он определил также наклон плоскости эклиптики. Тщательно исследуя известную тогда в средиземноморском мире поверхность земли, Эратосфен пришел к выводу, что Индии можно достичь, если плыть из Испании на запад по Атлантике — страны, лежащие к востоку от Индии, неизвестны были на Западе вплоть до Колумба, поэтому весь мир, лежащий за восточными пределами эйкумены, и принято было называть Индией. Энциклопедически разносторонний ученый, Эратосфен писал также труды по хронологии, истории и филологии. На труды Эратосфена опирался ученый II века Павсаний, составивший «Описание Эллады» в 10 книгах, содержащих достоверные и детальные характеристики не только нерукотворной природы страны, но и ее храмов, акрополей, дворцов, палестр, скульптурных памятников, а также ценные биографические сведения и о творцах этих памятников, и о тех знаменитых исторических деятелях, которым они посвящены.

Прямой ученик Аристотеля Теофраст из Лесбоса, живший с 372 по 287 г., был столь же разносторонним ученым, как и Эратосфен, в этом отношении сохраняя классический стиль научной деятельности, уступавший тогда место эллинистической специализации, но его главные достижения связаны с ботаникой и агрономией. Два его важнейших труда называются «Исследование растений» и «Происхождение растений». В них он описывает различные виды дикорастущих и культурных растений, характеризует качества почв, их водоемкость и водопроницаемость, описывает свойства удобрений, указывая целесообразность

применения тех или иных из них с учетом качества почв и особенностей выращиваемых на них культур.

Медицина успешно развивалась при дворе александрийского царя Птолемея Филадельфа, который отличался слабым здоровьем и пытался отыскать «жизненный эликсир». Поэтому он щедрой рукой финансировал медицинские исследования. В целях расширения необходимых для медицины анатомических знаний Филадельф разрешил использовать для вивисекции трупы казненных преступников. Крупнейшими медиками эллинистической эпохи были Герофил из Халкидона и Эрасистрат из Кеосака, жившие в III столетии до Р.Х.; ими открыто было кровообращение, а также существование нервной системы. Своими успехами во врачевании прославился ученый I столетия до Р.Х. Асклепиад из Прусы, который применял такие методы лечения как диета, моционы, массаж и холодные ванны. С его именем связана легенда о воскресении умершего.

И все же во II столетии до Р.Х. эллинистическая наука вступила в полосу стагнации. Историк М. Кэри так объяснял причину ее упадка: «Наиболее примечательной чертой греческой науки была ее неспособность к дальнейшему развитию, наступившая после тех грандиозных успехов, которые можно сравнить с успехами пионеров современной науки. Эта неудача вряд ли может объясняться неправильностью научного метода. Лучшие образцы эллинистической учености представляют собой как раз синтез теории и практики, а этот подход плодотворен и в наши дни. Одним из объяснений может быть то, что эллины не знали точных приборов наблюдения, таких, например, как микроскоп и телескоп. Это определило последующую стагнацию в астрономии, ботанике и медицине. Но главная причина, конечно, состоит в том, что греки утратили дух надежды и авантюризма... Примечательно, что именно во II в. до н.э. греческий мир был увлечен изучением астрологии и магии. Пытаясь добиться успехов в этих областях, он утратил способность терпеливого исследования, ранее присущую представителям науки» (цит. по: Тойнби, цит. изд., с. 371).

Эпоха эллинизма исключительно богата техническими изобретениями. Самые замечательные из них связаны с вооружением, в чем особенно прославился великий Архимед, и кораблестроением. Выдающимся конструктором и архитектором был Архий из Коринфа, который по приказу сиракузского царя

Гиерона II построил полифункциональный многоярусный корабль с тремя коридорами для военного экипажа, пассажиров и груза. На борту корабля были устроены мужские и женские каюты, гимнастические залы — палестры, мельницы и погреб. На корабельной палубе была закреплена мощная катапульта. По приказу египетского царя Птолемея Филопатора соорудили корабль длиной около ста и высотой в носовой части более 15 метров. Судно имело два носа, две кормы и 7 таранов. На корабле размещалось 4 тысячи гребцов, 3 тысячи воинов и 400 человек прислуги, а также огромный груз оружия и продовольствия. При осаде Родоса в 304 г. Димитрий Полиоркет использовал гигантскую осадную машину гелеполиду — сооружение из 9 этажей, поставленное на 8 колесах. Ее передняя сторона была снабжена отверстиями для метательных орудий. Для защиты от огня гелеполида была обита железными листами. Экипаж и обслуга этого сооружения включали 3400 человек, часть из которых размещалась на самой машине. Значительные усовершенствования сделаны были в мукомольном деле, в котором настоящий переворот был достигнут изобретением водяной мельницы, в ткацком производстве, где на смену вертикальному станку пришел горизонтальный, в изготовлении красок, выделке кож, в гончарном ремесле, в стеклодувном производстве, а также в металлургии и кузнечном деле.

Эллинистический мир стоял на пороге промышленной революции, которая оказалась отложенной на два тысячелетия. Интеллектуальный потенциал и накопленные знания позволяли уже тогда сделать изобретения, связанные с использованием пара, на которых эта революция основана, да его уже и научились использовать в Сиракузах; но избыток дешевой рабочей силы, обильно поставляемой войнами, превращавшими солдат и мирных жителей в рабов, не стимулировал серийного использования этого и подобных ему изобретений, результатом которых была бы масштабная экономия мускульных усилий, рост производства, обогащение владельцев капитала и массовая пауперизация — разорение крестьян и нищета наемных рабочих. Лондонские рабочие времен Адама Смита и позже, в эпоху Диккенса, в отличие от александрийских рабов были юридически свободны, но рабы эллинистического мира и представить не могли той бездны горькой нищеты, изнурительного труда и полуголодного существования, которые одних побуждали

ломать станки, потому что в них справедливо виделся главный враг их бедствий, а других — ловко воровать пенсы и шиллинги из джентльменских карманов, рискуя быть за это повешенными, и это при том, что в Англию нескончаемым потоком текли несметные сокровища самой драгоценной из алмазов британской короны — сказочно богатой Индии, аккуратно эксплуатировались и другие колонии владычицы морей, рассеянные по всем континентам. Лондонскому или манчестерскому пролетарию первой половины XIX века жизнь александрийского, сиракузского или афинского раба, обеспеченного и крышей над головой, и куском хлеба и плохоньким вином, занятого чаще всего домашним услужением господину, показалась бы завидной долей, даром что, имея статус говорящего орудия, он лишен был каких бы то ни было прав. Так что, к счастью или несчастью, но промышленная революция античным обществом была отложена за ненадобностью.

В эллинистическую эпоху накапливались и умножались знания в гуманитарной области. По мастерству историографического повествования, по глубине проникновения в суть происходящих событий рядом с великими историками классического периода может быть поставлен Полибий (200–118 гг.), который большую часть своей жизни вынужден был прожить в Риме, куда он попал как заложник и где он написал «Всеобщую историю», отличающуюся особой достоверностью и широтой исторической панорамы. Одним из самых значительных историографических трудов эпохи была «История» Иеронима из Кардии, сведениями из которой о событиях, происходивших от кончины Александра Великого до смерти эпирского царя Пирра, обильно пользовались позднейшие античные историки, в том числе живший в I столетии до Р.Х. Диодор Сицилийский, автор знаменитой «Исторической библиотеки». В III столетии на греческом языке были написаны сочинения двух ученых жрецов: вавилонского Бероса и египетского Манефона, в которых на материале местных архивов и отечественных преданий они изложили историю своих стран с их древними цивилизациями. Исторические факты перемежаются в них с мифами, легендами и домыслами авторов, которые пытаются критически разобраться с преданиями родной старины.

Александрийский музей стал центром гуманитарных научных штудий в области истории, филологии, текстологии.

александрийские ученые занимались собиранием рукописей греческой классики, их сличением, тщательной текстологической обработкой и редактированием, в результате чего появлялись канонические тексты классиков, которые в свою очередь копировались, каталогизировались, изучались и использовались в преподавании учащимся подросткам. В Александрии изучали биографии выдающихся писателей, составлялись библиографические своды, ученые стремились к универсальной систематизации всех известных тогда сведений из разных областей знания. Директор музея и воспитатель наследника египетского престола Каллимах (310–240 гг.) составил так называемые «Таблицы» в 129 книгах, в которых помещены биографические сведения о поэтах и писателях античного мира начиная с Гомера с кратким изложением содержания их творений; это была своего рода литературная энциклопедия высокой историко-литературной ценности.

Этот ученый-эрудит был также талантливым поэтом. До нас дошли его гимны и написанные ямбом эпиграммы, обнаруживающие в нем прекрасного знатока мифологии и истории, тонкого стилиста. Перегруженные изощренными мифологическими аллюзиями, его поэтические сочинения представляют собой типичный образец александрийского ученого классицизма. Каллимах написал также сохранившиеся во фрагментах поэмы «Гекала» и «Причины», ценность которых главным образом заключается в том, что они содержат малоизвестные мифы, объясняющие происхождение религиозных обрядов, которые совершались в разных городах Эллады, а также самые названия этих городов. Эпиграммы Каллимаха отличаются лаконизмом — часто это всего лишь две стихотворных строки, а также отточенностью языка, меткостью характеристик. Эпиграмма «На Архилоха» — «Эти стихи Архилоха, его полнозвучные ямбы, — яд беспощадной хулы, гнева кипучего яд» — сочинена проникательным и метким критиком, обладавшим замечательным литературным вкусом. В некоторых из эпиграмм Каллимах, как истый царедворец, тонко льстит царственным особам, не впадая при этом в вульгарное лакейство, которым не брезговали не столь разборчивые панегиристы. Так, его эпиграмма, посвященная царице Беренике, которую он именует четвертой харитой, отличается подлинным поэтическим изяществом. Этой же царице посвящен гимн, в котором рассказано о том, как Береника посвятила свой локон

храму Афины в залог счастливого возвращения мужа Птолемея Филадельфа из сирийского похода; этот сюжет, заимствованный позднейшими поэтами, вошел в мировую литературу.

Одним из излюбленных жанров александрийской классики были мифологические поэмы, подражавшие гомеровскому эпосу. Поэт III века до Р.Х. Аполлоний Родосский сочинил поэму «Аргонавтика», посвященную плаванью Ясона и аргонавтов к далекой Колхиде за золотым руном. Хотя поэтические качества этого ученого эпоса литературоведы оценивают не высоко, но история трагически закончившейся любви Ясона и Медеи рассказана в ней с подлинным вдохновением, захватывающим драматизмом и психологической достоверностью.

Самым талантливым поэтом эпохи был Феокрит, родившийся в 315 г. до Р.Х., год же его смерти неизвестен. Родина поэта — Сиракузы; там, в Сицилии, и еще в Александрии он и провел свою жизнь. Феокрит слагал эпиграммы и буколические идиллии, или просто буколики; они называются так потому, что их сюжеты связаны с жизнью буколов — пастухов, пасущих быков и коров. Позднейшие бесчисленные подражания Феокриту, особенно модному в эпоху рококо, искажают представление о его поэзии. Конечно, в любовных историях пастухов и пастушек, в незатейливых спорах и распрях между пастухами у Феокрита много условного, иногда вычурного или слишком легкомысленного и пустячного, в его персонажах и в самом деле есть нечто от ряженных пастушков XVIII века, но в стихах Феокрита, в его идиллиях и еще больше эпиграммах есть и нечто иное, в чем из поэтов галантного века рядом с Феокритом может быть поставлен разве только Гете — завораживающее чувство одушевленной красоты природы, тот эллинский пантеизм, который здесь выражает себя не языком философии, а языком высокой поэзии. Вот одна из его эпиграмм: «Этот шиповник в росинках и этот пучок повилики, густо сплетенный, лежит здесь геликонянкам в дар, вот для тебя, для Пеана пифийского, лавр темно-листый — камнем дельфийской скалы вскормлен он был для тебя. Камни забрызгает кровью козел длиннорогий и белый — гложет он там, наверху, ветви смолистых кустов».

Немалым талантом обладали и такие лирические поэты эллинистической эпохи, как прямой последователь Феокрита Бион, а также Филет, Гедил, Асклепиад Самосский, Диоскорид, Антипатр Сидонский. Одним из самых одаренных поэтов

был Леонид Тарентский, оригинальный и по тону, и по темам, и даже по стилю, в котором видно сознательное пренебрежение нормативной для александрийцев и классицистов тщательной обработкой поэтических строк, их изящной отделкой. Вечный скиталец после завоевания Римом родного Тарента, он испытал тяготы бродячей и бесприютной жизни и отразил их в своих полных мужественной горечи стихах, переполненных образами обездоленных людей из простонародья: ремесленников, рыбаков, пиратов, о которых он пишет без сентиментальных прикрас, но и не без затаенной сердечной солидарности. Одна из его эпитафий содержит в себе неожиданную параллель с возможно читавшим его апостолом Павлом: «Критяне все нечестивцы, убийцы и воры морские, знал ли из критских мужей кто-либо совесть и честь? Вот и меня, Тимолита несчастного, плывшего морем с малою кладью добра, бросили в воду они. Плачут теперь надо мною живущие на море чайки, здесь, над могильным холмом, нет Тимолита костей».

Уникальным жанром эллинистической литературы была киническая диатриба — сочинения, в которых поэтические тексты чередовались с прозой. Название жанра связано с тем, что его изобрели популяризаторы идей Диогена, которые вкладывали в написанные таким образом сочинения глубокие философские идеи, иллюстрированные юмористическими историями из повседневной жизни. Жанр диатрибы был заимствован литераторами, которые не принадлежали к кинической школе. Одним из самых талантливых мастеров диатрибы был Геронд.

Новым литературным жанром, изобретенным в эллинистический период, стал утопический роман, у этого жанра оказалось необозримо богатое будущее. Такие романы писали Эвгемер и Ямбул, впрочем, их сочинения до нас не дошли и известны только через пересказ Диодора Сицилийского. Писатель III века до Р.Х. Ямбул описал путешествие на фантастический остров солнца, жители которого, гелиополиты, обитают посреди прекрасной экзотической природы, где плоды тростника сами превращаются в сладкий хлеб, где в изобилии масло и вино, где вечно сияет солнце, где люди не болеют и живут до 150 лет. Достигнув маститой старости, они без скорби и сожаления сами себя лишают жизни. Гелиополиты поклоняются единственному богу — солнцу. На острове нет ни частной собственности, ни семьи, ни, в отличие от «Утопии» Томаса Мора, рабов. Люди там

объединены в общины по 300–400 человек в каждой, и во главе общин стоят патриархи, или филовасилеи — племенные цари. Идеи коммунизма в этом романе сочетаются с народной мечтой о стране молочных рек и кисельных берегов. И, конечно, как и другие утописты, Ямбул и Эвгемер, сочиняя свои фантастические романы, вдохновлялись критическим пафосом по отношению к изъянам несовершенного и порочного общества, которое они видели вокруг себя.

В эллинистическую эпоху глубокую трансформацию претерпело театральное искусство. С технической стороны эти изменения заключались главным образом в том, что театральное действие было перенесено с оркестры на проскений. Изменился и театральный реквизит — маски стали более натурально воспроизводить человеческие черты, в комедии короткую пародийную тунику заменил костюм, похожий на повседневное платье. Из пьес был удален хор, в классической драме принимавший на себя главную роль в развитии действия и произносивший самые важные слова, комментировавшие интригу; значительно выросло число актеров и персонажей, которых они играли. В театрах продолжали ставить трагедии, без которых не обходились ни общественные, ни религиозные празднества. Ставились классические пьесы афинских трагиков, сочинялись новые трагедии, сюжеты которых, как и ранее, почерпались из мифов и из событий современной политической жизни. Но в эллинистическую эпоху не было написано трагедий, которые бы можно было поставить хотя бы и на отдалении, но в одном ряду с творениями Эсхила, Софокла и Эврипида, во всяком случае ничего подобного до нас не дошло.

Любимым драматическим жанром зрителей эллинистического периода была не трагедия, а комедия, причем принципиально отличавшаяся от классической аттической комедии с ее безудержной вульгарной гротесковостью, гениальным мастером которой был Аристофан. Не политические события, как у Аристофана, а перипетии повседневной жизни частных людей составляют основу ее сюжетов. Известны имена 64 комедиографов, но сочинения их утрачены, за одним и счастливым исключением: в 1905 и в 1956 гг. были обнаружены фрагменты четырех пьес афинянина Менандра (342–292 гг.) и полный текст его комедии «Брюзга». О его большом таланте можно было догадываться и до этих открытий — его творчеству давались

самые высокие оценки уже современниками. Известен афоризм знатока и тонкого ценителя драматической литературы Аристофана Византийского: «О, Менандр и жизнь, кто из вас кому подражал». Найденные в наше время тексты подтверждают основательность такой оценки. Новаторство Менандра обнаружилось в тонкости и убедительности психологических характеристик, в ярком и реалистичном воспроизведении городского быта, в изяществе и колоритности языка персонажей, одушевленном тонким остроумием и, главное, в удивительном мастерстве ведения комедийной интриги. В комедиях Менандра появились сюжеты, которыми пользовались великие комедиографы, творившие после него, — от Плавта и Теренция до Шекспира, Мольера, Гольдони и Бомарше. Это он создал самый жанр комедии нравов и положений, который стал своего рода прототипом для позднейшей европейской драматургии. «Скряга-старик, плутоватый слуга, путаницы и недоразумения, завершающиеся счастливым примирением влюбленных, две любовные пары — главная и второстепенная» (Апт. Античная драма. — Античная драма. М., 1970, с. 29), на чем строится комическая интрига у Менандра тысячекратно тиражировались затем и в заурядных пьесах, и в шедеврах комедийного жанра, так что след, оставленный этим драматургом в мировой драматургии, остался не стертым временем, которое поглотило почти все написанные им тексты.

Театры строились во всех городах эллинистического мира, в том числе и в тех, которые основаны были на его далеких восточных окраинах, подобно тому как в них воздвигались храмы, палестры, стои. Всякий эллинистический город имел акрополь, агору и окружавшие ее жилые кварталы. Новые города возникали в течение короткого времени, по единому плану; поэтому, в отличие от древних городов, которые складывались исторически и стихийно и представляли собой часто беспорядочный конгломерат жилых кварталов и отдельных строений, в них присутствует регулярная система застройки, основанная на перпендикулярно-осевом принципе. Две улицы прокладывались более широкими, чем другие, и пересекались под прямым углом, на площади, расположенной в перекрестке этих магистралей, располагался комплекс общественных городских строений. В планах эллинистических городов широко использовались градостроительные идеи Гипподама из Милета.

Крупнейшим мегаполисом эллинистического мира стала Александрия Египетская, заложенная Александром Македонским в 332 г. до Р.Х., план которой был разработан архитектором Динократом. Он послужил затем образцом для многих других Александрий, рассеянных по всему пространству империи великого завоевателя, а также для городов, названных именами диадохов и эпигонов, их жен и дочерей — Селевкий, Антиохий, Филадельфий, Эпифаний, Лаодикий либо воспроизводивших топонимы македонской родины полководцев, вроде Эдессы.

Ранняя Александрия погребена под руинами римского города и постройками мусульманской эпохи, но существует топографически детальное описание столицы Египта, составленное Страбоном: «По очертанию территория города похожа на хламиду, длинные стороны ее, имея диаметр приблизительно в 30 стадий, с двух сторон омываются водой, короткие же стороны представляют перешейки в 7 или 8 стадий ширины каждый, ограниченные с одной стороны морем, а с другой озером. Весь город пересечен улицами, удобными для езды верхом и на колесницах, и двумя весьма широкими проспектами, более плефра шириной, которые под прямыми углами делят друг друга пополам. Город имеет прекрасные священные участки, а также царские дворцы, которые составляют четверть или даже треть всей территории города. ...Все дворцы... соединены друг с другом и с гаванью... Мусей также является частью поместий царских дворцов, он имеет место для прогулок, “экседру”, и большой дом, где находится общая столовая для ученых, состоящих при Мусее... В Большой Гавани, при входе на правой стороне, находится остров и башня Фарос, а на другой стороне — подводные скалы и мыс Лохиада с царским дворцом. При входе в гавань слева увидишь внутренние царские дворцы, смежные с дворцами на Лохиаде, в них много различных покоев и парков». (Страбон, *цит. изд.*, с. 732–733). Город обильно украшен был колоннадами, иногда поставленными в два яруса. Колонны окружали храмы, площади, дворцы, парки, частные дома.

Одним из крупнейших городов эллинистического мира была столица Сирии Антиохия, которая, по словам Страбона, могуществом и размерами «немногим уступает Селевкии на Тигре или Александрии Египетской» (Страбон, *цит. изд.*, с. 695). Основанная Селевком Никатором, Антиохия названа была именем его отца. Лишенная, в отличие от Александрии,

надежной природной защиты, каковой является неприступная для противника дельта Нила, Антиохия окружена мощными оборонительными сооружениями. Город, состоявший из четырех частей, был обведен общей стеной, в то же время каждое из входивших в него четырех поселений укреплено особой стеной.

Эллинистическая архитектура, сохраняя классические ордерные формы, утрачивает свойственное классике гармоническое совершенство пропорций, удивительную пластичность, чуждую механической сухости и однообразия, одухотворенную соразмерность пропорциям человеческого тела, ориентацию на тончайшие особенности зрительного восприятия, требовавшую отступать от математических пропорций в меру погрешности человеческого зрения. Взамен она приобретает острую и напряженную динамику, пафосную монументальность, граничащую с гигантоманией. Сооружениям эллинистической эпохи свойственна также пышная декоративность, тщательная отделка поверхности стен изобразительными и орнаментальными барельефами, на востоке порой сообщающая им характер роскошных ковров, своего рода эллинистических «чурригересков». Для характеристики архитектурного стиля эпохи одинаково уместны будут такие разные искусствоведческие анахронизмы, как барокко, классицизм, маньеризм и эклектика, которая выражалась подчас в смелом, а иногда безвкусном варварском сочетании в одном сооружении разных ордеров. Драгоценные восточные ковры, мебель, инкрустированная перламутром и слоновой костью, полихромная мозаика, золотая обшивка капителей наполняли дворцы эллинистических царей, их богатых вельмож восточной роскошью, которой не знала Эллада классической эпохи, когда в декоративной пышности находили варварскую безвкусицу.

Идеал исполинского триумфального величия, присущий искусству эллинизма, задан был фантастическим проектом строителя Александрии Динократа изваять статую Александра Македонского из Афонской горы и разместить на одной руке его город с десятью тысячами жителей, а из другой руки должен был изливаться каскадами в море горный поток. На подобное дерзали лишь бумажные архитекторы XX столетия, но осуществить подобные замыслы не пытались даже средствами современной строительной технологии.

А в древней Александрии исполнен был пусть и не столь грандиозный, но все же завовавший воображение современников триумфальный проект, который включили впоследствии в число 7 чудес света. Это был маяк, не пощаженный временем, но известный нам и по его изображениям на египетских монетах и по описаниям античных и средневековых писателей. Его воздвигли на острове Фаросе, соединенном с берегом длинным молом, в III веке до Р.Х. По описанию арабского писателя Ибн-аль-Сайха, еще заставшим его, он достигал в высоту 130 метров. На высоком подиуме были воздвигнуты три яруса с уменьшающимися размерами. Первый ярус был квадратным в плане, ориентированным по странам света, второй — восьмигранным, по направлениям 8 главных ветров, на третьем возвышался купол, на котором стояла 7-метровая статуя Посейдона. Огонь маяка с помощью усиливающих видимость зеркал мореплаватели замечали на расстоянии 100 миль от берега. На стене Фаросского маяка было написано: «Сострат Книдский, сын Дексифана, богам спасителям на благо мореплавателей» (цит. по: Всеобщая история архитектуры. Т. 2. М., 1973, с. 303).

Еще одним не сохранившимся сооружением, которое древние также включили в число 7 мировых чудес, была гробница правителя малоазийского Галикарнаса Мавзола, имя которого стало названием погребальных монументов. Мавзолей построен был до начала эллинистической эпохи — архитекторы Пифий и Сатир завершили его воздвижение в 353 г. до Р.Х., но стилистически он предвосхищал эллинизм. В плане это многоярусное строение было прямоугольником размерами 77 м на 66. В цокольном этаже Мавзолея стояли саркофаги правителя полиса и его жены Артемиссии. Потолок усыпальницы поддерживали столпы дорического ордера. Этот ярус завершался рельефным фризом с карнизом. Второй ярус окружен был колоннадой ионического ордера из 42 колонн, между которыми стояли статуи — человеческие и львиные фигуры, изваянные лучшими скульпторами эпохи — Скопасом, Леохаром, Тимофеем и Бриаксисом. На колоннах покоился антаблемент с фризом, сплошь покрытым барельефом, изображавшим исполненную большой экспрессии амазономахию. За колоннами находилось предназначенное для культа обожествленных супругов помещение, потолок которого покоился на 15 колоннах коринфского ордера, расположенных строго над дорическими колоннами цоколя. Третий ярус

сооружения представлял собой ступенчатую пирамиду, увенчанную колоссальной композицией: в колеснице, запряженной четверкой коней, стояли Мавсол и Артемиссия. У подножья Мавзолея располагались скульптурные изображения скачущих всадников и львов. Эклектичное соединение в этом сооружении трех ордеров, а также завершение его ступенчатой пирамидой, столь характерной для архитектуры Востока, его грандиозные размеры, декоративность и динамическая экспрессия барельефов — все эти черты повторялись затем в парадных строениях эллинизма. Мавзолей простоял до Средневековья и был разрушен крестоносцами-иоаннитами в XV веке.

В эллинистическую эпоху были воздвигнуты и не столь грандиозные, но прекрасные строения, которые, хотя и в руинированном виде, дошли до нас, такие, как храм Зевса Олимпийского — единственный пример храма коринфского ордера, строительство которого, впрочем, началось еще в архаическую эпоху, а завершилось уже во II веке по Р. Х., который однако стилистически принадлежит искусству эллинизма; в этот период были также построены театры в Ефесе, Пергаме и Приене, дворец в Пелле, башня Ветров в Афинах, жилые строения на острове Делосе, которые археологами названы домами Клеопатры, Дельфина и домом на Холме.

Среди сохранившихся памятников эллинистической эпохи — посвященный Зевсу Пергамский алтарь, сооруженный в 180 г. до Р. Х. Эвменом II в честь победы над галатами, но ныне он находится не в Пергаме: перемещенный в Берлин, он дошел до нас как экспонат, давший название музею, хранящему одно из самых богатых в мире собраний шедевров античного и восточного искусства. Пергамский алтарь — это площадка для жертвенника, которая возвышается над высоким четырехступенчатым стилобатом почти квадратной формы. На площадку ведет широкая лестница. Одна не сохранившаяся ионическая колоннада шла по цоколю, окружая лестницу, другая, отреставрированная, окружает площадку, на которой находился жертвенник. Сохранился исполненный в технике высокого рельефа фриз длиной в 120 метров, опоясывающий стилобат. Сюжет фриза составляют последние мгновения гигантомахии — борьбы богов и титанов, или гигантов. Титаны со змеями у ног имеют получеловеческий вид и обречены на гибель, чтобы уступить место прекрасным антропоморфным богам Олимпа. Связь этой темы

с победой, одержанной над варварами галатами, очевидна. Фигуры рельефа с поразительной экспрессией передают крайнее напряжение не только телесных, но и духовных сил, ощущение смертельной боли, душевного страдания и бессильной ярости побежденных, чувство ослепительной радости и победного торжества их врагов — небожителей, стремительность и напряженность застывшего в камне движения.

Эллинистическая скульптура известна несравненно лучше классической, от которой до нас дошли немногочисленные шедевры, в то время как музеи мира переполнены их эллинистическими копиями и оригинальными памятниками эпохи эллинизма, когда храмы, агоры, городские площади, а также частные жилища и виллы обильно украшались скульптурными фигурами и композициями. О количестве статуй, существовавших в то время, выразительно говорит такое обстоятельство — в конце III века македонский царь Филипп V захватил в третьестепенном городе Терме в качестве добычи 2 тысячи статуй. Сколько же их было в Александрии, в Антиохии, в Селевкии, в Сиракузах?! Среди них, несомненно, преобладали ремесленные поделки либо мастерски выполненные, но лишенные оригинальности бездушные фигуры и композиции, а также копии, сделанные профессионально или неумело.

И все-таки в эпоху эллинизма созданы были и такие шедевры ваяния, которые знатоками ставятся в один ряд с высочайшими достижениями этого искусства. Это найденная на острове Самофракии статуя крылатой Ники — богини Победы, спускающейся на нос корабля. Сохранившаяся плохо, без головы, она тем не менее поражает тем, как убедительно сумел ее создатель передать в мраморе стремительность движения, радостный победный порыв. В Лувре, которому принадлежит Ника, хранится еще один шедевр эллинистической пластики — Афродита с острова Милос, выполненная скульптором Александром. В Ватиканском музее находится знаменитая скульптурная композиция — Лаокоон и его сыновья, изваянная мастером из родосской школы. Сюжет этой прославленной группы, которая послужила Винкельману ключом к раскрытию тайны совершенства античной пластики, составляет смерть троянского жреца и его сыновей от змей, которых наслал на них Посейдон. В скульптурной группе с огромной силой воспроизведено крайнее напряжение духовных и телесных сил отца, его предсмертные муки, страдания

его сыновей. Композиция отличается выверенностью пропорций, цельностью многофигурного изображения, анатомической точностью пластики, которая при этом не лишает группу одухотворенности и человечности.

В Родосском порту сооружена была и самая гигантская скульптура античного мира. Ученик Лисиппа Харес отлил из бронзы статую бога солнца Гелиоса высотой 32 метра — знаменитый Родосский колосс, одно из прославленных 7 чудес света. Сооружение колосса продолжалось 12 лет, но ему суждена была короткая жизнь. Простояв полвека, он был разрушен губительным землетрясением, обрушившимся в 227 г. до Р. Х. на богатейший остров Средиземноморья, который стороной обходили бедствия нескончаемых войн эллинистической эпохи.

Наряду с гигантоманией, искусство эллинизма отличалось и особым интересом к мелкой пластике, не свойственным классике, когда скульпторы ваяли богов и героев для их религиозного и общественного почитания. В эллинистический период люди хотели окружить себя искусством и в своем повседневном быту, причем не только цари и вельможи, но и те, кто имел средний достаток и вел частную жизнь. Эту потребность удовлетворяла терракота — фигурки и целые композиции из обожженной глины, представлявшие бытовые сцены. Из терракот особенно хороши женские статуэтки, которые ваялись и обжигались в беотийском городе Танагре. Терракотовая скульптура — ценный исторический источник, по ней можно изучать типы и костюмы, быт и нравы среднего класса эллинистического мира.

Мелкая пластика эллинизма представлена также превосходной глиптикой — миниатюрными рельефами на полудрагоценных камнях, иногда оправленных золотом или серебром, которые назывались камеями, когда рельеф выступал из плоскости, или геммами-интальо, если рельефное изображение делалось углубленным. Один из шедевров глиптики — «камея Гонзага» с двойным портретом Птолемея и Арсинои хранится в Эрмитаже. Лучшие геммы вырезались в царских мастерских Александрии, так что, в отличие от демократической терракоты, это искусство ориентировано было по преимуществу на аристократических заказчиков. Геммы и камеи носили в виде медальонов, застёжек, печаток на перстне.

Самое массовое из античных искусств, вазопись, в эпоху эллинизма переживало упадок в сравнении с архаикой и классикой,

отчасти этому способствовало употребление вместо пера, которым ранее пользовались художники, кисти, из-за чего исполнение рисунка стало небрежным. Кроме того, увеличившийся спрос, связанный с ростом благосостояния населения, побуждал вазописцев к тиражированию изделий, к шаблону не только стиля, но и сюжетов, из которых самыми популярными были эпизоды, почерпнутые из мифов о Дионисе и Афродите.

А вот эллинистическая мозаика представлена прекрасными образцами, сохранившимися до наших дней, как в дворцах, так и в частных домах, особенно на острове Делосе. Замечательная напольная мозаика раскопана была в царском дворце в древней столице Македонии Пелле, построенном в IV веке до Р. Х. Одним из самых знаменитых античных живописцев был придворный художник Александра Македонского Апеллес, который вышел из сикионской школы. Его творения выполнены в технике энкаустики, для которой характерна особая прочность красок, способных сохранять звучность цвета, не подвергающегося потемнению от времени. Написанная Апеллесом Афродита Анадиомена, рожденная морем, известна по многочисленным ее воспроизведениям. Этим сюжетом навеяна и знаменитая картина Боттичелли из Уффиций. Апеллес создал многочисленные портреты Александра Македонского — с копьем на коне, в виде Зевса с молнией в руках, стоящим на колеснице. Эллинистическая живопись известна нам не только в оригиналах, но и по прекрасным подражаниям греческим образцам, открытым в Помпеях.

Совершенно особый жанр эллинистического искусства представляет фаюмский портрет, по большей части принадлежащий уже римскому периоду в истории Египта.

9. Экономика эллинистического мира

В эпоху эллинизма, в особенности в правление диадохов и первых эпигонов, значительно выросло благосостояние общества. Эллинистический мир переживал экономический расцвет, несмотря на нескончаемую череду войн. О росте благосостояния выразительно говорит высокий уровень благоустройства эллинистических городов, которого не знала классическая эпоха — регулярная планировка, в особенности характерная для новых городов, мощеное покрытие площадей и улиц, использование водопроводов из керамических или свинцовых трубок, часто с искусственным напором воды, и водостоков, обложенных камнями

и перекрытых плитами, в самых богатых городах — настоящей канализации, разбивка в городах роскошных парков с фонтанами и бассейнами для купания. Об экономическом расцвете говорит и колоссально умножившиеся богатства, сосредоточенные в частных руках.

Причинами экономического роста были разные факторы, которые в совокупности перевешивали негативные последствия войн и сопряженных с ними людских и материальных потерь: технический прогресс в ремеслах и земледелии, связанный с широким применением достижений прикладных наук, прежде всего механики, затем создание единого экономического пространства в границах всего эллинистического мира с густой сетью торговых путей, соединявших интенсивно торговавшие между собой отдаленные страны, раскинувшиеся на огромном пространстве Европы, Африки и Азии — от Гибралтара до ранее совершенно неведомой в Элладе Индии. Эти торговые пути представляли собой кровеносную систему экономики, которая испытывала от войн помехи, но не подвергалась при этом параличу. Как писал М. И. Ростовцев, «техника сельскохозяйственного и промышленного производства постепенно улучшалась благодаря достижениям чистой и прикладной науки, которая во всех эллинистических странах развивалась гигантскими шагами, как в сельском хозяйстве (включая скотоводство), так и в промышленности там применялись методы капиталистической экономики, частично базирующейся на рабском труде. Жители этих городов впервые освоили способ массового производства товаров, рассчитанный на неограниченный рынок сбыта, основали банковское и кредитное дело и сумели не только установить и ввести в обиход основные правила морской торговли — так называемое Родосское морское право но также положили начало развитию единого гражданского права, которое действовало на всем пространстве эллинистического мира. Та же тенденция к унификации проявляется и в попытках создать стабильную валюту или, по крайней мере, четко определить ценностные соотношения денежных единиц, представленных монетами отдельных независимых стран» (Ростовцев Михаил. Общество и хозяйство в Римской империи. Т. 1. СПб., 2000, с. 21). Со времени Александра Македонского на аверсе монет стали чеканить портреты царей.

Относительно роли эллинистических монархов в экономике эллинистического мира Ростовцев писал: «Такие признаки, как ведущая роль монархов в экономической жизни страны, и то значение, которое они придавали коммерческим соображениям при решении внешнеполитических задач, позволяют сравнить экономические условия этих монархий с той картиной, которая наблюдалась в Европе нового времени в эпоху меркантилизма» (Ростовцев Михаил. Общество и хозяйство в Римской империи. Т. 1. цит. изд., с. 21–22).

Наконец, еще одной причиной хозяйственного роста и благополучия эллинов и македонцев в эйкумене была нещадная эксплуатация не эллинского и не эллинизированного элемента, составлявшего большую часть населения эллинистических государств. В этом отношении вполне адекватна аналогия эллинистической эйкумены с Британской империей XIX века, в которой богатства высшего класса, относительно высокий уровень потребления среднего класса и, в конце столетия, рабочей аристократии, а еще более, британских колонистов — сахибов, опирался на нищету колоний, которая, впрочем, уживалась со сказочной роскошью поверхностно англизированных туземных раджей. Эта аналогия однако не срабатывает в том отношении, что не только политической, но и экономической столицей Британской империи всегда оставался Лондон, но ни македонская столица Пелла, ни древние полисы Эллады вроде Афин или Коринфа не являлись экономическими метрополиями эллинистического мира. Македония и Эллада обезлюдели вследствие не столько военных потерь, сколько массового перемещения их жителей в завоеванные страны, и экономические столицы эйкумены сложились именно там — на востоке и в Египте. Ими стали Александрия, Антиохия, Селевкия. Процветающим городом были и расположенные на западе Сиракузы. К эллинистическому миру культурно и экономически примыкали также не принадлежавшие ему политически и этнически Рим и завоеванный им Карфаген, который до своего падения контролировал торговые пути Западного Средиземноморья.

Экономическое процветание эллинистического мира, начало которого восходит ко времени, наступившему после гибели Пира в 272 г., продолжалось более полувека, уступив место вначале застою, а потом, в конце III столетия до Р. Х, упадку. Хозяйство эйкумены подорвали нескончаемые войны, но не столько своим

прямыми последствиями — гибелью воинов, молодых и здоровых мужчин, истреблением и порабощением граждан захваченных городов, пожарами и разрушениями, опустошением полей, гибелью урожая, хотя и всем этим также, но еще более тем, что экономика воюющих стран переключалась на военные нужды. На войну стала тратиться львиная доля казны, из-за военных нужд становился непомерно тяжелым, удушающим хозяйство налоговый пресс, совершенно беспощадный по отношению к туземным народам Египта и Востока, вынуждавший их к сопротивлению, в результате которого на востоке иранский элемент при парфянах в конце концов взял реванш — и началась, если так можно выразиться, реориентализация эллинизированного Востока, сужение пространства эллинистической эйкумены. Милитаризация экономики неизбежным образом влекла за собой ее огосударствление, которое, по словам М. И. Ростовцева, заключалось «в концентрации важнейших отраслей экономики в руках государства, т. е. в руках царей и их чиновников. Система эта, на первых порах очень прибыльная для государства, постепенно привела к развитию коррупции и чиновничьего произвола и почти совсем свела на нет конкуренцию и стремление к индивидуальной предпринимательской деятельности» (Ростовцев Михаил. Общество и хозяйство в Римской империи. Т. 1. цит. изд., с. 22). Война обеспечивала разорившихся людей работой, но финансирование военных расходов из казны подрывало финансовую систему, способствовало росту инфляции и душило предпринимательскую инициативу, обрекая хозяйство эллинистических государств на стагнацию.

В результате войн, государственных переворотов, внутренних смут, а также экономического упадка в обществе появился грозный потрясением основ эллинистического мира тот элемент, который Тойнби называл «внутренним пролетариатом». По его словам, он «формировался прежде всего из числа свободных граждан, даже из аристократов эллинистической политической системы... Ряды эллинистического внутреннего пролетариата быстро росли за счет агрессивного греческого оружия, прошедшего хорошую школу в чреде братоубийственных войн... Завоевания Александра и его преемников поглотили сирийское, египетское и вавилонское, а также значительную часть индского общества, превратив земли их во владения эллинистического правящего меньшинства... Эти принудительные пополнения

эллинистического внутреннего пролетариата, возможно, вначале были более масштабными, чем пополнения за счет коренного греческого населения» (Тойнби, цит. изд., с. 346–347).

Военное и политическое вмешательство Рима, искусно игравшего на противоречиях между эллинистическими государствами, усугубило нестроения в эйкумене, негативно сказалось и на ее экономическом положении. Но когда Рим покорил ее, включив в свою мировую империю, в утративший политические перспективы и амбиции эллинистический мир постепенно вернулось благосостояние, а покоренные греки смогли одержать культурную победу над своими властителями, эллинизировав империю.

Содержание

Глава 1. Эпоха архаики

1. Культурное возрождение	5
2. Великая колонизация	7
3. Религиозный культ и культура архаической Греции	13
4. Быт и хозяйство архаической Греции	35
5. Греческий полис	42
6. Спарта и другие полисы Пелопоннеса	46
7. Критские полисы	60
8. Фивы и другие полисы Беотии и Фессалии	63
9. Афины и Аттика	65
10. Островные полисы	89
11. Малоазийские полисы	92
12. Великая Греция и народы Сицилии	95
13. Колонии северного Причерноморья	99
14. Народы северного Причерноморья	102

Глава 2. Классическая Греция

1. Персидская держава	120
2. Греко-персидская война	130
3. Греция в середине V века	155
4. Афины в век Перикла	157
5. Пелопоннесская война	170
6. Эллада в первой половине IV века	197
7. Эллинская цивилизация классической эпохи	217

Глава 3. Эпоха Александра Македонского

1. Северные соседи Эллады	260
2. Македония	266
3. Царь Македонии Филипп II	272
4. Александр Македонский и Эллада	287
5. Восточный поход Александра	291
6. Смерть Александра и его наследие	319

Глава 4. Эпоха эллинизма

1. Диадочи.	323
1. Египет Птолемеев.	337
2. Эллинистический Восток.	344
3. Пергамское царство.	356
4. Понтийское царство.	359
5. Северное Причерноморье в эпоху эллинизма.	361
6. Македония и Греция в эпоху эллинизма.	366
7. Сиракузы.	381
8. Эллинистическая культура.	385
9. Экономика эллинистического мира.	417

Протоиерей Владислав Цыпин

ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ:
ДОХРИСТИАНСКОЙ И ХРИСТИАНСКОЙ

Том II
Античная Греция

Оптовый интернет-магазин: www.sretenie.com
Оптовая книжная торговля: (495) 628-8210
Магазин «Сретение»: (495) 623-8046

